

СОВРЕМЕННЫЙ ФАНТАСТИЧЕСКИЙ БОЕВИК

Владимир ПОСЕЛЯГИН

ДИТЁ ДВОЙНОЙ УДАР

Что ждет мир с его появлением?

Владимир Поселягин
ДВОЙНОЙ УДАР

Автор, то есть я, за помощь в написании книги благодарит: Сергея «Уксуса»; Сергея «Мозга» Павлова; Кристин-Алису; Ierner; dobryiviewer и многих других, кто искренне помогал мне на форумах ЛитОстровка и Самиздата.

Всем большое спасибо. Также благодарю Издательский Дом «Ленинград» — без вас книга бы не вышла.

Пролог

Боль в спине и ногах заставила меня очнуться. Как ни странно, чувствовал я себя нормально, и поэтому, пружинисто вскочив, осмотрелся, не обращая внимания на явно обожженную солнцем спину.

Степь, меня со всех сторон окружала степь. Увидев пожухлую траву, я определил время года как середину лета. Ничего не понимаю, где городские трущобы Нью-Йорка? Где преследователи? Последнее, что помню — это как подорвал себя. Бред про рай я не воспринимал серьезно. Еще раз осмотревшись, осторожно ступая босыми ногами, направился в сторону леса, видневшегося вдали, по ходу движения разглядывая себя. Я был совершенно раздет, и больших отличий с последнего раза в теле не нашел, хотя оно было мое и, судя по всему, осталось четырнадцатилетним. Размышляя на ходу, я шел неспешным шагом, стараясь уберечь ноги. Вытряхнув все мысли из головы, сосредоточился на выживании, и хотя путь до леса занял у меня почти три часа, шел осторожно, высматривая опасность, и готов был скрыться в густой — мне по пояс — траве. Зайдя под деревья, облегченно вздохнул, шевеля мускулами на спине, неловко выгнул руку и провел ладонью по коже спины.

М-да, на спине теперь можно яичницу жарить! — такая она была горячая.

Пройдясь по опушке, я сорвал десяток листьев подорожника и, протерев их рукой, аккуратно прикрепил к спине. Не знаю, поможет или нет, но пусть будут. Другого все равно ничего нет. Однако стоило сделать несколько шагов в сторону, как подорожники начали осыпаться. Плюнув на них, я пошел дальше. Лес оказался не большим, километра в три шириной, но зато так остро мучившую жажду я смог утолить в найденном роднике.

Подойдя к противоположной опушке и не выходя на открытое пространство, стал осматриваться. И вдруг заметил невдалеке тянущийся вдоль леса тонкий дымок от костра.

Бесшумно отступив обратно в лес, лавируя между деревьями, направился в ту сторону, по пути изумляясь чистоте опушки. Никаких тебе бумажек, бутылок и другого мусора, неужели я где-то в другой стране?

Путь до костра занял минут сорок. Тихо выйдя к опушке, всмотрелся в сидящих и лежащих у костра людей.

Увиденное меня изрядно озадачило. Там были татары, причем как будто снимали фильм про монгольское иго. Невдалеке паслись низкорослые кони в количестве семи штук.

Пересчитав людей, обнаружил, что их пять. Быстро оглядевшись, я не обнаружил ни кинокамер, ни людей в нормальной одежде. Вывод был один: я опять провалился во времени. Но не это меня удивило, а то, что нет часового. Неужели они так уверены в своей безопасности?

Часовой все-таки был, он сам себя обнаружил, когда заорал что-то по-татарски. К моему удивлению, часового, довольно молодой парнишка, сидел на самой верхушке ближайшего дерева. О чем-то поговорив со старшим, часового продолжил бдение. Я с облегчением перевел дух, парнишка сидел на ветке спиной ко мне и лишь изредка кидал взгляд назад. Похоже, он меня так и не заметил.

Тут старший встал и, почесываясь, направился к спавшему немного в стороне человеку, который был закрыт от меня телом одного из татар. Подняв его, главарь позволил немного рассмотреть пленника — то, что это пленник, было видно по связанным рукам. Поставив пленника в коленно-локтевую позу и задрав у него рубаху, оголив ягодицы, татарин развязал завязки своих штанов и мощным толчком вошел в пленного.

Судя по ленивым взглядам, бросаемым на парочку, и молчавшему пленнику, это уже проделывалось не раз. Когда насильнику надоела эта поза и он мощным движением перевернул пленника на спину и, разрезав веревки, стянутые на руках, снова навалился на жертву, я понял, что это девушка. По груди, которую грубо тискал насильник. Девушка продолжала молча сносить насилие, стиснув зубы. Вскоре на девушку залез следующий, и я отступил в глубь леса. Время пока не пришло, нужно подождать захода солнца.

Жалеть я их не собирался, помнил рассказы учителя истории о бесчинствах татар на нашей земле. Не спуская глаз с часового, контролируя его боковым зрением, я устроился ждать ночи, надеясь, что раньше они не сорвутся с места.

Пока было время, пытался обдумать, куда я попал. Судя по всему, куда-то в глубокое прошлое, но куда? После некоторых раздумий решил оставить эту проблему на потом. Узнаю позже.

Перед самым закатом часового слез с дерева и больше на него не залезал. Подойдя к девице и тоже поимев ее, он завалился спать рядом с товарищами. На пост заступил другой молодой татарин и, взяв короткую пику, стал неторопливо прохаживаться.

Бросаться на них с голыми руками я не стал, а тихо подполз к ближайшему, замирая от любого шума, аккуратно вынул нож из лежащих рядом с татаринном поясных ножен. Потом осторожно достал саблю. Хлопнул по щеке спящего, и как только он открыл глаза, всадил ему нож прямо в сердце. Так же тихо я прошелся по остальным.

Часовой, в это время отошедший к лошадям, шелестя травой, возвращался. Я ждал его на середине пути и, неожиданно вскочив из высокой травы, нанизал на саблю по самую рукоятку. Часовой умер не пикнув. Посмотрев в сторону стреноженных лошадей, которые только сейчас почуяли кровь и чужого и насторожились, прядая ушами, направился обратно к лагерю, думая, что хорошо, что догадался подобраться с подветренной стороны и кони меня не почуяли.

Собрав все оружие и раздев убитых до исподнего, не подходя к спящей пленнице, завалился спать — утро вечера мудренее.

Проснулся я рано, еще не полностью встало солнце. Пошевелил лопатками — спина давала о себе знать, — откинул халат, которым укрывался, и, зевая, встал. Вонь от одежды сильно била по обонянию, что заставляло меня морщиться.

«Хрен я эти тряпки надену. Если только после стирки!» — подумал я.

Потерев руками лицо, быстро осмотрелся, убитые продолжали лежать там, где я их оставил.

Стал открывать мешки, рассматривая, что в них. Первым сюрпризом были новые ЧИСТЫЕ штаны, которые я немедленно натянул. Найденная рубаша не блистала новизной, но была чистой и явно стиранной.

Полностью одевшись и разобравшись со всеми завязками, я подобрал себе обувь по ноге, повезло, что один из татарчат имел такой же размер.

Осмотрев все сабли, разочарованно вздохнул, хороших не было, все они оказались сделаны из плохого железа, но, поскольку выбрать не из чего, я под правую руку нацепил саблю предводителя, а под левую ту, что получше.

Выбор ножей тоже был недолгим, один из них прекрасно подходил под метательный, другой — изогнутый кинжал — к моему удивлению, был с довольно неплохим лезвием. По местным временам дорогое оружие, нож тоже принадлежал предводителю.

В это время проснулась девица, увидела рядом мертвых насильников, завизжала и, вскочив, метнулась в сторону леса. Но со связанными впереди руками и после насилия далеко убежать не успела, я быстро ее нагнал, пнув по аппетитной попке, которая вихляла передо мной.

От удара по волнующей мякоти девушка упала. Перевернув ее на спину, от чего она привычным движением раздвинула ноги, разрезал стягивающие ее руки веревки. И сделав шаг назад, стал с интересом ее разглядывать.

Девушка оказалась самой обычной татаркой с косичками, лежала она с закрытыми глазами, но поняв, что ее пока никто насиловать не собирается, приоткрыла один глаз. Увидев перед собой русского мальчишку, она сдвинула ноги.

Показав жестом, чтобы она встала, я продолжил наблюдение. Девушке было на вид лет шестнадцать, одета в одну коротенькую рубашку, едва прикрывающую бедра, кстати, прекрасные бедра, и грудь, мелькнувшая в вырезе рубахи, была очень даже ничего.

Поднявшись на ноги, она с удивлением осмотрела меня и, похоже, решив, что я для нее опасности не представляю, что-то сердито сказала и замахнулась кулачком.

«Похоже, курва привыкла бить рабов, ну-ну».

Ее даже не остановили мои сабли, висевшие на поясе.

Жалеть девушку я не собирался, поэтому пробив ей прямой по печени и взяв на излом руку, повел поскуливающую от боли обратно в лагерь.

— Ну что, коза? Давай знакомиться. Я — Хозяин. А кто ты?

* * *

— Гора-а большо-ой, иша-ак больно-ой!.. — медленно и монотонно выводил я, покачиваясь в седле.

Третий день мы двигались через бескрайнее поле на запад. По моим прикидкам и по движению солнца, именно там должны быть славянские поселения. Рюрики там всякие. Иваны Грозные, Ильи Муромцы с Добрынями.

Пленница покачивалась рядом на маленькой мохнатой лошадке.

Красота! Колеса есть, самому идти не надо, баба под боком, даже сабли, что на боку, радуют меня. Тем более после возобновления тренировок я наконец смог провести серию приемов «Дуновение ветра». Раньше это у меня не получалось. Тут, хоть и один раз, я смог войти в режим транса, но и это уже результат. Ничего, со временем он для меня откроется полностью. Главное — все движения я знаю, а там с опытом придет и понимание.

— Гюльчатой?

На самом деле ее звали Айгуль, но это имя мне не понравилось, поэтому переделал по-своему. Тем более девчонка очень походила на ту актрису.

После того как я хорошенько отмыл ее в первом попавшемся ручье, то свел более близкое знакомство. Приятная особа, но не особо опытная. Сколько криков было, пока я полоскал ее в ручье, не описать, но что было потом! Когда я рядом с водой бросил все грязные вещи татаро-монголов, чтоб она занялась стиркой, раздался взрыв возмущения. Что она говорит, я не понимал, но и так ясно. Типа она не раба, а госпожа. Но я нашел выход, смастерил пульт дистанционного управления. Сорвал ивовую ветку и так ее отходил по мягкому месту — сразу возникло полное взаимопонимание...

Как я понял, ни девушка, ни убитые татары к этим самым татарам никак не относились, около двух десятков татарских слов, которые я знал, она не поняла. Более вероятная версия — ногайцы, да и то вряд ли. Может, башкиры, близкая ветвь.

Перед отъездом я разворошил все трофейные баулы. Среди продовольствия нашел восемь кожаных фляг, много грязной одежды, сейчас уже постиранной, несколько образцов оружия, пару скатанных в рулон небольших, но красивых ковров и шкатулку из темного дерева. В ней оказалась пара пистолетов вроде тех, из которых в Пушкина стреляли, но эти были грубее. В шкатулке обнаружили отливка для пуль, мешочек

с порохом, пыжи, два свинцовых прута и несколько запасных кремней. Проверив, убедился, что пистолеты кремневые. Их можно было назвать произведениями искусства. Со столь искусно выполненными и украшенными стволами и рукоятками они бы заняли не последнее место в каком-нибудь музее, но для меня они были обычным оружием. Поэтому проверив их, зарядил и воткнул за широкий шелковый пояс, став с виду похожим на пирата. Денег нашел не так много, как хотелось бы. Их было три вида. Медные — много. Серебряные — горсть. Золотые — три штуки. Куда интереснее выглядели золотые и серебряные украшения, их набралось порядочно, но они явно имели уголовное прошлое. На некоторых серьгах сохранились остатки мочек их бывших хозяек. У речки, пока Гюльчатая стирала, я тоже поработал, отчищая их.

— Гюльчатая? — снова окликнул я, вглядываясь в небольшое облачко пыли, поднимавшееся впереди.

— Да, Хозяин, — ответила она той единственной фразой, что успела выучить.

— Там вроде пыль?

— Да, Хозяин.

— Похоже, скачет кто-то?

— Да, Хозяин.

— Оставайся тут, я проверю кто.

— Да, Хозяин.

— Хм... У меня сегодня будет волшебная ночь?

— Да, Хозяин.

— Прекрасно, — хмыкнул я.

Стреножив всех коней и связав девушку, я прижался к гриве своего скакуна и направил его навстречу клубящейся пыли. Судя по облаку, там не особо много всадников.

Впереди открытая местность, поэтому пришлось брать правее, чтобы укрыться за невысоким холмом. Стреножив Сивку, я по-пластунски добрался до вершины и, подползя к кустам раkitника, осторожно выглянул.

«Пять всадников, один пеший... Хм, похоже, пленный. Точно, вон его как гонят. Вот и возможный союзник-язык. Будем выручать парня».

Терпеливо дожидаясь их приближения, прячась в густой выцветшей под жарким солнцем траве на их пути, я всматривался в конвоиров и пленного. При приближении выяснилось: то, что я издали принял за белый тюрбан, оказалось седой гривой пленника и короткой бородкой, явно опаленной огнем. Пленник был стариком с глубокими морщинами на

лице, но, несмотря на возраст, фигура выдавала его воинскую статью.

— Непростой дедок и конвоиры тоже непростые.

Если те убитые, которых я встретил первыми, были больше похожи на бомжей, как самое близкое сравнение, то эти явно принадлежали к богатому роду. Одеты, по моему представлению, очень богато. На всех кольчуги с зеркалами на груди, похожие со стороны на мускулатуру Арни Шварца. Луки, колчаны справа на седле, сабли в богатых ножнах, ножи, лошади — не мои Сивки, а настоящие скакуны под дорогими седлами. Богатая одежда, обувь... я уже прикидывал, что возьму себе, а что выброшу.

Мое появление стало неожиданностью для всех, даже для лошадей. Еще бы, ветер дул в мою сторону, так что учуять не могли.

— Иеху-у-й! — завопил я, вскакивая и разряжая оба ствола.

Два дальних всадника опрокинулись назад. Один сразу вывалился из седла, а второй полулежал, судорожно цепляясь окровавленными пальцам за повод. Стрелял я в грудь, если пуля не пробьет, то надолго выведет их из строя.

Не успел стихнуть гром выстрелов, как пистолеты упали на примятую траву, и в воздухе засверкали ножи. Последний пришлось бросать в спину пятого, проскакавшего мимо. Нож вошел ему в затылок над кольчужным капюшоном.

Покачивая последний кинжал в ладони, я внимательно осмотрел старика, обнаружив, что тоже стал предметом внимания.

— Здоровеньки булы, старче, — слегка склонив голову в приветствии, поздоровался я. Припомнив просмотренный фильм «Иван Васильевич меняет профессию», добавил единственное знакомое старославянское слово: — Паки.

— И тебе не хворать, новик, — сказано было, конечно, на старославянском, но я вроде понял. Наверное, переводчик не понадобится.

— Они одни или еще есть? — спросил я, подходя к двум недобиткам, в которых стрелял из пистолей. Чиркнув каждого по горлу, я отошел в сторону и стал пристально рассматривать старика.

Старик нахмурил брови, пытаясь понять, что я сказал.

— Одни. Аул рядом. Двадцать полетов стрелы, — тщательно выговаривая слова, ответил старик.

Тут уже хмурил брови я, пытаясь понять, что сказал дед. Языковой барьер опять встал на моем пути, если с пятого на десятое я понимал старика, то меня он понимал с десятого на пятое.

Через несколько секунд разобравшись, что и как, первым протянул

руку и представился:

— Артур.

— Боярыч Кузьмо Красновский, княжеского рода.

— Хм, Артур, инженерского рода по отцу, воинской по себе, — буркнул я под нос, разглядывая широкую, словно лопата, ладонь старика. Больших пальцев на обеих руках не было.

— Эк, как тебя. Ладно, сваливать надо... Я говорю, уходим... это тоже соберем!

Старик шустро побежал ловить лошадей, сам же стал вынимать ножи и раздевать убитых, снимая трофеи. Как я понял боярыча, валить надо как можно быстрее. В той стороне, куда мы с Гюльчатой направлялись, виднелись высокие холмы, но не горы, снежных шапок не было, туда я и решил податься, все привычней, чем в степи. Кольчугу пришлось снять с одного из тех, в которых стрелял. Его телосложение было похоже на мое, так что кольчуга села как влитая. Потерев зеркальца на груди, я недовольно скривился: сверкают. Нужно будет задымить их над костром.

Сбор трофеев занял почти час, одну лошадь так и не поймали — удрала. Это подстегнуло нас. Старик взлетел в седло и укрепился там как влитой. Общались мы больше жестами вперемешку со словами:

— Да куда ты поперся, хрыч старый?! Да понимаю, что надо быстрее, но вещи свои я не брошу. Туда говорю!

Наконец старик повернул лошадь и поехал позади табуна из двух лошадей, которых я вел за собой. На месте стоянки он помог мне собрать лошадок и, связав их в одну связку, мы, уже вместе с Гюльчатой, двинулись к холмам-горам.

Прежде чем предпринимать дальнейшие шаги, нужно найти укромное место и все осмыслить, заодно и подучиться местным языкам, благо теперь есть у кого.

* * *

— Олег, сынок! Обед готов, — услышал я крик Кузьмы Михайловича. Обернувшись, посмотрел на старика, шикарную бороду которого трепал ветер, бушующий на вершинах скал.

— Иду!

Прыгая с одного обломка скалы на другой, звеня кольчугой, я быстро спустился вниз и встал перед боярином.

— Вымахал-то, ужо выше меня стал, — усмехнувшись в пышные усы, добродушно пробормотал боярин.

— Так и лет мне почитай только из отроков вышел. Новик! — поднял я

палец.

— Новика ты в бою заслужил, Олег. — Мы шагали по узкой звериной тропинке, вившейся со скал вниз, и негромко разговаривали.

С той минуты, как я встретил бывшего новгородского воеводу, прошло более восьми месяцев, которые, по моему мнению, прошли не зря.

Горы оказались все-таки горами, причем не простыми. Крымскими.

Мы тогда успели за два дня добраться до них и укрыться в одном из ущелий, пока я случайно во время охоты — до сих пор со смехом вспоминаю, как ходил с боевым луком на зверя — не обнаружил проход в еще одну долину. Она была маленькая, три на два километра, с ручьем, впадающим в озеро, плюс небольшой лесок с живностью. Короче говоря, классное место, чтобы пожить какое-то время. Ковры мы использовали как постели, выстиранные попоны вместо одеял, на лето пойдет, а там что-нибудь придумаем.

Про эти восемь месяцев можно написать книгу о приключениях Гекельберри Финна в нашем исполнении. Как я общался и осваивал язык, как старик учил меня пользоваться саблей и луком. Как в седле сидеть. Перед заморозками мы сделали налет на небольшой аул, когда все воины ушли на Русь грабить и за полоном. Нас тогда интересовала юрта. Ничего, смогли разобрать, увезти и собрать. Труднее всего было замести следы. Но тут нам погода помогла. Разлились дожди и все смыло, так что на зиму крышу над головой мы теперь имеем.

Все это время старик присматривался ко мне. Когда языковой барьер пал, это случилось месяца через два после знакомства, я рассказал кто и откуда. А чего скрывать? Меня больше интересовало местное время, старика — будущее. Так у костра мы вечерами засиживались до звезд. Одним из предложений Кузьмы Михайловича было сделать меня своим сыном.

— Ты мне жизнь спас от ворогов. Я такого не забываю и хочу отблагодарить тебя. Будешь сыном мне.

— Зачем? Ай!

— Не перебивай! — потеряв ладонь, велел он. — Ты ведь на Русь пойдешь?

— В Новгород, — кивнул я. — В Москву что-то желание пропало, особенно после ваших рассказов. Мне эта междоусобица не интересна. Пусть грызутся за трон, меня не трогают. Не хочу, чтобы надо мной какой-нибудь царек был. Я сам себе голова.

— Свободолюбивый ты, но с Новгородом ты прав. Там хоть и эта... как ты говоришь, анархия, но жить можно. Вот только твое неприятие

церкви... — поморщился старик, явно вспомнив давний эпизод.

Мы тогда с дедом выбрались поохотиться, вернее это я бегал живность пугал, старик занимался разделкой и копчением. Вот тогда на запах вышло шестеро татар с пленником на веревке. Им был дородный поп в рваной одежде, с всклокоченной бородкой и лысой головой. Я их в последний момент засек, кляня себя, что проворонил их, подполз сзади и перебил, пока потрошил трупы, освободившийся пленный подошел ко мне и что-то надменно сказал. Старик к тому времени подучил меня изъясняться, но этот язык я не знал. Тут этот сморчок взял и приложил к моим губам грязно-зеленый перстень на пальце, судя по виду явно медный. Да ловко так, даже я со своей реакцией спасовал. Не знаю, что это значило, но меня возмутило до глубины души. Через секунду поп был на земле, хватая воздух открытым от возмущения ртом, а я уже сидел на нем сверху — только поповские ребра под моими коленями хрустнули и фонтанчик крови изо рта брызнул. После был теологический разговор со стариком насчет моего вероисповедания. А поп, кстати, был иезуитом, так что со стороны старика проблем не было, но его до крайности возмущало, что я ни во что не верю, и мое отношение к священникам, высказанное в категорической форме: «Хороший поп — хорошо прожаренный поп», его изрядно нервировало.

— Вот приедешь ты в Новгород, как себя поставишь?

— На постамент, что ли? Ай!

— У каждого человека своя родословная — хоть боярин, хоть холоп.

— Не, холопом я быть не хочу.

— Станешь, если так себя вести будешь. Твое поведение выдает в тебе боярство, а то и за князя примут.

— Ну назовусь боярином. Как проверят?

— Летописи в церкви. Как ни назовись, всегда ложь найдут.

— Проблема, — задумался я, энергично почесывая затылок. — А если летописи сгорели?

— Не смей церковь жечь...

«Вот старик, вместе всего ничего, а уже мысли читает!» — сердито подумал я, слушая нравоучения.

— Боярином Красновским будешь. Олегом Кузьмичем.

— По бумагам проверят и...

— ...и поймут, что это ты и есть. Сын он мой, когда меня три года назад вороги вместе с дружиной побили, сын тоже был. Стрелой убили, двенадцатой весны не увидел. Тело они забрали, так что поверят. Похожи

вы с ним, и глаза такие же.

Кузьма Михайлович в плену находился уже почитай четвертый год. И все из-за одного давнего дела. Отбивая полон, что вели ногайцы на границы со степью, он в схватке убил сына очень большого и богатого рода. Родственник ихнего шаха, или как его обзывал Михалыч, хана. Так ладно бы срубил. Хвастался этим, прибрав трофеи с тела. Так его и вычислили, и сына убили, а его в плен взяли, истязая мучениями на протяжении этих лет. Правда, аккуратно, не до смерти. Кузьма Михайлович выжил только на одной злости и мести, не сломался назло всем. Его сдал кто-то из своих бояр, метивших на денежную должность воеводы, вот он и собирался вернуться в Новгород и вернуть должок, истязая себя постоянными упражнениями с мечом, несмотря на отсутствие больших пальцев. Он выбрал двуручный меч, я его обозвал «секатором», взмахнет — и уноси вперед руками. Сам я бою на мечах обучен не был, поэтому с интересом наблюдал за тренировками, а когда Михалыч освоился, на это много времени ушло, ему пришлось делать самодельные протезы на кожаных ремешках, и мы стали иногда устраивать спарринги.

— Так я же ничего о жизни на Руси не знаю?!

— Буду учить. Поперва запомни, ты боярин княжеского роду. Это всяко выше простого боярина и тем более боярского сына...

Так и шло наше время. Я веселился, изучая горы, охотясь на косуль, горных баранов, зайцев, куропаток и узкоглазых в халатах, вечерами слушал нового отца и учился аранжировке... или вольтижировке? Один хрен, слова почти одинаковые. Старик и тут проявил волю, заставил Гюльчатой учить меня ногайскому. Должен же я был объяснить, где находился. Если в плену, почему языка не знаешь? Пришлось учить.

Подходя к дому-юрте, около которой дымился костерок с подвешенным над ним котелком, я присел на ковер и, дождавшись, когда Гюльчатой наполнит наши миски, начал неторопливо есть.

— Близко они? — поинтересовался Кузьма Михайлович, закончив обедать.

— Стоят лагерем у выхода, если так будет продолжаться, мы через неделю без еды останемся, — ответил я, тоже откладывая пустую миску.

— Уходить надо. Ужо поняли, что кто-то тут рядом озорует. Может — эти нас и ищут.

— Знаю, что пора. Я тут в прошлый раз пленного ногайца порасспрашивал, у них месяц назад банда ушла за полоном, скоро обратно пойдут. Думаю вот перехватить. Люди нужны, воины, холопы в тыловую

службу. Отряд хочу организовать из полян — самое то, злые они.

— Полоняне, — поправил меня второй отец.

— Все равно наши, — отмахнулся я.

В это время возившаяся рядом Гюльчатая подняла голову и посмотрела на забулькавший котелок — подоспел чай.

— Мне еще с собой. Налей в бурдюк, — велел я ей на ногайском.

— Хорошо, Хозяин, — откликнулась она.

С девушкой я разговаривал только на этом языке, практика великая вещь. Конечно, за такое короткое время в совершенстве я им не овладел, но говорил почти чисто, с легким акцентом.

Отпив из фарфоровой пиалы, я откусил кусок медовой соты и, еще раз отхлебнув кипятка, посмотрел на солнце.

— Полдень. Хочу пройти через хребет и выйти им в тыл. Они лагерем у ближней рощи стоят, подползу, послушаю, о чем говорят. Нужно определиться с нашими дальнейшими планами, как бы не пришлось их менять.

— А через проход?

— Не получится, у них рядом пост, — отрицательно покачал я головой, продолжая задумчиво глядеть на склон хребта.

— До ночи успеешь пройти горы?

— Да, — кивнул я.

— Тогда нужно поторопиться. Я проверю завалы в проходе, как там, — произнес Кузьма Михайлович.

Со стороны прохода опасности мы не ждали, так как создали такие завалы, что пройти там нереально. С виду они были как настоящие. Однако тайную тропку я оставил, так, на всякий случай. Кроме нас с Кузьмой Михайловичем о ней никто не знал.

Прихватив с собой самодельный сидор и бурдюк, заменявший мне флягу, я проверил вооружение. Лук с натянутой тетивой за спиной, стрелы в колчане. В сидоре оба пистолета с запасными зарядами. На поясе кинжал, в нагрудных самодельных чехлах десять метательных ножей. Вместо двух сабель из плохого железа, тех, что были при мне в первые дни, на поясе висели: одна — настоящий дамаск, другая из неизвестного мне сплава. Лезвие было не темным, черным как уголь. Когда Михайло Кузьмич увидел его, то восхищенно защелкал языком, хотя, что это за сплав, он тоже не знал, только слышал о таких. Себе не взял, когда я предложил, выбрал двуручный меч «секатор», он был не сабельником.

Черная сабля была короче первой, так что я использовал ее под левую руку. Первую я снял с воина, своим внешним видом показывающего если

не первое место в служебной иерархии, то второе точно. Сабля явно была добыта им в бою, не по чину она ему была. А вот вторая, черная, была снята не с убитого мной воина или хана. Нет, я обнаружил ее в тюках с дарами, что везли в глубь Крымских гор. Кстати, замучился камушки из рукоятки и ножен выковыривать, мне приметность ни к чему. В караване было кроме двухсот воинов около трехсот полонян. В основном молодые парни и девушки. Тоже явный дар. Помочь я им ничем не мог, но вот незаметно пробраться мимо постов с собачками и поворошить тюки сумел. Думаю, пропажу сабли, первоклассного шлема и одного из мешочков с золотыми монетами они обнаружили только по прибытии в пункт назначения.

Не освобождал полонян я по одной причине — их слишком много, и мы находились практически в центре Крымских гор. Некуда их было прятать. К себе вести? Даже не смешно, они такую тропу протопчут, что даже слепые нас найдут. Я сам, возвращаясь, ходил только по камням, чтобы не оставлять следов.

Нет, конечно, я не такой бесчувственный, как казалось. Освобождал, было и такое, но потом всегда жалел об этом. Воины мне попадались дважды, вот с ними было приятно иметь дело. Поделился оружием убитых охранников и конями. Они без особых слов, кроме благодарностей, вскакивали на лошадей и уходили в степь, надеясь прорваться к себе. Когда я одного такого через пару дней увидел ковыляющим на длинной веревке за ногойцем, понял, что путь через степь полностью перекрыт. Не мне тягаться со степняками на их поле — значит, этот путь нам точно закрыт.

Так что освободить пленников, несмотря на те издевательства, что над ними учиняли, смысла не было. Все равно поймают. А вот когда будем сами уходить, то полусотню можно прихватить. Был у меня план, как к своим прорваться, был. Даже одобренный Кузьмой Михайловичем.

Мы решили, что весна — самое то для прорыва к своим. По примерным прикидкам, мы окажемся на Руси летом. Так что пару недель и все. Уходим.

Звериная тропинка вилась между огромных валунов. Осторожно шагая по ней, я поглядел на встающее солнце. Утро, хребет мне дался не так чтобы тяжело, но пришлось поднапрячься, пока преодолел его. Солнце встретило меня на этой тропинке, ладно хоть на вершине поспать удалось, спрятавшись в ложбине от ветра.

За хребтом виднелась караванная тропа, вот параллельно ей я и крался

к ногайскому лагерю. Меня изрядно насторожило, что они остановились именно тут. Обычное место оборудованных караванных и воинских стоянок выше на шесть километров и ниже на семь. Выход из нашей долины был как раз посередине. Так что этот лагерь напрягал не только меня, но и Кузьму Михайловича. Неправильно это, не так должно быть.

Кстати, на свободную охоту он отправлял меня не особо беспокоясь, уже знал уровень моей подготовки и умений, была у него возможность в нем убедиться.

Осторожно выглянув из-за валуна, тут как раз кустики росли, я быстро осмотрел путь впереди.

Вроде бы все в порядке, но чуйка просто кричала: что-то там не так.

Тропка, вившаяся мимо глыб, убежала и исчезла в небольшой рощице. Склон тут был отвесный, после давнего оползня усеянный множеством острых камней, для местных непроходимый. Это я мог по нему подняться, все-таки имел неслабую горную подготовку. Нет, местность тут открытая, долго не попрячешься, а вот на краю рощи запросто.

«Ждут меня? Сомневаюсь. Я не работал вблизи нашей долины, мы там даже не охотились. Тогда что? Сдали, или видели меня при возвращении? А что, вполне может быть. Я, конечно, всегда возвращался ночью, но вполне мог попасться кому-нибудь на глаза. Взять то селение в семи километрах. Какой-нибудь пастух мог увидеть? Мог. Блин!»

Вернувшись на тропу, я быстро побежал назад. Тут мне путь был перекрыт. Нужно вернуться на пару километров назад и пересечь караванную тропу, чтобы выйти на лагерь ногайцев с противоположного от нашей долины хребта.

«Скорее всего, меня заметили при возвращении, но как я ушел проходом, не видели. Просто исчез и все. Но если пришедшие ногайцы будут искать, то найдут быстро. Главное знать, что и где искать», — размышлял я на бегу.

За два часа я смог, сделав крюк, обойти и зайти ногайцам с тыла. Лагерь был пуст.

Куда они делись, стало понятно, как только бросил взгляд на одинокую рощицу, закрывающую собой вход в долину. Там был прорублен проход. Сам проход был закрыт от глаз не только рощей, но и упавшим валуном, нужно было зайти за него и пройти по вившемуся, как змея, темному ущелью в долину. На входе и на выходе были завалы.

Если кто думает, что я сразу же рванул в долину, то он ошибается. Есть тут посты, не может их не быть.

Значит, пока они есть, путь обратно в долину мне заказан.

Первых ногайцев я обнаружил у лошадей, их никто не трогал. Четыре десятка коней паслись на холме, лакомясь свежей изумрудной травой. Значит, в нашу укрытую долину они ушли пешими. Это было странно, я тут всего ничего, а уже знаю: без лошадей местные не воюют. Даже нужду справляют с седла, сам видел. Хотя если учесть, что там можно пройти только пешком... Думаю, у них не было времени разбирать завалы, что означало — они нашли мою тропку.

Беда-а. Надеюсь, Кузьма Михайлович с Гюльчатой укрылись в оборудованном схроне, у нас это было обговорено.

Трава только недавно проклюнулась сквозь старую и пожухлую, поэтому была невысокой, сантиметров десять, а не с метр. Это для лошадей ее хватало, мне же, чтобы подобраться к трем сидящим у бездымного костерка ногайцам, было мало. Ближайшее укрытие в сорока метрах за обломками скал.

Скинув сидор, я снял лук и достал три стрелы без наконечников. На концах только глиняные блямбы. «Травматические стрелы» — как я их называл.

Попасть с такого расстояния даже мне не трудно, но вот мастером по быстрой стрельбе я не был. Поэтому нужно было поразить всех троих как можно быстрее, чтобы они не подняли крик.

Одну стрелу наложил на тетиву, вторую держу зубами, третья лежит под правой рукой.

К сожалению, ногайцы среагировали неприятно быстро. Это не землешапы или пастухи, хоть и похожи на бомжей, но воины. Они всю жизнь воюют, так что ничего удивительного, что когда тетива хлопнула по защитной наручи, все трое откатились в сторону, сбивая прицел. И если двое делали это осознанно, то третий, дернувшись, покатился безвольной куклой. Вместо того чтобы попасть в грудь и на некоторое время ошеломить, стрела попала в затылок.

Выпустив две оставшиеся стрелы, я быстро положил лук на землю и рванул к ногайцам, выхватывая на ходу сабли. Обе выпущенные стрелы прошли мимо, одна пропала в траве, другую отбил в сторону один из воинов.

Расступившись, они встретили меня с двух сторон. Ага, делать мне больше нечего, драться с ними. Воткнув обе сабли в землю, я взялся за ножи. Тут им противопоставить было нечего, стеганые халаты — и все, даже без деревянных вставок, видел у некоторых такие.

Оба ногайца осели на траву, орошая ее кровью. Пришлось использовать

три ножа, тот живчик, что отбил стрелу, умудрился увернуться от первого, откатившись в сторону, но поймал второй нож подмышку.

Все три ногайца были молодыми, лет двадцати, и если один был более или менее опытным, два других салаги зеленые.

«Молодняк, обычно старший должен был быть пожилым, лет за сорок, а то и больше. Они уже не воины, но как тыловые службы в отрядах ногайцев еще ничего. Что это значит? А хрен его знает. Нужно подранка допросить», — решил я.

Тот, что получил стрелу в затылок, был готов. Опытный доживал последние секунды, хрипя и скребя траву каблуками стоптанных сапог, а вот третий, получив нож в живот, был еще жив и вполне годен к допросу. Правда, недолгому.

Посмотрев на тонкие усики опытного, — несмотря на смертельное ранение, он продолжал следить за моими движениями, — я выдернул из земли обе сабли и, обтерев их, вернул в ножны. Выдернул ножи из тел, добил опытного и вернулся к подранку.

Надо отдать ему должное, подранок сломался не сразу, с моральным воспитанием воинов было все в порядке. Однако после плотного допроса у меня опытные и старые воины плакали, что уж тут говорить о салаге, но три минуты он держался. Молодец, уважил.

Мои прикидки оказались на удивление верными, заметил меня пастушок, гнавший в соседнее селение баранов. Была ночь, но взошедшая луна осветила меня. Мальчонка успел рассмотреть незнакомца и сбегать за старшим пастухом, который отдыхал с другой стороны остановившейся на ночь отары.

Дальше все просто, слухи дошли до владельца ближайшего аула, и они решили проверить, заодно молодняк погонять, который не ушел на Русь. Селения же тоже кому-то надо охранять.

Опытные и старые воины, те, что по здоровью не могли уйти в поход, тут тоже были. На тридцать шесть ногайцев — семнадцать опытных. Вот это было плохо. Нет, я могу спокойно выйти против пятерки таких ветеранов, но семнадцать от меня мокрого места не оставят, не стоит забывать и про молодняк. В общем, будем вести партизанскую войну с булавочными уколами. Другая тактика тут неприменима.

Шесть ногайцев остались охранять тылы и лошадей, остальные ушли в долину. Ушли пять часов назад, когда только встало солнце.

«Ну ладно, на прорубание прохода им понадобится час-полтора, значит, они уже больше трех часов хозяйничают в моей долине! — размышлял я. — Михалыч, держись!»

С остальными часовыми разобрался я быстро, пленник успел рассказать, где они находились. Благо стояли по одному. Как я и думал, на той звериной тропке все-таки стоял один.

Они расположились в разных местах, поэтому на зачистку тылов мне понадобилось почти три часа, пришлось побегать. Да и на скрадывание время было нужно. Двоих снял из лука, великая вещь для разведчика. Тихо и незаметно, а того, что в роще, ножом.

Когда я проник в свою долину, то понял: все кончено.

Схрон вскрыт, рядом лежат в беспорядке несколько тел. Так могут лежать только мертвые. Вокруг суетятся живые ногойцы, издавая крики радости.

«Судя по убитым... Сколько там?.. Пятеро. Значит, Михалыч умер, как и хотел, с мечом в руке. А эти делят мою кубышку. Ну-ну!» — Хмуро посмотрев на спины ногойцев, я было двинулся в сторону, собираясь обойти их, и замер. Среди толпы воинов мелькнуло фиолетовое одеяние Гюльчатой. Судя по тому, как один из ногойцев довольно похлопал ее по плечу, именно она сдала схрон. А я-то еще удивлялся, как они так быстро нашли. Сам делал, его было не так просто обнаружить.

— Кишки выпущу, — с ненавистью выдохнул я и скользнул к ручью.

Эта укрытая долинка имела форму полумесяца, где на нижнем острие и был вход. От верхнего края бежал ручеек, впадая в небольшое ледяное озеро в середине полумесяца, из него вода уже не вытекала, видимо, уходила под землю. Думаю, проход внизу пробил именно ручей, но потом, когда вода нашла другой путь, пересох.

Лагерь, где стояла юрта, находился у озера, укрытый за рощицей. Там было пусто. Один из схронов, основной, я спрятал чуть ниже озера в скалах. Именно там и укрывались Кузьма Михайлович и Гюльчатая.

Помогало мне то, что вся долина, протяженностью в три километра, от острия до острия, была густо покрыта лесом. Не нашим северным, высокими соснами или березами, а местными, кривоватыми и невысокими. Но и это мне было на руку.

На входе в долину никаких постов не оказалось, поэтому свободно пройдя по бывшей тайной тропке, по которой недавно прошло три десятка ногойцев, я прокрался к озеру и стал наблюдать за напавшими.

Я насчитал не более полутора десятков, это только половина, куда делись остальные?

Тот богато одетый воин, что благодарил Гюльчатой, видимо старший, стал отдавать приказы. Восемь воинов устремились к выходу, остальные исчезли среди скал.

«Эти ушли к схрону. Восемь на выход, где остальные? — задумался я, пристально разглядывая скалы. — Предположим, тварюга рассказала им обо мне и куда я ушел. Вывод? Пятнадцать воинов ушли к хребту, видимо, они не могли поверить, что я смогу его преодолеть, остальные к выходу. Значит, не исключали такую гипотетическую возможность. Ну, мне же лучше, будем уничтожать их по отдельности!»

Уйти и не отмстить я не мог, поэтому, как только среди скал скрылся последний и ушла восьмерка, скользнул в сторону, обходя озеро.

Нужно «пообщаться» с оставшимися, наказать Гюльчатой и узнать, что с Михалычем. Может, он все-таки жив?

Надежды мои не оправдались, тело Михалыча я рассмотрел у скал, в пятидесяти метрах от схрона.

Тихо и невнятно выругавшись, глядя на окровавленное тело старика, я начал разбираться с ногайцами. К моему удивлению, справился быстро, не ожидали они удара с тыла, да и не сразу поняли, что их убивают. После некоторых раздумий я на первое время отказался от лука — больно уж они резво реагировали на него — и использовал метательные ножи. Когда седьмой воин получил нож в горло и упал, гремя посудой, которую нес, то забеспокоились остальные. Меня порадовало, что они все выскочили из схрона на шум. Дальше я уже работал луком. Потеряв еще двоих, оставшийся в живых предводитель метнулся в схрон. Его я не трогал, он был мне нужен живым.

Сам схрон я оборудовал в небольшой пещерке, завалив вход специальным камнем и тщательно замаскировав. Визуально его было не обнаружить. Простенько и со вкусом.

Выхватив сабли, я спрыгнул со скалы и подбежал к схрону. Надо отдать должное старшему, он встретил меня грамотно, не у входа, а внутри. В схроне было темно, а у старшего глаза уже успели адаптироваться, пока они потрошили накопленные мною заготовки.

Только он не учел, что последнее время я обучался бою в темноте на слух, поэтому с ходу атаковал с закрытыми глазами.

Ногаец встретил меня с саблей и круглым щитом. На ходу отбив клинок в сторону, я присел на шпагат и рубанул ему по ногам второй саблей, крутанувшись на каменном полу. В принципе, на этом бой и закончился. Черная сабля даже не заметила препятствий в виде костей. Почувствовав рядом движение, я взмахнул саблей, повертев ею.

Послышались вскрик и падение тела с тихим скулежом. Вскочив на ноги, я быстро протер и вернул сабли в ножны, после чего занялся

подранком. Отбросил саблю противника в сторону, быстро наложил жгуты на культяпки. Мне нужно было с ним поговорить.

Глаза к этому времени уже привыкли, поэтому я посмотрел на вторую жертву, ею оказалась Гюльчатой. А я еще думал, где она. Тут и была. Видимо, хотела проскочить, пока я занимался старшим, но нарвалась на случайный удар.

Безразлично посмотрев, как она пытается запихнуть обратно кишки — удар пришелся в живот, — я молча развернулся и выбежал, добивая воинов снаружи. Контроль я провести не успел и сразу метнулся к Михалычу.

Он был мертв, множество резаных ран, раздробленная каблуками кисть руки. Видимо, когда его добили, пытались вырвать оружие из крепко стиснутой руки, но не преуспели. Дальше просто раздробили кисть и забрали меч. Я его видел среди трофеев.

Душа как-то вдруг опустела. Потерять человека, который стал мне близок, было тяжело. Ярость схватки с налетом ненависти потихоньку отпускали меня. Слегка покачиваясь из стороны в сторону, я пробормотал:

— Не волнуйся, Михалыч, я доделаю то, что ты хотел.

У Кузьмы Михайловича было только одно желание — вернуться в Новгород и разобраться с теми, кто подставил его, что привело к пленению и гибели родного сына.

— Верну должок, — продолжал бормотать я. — Но сначала...

Вскочив, я накрыл тело Кузьмы Михайловича гобеленом, который взял среди готовых к транспортировке узлов. Быстро приведя себя в боевое состояние, спустился в схрон. Гюльчатой и старший у воинов еще были живы. Добивать Гюльчатой я не собирался, да и выбросил я ее уже из головы. Месть свершилась, что же еще надо? Пусть случайно, но ведь это так и было. Ни о каких терзаниях и речи не шло, не тот я человек и не то время.

Под стоны девушки я быстро допросил воина. Он приоткрыл мне завесу тайны, как удалось найти схрон и где оставшиеся воины.

Разумеется, схрон сдала Гюльчатой, когда они в нем сидели. Михалыч задремал, она тихо откатила камень в сторону и выбралась наружу. Шум все-таки был, и Михалыч проснулся. Девушка с криками бросилась к своим соплеменникам, вынудив старика вступить в бой. Пусть без больших пальцев, с протезами вместо них, но он был боец, и жизнь смог продать подороже. Я ошибся, на его счету было восемь воинов. Пять убитых и трое раненых, их унесли в наш лагерь, в юрту.

Десять ушли к хребту ожидать моего возвращения, остальные на другую сторону. Вот и все, остальное я знал.

После плотного допроса я добил старшего и, скользнув к выходу, помчался к лагерю. Нужно было разобраться с ранеными и зачистить долину от захватчиков.

* * *

С трудом стянув кольчугу, я задрал подол окровавленной рубахи и прижал чистый холст к ране.

Посмотрев на хрипящего ногойца, подхватил булыжник с земли, больше ничего метательного не осталось, даже обеденный нож использовал, и метнул его в голову последнего живого крымского воина.

— Да заткнись ты, — зло выдохнул я.

Как ни странно, не промахнулся, камень с хрустом впечатался в висок под шапкой.

Бой с ногойцами вышел труднее, чем я планировал. Нет, с теми-то, что были в долине, я разобрался быстро, сперва к юрте наведалься, где побил трех крымчан, один вроде за лекаря был, и добил раненых. После чего тихо вырезал воинов, которые ушли к хребту. Молодняк тоже хлопот не доставил, но когда возвращался к проходу, лицом к лицу столкнулся с восьмеркой, уходившей к своему лагерю по караванной тропе. Вот тут уж пришлось повертеться, благо сабли мои верные не подвели. Семеро из них вступили в сабельный бой, а самый хитрый, отбежав в сторону, взялся за лук. Минут десять я крутился, подрезая по одному воину так, чтобы не попасть на прицел лучнику. Тут главное, чтобы между нами были его товарищи.

Ногойский молодняк отлично показал мне неумелое взаимодействие в бою. Однако три старых воина мне чуть не навалили, они умели биться тройкой. А это, я вам скажу, очень серьезно. Одиночке практически невозможно сломать их строй. Так что пришлось покрутиться. С тройкой разобрался, одновременно атакуя и используя камни на земле — подкидывал их ногой так, что они летели в противника. Как только подрезал одного, остальные перестали быть проблемой. Рану я получил не от лучника, как раз по нему отработал последним ножом, обеденным, а от последнего из тройки, он, насадившись на мою черную саблю, ударил стилетом, который прятал в рукаве.

Классный ход, предсмертный удар. Если бы не медная блямба на поясе, попрдержавшая лезвие, удара в печень мог не избежать. А так — лезвие только на два сантиметра вошло, фактически кожу порезало.

Наложив повязку, я откинул окровавленную и подрезанную рубаху в сторону и достал из сидора свежую. Посмотрев на оба пистолета, я только

вздыхнул. Они мне так и негодились. Ну, хоть уровень своей подготовки, можно сказать мастерства, знаю. Неплохой.

Осмотрев тела убитых ногайцев, я собрал небольшой хабар и направился к схрону. Нужно было похоронить Кузьму Михайловича, поесть и собираться в дорогу. Думаю, до темноты управлюсь, а там — здравствуйте, приключения.

Перед тем как двинуться дальше, я обернулся и посмотрел на зарево пожара в долине. Михалычу я устроил тризну. Он рассказывал, как отправляют в мир мертвых павших воинов. Собирают погребальный костер и поджигают. Желательно еще бы несколько пленных воинов противника, но были только мертвые, так что Михалыча на нарубленные ветки я положил одного.

Всхрапнув, привлек к себе внимание Рыжик — именно так я назвал своего коня, на котором учился скакать. Это был статный трехлетка каурой масти. Из всего табуна я взял двух коней, Рыжика и Матрену, как вьючную лошадь.

Одет по местным меркам я был роскошно. Не как обычно, во всем серо-черном, даже кольчуга была темной как ночь, а в одеяние местного хана, ну или принца.

На мне был роскошный синий кафтан с полами до середины бедер, с серебряными галунами и шитьем серебряной нитью на груди. Под кафтаном кольчуга для скрытого ношения. Лисья шапка, на вид дорогая, синие штаны вроде шаровар, заправленные в коричневые красивые и удобные полусапожки. Шелковая рубашка и исподнее. Рабочая одежда, та, в которой я куролесил, была спрятана в поклаже на вьючной лошади.

На поясе у меня висели два булатных клинка в красивых расписных ножнах. Боевой нож, обеденный и серебряная ложка тоже устроились на поясе. Кошелек не было, у меня нет привычки носить его в открытую, так что пришлось заставлять Гюльчатой пришивать к кафтану потайные карманы.

После боя в долине я дал имена своим саблям. Черной — Поглотитель душ. Дамасской — Мститель.

Может, и высокопарно, но мне нравилось. Сейчас обе сабли покоились в поклаже, они были слишком приметны, и их могли опознать.

Кроме личных вещей — я, кстати, много не брал, — забрал все драгоценности и деньги, что затрофеил, пока развлекался вокруг долины.

Погладив коня по голове, я вздохнул:

— Вот и остались мы одни, Рыжик. Пошли, нам еще через проход как-

то протискиваться.

Лошадей у нас в долине паслось четыре штуки, остальных пустили на мясо зимой. Так что мне было из чего выбирать. Две оставшихся весело резвились на зеленых полях долины. Я их отпустил.

Уже темнело, и пришлось повозиться, пока я смог, не поломав лошадям ноги, вывести их на караванную тропу. После чего, вскочив на коня, дал пятками по бокам, направив Рыжика к тропе — она находилась в четырехстах метрах от прохода. Нам нужно преодолеть этот хребет и по тропе выйти к морю. Там, в нескольких километрах от моря, будет бывшая столица Крымского ханства Кырым. По словам караванщиков, разговоры которых я подслушал на стоянках, до столицы всего три дня пути.

Ночь выдалась безлунная, поэтому двигаться приходилось осторожно, чтобы кони не поломали ноги. Мне нужно было отойти от долины как можно дальше.

Когда начало светать, я заметил на тропе каменное сооружение. При приближении я разглядел во мгле огороженный каменным забором двухэтажный дом и какие-то постройки.

«Да это же средневековый отель!» — удивился я. За время своих развлечений ничего подобного я не встречал. Да, в принципе, так далеко и не уходил.

Похоже, мое предположение оказалось верным, это действительно постоялый двор. В подтверждение тому — и множество построек, и запах пищи, и то, что он находится в одиночестве на тропе. Если бы это была крепость, то все выглядело бы по-другому.

— Сейчас и проверим, вжился я в образ или нет, — тихо пробормотал я и, ударив пятками по бокам Рыжика, подъехал к деревянным воротам.

Вытащив из седельного чехла короткий дротик, постучал концом по воротам.

Ответили только после третьего раза.

— Кто там? — услышал я на местном наречии. Судя по голосу, спросил уже пожилой мужчина, хотя я расслышал и мальчишеский шепот.

— Путник. Хочу сытно поесть и сладко поспать. Юсуф-абый сказал, что у вас лучшее обслуживание в этих горах.

— Мудрый Юсуф не ошибся, — услышал я тот же голос. Юсуфов тут было много, попробуй определи, с каким именно я общался.

В это же время открылись ворота. В них стоял пожилой мужчина, который пристально изучал меня при свете факелов. Еще не так рассвело, чтобы можно было что-то рассмотреть. У створок стояли еще двое, один, видимо, раб, другой — мальчик лет двенадцати, это они распахнули

ворота, предварительно убедившись, что я один.

Похоже, увиденное его полностью удовлетворило, он низко поклонился и, приглашающе взмахнув рукой, отступил в сторону со словами:

— Двери нашего дома всегда открыты для благородного господина. Я Мустафа, хозяин корчмы.

Последнее слово было сказано по-русски, старик безошибочно определил мою национальность.

Я тронул бока Рыжика, в воротах соскочил с коня и, подхватив поводья, пешком направился к конюшне. Михалыч говорил, что въехать верхом во двор хозяина это тяжкое оскорбление. Будем соответствовать. Руссо туристо, облик морале.

— Позвольте мои слуги помогут благородному господину, — тотчас воскликнул старик.

Для столь уважительного обращения был свой повод. Еще на Руси говорили: встречают по одежке. Моя выдавала во мне достаточно богатого и знатного юношу.

Местечковый отель имел довольно большой двор, где располагались кузня, сараи и дом, разделенный на несколько комнат.

Цены я примерно знал и, подкинув в воздух две серебряные монеты, велел:

— Мои вещи в комнату. Лошадей почистить и обиходить. Разбудите меня в полдень.

— Хорошо, благородный господин. Так и сделаем. — Я даже не заметил, как монеты пропали, во фокусник!

Был еще повод для столь почтительного ко мне обращения. Это мои сабли. Причина одна: мало кто владел двуручным боем, не редкость, но мало, как это ни парадоксально звучит. Двуручные — это значит высшая степень мастерства, а местные это ценят. Тот, кто не умеет биться на двух саблях, не носит их демонстративно на поясе. Причин несколько, одна из них и самая главная — нужно доказать, что ты носишь их по праву, а то все так нацепят и будут ходить. Поэтому бывали случаи вызова на бой подобных самозванцев, заканчивающиеся их смертью. Бой обычно шел до смерти. Поэтому и не находилось желающих носить две сабли. Если ты, конечно, не мастер этого вида боя. Подобные мастера болезненно реагируют на самозванцев. И небезосновательно, у них и зарплата другая, и доля в добыче несравнимая с долей простых воинов.

Обучаться двуручному бою довольно дорого, поэтому я представлял, какие мысли крутятся в голове у хозяина заведения. Богато одет, знатный. К тому же переплатил. Две сабли — значит, очень богат и очень знатен.

Так что проблем с местными не должно было возникнуть.

Войдя в освещенную свечами корчму, я посмотрел на ковры, они были везде.

— Господин сразу пройдет в свою комнату или сперва поест? — спросил Мустафа.

Он шел за мной следом, за ним раб с моими вещами. Мальчишка остался с лошадьми.

— Господин желает спать, — ответил я.

Из своей роли я не выходил, вел себя и разговаривал так, как и положено знатному дворянину.

— Господин что-то ищет? Увидеть в столь благословенных краях русского дворянина, да еще одного, не частое дело. На моей памяти впервые.

— Привык видеть только рабов? — усмехнулся я, повернувшись к нему.

— Всякое бывало, — пожал плечами Мустафа.

— Я боярин Олег Красновский, из плена выкупился, возвращаюсь домой. Хочу в Кырым наведаться. Челядь прикупить, боевых холопов.

Это действительно было так. Русских воинов в аулах и селениях не было, только деревенские. От них проблем меньше, тогда как про воинов можно сказать так: сколько волка ни корми, он все в лес смотрит. Местные это прекрасно понимали, поэтому воинов еще на ранних стадиях отделяли и продавали в города. В каменоломнях, на галерах, везде нужны крепкие невольники. Мне они встретились дважды, но их вели из города в город или на продажу. В селении их не было. Как пояснил мне Михалыч, в ауле можно встретить только бояр или боярских сыновей. Причем они не работают и живут в более или менее сносных условиях, Михалыч не в счет, там личное, у некоторых даже слуги свои. Держат их в основном только для выкупа, если его нет, то каменоломни или галеры ждут.

Так что в моем случае, как это ни парадоксально, воинов проще купить. В общем, мой план пройти по степи огнем и мечом захирел без Михалыча. Вот и пришлось использовать резервный план. Я решил отправляться на Русь морем.

— Тамгу можно посмотреть?

Тамга — универсальный документ ханства. Это и личное удостоверение, и пропуск для не граждан. Естественно, она у меня была. В трофеях нашел кусок выделанной кожи с серебряной насечкой размером со спичечный коробок. Михалыч пояснил, что это такое. Пропуск-подтверждение о продаже захваченного в бою дворянина. У всех местных

глав селений они есть. Бывает, что воины захватывают важную шишку, которую потом выкупают семьи, вот и держат их.

Достав тамгу, я показал ее Мустафе. Низко поклонившись, он произнес:

— Если молодому господину будет интересно, то мой племянник Асфат держит постоянный двор в столице. Не в центре, конечно. У крепостной стены, но зато у него сытно и недорого. Также у него есть знакомые на рынке рабов. Он вам может помочь за деньгу малую.

— Хорошее предложение, Мустафа-абый, — уважительно обратился я к хозяину, судя по расплывшейся улыбке, это ему понравилось. — Я подумаю о нем. Когда отправлюсь дальше, вернемся к этому разговору.

Хозяин провел меня к комнате и указал на нее. Войдя, я показал рабу, куда положить мои вещи, и пока он это делал, быстро осмотрелся, благо свеча, которую занес и поставил на столик Мустафа, неплохо осветила комнату, да и глаза были привычны к темноте.

На стенах ковры, на полу тоже. Сбоку за занавеской лежанка, у решетчатого окна столик с кувшином. Стульев не было.

— Хорошая комната, — кивнул я Мустафе. — Не забудьте разбудить меня в полдень.

Мустафа подтвердил, что разбудят, после чего они с рабом вышли.

Подперев дверь столиком, поставленным на-попа, я не умываясь и не раздеваясь рухнул на кровать. Как же хочется спа...

Как я и попросил, после обеда мне постучали в дверь. Одним слитным движением вскочив на ноги, я потряс головой. Со сна немного кружилась голова. — Да?

— Господин попросил разбудить его в полдень, — услышал я за дверью голос Мустафы.

Убрал столик на место и приведя комнату в порядок, я открыл дверь:

— Хорошо. Благодарствую. У вас есть умывальни или купальни?

— Конечно, даже небольшой бассейн с чистой водой.

— Отлично, я пока разомнусь, а вы возьмите мои вещи, постирайте и приготовьте купальню. После разминки и мытья я пообедаю.

— Будет сделано, боярин.

Достав из поклажи тренировочные штаны, я быстро разделся, отдав сверток с одеждой вошедшей в комнату женщине славянского вида, видимо тоже рабыне. Подхватив сверток, она вышла, я же взял сабли и направился во внутренний двор. Мустафа показывал мне дорогу.

Я удивился такому его поведению, но все оказалось проще. Постояльцев не было, последний караван ушел дальше три дня назад, через пару дней будет следующий, вот в этот промежуток я и попал. К тому же хоть и русский, но знатный. Да и интересно ему было со мной пообщаться. Это я узнал с его слов, напрямую спросил, он и ответил.

Каменный двор был тщательно выметен, так что, выхватив сабли, я стал делать легкую разминку, вращая заточенные полоски стали. Мустафа не уходил, отдав несколько приказов подошедшим слугам, он присел на принесенный топчан и стал жадно наблюдать за мной.

Когда я перешел к активной фазе тренировки, то, как мне кажется, двор заполнили все слуги, с открытыми ртами наблюдая за мной. Судя по виду Мустафы, и он видел подобное в первый раз.

Выйдя из «Дуновения ветра», я перешел к «Танцам с саблями», одновременно жонглируя подобранными в углу двора камнями. Этому меня учил Игорь, не доучил, но я упорно продолжал тренировки, все-таки выдал результат.

Жонглировать — это со стороны кажется просто, да сейчас я уже не контролирую каждое движение, делаю все машинально, но раньше что было... Со стороны я смотрелся завораживающе. Стою я на месте не двигаясь, только сабли рассекают воздух, да несколько камешков в воздух

подлетают. Это жонглеры жонглируют руками, тут моими руками были сабли. Их тыльные стороны. Сложнее было предугадать, куда полетит камень, когда по нему ударишь. Сперва я просто жонглировал, потом уже одновременно с этим начинал делать тренировочные движения, то «Укус осы», то «Пчелиный танец». Так что со стороны казалось, что сабли не только жонглируют, но и находятся в постоянном движении, в танце, можно сказать.

Кстати, когда я рассказал про свой сон о рае, Михалыч довольно серьезно отнесся к этому. Он по полочкам разложил все, что там было, особенно его внимание привлек тот отрубленный кусок облака, с которым я падал. В результате его измышлений получалось, что именно оно мне помогает в воинском искусстве. В принципе, меня тоже удивляло, что я после попадания в этот мир так быстро стал делать успехи в двуручном бое, даже несмотря на изнурительные тренировки. Раньше они такими же были, но особых успехов я не добивался, а тут почему-то все стало получаться? В общем, неоднозначный вывод сделал Михалыч. Я его не опровергал, но и не поддерживал. Получается — и ладно.

Отбив последний камешек так, что он улетел вслед за остальными в кувшин с широким горлышком, который стоял у стены, я замер в низкой стойке и, выдохнув, одним слитным движением вернул сабли в ножны.

Несмотря на покрывающий меня пот, дыхание за час достаточно плотной тренировки... да ладно, показушной тренировки, так и не сбилось.

Мустафа, похоже, только сейчас заметил непорядок во дворе, поэтому зарывал, отправляя слуг работать.

— Вы великий воин, боярин, — поклонившись, с восхищением сказал он.

— Спасибо. Что там с купальнями?

— Уже готовы, пройдите за слугой, вам там могут и помогут.

В процессе купания меня две девушки очень неплохо обработали — после тренировки массаж был самое оно.

Завернувшись в простыню, я прошел в обеденный зал.

— Скажи мне, Мустафа-абый. Те рабы, их выкупить можно? — спросил я про славян, что были у хозяина корчмы в кабале.

— Почему нет. Полная серебряная монета за каждого.

— Сколько?! Это же не ремесленники! — возмутился я, наблюдая, как к нашему столику несут подносы. Корчмарь решил разделить со мной трапезу.

— На рынке дешевле, боярин, — пожал он плечами.

— Так то на рынке, — вздохнул я. — Они вообще кто? Русичи?

Древляне? Дреговичи, кривичи и радимичи?

— Поляки.

— Ах эти... Эти пусть батрачат. Забудем о моем предложении.

— Молодого боярина еще что-нибудь интересует?

— Сколько осталось до столицы?

— Два дня верхом.

— Ну, я так и думал. Сегодня у вас переночую, а завтра с утра отправлюсь дальше. Вы мне с собой провизии приготовьте.

— Сделаем, боярин.

Осторожно задавая вопросы, я узнал много нового, особенно цены на товары. Что и за сколько можно купить. Мустафа как источник информации был на вес золота. Он сидел на караванной тропе и знал многое, новости через него проходили быстрее всего.

До вечера я еще раз потренировался, проведаль лошадей, искупался и ушел к себе. На рассвете меня разбудили.

— Все готово, боярин, — слегка поклонился корчмарь. Раб в это время крепил сверток с провизией на вьючную лошадь. На пару дней мне должно было хватить.

— Спасибо, Мустафа-абый. Обслуживание было выше всяких похвал. Вот вам за старания, — подкинул я полузолотой. Не от благодарности, а мне еще раз захотелось посмотреть на фокус с исчезновением. Видимо, это была фишка корчмаря, потому как он не сдвинулся. Даже не пошевелился, но монета пропала, не долетев до земли.

«Ловко», — мысленно восхитился я, заметив, как пошевелился широкий рукав халата. У хозяина корчмы была «быстрая рука».

Кивнув на прощанье, я развернул Рыжика и ударил пятками по бокам.

Через минуту, поднимая пыль, мы скрылись за ближайшим поворотом.

Чтобы добраться до бывшей столицы Крымского ханства, как и сообщил Мустафа, мне потребовалось два дня. В этот раз я не заезжал в следующую корчму, хотя одна попалась, а ночевал под открытым небом. Среди моего скарба был трехлитровый медный котелок, так что путь был беспроблемный. Пищу было на чем готовить.

Мысль добраться до местной столицы незаметно я отбросил после некоторых размышлений. Всегда есть шанс, что тебя заметит какой-нибудь пастушок и задумается, что этот воин крадется. Нет, ехал я открыто. Нагло.

За все время пути мне часто встречались путники, ехавшие в ту же сторону или навстречу. Это были или крестьяне на больших арбах, или десятки воинов в патруле, или сопровождающие важных персон. Крестьяне

мне раскланивались, воины задумчиво провожали глазами. Один раз навстречу попался длинный караван.

К обеду второго дня, когда я взобрался на вершину очередного холма, по которому пробегала дорога, то замер в восхищении. В этом мире я уже девятый месяц, да что там, десятый пошел, а видел только кочевья с юртами да два небольших селения с каменными домами. Тут же, окруженный высокой крепостной стеной, со своими минаретами и... церковью?! высился средневековый город. Восточный, но все же.

— Интересно, до наших времен хоть что-нибудь сохранилось? Или археологи ползают да черепки собирают? — пробормотал я минут через десять, когда вдосталь налюбовался на белоснежный город — все дома и стены там были окрашены в белый цвет, наверное, известкой — и, чмокнув губами, тронул поводья. Мы стали спускаться с холма. До ворот, через которые лился человеческий поток, оставалось пара километров.

Десяток стражников стоял в створках, исполняя контрольно-пропускной режим.

— Блокпост недоделанный, — буркнул я, с интересом наблюдая за их работой. — Как нищие омовцы работают.

В своей легенде я был уверен. Проверку она прошла, к тому же тут больше смотрят на поведение, чем на документ. Да и какому беглому рабу придет в голову пробраться в город в одежде с чужого плеча?

Десятник сразу определил, кто я, и уверенно поднял руку, приказывая остановиться. От выезжающей из города арбы, которую потрошили пятеро воинов, отделились трое и подошли ко мне, окружая.

«Что-то больно они резвые. Может, местечковый план „Перехват“?» — задумался я.

В это время десятник, спросил:

— По какой причине господин желает посетить благословенный Кырым?

Однако я сам сломал его тон. Подбросив золотой на ладони, я небрежно ответил:

— Боярин Красновский желает прикупить себе рабов на вашем рынке. Я думаю, такой великий воин, как вы, десятник, должен понимать, что знатному боярину никак без челяди?

— Это так, боярин, — слегка поклонившись, ответил десятник, жадно глядя на монету, мелькавшую между моих пальцев. — Но мне нужно вас зарегистрировать.

— Боярин Красновский. Выкупился из плена у мурзы Раиф-оглы. Направляюсь домой.

— Тамга? — протянул руку десятник.

Отдав ему тамгу, я проследил, как он придирчиво осмотрел ее, после чего, удовлетворительно кивнув, вернул. Проверка прошла штатно. По вензелям легко можно было определить, что эта тамга с печатью именно этого мурзы.

— Мне будет приятно, если столь славные воины выпьют за мое здоровье, — подбросил я монетку. К сожалению, десятник столь выдающимися данными, как корчмарь Мустафа, не обладал, но желтый кружок все равно исчез в складках его одеяния.

— Может, благородному господину посоветовать, где лучше всего остановиться? — еще ниже поклонившись, спросил десятник. Вот что сила денег творит.

— Было бы неплохо. — Теперь у меня между пальцев замелькала серебряная монета.

— Для богатых господ, не мусульман, есть гостиница. Ею владеет грек Мустафа.

«Еще один Мустафа, — мысленно хмыкнул я, внимательно слушая десятника. — Кстати, слово гостиница он сказал на португальском».

У меня уже было разведанное место для жилья, тот же родственник корчмаря, но я все равно сделал вид, что меня заинтересовал рассказ десятника. Отблагодарив его монетой, я тронул поводья, въезжая в город.

Улицы города были пыльными, однако смрада, которым так пугают историки, не чувствовалось, а когда я заметил повозку, вывозящую мусор и навоз, то понял, что жители города заботятся о чистоте.

Городок мне понравился, узкие кривые улицы, минареты, встречались и трехэтажки. Отъехав на сто метров от ворот и завернув за ближайший угол, я свистом привлек к себе внимание стайки мальчишек.

— Кто монетку заработать хочет? — спросил я.

Детишки разом закричали, подняв руки.

— Мне нужен постоянный двор Асфата.

— Я знаю, — вышел вперед крепкий паренек лет двенадцати. Одет он был в мусульманскую шапочку и бело-серое одеяние до пят. Обуви не было.

— Веди, — кивнул я.

Пока мы неторопливо шествовали, я как бы ненароком поинтересовался, что случилось в городе. Почему стражники на воротах так усердно работают.

— Восстание рабов, — пожал плечами мальчишка.

«М-да, не вовремя я сюда заявился. Хотя можно на этом восстании

снять все сливки. А что? Хорошая идея. Нужно ее обдумать и узнать цену за восставших рабов».

На мой вопрос мальчишка только пожал плечами, что недорого — он знал, но сколько — точно не имел понятия.

Негромко разговаривая с мальчишкой, я шагал рядом, ведя коней на поводу, и вскоре мы дошли до постоянного двора Асфата, племянника корчмаря Мустафы.

Постоялый двор племянника корчмаря оказался не особо крупным, комнат на двадцать, не больше. Двор тоже не блистал размерами, однако для сооружения за крепостной стеной был довольно большим.

Как только мой маленький проводник ткнул пальцем в нужный дом, я бросил ему мелкую медную монетку и вошел в мощный каменной брусчаткой двор через распахнутые ворота, ведя на поводу лошадей.

От каменного сарая, в котором я безошибочно опознал конюшню, ко мне метнулся мальчишка лет тринадцати-четырнадцати. Славянин. Судя по выделанному кожаному ошейнику с арабской вязью, раб.

— Господину нужна комната и вкусно поесть? — низко поклонившись, спросил он.

— Ты не ошибся, парень, — ответил я. — Нужна комната дней на пять. Еще я хочу продать лошадей, они мне больше не нужны. Вещи в лучшую комнату, ужин туда же.

Было часов семь вечера, пришло время ужина, хотя я еще даже не обедал. Торопился успеть до закрытия ворот.

— Хорошо, боярин, все будет сделано.

Во дворе появилось еще двое рабов, только уже взрослых, и мусульманин лет тридцати пяти. Это был хозяин постоянного двора Асфат. С ним-то я и урегулировал свой постоя, передав привет от дяди. Убедившись, что все вещи уложены в комнате, которую я запер на ключ, спустился вниз, где у одного из обеденных столиков меня ожидал Асфат. Зал не сказать чтобы был полон, но семь постояльцев в нем присутствовало, предаваясь жору. Славян кроме рабов тут не было, поэтому многие с интересом провожали меня взглядами. И некоторые не самыми добрыми, правда, замечая две сабли на боку, многие отворачивались. Самозванцы прекрасно знали, что их ждет в случае встречи с настоящим мастером двуручного боя, поэтому старались не показываться на глаза в людных местах. Перед девками пофорсить — это одно, но выйти на улицу... Считаю подписал себе смертный приговор. «Добрые» люди быстро донесут до ушей подобного мастера о самозванце. Так что многие понимали — сабли я ношу не просто так.

Асфату я уже представился и пояснил, для чего оказался в столице.

— Цены на таких рабов упали вдвое. Восстание, — пояснил он, задумчиво поглаживая узкую бородку. Пока я ел вареную баранину, он вводил меня в курс дела.

— Возможность купить есть? И вам не надо думать, куда девать бунтовщиков, и я покупаю хороших воинов.

— Да их уже, наверное, продали на галеры, — отмахнулся Асфат. — Бунт подавили еще два дня назад, не нашли три десятка рабов, прячутся где-то, вот их и ищут.

— Это понятно. Я хочу прогуляться до рынка рабов и осмотреться. В порт съездить, узнать, есть ли тут славянские корабли. Как скоро они возвращаются.

— Это можно устроить, я сам, к сожалению, не могу сопроводить тебя, боярин, но проводника выделю. Это мой старший сын Али. Он знаком со многими моими приятелями из торговцев и посодействует тебе в поисках. В порту он тоже как у себя дома. Поможет. Только сегодня поздно туда ехать, но завтра я прикажу подготовить повозку, и вы отправитесь в порт.

— Хорошо, я щедро отблагодарю, если все хорошо получится. А пока рассчитаемся...

За постой я не платил, просто отдал Асфату лошадей, более того — он добавил мне одну серебряную и горсть медных монет. Лошади были отличные. Конечно, он немного обманул меня в цене, но я об этом знал и был не против.

После ужина я вышел во двор. У выхода, метрах в трех справа, сидел на корточках двенадцатилетний мальчишка из местных. Он гонял щепкой большого жука.

Следом за мной вышел Асфат.

— Это мой сын Али. Али, проводи боярина, как я тебе велел.

— Хорошо, отец, — вскочив, поклонился он.

Мы вместе с сыном хозяина вышли со двора и куда-то направились вдоль одной из кривых улочек города. Народу на улицах было достаточно, судя по тому, как часто мне вслед оборачивались. Воин славянского вида, да еще с саблями — на Руси сабельников было очень мало, основное оружие это меч — видимо, был не частым явлением на улицах столицы.

Али шел рядом молча, но интерес у него ко мне был, и неслабый. Я замечал, какие он бросает на меня взгляды из-под длинных ресниц. Больше всего его интересовало оружие. Чтобы как-то завязать разговор, я спросил:

— Али, скажи мне, если меня вызвали на бой. Например, такой же сабельник. Какие там правила?

Мальчишка не задумываясь ответил, видимо прекрасно знал эту тему разговора или видел результат. Судя по тону, меня он искренне считал самозванцем, да еще беспокоящимся за свою шкуру.

— Правил особых нет. Мастер вызывает на бой самозванца и убивает его. Все зависит от умения мастера...

Дальше он рассказал случай двухнедельной давности, когда в город въехал парень лет двадцати пяти с двумя саблями на поясе. Это в аулах мастера не встретишь, вот он и привык красоваться, а как въехал в город, сразу же нарвался на двух мастеров, идущих из чайной. Дальше судьбу этого идиота предугадать было нетрудно. Народ быстро расступился, образуя арену метров сорок на сорок, и один из мастеров зарубил парня. Одним ударом, даже не напрягся. В общем, если бы тот парень победил, то это воля богов, и он мог носить сабли как мастер. Кстати, и такой случай рассказал Али, правда, происходило это полгода назад. «Самозванца» заметили на площади, о чем тут же сообщили ближайшему мастеру, десятнику Ханиф-оглы, он как раз проводил тренировку стражников, и стали ждать зрелищ. А для чего еще сообщать? Однако тут зрителям пришлось разочарованно разойтись. Оба мастера вышли друг против друга и покрутили саблями, красиво, но на этом было все. Оба поклонились друг другу и разошлись. Вроде как визитные карточки мастеров друг другу предъявили и разошлись. Неплохо система продумана. Меня несколько забавляло, что двухсабельников возвели в культ, показалось или нет, все это было сделано специально.

— Идти лучше к Агабек-оглы, у него самый лучший и качественный товар, — предложил Али.

Слышать такое про людей, да еще русских, было не совсем приятно, но я кивнул. И следом за Али, лавируя между прохожих и зазывал, направился к дальним шатрам. На площади, где устроили рынок, было многолюдно, несмотря на позднее время.

Почувствовав чужую руку на поясе, я ухватил ее левой рукой и одним движением сломал. Послышался тихий писк-всхлип. Не оборачиваясь, я проследовал дальше.

Рабы сидели по-разному, кто в простых загонах, это в основном крестьяне и ремесленники, то есть не буйные. Остальные в кандалах в сарае.

Дойти до шатра, что принадлежал Ахмету, мы не успели, нам преградили дорогу двое местных самого устрашающего вида.

Толпа вокруг разом отхлынула в сторону, и мы оказались на чистом пятачке.

Раздвинув амбалов, вперед вышел угрюмого вида половец с длинными тонкими усами ниже подбородка, в кольчуге и с темляком десятника на шлеме. Больше всего мое внимание привлекли две сабли на поясе, только вот носил он их как японцы. Интересный типаж.

— Чужак посмел войти в славный Кыргыз, да еще, недостойный, нацепил две сабли, — прорычал он и тут громко же провозгласил: — Я вызываю тебя на бой мастерства!

Бывает такое, увидел человека — и сразу резкая антипатия к нему возникает. Вот и у меня так.

Он стоял в пяти метрах от меня, амбалы отошли к толпе, в середине образовавшегося участка остались я, мастер и Али.

Не успел я сказать Али, чтобы он отошел в сторону, как десятник выхватил сабли и стал крутить ими. Я с большим недоумением смотрел на него, пытаюсь понять, зачем он бессмысленно режет воздух. Чем-то его бессистемные движения напоминали «Танец с саблями», но в столь топорном исполнении, что я несколько терялся.

Как только он перестал изображать мельницу — может, со стороны это и казалось красивым, но к мастерству никакого отношения не имело — мои дальнейшие действия были вполне предсказуемы. Я достал медную монетку, бросил ему под ноги и буркнул:

— Скоморох!

Причем голос я даже не думал понижать.

— Я тебя порежу на ленточки! — взбешенно вскричал он.

Али уже отбежал, так что я спокойно отреагировал на его бросок. Молниеносно выхватив сабли, принял один его клинок на правую саблю, второй пропустил над головой, сделал шаг в сторону — и спокойно воткнул левый булатный клинок ему в бок, достав сердце.

Судя по мастерству, которое продемонстрировал мне этот десятник, уровень у него ученика, но никак не мастера, а ведь, по словам Али, десятник стражников Ханиф-оглы считался сильным сабельником. Охренеть, тогда кто я?

Достав тряпочку, которую держал специально для этих случаев, я протер клинки, но прежде чем вернуть их в ножны, сделал серию «Укус осы». Со стороны казалось, что замелькавшие сабли изогнулись в движении и гладят меня, не касаясь тела. А когда на глазах ахнувших в восхищении зрителей одна из сабель обвилась вокруг моей ноги и прошла вверх и вниз, то мне показалось, ахнул весь город. Это, конечно, был оптический обман при быстром движении, но на то и рассчитано.

Теперь я стал достаточно популярным в городе, местные ценили

подобное мастерство очень высоко. Но и в этом были свои минусы, слух обо мне может дойти до мурзы, тамгой которого я столь нагло пользуюсь, а мне пока этого не надо. Тут средства связи допотопные — посыльные да в редких случаях голуби, но нужно будет поторопиться. Поэтому я решил урезать время своего пребывания в этом городе на два-три дня. По плану, после изучения рынка рабов, мне нужно было узнать, есть ли в порту русские корабли, договориться и от этого отталкиваться, строя планы.

Вернув сабли в ножны, я отошел в сторону, придирчиво рассматривая камзол. Мне показалось, что несколько капель крови попали на него.

— Вы лучше Ханифа-оглы, — убежденно сказал подбежавший Али. Больше никто ко мне приблизиться не смел. Ладно бы был свой, местный. А тут чужестранец, тем более русич. Боялись, и правильно делали.

Вызов мне бросили, так сказать, официальный, при множестве свидетелей, так что по закону я был неподсуден. Поэтому несколько удивился, когда ко мне подошли трое воинов-стражников.

Крови я на одежде не обнаружил, так что, убрав тряпочку, посмотрел на остановившихся рядом воинов, жестом приказав Али замолчать.

— Чужеземец. Начальник стражи желает с тобой поговорить. Иди за мной, — приказал старший из воинов. Слегка морщинистый, с такими же тонкими усиками, как у убитого, сорокалетний половец.

— Али, что у нас по плану? — спросил я у проводника и немедленно получил ответ:

— Осмотр рабского рынка и беседа с уважаемыми торговцами.

— В планах есть посещение начальника охраны города?

— Не-ет, — удивленно протянул паренек.

— Слышите? Мой секретарь сообщит вам, когда я буду свободен. Али, пошли.

Никакого желания посещать местную шишку у меня не было, поэтому я и послал воинов столь завуалированно. Ну их на хрен, местных мурзов... мурзыв... мурзиков? Интересно, слово мурза склоняется?

— Стой! Если ты не пойдешь сам, мы...

— Поведете меня силой? — нагло перебив его, поинтересовался я, резко разворачиваясь и положив ладони на рукоятки сабель, слегка вытянув их из ножен.

— Да, — коротко ответил он, жестко посмотрев на меня.

— Попытайся, — ответил я таким же взглядом. — Я не раб, чтобы прибегать по первому свисту своего хозяина. Пшел прочь!

«Сейчас прольется чья-то кровь. Сейчас... сейчас», — мысленно промурлыкал я.

Служба в армии, последовавшая за ней инвалидность и перерождение сильно изменили меня. Я терпеть не мог давления и принуждения, реагируя на них, как бык на красную тряпку.

К моему удивлению, воин, резко кивнув, развернулся и направился обратно. Чуть помедлив, два воина последовали за ним.

— Умен, — задумчиво проводив его взглядом, протянул я.

— Ты бы справился с ними, боярин? — спросил Али.

Все, кто стоял рядом, замолкли. Мне показалось, у некоторых выросли уши, а у других повернулись в мою сторону.

— Да. За пару ударов сердца. Воин это понял и решил отступить. Нам в какой шатер?

— Вон в тот, синий, с красными полосами, — протянув руку, указал Али.

— Идем туда. Скоро стемнеет, а нам еще возвращаться.

— Хорошо, — мальчишка зашагал рядом. — А Ханиф-оглы был плохим мастером?

— Он не был мастером, — рассеянно ответил я, отслеживая обстановку вокруг.

— Но он многих победил, да и другие мастера его признали.

— Что же у вас за мастера такие? Ханиф никогда не учился двуручному бою. То есть, я хотел сказать, его никто не учил. Могу предположить, если проанализировать его движения и стиль боя, что был охранником или слугой у мастера и наблюдал, как тренируются ученики мастера. Потом, скорее всего, в укромном месте повторял. Все удары ученика при обучении должны ставиться мастером. Он должен отслеживать все движения и поправлять. У Ханифа такого нет, так что он не обучался, а именно подглядывал и как обезьянка повторял движения.

— Но он...

— Да, он мог победить даже опытных воинов, тут главное доведение ударов, даже плохо поставленных, до автоматизма, что он и сделал, став полумастером.

— Понятно. Он тоже был самозванцем, — задумчиво протянул Али.

— Близкая аналогия, — согласился я.

В это время мы подошли к нужному шатру, вход которого охраняли два высоких ниггера с дубинками в руках.

— Мы к Агабек-оглы, — произнес Али.

Пока один из охранников что-то прокричал внутрь шатра, пост он не бросил, я посмотрел на двенадцать воинов в полном вооружении, которые направлялись к нам. Их намерения были видны невооруженным глазом.

— Личные воины начальника, стражи Кырыма мурзы Агдаль-оглы, — пояснил Али, тоже обернувшись на шум амуниции. На базаре снова наступила тишина. Немногочисленные торговцы и многочисленные покупатели наблюдали за тем, как к нам подходят стражники.

Вот странно, с человеком в двух шагах разговаривать невозможно было, настолько сливались в один ор и крики зазывал и споры продавца и покупателя, топот, рев животных, а тут все разом стихло. Интересное явление.

— Хозяин ждет вас, — слегка поклонился один из охранников. Второй продолжал стоять как истукан. Проходя, я «случайно» задел его локтем, отчего он подобострастно поклонился, хватая открытым ртом воздух.

Шатер был огромен, поэтому я не удивился, когда увидел, что он разделен на комнаты занавесями из светлого шелка.

Пройдя по этому коридору, Али откинул одну из занавесей и вошел в небольшое помещение размером квадратов сорок.

Полулежавший на топчане смуглый полный мужчина посмотрел на нас, кивком приказывая наложнице отойти. Та, кстати, кормила его щербетом с рук.

— Али, мальчик мой! — воскликнул торговец и, несмотря на свое телосложение, довольно резво вскочил на ноги.

— Дядя Агабек! — воскликнул парень.

Потрепав моего провожатого по макушке, торговец с прищуром оценивающе посмотрел на меня.

— Дядя, это мастер двуручного боя, боярин Красновский. Он хочет купить русских воинов. А это лучший торговец Кырыма Агабек-оглы, — представил нас друг другу Али.

— Ты, молодой боярин, пришел куда надо. У меня есть любой товар, — слегка кивнул торговец.

— Дядя, он победил Ханифа, — тихонько прошептал Али, пропустив звание мастера перед именем десятника.

— Видел, мальчик мой, — так же тихо ответил торговец.

Шептали они едва слышно, но я все понял.

— Проходите, молодой человек, — указал он на узорчатый ковер, в середине которого стоял столик.

Мы уселись вокруг него. Хлопнув в ладоши, торговец запустил людской конвейер. Сразу же рядом с нами засуетились наложницы, расставляя яства.

Мы спокойно поели, разглядывая танец живота в исполнении одной из наложниц. Музыка была так себе для моего искусенного слуха, а танец

ниче так, один раз посмотреть можно.

Торговец отлично знал русские обычаи, перед серьезным разговором надо покормить гостя и только потом приступать к деловым разговорам.

Насчет рабов из бывших воинов мы договорились быстро, послезавтра к обеду их подготовят к осмотру. Торговец кивнул, когда я продиктовал, кто мне нужен. На завтра у меня по плану посещение Кафу, где находился порт. Дорога туда-сюда займет много времени, поэтому я и договорился на послезавтра.

— Лазутчиков у меня было только двое, оба участвовали в бунте и резне у главных ворот. Их четвертовали. Но я поспрашиваю у других торговцев.

Лазутчики — в местном понимании разведчики. Пластуны, если проще. Они мне были нужны, поэтому я согласно кивнул головой.

— Скажите, юноша, почему вы отказались от предложения светлоголикого мурзы Агдаль-оглы? — вдруг спросил торговец.

— Попросили невежливо, — пожал я плечами.

— Агдаль-оглы очень вспыльчивый и мстительный мурза. Ханиф-оглы был его подручным, исполнявшим темные поручения.

— Кстати, мне он не показался особо умелым сабельником.

— Он им никогда и не был. Настоящие мастера за своего его не считали, но он был под рукой мурзы, который ему покровительствовал, запретив мастерам трогать своего человека. Всем известен характер мурзы.

— Тогда многое становится ясным.

— Как мне сообщили, у входа в мой шатер тебя ожидают двенадцать воинов мурзы.

— Да пусть ожидают, — отмахнулся я.

— Но вы же не будете сидеть тут вечно. Я, конечно, уважаемый в городе торговец, но влезать между вами мне бы не хотелось.

— Да и не надо. Сам справлюсь. У меня только вопрос: я могу убить этих воинов?

— Ты сильный мастер, но и тебе не совладать с лучшими воинами мурзы.

— Вот это меня как раз не особо волнует. Что мне за это будет?

— Если они вызовут тебя на бой, то ничего, а вот если ты нападешь на них сам — четвертуют.

— Понятно. Сделаем так, чтобы этот мурза утерся.

— Гордыня — это грех, — укоризненно покачал головой торговец. Али сидел рядом и, работая челюстями, внимательно слушал нас.

— Это вы случайно не по Священному Писанию христиан шпарите? —

усмехнулся я.

— Я христианин, — просто ответил торговец, заставив меня закашляться.

— Предупреждать надо, — выплюнув виноград, пробормотал я.

— Думаете, как может христианин продавать людей?

— Да нет. Мне пофиг.

— Но вы христианин?

— Пока еще не определился, хотя... Расскажите мне про самые сильные стороны мусульманства...

Через двадцать минут закончив с торговцем и договорившись о времени посещения его загона и сараев, где он держит рабов — утром нам нужно было в порт, а уж после можно и на рынок, — мы вышли из шатра. Оба охранника сразу же поклонились, даже достаточно низко. Уважают.

Стоявшие несколькими мелкими группками воины мурзы оживились. Площадь была полна. Нет, не так. На ней не то что финику упасть было негде, так еще все дома, балконы и даже крыши были оккупированы зрителями. Судя по слугам с опахалами на ближайшем балконе, тут были и важные персоны.

— Да я тут популярностью пользуюсь, — усмехнулся я и нагло раскланялся.

Как только воины мурзы приблизились, я оттолкнул Али в сторону, чтобы не мешал, и направился к ним навстречу. Мальчишка вернулся к входу шатра и сел на вынесенный топчан, где в первом ряду уже устроился торговец. Его, видимо, несколько не пугала близость возможной схватки.

Передо мной стояли двенадцать воинов. Не салабонов, а нормальных, с немалым боевым опытом. Волчары, вот что про них можно сказать. Но не думаю, что они побывали в реальном бою, скорее всего, усмирители бунтующих рабов. В этом случае навык можно было наработать. Это мне в плюс, несмотря на победу над самозванцем, я для них все такой же славянин, будущий раб. Опасный, но не слишком.

«Какие они суровые, как бровки-то напوماженные хмурят. Ой, ща лужу напущу!» — мысленно хмыкнул я.

Чуть склонив голову, я скрестил руки на груди.

— Чем обязан? Для чего столь великим воинам, которые одним взглядом разрушают горы, понадобился маленький забитый русский боярин? — спросил я слегка подрагивающим голосом, стараясь не рассмеяться. Ничего опасного в этой ситуации я не видел.

Некоторые воины приняли мои слова на веру, расправив плечи и кидая вокруг грозные взгляды: все ли слышали мои слова о них? А вот

старший и еще два воина не повелись.

— Ты подло убил десятника Ханиф-оглы. Мы хотим свершить правосудие! — прогремел над огромной площадью его голос, а где не прогремел, там передали благодарные зрители.

— Все сразу? — спросил я, скукожившись и испуганно втянув голову в плечи.

— Все вместе! — резко кивнул старший воин.

— Ну и хорошо, — расправив плечи, буднично ответил я. И уже громко: — Я принимаю вызов от столь славных воинов!

Выхватив сабли, я сделал тренировочный комплекс тычковых ударов, перейдя на «Тень ветра». Перед тем как начать, заметил ужас в глазах воина, он понял, что они крепко влипли.

Я так понимаю, они на прошлом бое не присутствовали и слышали только рассказы. Где мой финт был посчитан подлым ударом.

— К бою! — рявкнул я.

Надо отдать старшему должное, он быстро пришел в себя и начал командовать своими воинами, которые стали окружать меня.

Нападать они не спешили, выжидающе глядя на меня. Ага, ждите. Игорь еще на первых тренировках вдалбливал мне, что в соотношении большого количества противников на меня одного нужно занимать оборонительную позицию, что, возможно, приведет к победе. В атаке всегда есть шанс нарваться на случайный удар. Противников много. Острых железяк тоже.

Так мы и стояли, отслеживая движения противника. Все были опытными, смотрели на ноги друг друга. Мне было тяжелее, они окружили меня. Я быстро смог проанализировать по движениям и вооружению воинов, что против двуручного они никогда не выходили. Они были вооружены саблями и небольшими щитами, ранее находившимися за спиной. Про шлемы и кольчуги я не говорю, но у троих еще имелись наручи. У них был мизерный шанс справиться со мной, если бы их вооружение дополняли копья или нечто похожее, с длинным древком.

Решив с чего-то начать, я ковырнул носком сапога втоптаный между камней брусчаткой камешек и подкинул его, приняв на саблю. Через пару секунд я уже жонглировал четырьмя камешками. Тут старший скомандовал атаку, решив, что я слишком увлекся этим занятием. Я уже давно не сосредотачивался на жонглировании, так что атаку не пропустил, хотя она и была достаточно качественной. Быстро отправив в полет все четыре камешка так, что они попали в лица четырех воинов справа, я рванул к ним. Пока они на мгновение потеряли ориентацию от удара и боли —

кажется, одному я попал в глаз, от чего он стал вытекать — провел серию быстрых ударов.

Дезориентированных воинов мне не составило труда дорезать, просто пробежав мимо, коснувшись острой саблей шей и вскрыв сонные артерии. Мало того, я еще успел скрестить клинки с пятым, он первым успел к нам. Приняв его первый удар, я присел и второй саблей ударил по ногам. Одну успел отрубить и задеть вторую. Дальше пришлось отскакивать, меня отгеснили от раненого остальные.

«Минус пять», — мысленно пропел я. Пока мы дрались, раненые истекали кровью, хотя даже с медицинской помощью у них не было шансов. Я знал куда бить. Дальше было веселее. Остальные семь воинов стали отжимать меня от четырех тел и шевелившегося обрубка, я их использовал как препятствия, мешающие вести бой в строю. Такие мягкие камни.

Работали они уверенно, даже как-то с огоньком. Видимо, решили отомстить за убитых товарищей.

Для меня это был фактически первый бой лицом к лицу с множеством противников. Бой в долине, поединок с подделкой и тренировочные спарринги не в счет, так что я упивался новыми ощущениями. Одновременно я изучал противников.

«Командир их, сразу видно, пороху не нюхал. Да, опыта турнирных схваток ему не занимать... Но реальный бой, через боль, пот и кровь — это другое дело. Хорошо, что я крови не боюсь!»

Дальше была просто тупая рубка. Я часто пользовался ногами, ударом о щит, откидывая то одного воина, то другого. При первом таком ударе я воспользовался неожиданностью и образовавшейся прорехой в строю, воткнув острия сабель в бока воинов, стоящих слева и справа от выбитого, сократив их количество до пяти. Удары пришлись подмышку, пробив кольчугу, так что они не жильцы. После чего едва успел отскочить, остальные не дремали и активно махали своими железками.

Мне быстро наскучило это тупое топтание на одном месте и я, ускорившись, врезался в щиты, отбив в сторону удары двух сабель. Двое воинов отлетели, тут же вскочив на ноги, но уже было поздно, строй распался, разбившись на отдельные схватки. Тут я уже был в своей стихии.

Дальше ничего особо трудного не было, я и двигался быстрее, и оказался более умел в схватке. Закончив с четверьмя оставшимися, я выдернул застрявшую в ребрах одного из воинов саблю и посмотрел на стоявшего и глядевшего на меня исподлобья старшего воина. Его я оставил напоследок.

Дико закричав, он рванул в атаку. Отбив довольно умелый удар в сторону, я возник у него сбоку, ударом ноги сзади под колено свалил его и приставил обе сабли к шее, сделав этакое ножницы из лезвий, и только потом огляделся. Площадь безмолвствовала. Не такого зрелища они ожидали.

Посмотрев на макушку стоявшего на коленях ко мне спиной воина, я сомкнул лезвия, глядя, как по окропленной кровью брусчатке покати́лась голова. Сработали «ножницы».

— Боги рассудили наш поединок! — крикнул я ритуальную фразу.

Достав тряпочку, протер лезвия и вернул оружие в ножны, после чего махнул рукой Али и направился к выходу с площади.

Безмолвная толпа расступилась, образовав широкий коридор. Али уже догнал меня, поэтому я спросил:

— Чего это они?

— Они вас не знают, — пожал плечами мальчишка.

— О как?

Остановившись перед образованным коридором, я вскинул руки и прокричал:

— Слава воинам, сложившим свои головы во имя веры.

— Да-а!!! — вскричала толпа, радостно скандируя мои последние слова. Чего им еще надо, зрелище было — вот и радуются. А что чужак? Всякие воины бывают. И черные и желтые.

«Ну все, мосты за собой я сжег, нужно убираться отсюда побыстрее. Пока все идет по плану, должен обо мне слух пойти на Русь. При возвращении мне это ой как пригодится. Главное чтобы не траванули, от железок я еще отмахуюсь, но вот яд в еде не распознаю. Нужно быть осторожнее и быстрее сматываться».

Пройти по коридору мы успели метров на десять, когда из толпы вышел воин и преградил нам дорогу. Вот тут я напрягся. Это были не те двенадцать деревенских увальней — это был настоящий ВОИН. Тем более мастер, я сразу заметил две сабли, рукоятки торчали из-за спины.

— Мастер, — слегка поклонился он мне.

— Мастер, — вернул я поклон.

Нам не нужно было демонстрировать зрителям распознавание, мы узнали друг друга по движениям.

— Это мастер Али-оглы, — задергал меня за рукав проводник. В его голосе слышалось искреннее восхищение.

— Почему ты убивал их так долго? Ведь ты мог это сделать за шесть ударов сердца, — спросил воин.

— Хлеба и зрелищ, — пожал я плечами.

Воин понял. Поэтому, снова уважительно склонив голову, он отошел в сторону. На его место вышел еще один мужчина, вернее старик за шестьдесят лет. Это был местный вельможа, мурза, и не из слабых и бедных, а реальный такой богач. В его движениях сразу чувствовалась властность.

— Главный советник хана мурза Абади-оглы, — тихо прошептал Али.

— Боярин Олег Красновский, сын бывшего воеводы Великого Новгорода, боярина Кузьмы Михайловича Красновского. Пятнадцать лет, — негромко проговорил советник. Такие голоса не повышают, их и так слушают открыв рот. Вельможа — мать его.

«Оп-па, здравствуй, жопа, новый год. Быстро меня вычислили», — мысленно пробормотал я. Стряхнув растерянность, я расправил плечи.

— Меня радует, что столь известный вельможа, главный советник светлоликого хана знает обо мне, — поклонился я.

По идее сейчас должно последовать предложение, от которого я просто не смогу отказаться. Так и вышло.

— Я наслышан о твоём отказе начальнику стражи, поэтому сам решил пригласить тебя ко мне во дворец. Меня порадовал поединок, подобное мастерство я видел дважды, ты третий.

— Я принимаю ваше предложение, о главный советник, — снова поклонился я.

Если бы не явная издевка в моем голосе, можно было подумать, что я преклоняюсь перед ним. Вельможа был достаточно умен, чтобы понять это, поэтому удивленно моргнул, но, к моему удивлению, еще и умудрился подмигнуть мне, сделав потом морду кирпичом. Ой не прост этот советник, ой не прост.

«Да его все это забавляет! — только сейчас понял я. — Ладно, посмотрим, что там у него за дворец. Кажется — эта встреча мне еще пригодится».

— Али, возвращайся к себе, а то скоро стемнеет, а я приму приглашение советника. Не забудь, утром нам нужно в порт.

— Хорошо, — кивнул мальчишка и быстро исчез в толпе.

Советник неторопливо и величаво развернулся и сел в поднесенный паланкин, который несли шесть невольников. Рядом пристроилась охрана из восьми воинов. Девятым был тот мастер, он служил старшим охранником у мурзы.

Подойдя к мастеру Али-оглы, я вопросительно приподнял бровь.

— Следуй за мной, — велел он.

Мы неторопливо зашагали за паланкином. Сперва по площади, потом по главной улице, достаточно широкой и ровной по сравнению с остальными.

— О чем задумался? — спросил у меня мастер Али-оглы.

— Да вот думаю, что носильщики достаточно крепкие, да и место в паланкине есть. Могут и двоих понести, — ответил я.

Поначалу Али не понял, о чем я. С недоумением переводил взгляд с паланкина на меня и обратно. Но потом вдруг согнулся от смеха.

Мастер оказался удивительно смешливым, он похохотывал до конца нашего пути. Чтобы закрепить успех, я рассказал анекдот:

...Попал татарин после смерти в ад. Ему объяснили, что каждую тысячу лет наказание меняется, и предложили выбрать первое. Сначала ему показали камеру, где молодого мужчину секли плетьюми. Новичку это не понравилось. Потом его привели туда, где более старого грешника подвергали пытке огнем. Татарин и на это не согласился. В следующей камере потрясающая блондинка делала минет старику. Татарин сказал, что выбирает это. Черт подошел к блондинке и сказал: «Идем, твои мучения окончены»...

Отсмеявшись, мастер спросил, что такое минет. После подробного объяснения он уже идти не мог. Против татар он ничего не имел, так как в Крыму их было не так много, в основном ногайцы да половцы. Да и специфику веры тоже не комментировал.

Рядом трясся паланкин. Оказалось, вельможа с интересом прислушивался к нашему разговору, и теперь, как и мастер Али, смеялся над моей немудреной шуткой.

— Еще можно? Можно ли услышать столь интересные рассказы, о сказочник? — поинтересовался Али.

Сказочниками тут называли не врунов или им подобных, а профессиональных рассказчиков вроде наших актеров разговорного жанра, так что я не обиделся.

— Почему нет? Нам, кстати, далеко?

— Нет. Вон виднеются башни дворца Абади-оглы, — показал он на три высокие башни за мечетью.

— Значит, пару анекдотов успею рассказать. Тут идти пару минут. Слушайте следующий.

...Татарин женился на ногайке и говорит ей:

— Если у меня тубетейка на затылке, значит, настроение хорошее и можешь делать со мной что хочешь. А если надвинута на лоб, то лучше не подходи ко мне...

А жена отвечает:

— Если у меня руки скрещены на груди, то я тебя накормлю, в постель уложу и делай со мной что хочешь. А если руки в боки, то мне пофиг, где у тебя тубетейка!!!

Так под смех вельможи и воинов, охрана тоже не осталась в стороне, мы дошли до дворца. Без шуток, это сооружение просто никак по-другому не назовешь. Во дворе фонтан, дорожки выложены мозаичной плиткой, цветные стекла в витражах, бассейн на заднем дворе. Даже трава и кустарник подстрижены в английском стиле. Красиво, что уж говорить. И слуги. Много слуг, когда носильщики, шлепая босыми ногами, пронесли мимо паланкин, они бросали работу, вставали на колени и кланялись. У многих слуг были рабские серьги в ушах, у некоторых ошейники.

Вельможа с кряхтением покинул паланкин — возраст, что скажешь — и направился в сопровождении слуг во дворец.

— Идем за мной, — велел мастер Али.

Мы пошли через парадный вход, но не за мурзой, а повернули направо и, пройдя через пару комнат, коридор, поднялись по красивой мраморной лестнице и оказались в большом зале с маленьким фонтаном в центре. Судя по обстановке, зал предназначался для важных разговоров. Столик, заставленный фруктами, топчаны. Мягкие ковры, на которых возлежали хозяева, и помост для танцовщиц.

— Располагайся, хозяин скоро подойдет.

— Хорошо, — устроившись на топчане, я взял свежий персик и, протерев его об обляпанный кровавыми пятнами камзол, надкусил.

В это же время зазвучала музыка, в основном в духовом исполнении, струнный инструмент был всего один. Музыкантов я не видел, но судя по направлению, откуда звучала музыка, было понятно, что скрывались они за шелковой занавеской.

В это же время шелковый занавес впереди, справа от скрытых музыкантов, откинулся и на подиум выпорхнула девушка лет пятнадцати-шестнадцати, в шелковых одеяниях и, на миг остановившись, стала танцевать. Девушка, судя по внешности, была азиаткой, но удивительно красивой и фигуристой. Из ее уст, словно мелодичный звон колокольчиков, полилась песня.

Поначалу я не понял смысла танца, но потом как ударом тока пронзило:

«Укус пчелы», вот что это было. Я об этом танце только слышал, но сейчас наблюдал воочию. Как бы вам пояснить, что это такое? Одним словом — это стриптиз! Самый настоящий, неприкрытый стриптиз.

Девушка, мягко двигаясь по постаменту, невесомыми пассами рук «отгоняла» от себя невидимую пчелу. Ее уста порой смыкались, прерывая пение, а сквозь зубы вылетало навязчивое жужжание «насекомого». «Пчела» кружила вокруг девушки, заставляя ту изгибаться в самых причудливых и сладострастных позах. Это было необычайно пластично и сексуально притягательно. Я, избалованный телевидением и стриптиз-клубами, и то не сразу смог справиться с наваждением. Ай да мурза, нашел-таки у меня слабое место.

А танец меж тем становился все более и более мистическим, буквально завораживая мое сердце. Опасная «пчела» одним махом «залетела» в рукав танцующей, заставив ту завертеться волчком, срывая с себя одну деталь одежды за другой. Было видно, как девушка боится «укуса пчелы», как она топчет упавшее платье, рубашку, шаровары, но... ах! При снятии последнего, сугубо интимного предмета туалета «пчела» все-таки исхитрилась совершить свое черное злодеяние! Гибкое и смуглое тело вздрогнуло, невероятно прогнувшись, и словно забилося в последнем, яростном экстазе невыносимо сладкой боли...

Когда я пришел в себя, девушки и разбросанной одежды уже не было.

— Какая девушка... Пери, а не девушка, — восхищенно пробормотал я. Вспомнив о персике, я разжал руку и посмотрел на раздавленный плод. Я не то что о персике забыл, я его даже не дожевал.

Один Али стоял у входа как изваяние, но было видно, что и на него танец произвел впечатление. Странно, он же по идее часто должен был его видеть. Выработать иммунитет.

В это время в зале появился мурза. Посмотрев на меня, он прошествовал к свободному ковру и возлег на него, положив локоть на топчан.

«Так вот он для чего, а я-то думаю — узкий и сидеть неудобно», — подумал я и почти сразу сполз с топчана, зеркально повторив позу старика. Поправил ножны левой сабли, она врезалась в бок, и устроился поудобнее.

— Дорогой Абади-оглы, мне хотелось бы выразить свое восхищение и отблагодарить за столь восхитительный, воспетый поэтами танец. Но сперва хочу задать один вопрос, — чуть склонил я голову. — Дозволяешь ли?

— Дозволяю, — ответил мурза.

— Возможно ли купить танцовщицу?

Неожиданно для меня старик захохотал, сзади посмеивался Али. Судя по поведению обоих, я допустил изрядную оплошность.

— Я не продаю собственных детей, — отсмеявшись, пояснил старик.

«Оп-па, и что это было? Дочка вельможи танцует перед безродным мастером. Какого хрена?!» — удивился я.

— Удивляешься, почему моя дочка перед тобой танцевала? — вытирая выступившие слезы, спросил старик.

— Есть такое дело, — осторожно ответил я, вдруг тут за то, что видел ее обнаженной, полагается тащить под венец?

— Не беспокойся. Она у меня избалована, с танцовщицами подружилась, я не мешал, подружек-то у нее почти не было. Многому научилась, но не танцевать же ей перед друзьями и знакомыми? Позору не оберешься. Дочь советника пляшет перед гостями...

— А я тут при чем?

— Ей хотелось поверить в себя, что может танцевать, есть у нее способности, а тут ты под руку подвернулся. Я не мог отказать дочери, — хихикнул старик.

— Ясно, — уныло сказал я. — Потешаетесь над бедным юношей.

Понять было действительно не трудно, девушка проявила себя. Поверила, что что-то может. Ну а то, что я выступил в роли зрителя — так это просто стечение обстоятельств. Тем более через пару дней меня тут не будет.

Вздохнув, я попросил:

— Дорогой Абади-оглы, прикажите принести мне струнные музыкальные инструменты. Я сам выберу себе нужный.

Мурза улыбнулся, но сразу понял, зачем мне это надо, согласно кивнул и махнул рукой, приказывая принести слугам инструменты. Ответ был прост: я не хотел оставаться в долгу, а этот танец, по моему мнению, подразумевал именно это, и решил ответить песней, правда, без танца. Тут не подкопаешься — я отблагодарил и ничего не должен.

Слуги внесли десяток инструментов, один из них, вроде лютни, показался мне вполне подходящим, к сожалению, гитар не было.

— Может, пригласим вашу дочь? — спросил я, настраивая инструмент.

— Пожалуй, — кивнул старик, и, к моему удивлению, действительно велел позвать девушку, что заставило меня резко поменять репертуар. Я-то хотел спеть старику про жадного богача, но пришлось импровизировать.

Девушка появилась сразу. Как только она присела у ног советника, я тронул струны лютни.

...Эти глаза напротив — калейдоскоп огней.

Эти глаза напротив ярче и все теплей.

Эти глаза напротив чайного цвета.

Эти глаза напротив — что это, что это?

Пусть я впадаю, пусть,

В sentimentalность и грусть.

Воли моей супротив эти глаза напротив.

Вот и свела судьба, вот и свела судьба.

Вот и свела судьба нас.

Только не подведи, только не подведи.

Только не отведи глаз.

Эти глаза напротив — пусть пробегут года.

Эти глаза напротив — сразу и навсегда.

Эти глаза напротив — и больше нет разлук.

Эти глаза напротив — мой молчаливый друг.

Пусть я впадаю, пусть.

В sentimentalность и грусть.

Воли моей супротив эти глаза напротив.

Вот и свела судьба, вот и свела судьба.

Вот и свела судьба нас.

Только не подведи, только не подведи.

Только не отведи глаз... [□](#)

По моему мнению, девушка вела себя странно. Она положила локти на топчан, подбородок на скрещенные ладошки и не отрываясь смотрела мне в глаза, слушая песню. Вложив в голос страсти, а во взгляд любви, я мстил ей за танец со страшной силой. Пусть тоже кончит.

Как только песня смолкла, я прикрыл глаза, возвращаясь к действительности. Хлопки ладоней вернули меня в реальность. Девушки уже не было, хлопал старик.

— Прекрасная песня. Вы пели с легким акцентом, это добавило шарма, — прекратив хлопать, сказал советник, после чего приказал слугам

накрыть стол.

Почти мгновенно вместо маленького столика с фруктами внесли другой, с мясными блюдами, а старый вынесли.

Посмотрев на мясное блюдо, которое передо мной положили, я с подозрением взглянул на советника. Понимающе усмехнувшись, он дотянулся и золотой ложкой подхватил с моего блюда несколько кусков мяса и гарнира из овощей, отправив их в рот.

— Я знал, — радостно воскликнул я и принялся за еду.

Подтерев куском мягкой лепешки соус с тарелки, я отправил его в рот. Поздний ужин — на дворе уже давно наступила ночь — мне понравился, и вкусно и сытно.

— Думаю, можно уже поговорить на тему моего приглашения. Вы ведь это сделали не просто так? — спросил я, когда столик унесли.

— Это так, молодой человек. Кто ты — я не знаю, Олега Красновского все лучше не поминать, он мертв. Меня заинтересовало, кто ты и почему столь нагло пользуешься чужим именем?

— А вам не все равно? Оба Красновских мертвы, месть свершилась, что еще надо?

— Красновский убил моего племянника, так что у меня есть повод интересоваться. Старший Красновский пропал почти год назад. Ты знаешь, где он?

— Мертв, умер как воин с мечом в руках.

— У него были отрублены большие пальцы, — попытался поймать меня на лжи советник.

— Я сделал протезы. Так что меч он мог держать в руках.

— Хм, вот как? — задумался старик, но потом после некоторого размышления спросил: — Почему ты пользуешься его именем?

— Последняя воля. Он усыновил меня и попросил отомстить предателю. Это я и собираюсь сделать.

— Я знаю, кто он.

— Я тоже, — пожал плечами я, не давая посадить себя на крючок.

— Основное я выяснил... Когда ты собираешься покинуть ханство?

— Наберу боевых холопов, найду судно, отходящее на Русь, и уйду. Рассчитывал управиться за пару дней.

— Я тебе помогу. Как советнику мне многое ведомо. В порту два ушкуя из Московии, отходят они через четыре дня. Пришли вместе, уходить тоже будут вместе. У тебя есть шанс попасть на них, я прикажу начальнику порта договориться о пассажирах. Сколько ты хочешь набрать холопов?

— До тридцати.

— Хорошо, я отправлю своего человека. Платить владельцам будешь сам.

— Спасибо.

— Я приказал приготовить тебе комнату.

— Но у меня...

— Утром тебя разбудят. Я распорядился, однако начальника стражи все-таки поостерегись. Злопамятный человек.

— Я тоже.

Через пару минут после умывальни я оказался в мягкой постели, проваливаясь в сон. Советник мне очень понравился. Отличный старикан с характером, похожим на мой, так что подлости я от него не ждал, но все равно забаррикадировал все двери и повесил импровизированную сигналку на окна.

Утром жители Кырыма были привычно разбужены намазом муэдзина. Песню-крик с мечети изредка заглушали вопли на русском:

— Да заткнись ты! Дай поспать, рэпер долбаный!

При этом русский язык некоторых местных, живущих рядом с дворцом советника, обогатился выражениями типа: «падля», «сюка», «тварь болотная», «язык вырву» и «челюсть в желудок вобью».

Рано утром, когда я, не выспавшийся и поэтому с плохим настроением, вышел в обеденный зал, советник с бодрым аппетитом уже уплетал завтрак. Рано они тут встают.

— Добрый день, Олег. Прекрасное утро, не правда ли? — поприветствовал он меня.

— Здравствуйте, советник. Утро не может быть добрым, — зевнув, аккуратно прикрывая ладонью рот, ответил я.

— Почему? — искренне удивился он. По бокам от него стояли двое слуг, которые подавали столовые приборы или пододвигали ближе тарелки с понравившимися советнику кушаньями. Бессменный Али все так же подпирал потолок у входа.

— Потому что утро, — логично ответил я, присаживаясь и замирая, пока ловкие слуги суетились вокруг меня.

— Не выспались?

— Есть такое дело, советник.

— Завтракай — и можешь отправляться в путь. Твой попутчик уже ждет у входа. Кстати, забавную историю услышал мой домоправитель,

когда встречал воз со свежими продуктами. Оказалось, во время утреннего намаза кто-то непочтительно перекрикивал муэдзина на русском и ногайском. Причем, со слов очевидцев, неизвестный кричал со стороны моего дома, — тут он остро взглянул на меня поверх пиалы с чаем.

— Врут, — убежденно ответил я и тут же перевел разговор на другую тему: — Что там с русскими кораблями?

— Я отправил посыльного в Кафу, он предупредил купцов о вас. Место у них есть, и они не против пассажиров. Что и как — договоритесь на месте.

— Хорошо, спасибо, — кивнул я.

Во время завтрака мы еще пообщались, в основном о моих планах в городе.

— Тут я тебе помочь не смогу. Часть бунтовщиков находится в тюрьме, коей руководит начальник стражи. Можно было купить их по небольшой цене, но...

— А я с ним на ножах. Тут затык — это понятно. Ничего, что-нибудь придумаем.

После завтрака я в сопровождении мастера Али вышел на улицу, где меня дожидалась повозка с другим Али и ездовым.

Быстро поздоровавшись маленьким с Али и распрощавшись с мастером, я сел в повозку и велел трогать.

Дорога до порта вылилась в три часа мучений на тряском тарантасе. Рессор тут никто не знал. Я не только задницу отбил, но и кишки все растряс. Хорошо еще, что говорить особо было не о чем, а то еще и язык бы прикусил.

Порт мне понравился. Крупный, со складами, с каменными пирсами, у которых стояло множество кораблей. Аж семь штук покачивалось на мелкой волне.

Вокруг порта раскинулся достаточно крупный город Кафа, тут также был свой рынок рабов. Али сказал, что он тут побольше крымского.

Вторая столица Крымского ханства Бахчисарай, которая ранее называлась селением Салачик и находилась в горной долине у подножья древней горной крепости Кырк-Ер, по ходу нашего движения осталась сбоку. То, что Крым расположен на плоской равнине, являющейся частью степного Крыма, в нескольких десятках километрах от моря, вынудило хана несколько десятков лет назад перенести столицу туда. Как сказал Али, нынешний правитель ханства хан Нур-Даулат-Гирей сейчас находился именно там. Мне это было не особо интересно, но Али болтал без умолку, я же, крепко стиснув челюсти, чтобы не прикусить язык, слушал этот

водопад слов.

Дорога, вившаяся между холмов и скал, привела нас к крепостным воротам, которые охраняли шесть воинов. Чтобы попасть в порт, нужно было проехать через всю Кафу.

Ворота мы проехали не останавливаясь. Груза не было, одни пассажиры. На меня только посмотрели внимательно, но благополучно пропустили. Мою одежду, пока я спал, конечно, постирали слуги советника, но часть кровавых пятен вывести так и не смогли — засохли, так что я бы остановил подозрительного пассажира в плохо отстиранной одежде. Вдруг с убитого снял, да и о бунте рабов не стоит забывать. Однако, как я уже говорил, пропустили нас беспрепятственно. Думаю, даже уверен, что они были извещены.

Через двадцать минут со стуком колес по брусчатке мы подъехали к одному из ушкуев, который, слегка поскрипывая рангоутом и корпусом, покачивался на мелкой волне.

— Али, останься тут, я сам пообщаюсь, — велел я, осторожно слезая с тарантаса.

— Хорошо, боярин, — кивнул мальчишка и, спрыгнув на пирс, стал разминать ноги.

Перед тем как окликнуть полусонного вахтенного ушкуя, у трапа которого мы остановились, я внимательно осмотрел оба суденышка. Голубое море залива, крики чаек и портовых служащих, плеск волн о пирс — все это создавало какофонию звуков порта. Мне тут нравилось.

«М-да. Это не корабли, больше на шлюпки смахивают, хоть и с палубами», — размышлял я рассеянно. Прикидывая, разместимся мы на них или нет.

При внимательном изучении тот ушкуй, около которого мы остановились, был морским судном с палубой и двумя маленькими каютами на носу. Он имел два трюма в обоих концах судна. Управлялся рулевым веслом, его еще называют кормовое. Судя по оснастке, тут стоял косой парус. В бортах были проемы, тут же в специальных держателях висели весла. Три люка, два больших зачехленных — это явные трюмы, и один на носу — он вел в жилые помещения. Судно имело светло-коричневую окраску, с желтой полосой на ватерлинии. В длину — чуть больше тридцати метров и в восемь, а может, и в девять в ширину. Борта возвышались над водой чуть больше, чем на метр. По-видимому, судно было груженым.

А вот второе судно меня больше заинтересовало. Могу ошибиться, но мне показалось, что это ладья. Размером она была метров на семь меньше

ушкуя, но имела более хищный вид, не торговая толстопузая, а боевая, быстроходная. Цвета корпуса — синий с красным. Судя по посадке, тоже груженная, но летящий вид она от этого не потеряла. В отличие от ушкуя, ладья имела две мачты с парусным вооружением, хотя проемы для весел были и у нее.

Мельком я окинул взглядом остальные корабли. Всего семь больших и три маленьких. С горы я рассмотрел только большие, посчитав маленькие шлюпками. Три из больших были турецкими торговцами, одна военная галера тоже турецкая. Два торговца с флагами ганзейского союза. Была еще испанская каравелла вроде тех, на которых Колумб до Америки шлепал. Каравелла — это я от себя сказал, черт его знает, что это было за судно. Про ушкуй и ладью я уже сказал, но было еще одно небольшое судно. По оснастке — с виду каботажное. Одномачтовый барк, если мне память не изменяет.

Разглядывая ушкуй и ладью, я задумался. А что если прикупить себе такой кораблик? Денег у меня с лихвой хватит и на покупку корабля и на покупку холопов. Может, среди невольников и команду найду?

Корабли стояли у причалов и разгружались или, наоборот, загружались. Работа шла постоянно. За ладьей находился каботажник, перед ушкуем два места были пусты, но дальше покачивался испанец. Галера и турецкие корабли стояли дальше, за каботажником. Суда ганзейского союза заняли самые лучшие места, у здания, где находились портовые службы и заседал сам начальник порта. Тут проходила ближайшая дорога из порта и большие склады.

В это время подошел Али и отвлек меня от размышлений:

— Боярин, на ладью хозяин приехал, — ткнул он пальцем в две арбы с товаром, которые подъехали ко второму судну.

«Ага, не ошибся я, ладья это!» — хмыкнул я довольно и энергичным шагом направился к остановившимся телегам.

Один из матросов сразу заметил, что я подхожу, поэтому указал на меня торговцу.

Торговец обернулся и стал пристально рассматривать меня, я тоже с интересом его изучал. Это был невысокий, но жилистый мужчина за сорок. Не полный и без брюха, как описывали русских купцов в сказаниях, однако шикарная борода до пупка присутствовала. Одет он был в красный кафтан до колен и черные сапоги. Штаны едва разглядел, но вроде синие. Без шапки. Да и кому она сейчас нужна? Солнце жарит, как будто сейчас не весна, а середина лета. Хотя у меня шапка была сбита на затылок.

Подойдя к купцу, я спросил:

— Ты владелец этих судов?

— Нет, моя только ладья. Ушкой Михаила Прохорова, мы оба из Москвы. Ты новый пассажир? Мне сообщал о тебе начальник порта.

— Да. Боярин Красновский из Великого Новгорода. Выкупился из плена.

— Купец Севастьян Соловейчик, по батюшке Сергеевич, — степенно представился купец. — По пути будет, но мы только до Москвы можем доставить.

— Путь какой? — поинтересовался я.

— Через Малое море, потом Дон и Итиль. Через Казань идем, — так же степенно ответил купец.

«Малое — это Азовское, потом Дон, через волок на Итиль, это та же Волга, но там вроде казаки и татары бесчинствуют», — задумался я и спросил:

— Грабят?

Купец поморщился, но утвердительно кивнул:

— Бывает и такое. Нужно ухо остро держать и иметь охранную грамоту. У, нас такая есть.

— Понятно. Я вот что подумал, Севастьян Сергеевич, — было видно, купцу понравилось, что я называл его по имени отчеству, поэтому, довольно приосанившись, он согласно кивал в ответ, — думаю свое судно прикупить. Что скажете?

— Это можно, если средства позволяют, боярин. Втроем все не так страшно идти. Опасный путь. На той стороне, где склады, есть судовые сараи и затон. Там захваченные суда стоят. Есть там и ушкой, и две ладьи, мне начальник порта предлагал.

— Так, может, этим и займемся? Поможешь боярину русскому? У вас кормчий опытный? Положиться можно?

— Отличный кормчий. Да и я неплохой корабел.

— Хорошо, у меня есть повозка, можно хоть сейчас отправляться.

Купец согласно кивнул и, развернувшись, закричал:

— Андрей, остаешься за старшего! Смотри мне, тюки с шерстью по правому борту клади!

— Хорошо, Севастьян Сергеевич, — откликнулся русоволосый парень лет двадцати пяти.

— Авдей? Подь сюды, — окликнул купец другого моряка. Это был пропитанный солью старый морской волк, как сказал бы какой-нибудь писатель, увидев его. Я же назвал его просто кормчим, он же капитан, моряк по сути своей.

— Что, Севастьян Сергеевич? — спустившись по трапу, поинтересовался он.

— Боярину из Великого Новгорода нужно помочь купить судно. Выкупился от нехристей, домой возвращается. С нами он пойдет, третьим.

— То хорошее дело, — солидно кивнул Авдей, пристально изучая меня.

— Боярин Красновский, — кивнул я.

— Старший кормчий Авдей Никитин, — тоже представился моряк. Старший кормчий означает, что он старший навигатор в этой связке судов. Тут и заработок выше, но и ответственность неслабая.

Оставив команду на погрузке, мы втроем подошли к тарантасу и сели на сиденья. Сам тарантас мог вместить шестерых, так что устроились свободно.

Когда мы проезжали мимо каравеллы, я заметил на палубе пару скучающих вахтенных, и, видимо, офицера на юте. Он, облокотившись на резные перила, наблюдал за нами. Но небольшие пушки на палубе привлекли мое внимание куда больше, чем члены команды, поэтому я внимательно осмотрел судно.

«Хм, надо будет заскочить сюда на обратном пути», — прикинул я.

Пока грохотали по камням пирса, объезжая порт, я спросил, где можно найти команду.

— Свободных нет. Если только купить как холопов, — задумался купец.

— Севастьян Сергеевич, а если команду «Ласточки»? С ладьи купца Романова? — подсказал сидевший рядом с купцом Авдей. Соловейчик скривился, услышав фамилию купца. Пока мы ехали, он поведал мне вот какую историю.

Казаками на Дону была захвачена ладья с владельцем и всей командой, которую и продали половцам. Так они и оказались в Крыму.

Ладья Соловейчика и ушкуй Прохорова пришли в ханство осенью, когда только становился лед на реках, для зимовки и торговли. Они тут на паях сняли лавку. И в то же время в порт пришла захваченная ладья, которую и определили на другую сторону. Тут и начались неприятности. За купца заплатили, месяц назад на ушкеу пришел его родственник, который выкупил не только самого Романова, но и ладью. Естественно, про команду никто и не вспомнил, и сейчас они как невольники трудились в порту.

Родственник на ушкеу привез не только деньги, но и новую команду. Так что они быстро ушли обратно, а старая команда осталась.

— Вот и оказалось, что дешевле нанять новых членов команды, чем

выкупать старых, с которыми восемь лет вместе бок о бок плавали, — закончил рассказ купец.

— Отличная команда. Семеро их было, да двоих на галеры продали. Кормчий Федор Немцов все реки знает. Всю Русь обошел, и к шведам ходил, и тут бывал. Если купите, то не пожалеете, — поддержал купца Авдей.

— Нужно посмотреть, — удовлетворенно кивнул я. Если команда сама идет мне в руки, почему бы не согласиться?

Объехав часть порта, обогнув рыбный рынок по краю, мимо многочисленных рыбацких фелюг и шаланд, мы выехали на противоположную сторону, где находились корабельное имущество и стоянка трофейных судов.

— Вон стоит Абрар, он тут главный, и это он отвечает за продажу судов, — показал рукой в сторону невысокого половца в тюрбане и дорогом халате купец. Тот на вощенной дощечке что-то записывал, подсчитывая мешки и часть груза с разгрузившегося, огромного по местным меркам, морского ушкуя. Явный трофей, видимо, недавно пригнали. Авдей кивнул, подтверждая, судно два дня как появилось в порту. По обводам кормчий определил принадлежность судна к Речи Посполитой. Польский был ушкой, только поляки такие большие морские суда строили.

— Останови рядом с тем мужчиной, — велел я кучеру, ткнув пальцем в нужного нам человека.

— Хорошо, господин, — откликнулся он.

С начальником местных складов мы договорились быстро. Кроме свежепригнанного судна прошли предпродажную подготовку еще шесть судов. Два были на консервации, четыре покачивались в небольшом затоне, за складами. Со стороны их было не видно.

Поручив разгрузку заместителю, он присоединился к нам, сел в тарантас, и мы поехали к затону, решив начать с них.

Выбирали почти час, но ни одно судно мне не подошло, не удовлетворяло капризам. Там стояли откровенные торговцы, а мне нужно было нечто быстрое и достаточно вместительное.

— Скажите, Абрар-оглы. А тот ушкой, что сейчас на разгрузке, его осмотреть можно? — спросил я, оставив судовые сараи напоследок. Особо ушкой я рассмотреть не успел, но он был большой и имел узкий корпус, то есть со стороны не напоминал пузатого торговца.

— Конечно, — ответил местный начальник. — Сразу осмотрим?

— Лучше прямо сейчас.

Вот ушкой мне понравился, это было большое двухмачтовое судно. По сравнению с судами русских купцов, с которыми я собрался идти на Русь, просто огромный лайнер. Кроме двух небольших кают на носу, он имел кормовую надстройку двухметровой высоты, как на испанце, и еще две каюты, только на этот раз на корме. Трюм был один, посередине. Для судовой команды предназначалось небольшое помещение с возможностью подвесить гамаки. Продуманное суденышко. Только камбуза не было.

Корабелам понадобился почти час для изучения судна, пока они не дали добро.

— Непривычная постройка, я польские суда видел, это какое-то странное. И больше, и надстройка на корме — раньше я такие только на немцах видел, — сообщил Авдей, спускаясь на пирс.

Ушкой был тридцать девять метров в длину и одиннадцать в ширину. Он возвышался на полтора метра над уровнем моря. По словам кормчего Авдея, на волоке и на отмелях будет трудно, но ушкой пройдет. Хотя посадка у него оказалась поглубже, чем у ладьи и ушка, к которым я решил присоединиться.

Вопрос с выкупом судна мы решили быстро. Нужно было поехать в главное здание порта и оформить там покупку ушка. Оставалась одна проблема — у меня не было команды, поэтому я сразу же обратился по этому поводу к Абрар-оглы.

Бывшая команда Романова, работавшая в порту, находилась под его ведомством. Этот вопрос решился так же быстро, как и с кораблем, покупка оформлялась в главном портовом офисе. Однако прежде чем покупать команду, я решил пообщаться с людьми. Всякое бывает, вдруг у нас возникнет неприязнь друг к другу.

Тарантас остался у ушка, и пока Авдей вместе с Али продолжали осмотр судна, мы с Севастьяном Сергеевичем направились к складам, где под надзором трех надсмотрщиков трудилось три десятка невольников, и среди них старая команда Романова.

Местный начальник с нами не пошел, он нам был не нужен, и, забрав у помощника дощечку, стал сверять груз.

Когда мы остановились у распахнутых ворот склада, откуда доносился запах зерна, старший надсмотрщик сам подошел к нам.

— Вам что-то нужно? — достаточно вежливо поинтересовался он. Он видел, как мы раскатывали по пирсу в сопровождении начальника этого участка, и сделал соответствующие выводы.

В отличие от остальных надсмотрщиков, этот был одет в кожаную броню с металлическими вставками. Она гораздо дешевле кольчуги, хоть и

не такая крепкая. На голове у него был русский шлем. На боку сабля и хлыст, в руках дубинка.

— Я хочу прикупить холопов для команды. У вас есть бывшая команда с «Ласточки», — ответил я.

— Да, господин. У нас есть такие. Ахмет!.. — окликнул старший подчиненного и быстро что-то залопотал. Этот язык я не знал, но попадались знакомые слова. Скорее всего, он был родственен ногайскому.

Через минуту передо мной стояли пятеро мужчин, одетых в откровенную рвань. Один так вообще использовал рубаху как исподнее, обмотав ее вокруг бедер. Судя по худобе, кормили их не лучшим образом. Длинные спутанные волосы сальными прядями падали им на лоб, закрывая глаза.

Старшему было не меньше сорока, и я понял, что это кормчий Федор Немцов, остальным около тридцати.

Осмотрев их еще раз, я поморщился от вони, которая от них шла, и негромко сказал:

— Я боярин из Великого Новгорода Олег Красновский. Выкупился из плена, возвращаюсь домой. Хочу предложить вам работу. Если пойдете судовой командой на мой ушкуй, по прибытии получите вольную и немного денег. Добраться до своих хватит. Могу добавить еще одно: я своих не бросаю. Кто согласен?

Невольники переглянулись, и вперед вышел тот, кого я принял за кормчего:

— Мы согласны, — и, бухнувшись на колени, взмолился: — Выкупи нас у басурман, мочи уже нет.

— Хорошо. Идите за мной.

Старший надсмотрщик отправил с нами одного из своих подчиненных, и мы дошли до ушкуя в компании с ним.

Несмотря на то что ушкуй и невольников я еще не купил, не проплатил то есть, и они мне еще не принадлежали, за мзду начальник участка разрешил перегнать судно на другую сторону порта, правда, отправившись с нами. Оказалось, при оформлении сделки он получал процент.

Отходом от пирса я велел руководить не Авдею, а Федору Немцову. Работа команды мне понравилась, ловко у них все получалось, чувствовался опыт. Хотя, как мне показалось, пятерых для этого ушкуя явно было мало, не уверен, но думаю, ранее у него был экипаж не менее чем в двадцать человек.

Через полчаса мы пришвартовались у ушкуя Прохорова, как я говорил, рядом было пустое место. Спустившись по скинутаю на пристань трапу,

мы с начальником участка и купцом сели в подъехавший тарантас и направились в офис оформлять покупку.

Это заняло не так много времени, через полчаса я стал обладателем ушкуя и пяти рабов. За рабов я отдал ползолотого, а вот за судно, несмотря на яростную торговлю, у меня ушло четыре золотых. Дорого.

Выйдя из здания таможни, я посмотрел на купца и спросил:

— Ну что, отметим это дело? Я щедро угощаю, если бы не ты и Авдей, я тут еще долго бы бегал.

— Вечером можно, — солидно кивнул купец. — А пока, думаю, тебе нужно заняться судном.

— Этим и хотел. Не подскажете самое лучшее заведение в Кафе?

— На Цветочной улице есть прекрасный трактир.

— Тогда в семь вечера?

— Что?

— К ужину? — предложил я. Цифровое время тут не знали, я еще не привык к этому.

— Хорошо.

Проводив купца взглядом — он направился в город, — я свернул листы купчих в трубочку и сунул за пазуху. После чего сел в тарантас и велел везти к новообращенному судну.

Пока я занимался покупкой, от команды не отходил надсмотрщик. Авдей и Али скучали, сидя на ступеньке, ведущей в трюм.

Предъявив надсмотрщику купчую, я отправил его обратно пешим маршрутом.

— Я еще нужен? — спросил Авдей, как только я взошел на борт.

Поблагодарив его и пригласив в таверну, я дождался, когда он отойдет от судна, и велел команде строиться.

— Давайте еще раз познакомимся. Я — Олег Красновский, боярин, сын бывшего воеводы Великого Новгорода. Был в плену, выкупился, теперь возвращаюсь. Все мои прежние слова остаются в силе. Вы получите вольную по прибытии к пункту назначения. Через два дня нам отходить. Поэтому ушкой нужно привести в полную готовность к дальнему походу. Теперь представьтесь и доложите, что у нас по судну.

Вперед вышел кормчий:

— Федор Немцов, из Твери. Бывший кормчий.

— Хорошо. Теперь ты на прежней должности. Следующие?

Остальные представились быстро. Медведеподобный силач Силантий был родом из Рязани, рыжеватый Иван — из-под Новгорода, его тезка с родинкой на щеке и Андрей, бывший рыбак, оказались тверскими, как и

кормчий. Купец Романов был тоже из Твери, так что и его бывшие люди были в основном оттуда.

— Так, на судне остается Силантий. Остальные на рынок. Покупаем одежду — и в баню. И готовимся к походу. После рынка и бани идем в таверну, а то уже кишка кишкой играет, — велел я.

Через минуту мы все вместе направились в город, Али захотел с нами. Нужно до вечера завершить самые необходимые и неотложные дела здесь и утром вернуться в Кырым, в обед я договорился с работорговцем, он должен был приготовить для осмотра рабов, моих будущих боевых холопов. Мы с Али ехали на тарантасе, остальные шли за нами. По городу мы двигались неторопливо, так что они попевали.

Когда мы приехали на рынок, я поверил словам Али — тут действительно можно найти все, что душе угодно. Пришлось потрясти серебром и купить всем членам команды новую одежду, для Силантия выбирали на глаз. Обувь, пояса, ножи, как боевые, так и обеденные. Ложки с креплением, чтобы повесить их на пояс. В оружейном ряду купил десять боевых топоров, десять сулиц, шесть неплохих сабель. В углу, у старого морщинистого половца в стеганом халате и в тюбетейке я заметил два арбалета, не самодельных самострела, какие делали на Руси, а настоящих, со стальными дугами. Они заряжались «козьею ногой». Как продавец сообщил, продали их ему франки. Французы, стало быть.

Их я тоже купил, экипаж должен уметь защитить себя. Правда, металлических болтов было всего по сорок штук на арбалет, но зато у продавца нашлось шесть тренировочных болтов. Покупки мы складывали в тарантас, под охраной обоих Иванов. К сожалению, приходилось терпеть их вид и запах. Они все еще были в обносках, с серьгами рабов в ушах, но это исчезнет после бани.

Пока ходили по базару, купили беляшей и лепешки с мясом, слегка утолили голод. Время обеденное, все проголодались. Команда вообще жила впроголодь. В ханстве не особо заботились о рабах, их каждый год во множестве пригоняли. Так что смертность от голода и побоев была просто огромной.

Делая покупки для команды, я и себя не обошел. Приобрел два новых и дорогих кафтана, синий и зеленый. Три пары штанов, еще одну пару сапог. Три пары шелкового исподнего и две шапки. Остальное у меня было. Кроме того позаботился об обстановке для своей каюты. Ушкуй был выметен подчистую, так что пришлось и об этом подумать. Для команды взял гамаки и одеяла. Продавец обещал доставить покупки на корабль

через два часа.

Кроме того, не забыл я и своих помощников, их тоже надо было отблагодарить. Али я купил красивый дорогой расписной пояс и нож с серебряной насечкой на рукояти и ножнах. Было видно, как он ему понравился, и он гордо надел новый пояс. Угодил мальчишке.

Купцу в оружейном ряду я нашел красивый с отличным дымчатым лезвием боевой нож, а Авдею синюю шелковую рубашку. Он такую долго еще не купит. Дорогая штука.

Вот так загрузившись, мы отправились в баню, у которой сняли с тарантаса одежду и пояса и отправили остальные вещи на судно. Там остался Силантий, разгрузит. Мы же подойдем позже.

В бане мне понравилось, даже парилка была, так что отдохнули мы знатно. Перед помывкой я отправил своих подчиненных к цирюльнику. Была там и такая услуга, и если команду побрили налысо, — вши и все такое, — то мне при помощи простых ножниц и расчески вернули настоящую армейскую стрижку. Древний парикмахер оказался мастером своего дела, понял все с полуслова.

Мы час не вылезали из бани. Команда радостно смывала с себя не только многомесячную вонь и грязь, но и как будто сдирала мочалками признаки рабства.

При выходе, с помощью древних кусачек, у всей команды сняли железные серьги рабов. После чего вымытые, распаренные, в чистой одежде, мы направились в ближайший портовый трактир, с аппетитом отобедали и вернулись на судно.

Силантий уже успел искупаться у пирса, и от него уже не разило.

— Господин, — подошел ко мне, низко кланяясь, кормчий. Я как раз снес вещи в самую большую каюту и вышел на палубу.

— Лучше зови меня боярином. Только без подобострастия — не люблю. Обращайся как равный с равным, но не забывай, что я твой начальник.

— Хорошо, боярин. Арба с рынка подъехала, покупки ваши привезла.

— Пойдем встречать, — согласился я.

Али, пока я устраивался у себя в каюте, успел взобраться на переднюю мачту и там с перекладины рассматривал порт. Проходя мимо мачты к трапу, я велел ему спускаться.

Команда уже не выглядела как сборище оборванцев. Да, у них до сих пор был изможденный вид, но в новой одежде, с поясами и боевыми ножами, они смотрелись вполне прилично. Оружие я спустил вниз. Местные болезненно реагировали на подобные железки.

Окончательно расплатившись с продавцом, я велел сгружать привезенный товар. В основном — мягкую рухлядь, так в старину называли ковры, матрасы, подушки, перины да одеяла. Койку, стол и стулья у меня в каюте кормчий обещал сделать сам. Материал мы закупили, вот-вот подвезут. Правда, что такое шкаф, он не понял, не было их тогда, но по описанию обещал сделать. Двое из команды оказались отличными плотниками.

Следующие два часа на борту шла активная работа. К кораблю постоянно подъезжали арбы с материалами, продовольствием и бочками. Серебро и медь утекали рекой.

Когда мы практически заканчивали с погрузкой и подготовкой судна к походу — двое работали в трюме, двое у меня в каюте плотничали — подошел кормчий, он руководил всеми работами.

— Хозяин. Людей мало, ушкой большой, для высокой волны создан, трудно будет.

— Есть предложение, Федор? — оторвавшись от изучения испанской каравеллы, спросил я.

— Еще люди нужны. Моряки.

— Много?

— Не меньше десяти, боярин.

— Ты не забыл, что у нас еще будет около тридцати человек?

— Места хватит, тут и сотня уместится, тесно, правда, будет. Но продовольствия хватит. Воины не моряки, а тут именно они и нужны. Ушкойники.

— Знаешь, где их найти? — спросил я, продолжив наблюдать за каравеллой.

— Да, мы с такими работали. Отличные моряки. Просто им не повезло.

— Хорошо. Возьми Али, он все равно скучает, и приведи их сюда. Если подойдут, то выкуплю. Думаю, десятерых не хватит, шестнадцать-семнадцать в самый раз.

— Хорошо, боярин. Спасибо.

Али и Немцов сели в тарантас и укатили куда-то в сторону рыбного рынка, а я, спустившись по трапу на пирс, неторопливо зашагал к каравелле.

Минут через пять я остановился у трапа судна. Вахтенный, скучавший у одной из пушек, встрепенулся и что-то спросил.

— Хозяина позови, — велел я ему на английском.

Вахтенный с места не сдвинулся, но прокричал что-то в направлении люка, закрытого решеткой.

Через минуту на палубе появился другой испанец, этот был прилично одет, в шлеме, как у Кортеса. Оказалось, на судне осталось всего два человека, команда после получения жалованья развлекалась на берегу.

— Чего желает господин? — на плохом английском спросил он. Хотя, возможно, я знал более современную версию языка, отчего и понимал его речь с трудом.

— Да, мне хотелось бы поговорить с капитаном.

— Я капитан «Святой Анны». Поднимайтесь на борт.

Через пару минут мы с капитаном дон Родригесом сидели в его небольшой каюте. Познакомиться мы успели еще на палубе. Общались вполне свободно и в общем друг друга понимали.

При знакомстве я выяснил, почему они тут воздух пинают. Их судно было курьерским, они доставили в ханство своего представителя для налаживания торговли. Вот и ожидали, когда он вернется из столицы.

После распития виноградного вина, кстати, местного, капитан попытался выяснить причину моей заинтересованности его судном.

Откинув полу кафтана, я достал один из пистолетов и протянул его капитану.

— Что вы можете сказать об этом оружии?

Родригес долго крутил пистолет, с любопытством разглядывая его. После моего разрешающего кивка — пистолет все равно был разряжен — он несколько раз щелкнул курком, выбивая кремнем искры, и ахнул в восхищении.

— Что я вам могу сказать, дорогой дон Олег. Видите клеймо мастера на рукоятке? Это довольно известный мастер, однако я не припомню, чтобы он выпускал подобное оружие. Подождите минутку... — капитан положил пистолет на столик, встал, подошел к занавеске и, откинув ее, что-то взял в руки. Когда он обернулся, я увидел в его руках аркебузу и пистолет.

Вернувшись, он сел обратно на парусиновый стул и протянул мне пистолет со словами:

— Сравните. Добавлю, что у меня лучшее оружие и самое дорогое.

Сравнивать было с чем, оружие оказалось не кремневым, а фитильным, в достаточно неказистом исполнении.

— Теперь взгляните на аркебузу, — протянул мне допотопный мушкет капитан.

Мало того что он весил хрен знает сколько, так вместо приклада — смех один.

— Да, разница чувствуется, — согласился я, возвращая капитану его оружие.

Водрузив все на место, он сказал:

— Рассматривая ваш пистоль, я вспомнил, что за два месяца до смерти мастер, изготовивший его, взял на работу помощника, говорят, одаренного юношу. Может, это его работа?

— Вполне может быть. А что случилось с мастером?

— Мастерская взорвалась. Погиб и он, и помощник. Так что могу предположить, что этот пистоль единственный в своем роде. Еще вина?

— Пожалуй, — согласился я и прикинул: «Попаданец? А что, вполне возможно. Начал ставить эксперименты, вот и подорвался».

— Вы не хотели бы его продать? Я дам хорошую цену. Серебряный талер.

Я рассмеялся, отрицательно покачав головой. У меня было другое предложение.

— Как насчет того, чтоб обменять его на пушку с запасом пороха, ядер и картечи?

Капитан скривился и отрицательно покачал головой. На судне испанца, которое он, кстати говоря, называл «Нао», было восемь пушек, по четыре с каждого борта и три на вертлюгах. Вот две таких я и собирался купить. Пушек у татар, к сожалению, не было. В крепости я заметил несколько трофейных, но они не продавались. И вообще порохового оружия было мало и стоило оно дорого.

Торг наш шел с переменным успехом, капитан все-таки выторговал у меня пистолет и шесть золотых монет, а это очень дорого, поверьте мне. Но зато, кроме двух небольших пушек с запасом пороха и свинцовой картечи — каменный дроб они не использовали, хотя свинец был очень дорог, — я стал обладателем средненькой подзорной трубы и запасного навигационного инструмента капитана. Секстант присутствовал, неказистый, но вполне нормально откалиброванный. Карту капитан не продал, да мне и не требовалось, на память не жалеюсь. К сожалению, пушек с нормальным калибром на этом корабле не было, бортовые я определил как шестифунтовые, а купил двухфунтовые. В принципе мне хватало, размер дула как у пушки. Главное разрешить проблему медленного заряжания и отсутствия подготовленных канониров, но у меня были свои мысли на этот счет. Еще мне нравилось в этих пушках, что их можно использовать на земле. Три человека вполне могут поднять и перенести такую пушку, правда, недалеко. Выглядела она так: литая медная труба, фигурно заклепанная в конце, лафета не имеет, но посередине есть штырь, закрепленный на дуле, который нужно вставлять в специально приготовленное гнездо, и можно стрелять. Причем штырь не

жестко закреплен на дуле, а имеет шарниры, так что, установив пушку, дуло можно опускать и поднимать. Вполне удобно, для нас самое то. Нужно еще сказать, что гнездо должно быть усилено, а то разнесет после пары выстрелов. Такая пушка называется вертлюжной, и большого калибра никогда не имеет из-за специфики применения.

Кстати, пока мы торговались, капитан упомянул о франках. Я-то принимал их за французов, но оказалось, что это другая народность, хоть и родственная, но граничит с Испанией с другой стороны. Это был первый звонок, что я не в своем прошлом.

Отметив отличным вином покупку и отдав фактически последние золотые монеты, — у меня осталось всего одиннадцать штук, это не считая НЗ за покупку боевых холопов, — мы вышли на палубу. Там вахтенный и два вернувшихся матроса пригоставляли к транспортировке покупку. Моряков вернулось больше, но остальные были в таком состоянии, что работать не могли. Хорошо, что хоть двое чувствовали себя более или менее прилично и помогли вахтенному.

Когда мы вышли на палубу, меня больше занимал груз, чем окружение, поэтому я не сразу разглядел людей, стоящих у трапа.

— Боярин? — окликнул меня с пирса кормчий Немцов.

Посмотрев на пирс, я заметил его, восемнадцать оборванцев и надсмотрщика.

«Ага, новый экипаж!» — понял я.

— Федор, давай на ушкуй, и гони его сюда. Пристанешь к борту испанца и перегрузишь груз в трюм. Этот сундучок в мою каюту. Потом судно на место, — стал командовать я. — А я пока займусь новобранцами, и если подойдут, то и покупкой.

— Хорошо, хозяин, — кивнул Федор и стремглав бросился к ушкую.

Пока кормчий работал на ушкуе, я изучал новичков. Федор не обманул, лишних тут не было. Все оказались бывшими мореходами. Кого на стоянке захватили. Кто с топляком столкнулся, еле выплыл на берег и попал в руки степных татар. Кого взяли на абордаж уже на море. Я быстро познакомился со всеми, в основном это были русские, но встретился один помор. Интересно, откуда он тут взялся? Причем он был не с Белого моря, а с севера. В принципе они мне подходили, но прежде чем вести их к зданию порта, я задал интересующий меня вопрос:

— Кто знаком с огненным боем?

К моему удивлению, сделал шаг вперед тот самый помор. На помора он, кстати говоря, не был похож, обычное славянское лицо, не чукча или эвенк, только лицо более загорелое, чем у других.

— Я, господин. С детства приходилось пользоваться.

— Ну-ка, ну-ка, а вот тут поподробнее, — велел я, пытаюсь понять, как этот помор мог пользоваться огнестрельным оружием с детства, если оно появилось на Руси не так давно. Вон Михалыч, знатный боярин, воевода, и то только слышал о пистолетах, тюфяки он, конечно, знал, но ружья и пистолы не видел.

— Хотя подожди, потом расскажешь, — остановил я его, заметив, что скучающий надсмотрщик встрепнулся.

Пока мы знакомились, Федор уже пришвартовался к испанцу и начал перегружать пушки и остальное имущество. Убедившись, что все загружено, я отправил ушкой обратно на место стоянки и вместе с невольниками направился к зданию порта.

После покупки я отвел купленных рабов на ушкуй, без хозяина в Кафу им лучше не ходить, могут возникнуть проблемы. Там дал команде несколько ценных указаний и, прихватив Силантия — он один не был в парной, — направился в бани. Велев людям хорошенько попариться, на тарантасе съездил на рынок, он работал дотемна, и купил три десятка рубах, столько же брюк и поясов. Вдобавок приобрел рулон самого дешевого белого шелка, у меня на него были свои виды. Вернувшись к бане, выгнал команду голышом на улицу и велел одеваться в купленные одежды. Дальше они последовали за нами, шлепая босыми ногами и вертя оболваненными головами, до самого ушкуя.

Несколько таверн в порту обслуживали судовые команды. Не на всех кораблях были камбузы. И чтобы не заморачиваться с готовкой, некоторые капитаны заказывали еду в этих трактирах, оплачивая вперед. Цены были не так велики, так что капитаны баловали своих людей. Трактирные слуги три раза в день приносили еду на всю команду, и я тоже проплатил эту услугу. Когда мы вернулись, как раз принесли ужин.

Пока команда насыщалась, я зашел в свою каюту, вслед за мной протиснулся любопытный Али.

На стенах появились яркие расписные ковры со сценами охоты и один большой ковер на полу — сам выбирал. Небольшое окошечко вместо бычьего пузыря обзавелось настоящим стеклом. Моя команда со стеклом работать не умела, поэтому тут работал пришлый мастер. Дверь закрывалась на запор, под окном стоял стол, рядом три парусиновых стула.

У двери справа, где было свободное место, будет стоять шкаф, его пока не изготовили. Первую заготовку я забраковал, начали переделывать. Кровать, как я и велел, сделали подъемную, метровой ширины, сейчас она крепилась к стене маленькими цепями, как шконка в ментовке. Ничего не

поделаешь — суровая необходимость.

Также в каюте было три сундука. Один довольно большой, для одежды, поменьше — для ценного, и третий, самый маленький сундучок, подарок Родригеса — для инструментов и ценных бумаг. Все имели запоры. Когда их доставили, продавец дал по три ключа к каждому замку.

Каюта мне понравилась. Я взял в специальном креплении на стене медный кувшин, налил свежей воды в стакан и выпил. Жарко, пить постоянно охота, да и сушняк у меня после вина, которым угощал испанец. Вытащив из-за пазухи слегка помятые купчие, я положил их в средний сундук, туда же и ценные вещи вроде драгоценностей, которые были у меня в кошельке.

Обустроившись в каюте и разложив вещи так, как мне нравится, я хмуро посмотрел на масляные светильники — один был жестко закреплен на стене, другой стоял на столе — и решил поменять их на свечи. Все же не так пожароопасно.

Оставив Али в каюте — уставший мальчишка уснул на моей койке, — я вышел на палубу. Команда после ужина работала, перекатывая бочки, чтобы спустить их в трюм, кроме четырех для воды я купил восемь бочек с вином. Понравилось мне местное, отличный букет.

Носили корзины с продовольствием, лепешки, сушеное и вяленое мясо, все это складировалось в специальной каюте на носу. Бочки спускали в трюм.

Посмотрев на споро работающую команду, я окликнул помора, кстати, звали его Олег Синицын. Положив на палубу тюк с запасным парусом, он подбежал ко мне.

— Да, боярин?

— Присаживайся рядом, — показал я ему на бухту пеньковой веревки. Как только он сел, велел: — Рассказывай, как ты тут оказался и откуда знаешь про огнестрельное оружие. Про огненный бой я имею в виду.

Рассказ надолго не затянулся. Олег нанялся на португальское судно, где цинга выкосила половину экипажа. Когда Оно пристало к берегу, им потребовались новые люди. Потом бой, плен, галера, снова бой, снова плен — и вот он тут. Про огнестрел он рассказал преудивительную вещь. Оказалось, пищаль была в их семье уже более тридцати годков, и у них еще новая, самой старой из тех, что он видел, было за сорок. Пользоваться огнестрелом в деревне умели многие, против волков или медведей самое то. Говорят, бывало и касатку на охоте поражали. Порох и свинец брали у купцов, как я понял, китайских, остальное делали сами. Пищали у них были тоже фитильные.

— Пусть только одна сволочь пикнет мне, что огнестрел впервые появился в просвещенной Европе, в коровьем дерьме вымажу, — задумчиво протянул я.

— Что, хозяин? — переспросил Олег.

— Значит, так. Теперь ты не в команде ушкуя, я назначаю тебя главным корабельным канониром... бомбардиром, — заметив, что он на меня непонимающе смотрит, пояснил я. — Пошли, покажу тебе новое имущество, за которое ты с этой минуты отвечаешь.

Мы спустились в трюм, где я велел ему снять парусину с пушек и стал объяснять, что это, для чего применяется и какие теперь у него обязанности. Когда закончил с подробным инструктажем, выходя из трюма добавил:

— Пока один будешь, но завтра-послезавтра получишь пять помощников. Пойдем, покажу, где нужно установить крепления для установки пушек.

Еще час мы вместе с кормчим обследовали все судно, подбирая места для установки пушек. Я решил делать на каждом борту, на корме и на носу по два места для крепления пушки. Чтобы можно было работать залпами. Примерно сообщив кормчему и канониру силу отдачи от выстрела и оставив их думать над системой крепления и амортизации, я направился за Али. Время подходило к семи вечера, пора отправляться в трактир.

Для скорострельности я решил сшить из шелка мешочки, куда в нужных пропорциях будут разложены порох и свинцовая картечь. Пыжи заготовим отдельно. Развесовку я решил делать сам, тут нужны практические стрельбы для точного определения количества пороха. Я, конечно, у капитана Родригеса спросил, но нужно было проверить и составить свое мнение.

По моим прикидкам, скорость заряжания между выстрелами повысится раза в два, а то и в три. То есть, пока противник производит один выстрел, я смогу ответить тремя. Правда, тут придется изрядно погонять оружейную прислугу, которой у меня пока фактически нет.

Две каюты на носу я использовал для корабельных нужд, одну для хранения продовольствия, другую под пороховой склад. Там самые удобные места, и не сыро, и нет близкого огня.

Через двадцать минут я определился с планом дальнейших работ, дал задание кормчему и канониру, и мы с Али, прихватив подарки, пешком направились в таверну.

Слуга-кучер, грек по национальности, не был невольником. Он сидел на борту ушка и болтал с командой, пока она отдыхала. Лошадь стояла на пристани с торбой овса на голове. Я приказал кучеру забрать нас из таверны через два часа.

Когда мы прошли две улицы и повернули на третью — где находится нужная таверна, мне поведали прохожие, — я услышал отчаянный щенячий скулеж и заметил среди немногочисленных прохожих местного мальчишку, который палкой гнал в нашу сторону пушистого щенка. Крупные лапы, шерсть знакомого оттенка, я готов был поклясться, что это кавказская сторожевая. Насколько я знал, они вырастали до метра в холке и весили около восьмидесяти килограммов.

Маленький щенок, его, думаю, совсем недавно оторвали от мамки, месяца точно нет, отчаянно скуля, пытался то забиться под арбу, то спрятаться за прохожих.

— Держи, — велел я Али, передавая подарки. Он тоже с неодобрением смотрел на это неприятное зрелище.

Подхватив подбежавшего щенка на руки, я ухватил мальчишку за ухо

и, выворачивая его, ласково спросил:

— Тебе понравится, если я его оторву?

Теперь визжал уже не щенок, затихший, но все еще дрожавший у меня на согнутой руке, а этот самый мальчишка. Он понял, почему я наступил ему на ногу и стал за ухо поднимать. Я сам живодером никогда не был и моральных ублюдков вроде этого болью отучал упиваться чужим страхом. По-другому они не понимали. Я действительно собирался оторвать ему ухо, когда мне вдруг помешали, крепко ухватив за плечо.

Реакция моя была мгновенной, отпустив мальчишку, я присел на шпагат и исполнил один из финтов брейк-данса, подсекая ноги неизвестного противника.

Все это я проделал, бережно прижимая к себе щенка одной рукой. Ухвативший меня мужчина свалился на утрамбованный камень брусчатки. Улочка была узкой, метров пять в ширину, не больше, поэтому нас достаточно быстро окружила толпа, угрожая покрикивая.

Вскочив на ноги, я взмахнул выхваченной саблей и слегка покрутил ею, отчего толпа стала более миролюбивой и откатилась назад.

— Неверный убивает наших детей! — пискнул за спинами собравшихся какой-то агитатор-горлопан, но сам вперед не вышел.

— В чем дело? — грозно спросил я, с интересом рассматривая поднимающегося на ноги мужчину лет тридцати. Судя по виду — из ремесленников, хотя, может, и купеческого сословия. Как и все вокруг он был в халате и тюбетейке, но сапоги выдавали в нем довольно обеспеченного человека.

Глядя на острие сабли, покачивающейся у него перед носом, он попытался рыкнуть.

— Ты напал на моего сына!

— Этот ублюдок твой сын? Сочувствую. Жаль, я не успел наказать его, — оглядевшись и убедившись, что мальчишка исчез, сказал я.

— Этот щенок принадлежит ему, и он может делать с ним что хочет, — проворчал папаша, утвердившись на ногах, но продолжая с легкой опаской разглядывать саблю. Толпа его поддержала. Тут он был в своем праве.

— Сколько стоит щенок? — спросил я.

— Алтын, — сразу же ответил ремесленник.

Кинув ему мелкую серебряную монетку, что было больше раз в восемьдесят, я, вернул саблю в ножны и, кивнув Али, направился дальше. Толпа молча раздвинулась, пропуская нас.

— А за нападение за сына? — громче и наглее спросил папаша.

— Действительно. Как я мог забыть? — развернувшись, я улыбнулся.

Достав из кармана медную монету, подкинул ее и выхваченной саблей разрубил наполовину, одну половинку убрал обратно в карман. Другую бросил под ноги ремесленнику.

— Больше твой недоносок не стоит. Али, пошли.

Оставив за спиной недовольную толпу и взбешенного отца, мы направились к трактиру.

— Господин, он может пожаловаться страже, — осторожно произнес Али.

Я потрепал мальчика по макушке свободной рукой, сбив тюрбетейку на лоб, и ответил:

— Али, запомни. Я просто так ничего не делаю. Должен он пожаловаться, просто обязан.

Мы неторопливо дошли до трактира, расположенного в старом районе города на небольшой площади, в центре которой был работающий фонтан, небольшой, но все же.

Войдя, я поинтересовался, пришли ли купец и кормчий. Оказалось, еще нет, это меня только порадовало. Поэтому, заняв отдельный столик, я сделал большой заказ, и пока его исполняли, приказал принести блюдечко со свежим молоком.

Использовать импровизированную соску не пришлось, щенок стал жадно лакать сам, когда прислуга поставила миску на пол.

Погладив напившегося щенка, я вернул его на согнутую руку, где он быстро заснул, и стал с интересом наблюдать за посетителями трактира. Можно сказать, что он был дорогим, простых прохожих и забулдыг не было. В одном я признал капитана одного из судов, он обедал вместе с двумя местными. Наверное, обсуждали условия сделки или обмывали заключенный договор. Еще двое местных. По виду — зажиточные купцы. Отдельно сидели четверо, воины, но обеспеченные. Амуниция дорогая, вид бравый, да и поесть тут дорого стоит.

Наконец двери распахнулись и вошли купец Соловейчик и кормчий Авдей. Они почти не опоздали, да и при отсутствии часов время здесь определяли на глазок. Так что неудивительно, что они вместо семи вечера, как я назначил по привычке, пришли к ужину, а это полвосьмого.

Взмахом руки я привлек к себе внимание, а то они после улицы шурились, пытаясь меня разглядеть. Вслед за ними вошел невысокий полноватый мужичок, этакий живчик. Это оказался владелец ушкуя, купец Прохоров.

Тарантас неторопливо катился по ночной Кафе, громко стуча колесами

по брусчатке. Сонный Али прижимал к себе Ласку — щенок оказался женского полу. Выбор имени долго не стоял, она оказалась ласкуньей, постоянно пускала в ход влажный язык. В таверне, когда подошли приглашенные, щенок проснулся и стал лизать мне пальцы. Я опустил его на пол, где щенок, присев, пустил лужу, после чего, забавно твякнув, попросился обратно на руки. Хозяина он во мне определил мгновенно, именно тогда только я догадался перевернуть щенка на спину и определить половую принадлежность.

Сейчас щенок, высунув язык, крутил головой, позевывая и поскуливая. Купцы, после того как перебрали, ехали с нами. Корабли-то рядом. Авдей, склонив голову, прижимал к себе сверток с рубахой. Подарки понравились всем. Прохорову, конечно, не досталось, так он и не помогал. Да он сам это понимал и не обиделся, не за что было его благодарить.

Как только тарантас прибыл в порт и остановился у ладьи Соловейчика, я окликнул полусонного вахтенного и вместе с ним перевел ослабевшего от выпитого купца и более или менее трезвого кормчего на судно. Прodelав ту же операцию с Прохоровым, подъехал к своему ушкую. Пока кучер распрягал коня для ночевки — ему уже приготовили место на палубе, — мы с Али прошли в мою каюту. Мальчика я устроил на своей кровати, щенку бросил на пол старый кафтан со следами крови, на котором тот стал деловито устраиваться после обследования помещения, и вышел наружу, подышать свежим воздухом.

— Слышно что? — спросил я вахтенного.

— Час назад подходила стража, вас спрашивала. Я местный язык плохо знаю, к счастью, не успел еще выучить, но многое понял. Точно вас искали. Я сказал — не знаю такого. Вроде должны утром подойти.

— Хорошо, — протянул я задумчиво, приказав: — Перед самым рассветом, когда еще будет темно, разбудишь меня и Немцова. Не забудь.

— Сделаем, барин.

Последний раз окинув взглядом завораживающий пейзаж ночного порта, посеребренного полной луной, я вернулся в каюту. Среди покупок была и перина, на которой сейчас спал мальчик, и матрас. Вот его-то, бросив на ковер, я и использовал как постель. Раздевшись и умывшись с помощью кувшина, я подтянул под голову подушку и накрылся одеялом.

— Хозяин, — осторожно потрясли меня за плечо, — уже утро.

— Хорошо, — так же тихо ответил я, стараясь не разбудить мальчика и щенка. Оказалось, Ласка ночью перебралась ко мне под бок, а я еще удивлялся, чего так тепло. Ладно, хоть случайно не раздавил.

Вскочив на ноги и сделав пару приседаний, пока вахтенный выходил из каюты, быстро умылся над ведром.

«Блин, надо жестянщику умывальник с раковиной заказать», — подумал я, вытерся куском мягкой ткани, заменяющим полотенце, и, быстро одевшись, не забыв скрытую кольчугу двойного плетения, вышел наружу.

Как я и велел, разбудили меня хоть и утром, но еще стояла темень. Краешек луны виднелся из-за небосклона, и света пока хватало, так что я отчетливо рассмотрел кормчего, идущего ко мне от борта после отравления естественных надобностей. Вот, кстати, фигня какая, для меня, привыкшего к современной цивилизации, стало неприятным открытием отсутствие гальюна на судне. То есть моряки или справляли малую нужду с борта, или свешивали задницу. Пришлось озаботиться и этим. Нет, гальюн я не построил, хотя мысли на эту тему были, но у меня банально на это не было времени. Я поступил проще. Купил себе ночной горшок с крышкой, он сейчас скромненько притулился у меня в каюте под столом.

— Господин? — привлек к себе внимание кормчий.

— Федор, у меня тут некоторые планы поменялись. Так надо, поверь мне. Значит, сразу после нашего отъезда в Кырым ты сделаешь вот что...

Главные ворота старой столицы ханства мы пересекли в десять часов дня, когда основной поток крестьян и других посетителей ослабел, чтобы не стоять в очереди. Кафу мы покинули при открытии ворот, так что приехали вовремя. Арбы со свежим продовольствием повернули на рынок, а мы к нашему постоялому двору. Нужно доделать дела и, наконец, сваливать из ханства. Чую, терпение местных скоро лопнет. Не привыкли они к такому отношению к себе со стороны русичей.

Встреча с торговцем живым товаром назначена на обеденное время, значит, у меня еще час на сборы и подготовку к поездке. За помощь со стороны постоялого двора, где у меня уложены вещи, я отдал целый золотой, это половина стоимости самого постоялого двора, так что расплатился я сполна. По крайней мере, хозяин был очень доволен, долго благодарил, не забыв также про пояс и нож, которые я подарил его сыну.

Тарантас Асфат отдал мне вместе с кучером до завтра, а так как возвращаться на постоянный двор я не собирался, то сразу погрузил в него свои вещи, оставив их под охраной Силантия. Я взял его с собой в качестве слуги и охранника. А то на меня косо смотрят. Все сам да сам, тогда как у каждого местного есть прислуга и рабы. Вещи, конечно, лучше было отправить на корабль, но два дня назад я ехал договариваться, не зная, что

куплю корабль. Сейчас же повозку с личными вещами я хотел отправить вместе с купленными рабами — с хозяином постоянного двора это было обговорено. Поэтому о вещах я особенно не беспокоился.

Али в этот раз я не брал, пусть отдохнет у себя, возвращаться, как я уже говорил, не собираюсь.

Через полчаса мы были на рабском рынке, где нас окружил привычный шум работающего базара.

— Правь вон к тому шатру, — велел я кучеру, его, оказалось, звали Игорь.

— Хорошо, господин.

— От вещей не отходи, смотри в оба. Понял? — спросил я у Силантия.

Крепко сжимая рукоятку ножа, он кивнул, настороженно осматриваясь. Ему не нравились шум и постоянное мелькание прохожих. Что пропадет — и не заметишь.

Оставив повозку под охраной двоих человек, кивнув поклонившимся охранникам у входа, я спокойно прошел внутрь.

Торговец, извещенный своими людьми, уже ждал меня в одной из комнат шатра. Позавчера, кстати, шатер стоял дальше на десять метров, это означало, что продавец или переставил его, или убирал на время.

— Добрый день, Олег, проходи, присаживайся. Не поделишь ли ты мою трапезу?

— Почему нет?

Пока шел обед, на деловые темы мы не общались, так, пара анекдотов с моей стороны для поддержания разговора и несколько сказаний и слухов из города со стороны торговца. Через некоторое время я понял, к чему он ведет. Преинтересные сведения мне сообщил торговец. Оказалось, начальник стражи, затаивший обиду, по слухам в узких кругах, решил отомстить мне. Правда, как — никто не знает. Но это еще не все, была другая группировка, метившая на высокий пост начальника стражи. По личному предположению торговца, они хотят убрать его моими руками. А что, пришлый же. Если что, исчезнет, никто и не вспомнит. После некоторого размышления я пришел к тому же выводу. Конечно, сведения отрывочные, но умный — да поймет. Догадываетесь, кто возглавляет противоположную группировку? Мой хороший знакомый, главный советник хана. Эта должность вполне жирная, и охотников среди местных благородных на это место много, но начальник стражи ходит у хана в любимчиках, вот советник и решил убрать его моими руками.

«Нужно ждать неприятностей в ближайшее время», — подумал я.

После обеда мы приступили к делу, пора заняться тем, для чего я и

прибыл в старую столицу. Мне нужны боевые холопы, и не сломавшиеся в рабстве, а вполне себе злые на всех и вся. Научить их нужным специальностям — я и сам научу, главное, чтобы они были не сломленными, а то подведут в нужный момент.

Когда мы с Агабек-оглы встали, чтобы идти к загонам, где, как скот, и содержались рабы, в комнату тихой тенью проник один из слуг и, быстро подойдя к торговцу, стал что-то шептать ему на ухо. Судя по тому, как они оба изредка бросали на меня взгляды, речь шла именно обо мне. Или дело касалось моей особы.

Что-то ответив слуге, Агабек-оглы хлопнул в ладоши и сказал мне:

— Все готово. Можем идти выбирать. Вы, кстати, не отказываетесь от нашего соглашения?

— Нет, меня все устроило. Всю сумму я внесу в один договор.

— Хорошо. У меня все готово, мои люди ждут за городом.

Мы вышли из шатра с другой стороны, отсюда не было видно повозки с Силантием и греком, и направились к именованным загонам, около которых ходили зрители и покупатели. Каждый загон кому-то принадлежал. Например, Агабек-оглы владел восемью загонами. По его словам, он продавал за один сезон до полутора тысяч невольников, а таких торговцев в Кырыме было за сотню. Причем он имел загоны и в Кафе.

Пройдя два принадлежащих ему загона, мы остановились у третьего. Тут стояла самая многочисленная охрана из надсмотрщиков, я бы даже сказал элита из его воинов, и рядом околачивалось меньше всего покупателей.

— Открывайте, — кивнул он старшему охраны.

Двери из досок не давали возможности увидеть, что происходит в загоне, но жерди по бокам, с достаточно широкими проемами, чтобы покупатели могли осмотреть рабов перед покупкой, давали возможность разглядеть людскую массу. Судя по металлическому звону, еще и в цепях. Хотя в чем еще должны быть бунтовщики?

Как только ворота распахнулись, мы с торговцем осторожно вошли в загон. Он мог вместить до сотни человек, сейчас же тут было около пятидесяти или чуть меньше. Наша осторожность была вызвана не опасностью нападения, а вонью, что царила в загоне. Невольники испражнялись прямо под себя, никаких средств гигиены вроде общего парашного ведра не было. Зачем? Есть рабы, чтобы убрать.

— Это все, что нашлось по вашему заказу. Сами понимаете, войны редко попадают в плен, в основном у нас крестьяне и горожане, — обводя рукой зашевелившихся рабов, произнес торговец. Говорил он на

ногайском, не по-русски. Ответил я так же.

Многие невольники уже определили, кто я, сообразили, что русич, некоторые поднимали головы, с надеждой взирая на меня.

— Главное, что хоть они есть... — пробормотал я. — Дальше, дорогой Агабек-оглы, я пообщаюсь сам.

— Хорошо, мой начальник охраны и пара его человек на всякий случай останутся с тобой, а я подожду снаружи.

Как только ворота закрылись за торговцем, впустив в загон троих надсмотрщиков, я повернулся к невольникам и, прокашлявшись — в горле вдруг запершило, — громко заговорил:

— Я боярин из Великого Новгорода Олег Красновский. Выкупился из плена, возвращаюсь к себе домой. Перед возвращением на родину, на которой не был уже давно, решил подобрать себе боевых холопов. Приму только тех, кто не ударит в спину, предателей не терплю, не прощаю и всегда уничтожаю. Мне нужны два десятка воинов, умеющих держать строй. Десяток лучников и пять лазутчиков. Кто знает огненный бой, тоже нужны. Врать насчет умений не советую, будут проверки. Как я уже говорил, мне нужны преданные воины, потому как возвращаюсь, чтобы отомстить. В общем, придется убивать своих, русских. Но не добрых христиан, а предателей, сдавших нехристям новгородскую малую дружину, из-за чего попал в плен мой отец, главный воевода Великого Новгорода боярин Кузьма Михайлович Красновский и многие его воины, не павшие на поле боя. Поэтому я спрашиваю, кто пойдет под мою руку? Обещаю заботиться о своих людях и быть справедливым. После свершения возмездия вы получите свободу, кто захочет, может остаться под моей рукой. На раздумья у вас шестьдесят ударов сердца.

Я отошел в сторону, где был приток свежего воздуха, и замер, дыша через рот.

Долго мне стоять не дали. Секунд десять. У них действительно не было выбора, а тут хоть какая альтернатива выжить и вернуться домой. Можно сказать, лучик надежды, и этим лучиком был я.

— Мы согласны, боярин, — гремя цепями, встал кряжистый мужик с бородой, подпаленной с одной стороны огнем.

— Все?

— Все, но нескольким бы я не доверился, гнилые людишки. Предать — может, и не предадут, но сбегут при любом удобном случае.

Несколько невольников взвыли, видимо, поняв, что о них идет речь.

— Вы кто?

— Полсотник Глеб Ветров, вторая сотня рязанской дружины. Попал в

плен прошлым летом при отражении набега, в беспамятстве, — по-военному четко ответил он.

— Хорошо, пока временно назначаю тебя главным над моими холопами. Подбери десятников для двух десятков строевых воинов, для лучников и лазутчиков. Вас под конвоем отведут в портовый город Кафу, там мой корабль. Дальше отправимся на Русь.

— Нас много, — тихо сказал полусотник.

— У меня большой морской ушкой, всех возьмем... Освободите его, — велел я надсмотрщикам, ткнув пальцем в Ветрова.

— Оплаты не было, — напомнил начальник охраны.

— Мне нужно убедиться, что он тот, кто мне нужен. Снимите.

Когда с Ветрова кувалдочкой и зубилом сбивали кандалы, ко мне попытался кинуться один из тех невольников, кого полусотник забраковал, но, запутавшись в цепях, он упал на грязную солому. Среди этих изгоев уже образовалось пустое место, воины смотрели на них с презрением, видимо, было за что.

— Боярин, я был личным холопом Красновских, я их всех знаю. Возьми меня, — отчаянно крикнул он.

— А вот и угроза разоблачения, — не понижая голоса, хмыкнул я, развернувшись к нему. — Внимание всем. Чтобы не было недопонимания, я отвечу сразу. Боярин Красновский и его сын Олег погибли. Сам Кузьма Михайлович перед смертью принял меня в семью, дав наказ отомстить за род. Он не завещал мне земли и дома, только месть, и я выполню его просьбу, чего бы мне это ни стоило. Попросил отомстить от имени своего погибшего сына новика, имя которого я и ношу в данный момент. Это пока все.

Воины кивнули, принимая мои слова, данное слово надо выполнять, и они вполне понимали, о чем я.

Полусотник, смерив тяжелым взглядом крикуна, сказал:

— Ненадежный.

Мне этого хватило, и завопившего раба надсмотрщики утащили в другой загон. Я всех предупредил, что мне нужны те, кто не подведет в трудную минуту. Этот-то откуда тут взялся, для количества, что ли? Хотя четкие рамки для торговца я не ставил, видимо, собрали всех, кто сейчас есть. Основной поток ушел на каменоломни и на турецкие галеры.

Как только с Ветрова сняли кандалы, мы с ним вышли из загона и подошли к двум большим, крытым плотной материей арбам, в которые были запряжены волю.

— В этих повозках оружие и броня. Кольчуг нет, слишком долго их

подгонять под каждого, но тут хорошая, кожаная, с металлическими вставками. Нужно все проверить и дать заключение.

Подошедший Агабек-оглы прислушался к нашему разговору, но не мешал начать проверять груз. Он запомнил мою поговорку: доверяй, но проверяй. Мой заказ на оружие и броню он выполнил, у нас еще была парочка договоров, выполнение которых пока под вопросом. Обсуждали мы их без Али, когда мальчишка вышел из шатра по нужде, нам не нужны были лишние уши.

Пока мы с торговцем в течение получаса общались чуть в стороне от загона, полусотник закончил осматривать повозки.

— Ну что? — спросил я его.

— Есть недочеты, но они легко исправимы. Хорошее оружие и броня.

— Хорошо... — кивнул я и открыл было рот, чтобы дать дальнейшие указания, когда вмешался торговец.

— Думаю, нам нужно произвести расчет.

— Согласен, — ответил я и тут же скомандовал полусотнику: — Ожидайте меня, вернусь — получите дальнейшие инструкции.

Оплата много времени не заняла, я уже говорил, что рабы сейчас потеряли в цене, поэтому за всех людей уплатил три с половиной золотых, но вот за обе арбы с оружием, броней и парой мешков с продовольствием пришлось отдать пять монет. Оружие во все времена имело самую высокую цену среди товаров. Еще три монеты отдал за дальнейшие услуги согласно договору.

Убрав купчие за пазуху, я встал, и мы вместе с торговцем вышли из шатра.

У загона, рядом с которым продолжали стоять под охраной арбы и полусотник, Агабек-оглы вдруг хлопнул себя по лбу и, неумело сыграв плохую память, сказал, что моя повозка со слугой и кучером пропали.

— В смысле?! — резко повернувшись к нему, жестко спросил я.

— Их забрал патруль стражи, я забыл об этом сообщить.

«Вспомнил, когда я уплатил. Вот гад, значит, именно об этом они тогда шептались в шатре».

— Это мой человек! — все повышая и повышая голос, начал говорить я. Надсмотрщики напряглись и положили руки на рукояти сабель. — Да я весь ваш город уничтожу, если с ним что случилось!

Я реально был взбешен, начальник стражи нарвался.

— Это ведь не помешало нашему делу, не правда ли? — вытирая внезапно вспотевший лоб платком, спросил Агабек-оглы.

— Выполняйте остальные обязательства. К сожалению, невольников я

теперь сопроводить не могу. Я сообщу старшему охраны место, куда нужно привезти караван. Пусть выходят немедленно.

К моему удивлению, эту махонькую бухточку торговец знал, она пользовалась известностью среди контрабандистов, тут, оказывается, и такие были. Не все хотели платить пошлину и налог. Так что с этим проблем не было.

Оставив торговца с начальником охраны, они обсуждали маршрут движения, я подошел к Ветрову, продолжавшему стоять у арбы под надзором трех надсмотрщиков.

— Значит, так, полусотник. Я заплатил за вас и за оружие. Дальше вас под конвоем в кандалах выведут из города и по дороге направят к морю. Не мешайте конвоирам, они знают, где ждет мой корабль.

— А Кафа?

— Забудь, эта информация не для чужих ушей. Когда дойдете до моря, конвоиры вас расклепают и спокойно уйдут, не мешайте им. После чего помоешься в море, взденете броню и возьмете оружие. Ваша задача — ожидать меня. Как только я появлюсь, то вызову корабль, и мы отчалим, до этого сидите в том заливе, как мышки в норке. Ясно?

— Да, хозяин.

Моего ушкуя действительно не было в порту, почти сразу после нашего отъезда с Али из Кафы они отшвартовались и ушли в море, ожидая сигнального дыма в одном из соседних заливчиков. На это у меня были веские причины. Главное — гарантом сделки выступал торговец.

Как только караван невольников, гремя цепями под скрип повозок, отошел, откуда ни возьмись появилась стайка мальчишек. Они стали кидать в моих людей гнилые фрукты и камни. Конвоиры по мере сил отгоняли их, ведь товар уже продан, и до места стоянки они отвечают за него. Да и им пару раз попало, что тоже не добавляло настроения.

«М-да, сильно тут погуляла толпа взбунтовавшихся невольников», — мысленно покачал я головой. Как рассказал торговец, у крепостной стены возле южных ворот половина домов сгорела, и многих жителей вырезали. Рабы тогда наружу пробиться не смогли и частью были уничтожены, а частью снова пленены.

Как только караван скрылся в одной из улиц, что вела к ближайшим воротам в сторону моря, резко развернувшись, я зашагал к казармам стражи. Появилась работенка, кровавая, но многообещающая.

Энергично шагая по улице, я быстро «затерялся» в толпе. Если учесть, что в городе один русский двуручник, то эта затея сразу была обречена на

провал. На меня многие смотрели или показывали пальцами. Пока я не свернул на тихую улочку, меня даже преследовал десяток детишек. За ближайшим перекрестком я скрылся в лавке, где продавалась всякая всячина.

Лавочник, выполнявший еще и обязанности продавца, восторженно и сразу стал напевно расхваливать товар.

Мое внимание привлекли не бусы или десяток неумело сделанных ножниц, нет, среди множества товаров мне приглянулась одежда, висевшая на одной из стен. Это были просторные балахоны, в которых обычно ходили мужчины. Не халаты, а именно мусульманские балахоны белого цвета, которые носят на Востоке. В ханстве в них тоже ходили, меньше чем в халатах, примерно сорок на шестьдесят, но одетые подобным образом встречались часто, даже с тюрбанами на головах. В общем, в этом не было ничего особенного и внимания не привлекало.

Хозяину лавки я объяснил, что лезу в гарем к недругу, решив отомстить таким способом. С этой стороны я неожиданно получил полное понимание, то ли хозяин был гулена, то ли был у самого такой недруг, поэтому он стал азартно мне помогать. Эта азартность повысилась вдвое, когда у меня между пальцев замелькал серебряный талер.

Пока мы выбирали мне маскирующую накидку, я размышлял: «Агабек-оглы, конечно, хитрец, ему приоритетно продать рабов и избавиться от „груза“, но сообщить о пропаже он мог и раньше. Пропал не только Силантий, но и мои вещи, а стоимость их сравнима с ценой сорока ушкуев. Да и Силантия они не просто так забрали. Им нужен „язык“, который сможет хоть что-то поведать обо мне помимо слухов. Думаю, о корабле они уже знают, как и о том, что он ушел из порта. Я остался, значит, у нас назначена встреча где-то на побережье, вот начальник стражи и решил выяснить все через Силантия. Только тут один затык. Силантий не знает даже о том, что ушкой ушел. Он не был в курсе. Жаль, слишком много времени прошло после ареста. Зная, как работают местные дознаватели и палачи, я более чем уверен, что Силантия уже нет в живых, или он в таком состоянии, что лучше не жить. Нужно действовать быстро, нанести несколько точечных ударов — это выбьет начальника стражи из равновесия, и после нанести главный удар. Грех упускать такую возможность, да и отомстить хочется за своего человека».

Посмотрев на свое отражение в хорошо надраенном бронзовом зеркале, я довольно кивнул. Балахон с прорезанными по бокам дырами, чтобы можно было ухватить сабли и выдернуть их, не задирая для этого подол, подходил идеально, скрадывая оружие и фигуру. Тюрбан, надвинутый на

лоб, отчасти скрывал черты лица. В принципе меня можно принять за местного.

Поймав внимательный взгляд хозяина лавки, я понял, что хозяин знает, кто я и куда иду. Кырым маленький город, о чужеземце с двумя саблями знало уже полханства, и кому он насолил — тоже. Значит, хозяин лавки все понял, когда я только подошел к нему, но не подал виду. Думаю, не одному мне не нравится этот начальник стражи.

Хмыкнув, я прямо спросил у него об этом и получил такой же честный ответ:

— Он посадил моего сына, тот умер в тюрьме.

— За что посадил? — с интересом спросил я.

— Он принародно ругал его за жадность и корыстолюбие. Ему дали плетей и отвели в тюрьму. Другие узники его избили. Сын умер, кашляя кровью. Я не один такой, много горожан и из пригорода Кырыма пострадало от этого жадного индюка.

— Сочувствую. Я думаю, мы можем помочь друг другу...

Уплатив покупку, я вышел из-под навеса, покрутил головой и, убедившись, что наблюдателей нет, направился вниз по улице. Теперь я слегка изменил фигуру и походку. Сгорбился и начал подволакивать ногу.

Абрам, как звали хозяина лавки, рассказал мне о начальнике стражи все, что знал. Где живет, где работает. По каким улицам ездит. Даже где прятался, когда был бунт. Информация была очень даже к месту, до этого я хотел прихватить патруль и допросить выжившего. Нет, патруль я все равно допрошу и вырежу, нужно же убедиться, что лавочник не врал, чтобы навести на меня стражу.

Пришлось стать одним из многих на улицах Кырыма, и мне это, честно говоря, не очень понравилось. В облике богатого боярина было куда комфортней. Известность такая хорошая штука, что просто удобно. Идешь по улице, и прохожие, увидев тебя, сразу же прижимаются к стенам. Не дай Аллах, чтобы непонятный, а оттого опасный русский заметил тебя.

Теперь же приходилось продираться через толпу. Почему-то тут преобладала игра «толкни соседа», и пока я шел к дому начальника стражи, то отбил все плечо, сталкивая с дороги наглецов, посылающих мне в спину проклятия. Забавная у них игра, не сразу, но мне понравилось. Надо будет почаще гулять по городу в таком виде.

Тут совсем рядом с поворотом, за которым и находился нужный мне дом, кто-то схватил меня за плечо — хорошо, что чуть выше локтя, за низ кольчуги не взялись, а то вся маскировка слетела бы — и, развернув, рявкнул в лицо:

— Куда так торопишься?! К Аллаху?! Смотри, кого толкаешь! — показал остановивший меня стражник на растянувшегося на дороге дородного мусульманина в дорогих одеждах. А я что, виноват, что этот толстяк перся посередине не особо широкой улицы, отчего проходим приходилось прижиматься к стенам, боясь даже задеть его.

— Стража! — завизжал он, наливаясь краснотой. — В тюрьму его. Плетей!

— Я случайно, — заканючил я, подобострастно кланяясь то стражнику, то толстяку. — Меня хозяин за лекаркой послал.

Причиной моего нестандартного поведения были десять стражников, которые вышли с улицы, где находилась моя цель, вот и пришлось менять планы. Прорваться-то я прорвусь без проблем, но зря потрачу время и наделаю много шума. Раз не получилось, зайдем с другой стороны. Где может быть Силантий, если жив, конечно? В тюрьме, вот туда и отправимся.

Стражник ухватил меня под локоть и, грозно покрикивая на окружившую нас толпу, повел меня к центру старой столицы. Кстати, сочувствовала толпа в основном мне, интересно, кто этот толстяк?

До тюрьмы пришлось топтать минут тридцать. Можно было быстрее, но этот идиот поперся через вещевого и продовольственный рынок, который находился в старом районе. К тому же нас там пытались ограбить. Заметив, что по поясу стражника прошлась чужая рука, я обернулся и заметил парня лет шестнадцати с перевязанной рукой.

Поняв, что его обнаружили, воришка тут же скрылся с кошельком стражника. Проводив паренька внимательным взглядом, я мысленно хмыкнул, никак не думал, что снова встречу его. Лица воришки, когда впервые попал на рабский рынок, я не видел, но сломанную руку вспомнил. Этот был тот самый воришка, зуб даю.

Кстати, пока мы шли, я приметил, что чем мы ближе к цели, тем больше стражников патрулируют улицы.

Когда мы вышли на площадь, моего конвоира окликнул один из таких патрулей:

— Что, Ханиф, поймал русского двуручника? — спросил старший патрульный в отличной кольчуге. Блин, это была одна из моих кольчуг, оставшихся в повозке. Все, хана им. За свое добро я любому горло перегрызу.

— Конечно, не видишь, что ли? — поднял он мою руку и потряс, как куклу, от чего я споткнулся от неожиданности.

— Ха-ха-ха. Когда будешь получать золотой от мурзы Агдаль-оглы,

вспомни обо мне. Я знаю, где лучшие русские рабыни. Они такие ласковые.

— Я тоже знаю, — недовольно буркнул стражник, продолжая тащить меня дальше, не обратив внимания на то, как я вытираю рукавом мокрый лоб.

«Гады! Шутники долбаные! Не могли другое время найти для приколов. Я чуть не сорвался и не располосовал их всех», — мысленно простонал я, костеря весельчаков.

Мой рывок мог быть последним, я, конечно, неплохой сабельник, но на площади собралось около сорока стражников. Они могли банально задавить меня массой. Мелкими группами они были мне не страшны, но масса — это сила.

Меня несколько забавляла ситуация, когда меня, вооруженного с ног до головы, тащили к себе в нору. Просто так я бы хрен туда попал без большой бучи, а тут сами ведут.

Мы подошли к большому двухэтажному зданию, оштукатуренному, но не окрашенному, отчего оно имело коричнево-серый цвет. Маленькие полукруглые окна стекол в основном не имели и были закрыты плетеными рамами.

Пройдя мимо трех стражников, которые негромко болтали у служебного входа, мы через ворота попали во двор, там я заметил наш пустой тарантас. До сих пор запряженный коняшка, лениво отмахиваясь хвостом от мух, уже накидал приличную кучку навоза. Давно стоит.

Во дворе было пусто, однако я продолжал идти за стражником, с интересом стреляя глазами туда-сюда, стараясь не крутить головой. Лишнее внимание к собственной персоне мне пока привлекать не нужно.

Пройдя мимо главного строения, мы подошли к другому зданию, одноэтажному. Махонькие, забранные решеткой оконца на уровне земли, подсказывали, что это и есть тюрьма.

Потянув на себя дверь, стражник вошел внутрь, таща меня за собой.

— Ханиф, кого ты на этот раз приволок? — спросил вышедший из боковой комнаты толстый стражник в измаранной маслом броне. Он держал в руках глиняную кружку и, отхлебывая, вопросительно смотрел на моего сопровождающего.

«Начальник смены? А что, вполне может быть. Большая связка ключей на поясе, кинжал, дубинки не вижу, должно быть еще что-то для умирения узников. Что-то не летальное», — прикинул я, рассматривая новое лицо.

— Этот медун толкнул уважаемого Абиль-абыя.

«Медун» на местной фене приравнивается к нехорошему человеку — редиске. Это, конечно, мой перевод, не обидный. В действительности же что-то вроде сына ишака, точно не скажу.

— Ого. Самого старшего дознавателя? Как всегда, плетей — и в камеру к бандитам для развлечения?

— Он так и велел, — равнодушно пожал плечами мой сопровождающий.

— Это мы быстро, — хмыкнул тюремщик и, повернувшись, заорал куда-то в глубь темницы. К сожалению, куда, было не совсем понятно, света не хватало, но часть перил ведущей вниз лестницы рассмотреть я успел. — Орг, шайтан тебя побери, тут тебя работа ждет!

Все это время как фон слышались голоса из той комнаты, откуда вышел тюремщик, и стук игровых костей, изредка прерываемый возгласами радости или огорчения. Видимо, остальные убивали время за игрой.

— Орг? Он же плохой кат, — поморщился мой сопровождающий.

— Наоборот хороший, одним ударом до кости, — возразил тюремщик, прислушиваясь. По лестнице топал кто-то явно тяжелый.

— Орг, что там с этим русским? Сказал? А то мурза очень ждет сведений.

— Орет, кричит, но, видимо, действительно ничего не знает, — удивительно тоненьким голосом ответила массивная фигура палача.

«Вот урод, это он про Силантия! Значит, жив еще!» — взбешенно подумал я. Пора было действовать.

Как только в мою руку упал стилет, вытряхнутый из ножен на руке, я взмахнул им и вогнал острие в глаз сопровождающего меня стражника. Одним слитным движением выдернув оружие, сделал шаг к палачу, который на удивление быстро среагировал и бросился на меня, вогнал стилет ему в горло и, не вытаскивая лезвие, просто отступил в сторону. Массивная туша пронеслась мимо и столкнулась со стражником, который еще даже не начал падать. После чего я подскочил к тюремщику, ударом кулака в висок вырубил его и, под шум падения двух тел, палача и стражника, ворвался в комнату отдыха, где находились еще четверо тюремщиков. Тут я работал уже кинжалами, саблями не размахнешься, да и доставать их из-под балахона проблематично.

Свой кинжал у меня был один, второй я позаимствовал с пояса тюремщика.

Дальше была просто рубка, расслабленные стражники не ожидали нападения, поэтому трое почти сразу получили расширяющиеся раны на горле. Четвертый успел отшатнуться, вжался в засаленную кладку и уже

открыл рот, чтобы закричать, но кинжал, влетевший в открытую пасть, полную гнилых зубов, не дал этого сделать.

«Блин! Весь уделался!» — посмотрел я на окропленный кровью балахон. Быстро стянув его, бросил в угол, туда же последовал и тюрбан.

Теперь все нужно делать быстро. Подбежав к входной двери, я перешагнул через трупы палача и сопровождающего и задвинул массивный засов. После чего выдернул стилет, протер его об одежду ката, вернул на место и только потом побежал проверять остальные помещения. К счастью, на первом этаже было пусто — полдень, сиеста, наверное.

Для надежности еще раз пнув голову тюремщика, на секунду замер. Внизу кто-то едва слышно стонал, слышались чьи-то голоса. На грани, но я их расслышал. Подхватив ключи с пояса бессознательного тюремщика, я рванул на зачистку территории, перескакивая со ступеньки на ступеньку, рискуя поломать ноги.

Откуда-то снизу, шел рваный отсвет, видимо, от открытого огня. Стоны и разговоры стали отчетливее.

Внизу был такой же коридор, свет шел из полуоткрытой двери, в конце коридора трепыхалось пламя факела, неровно освещая стены, пол и потолок.

Подскочив к незапертой двери, я осторожно приоткрыл ее и заглянул внутрь. Это была пыточная.

На некоем сооружении — чертеж похожего я видел в книге «Орудия пыток Инквизиции и садо-мазо на дому» — лежало тело мужчины. Могу ошибиться, но это, кажется, была «дыба». Мрак.

Лежанка, а на ней веревками за руки и за ноги закреплен Силантий. Подойдя ближе, я вздрогнул, когда глаза со срезанными веками повернулись ко мне.

— Добей, — тихо попросил он меня.

— Прости, — так же тихо пробормотал я.

Вздыхнув, я вытряхнул стилет из рукава и одним движением вогнал его в сердце жертвы ката.

Спасти Силантия было невозможно. Окровавленная дубинка, лежавшая на соседней дыбе, ясно показывала, что бедняге раздробили кости рук и ног. При том уровне медицины, который существовал в данное время, о лечении не могло быть и речи. Вдобавок ему отрубили пальцы на руках, а культяпки прижгли раскаленным металлом.

«Вот торговец урод, если бы не задержал меня, я бы спас Силантия. Успел бы. Хотя, когда торговец сообщил о случившемся, я уже понял, что поздно!»

Выдернув стилет, я протер его тряпками, валявшимися на табурете, кажется, это были остатки рубахи Силантия, и вышел из пыточной. Осталось осмотреть остальные камеры, найти грека и сваливать отсюда. Но перед тем как покинуть город, нужно навестить начальника охраны и компенсировать потери. Он, говорят, жадный, над золотом чахнет. Вот и пограбим награбленное.

Подземный этаж был гораздо больше верхнего, там содержали заключенных. Пробежавшись по коридору, я добил еще двух тюремщиков — один спал в небольшой камерке, а другой прогуливался, благо я успел засечь его раньше и метнуть нож.

Дальше я стал откидывать в сторону затычки, открывая смотровые щели, и заглядывать в камеры. Свет в них был, в каждой камере окошко с решеткой, так что темень проблемой не стала.

Грека я нашел в семнадцатой по счету камере, его пинала ногами тройка местных уголовников, еще десяток с интересом за этим наблюдали. Довольно профессионально уворачиваясь, он крутился на грязной соломе, ловко прикрывая голову руками и локтями. Опытный, сразу видно. Осмотрев свой новенький и чистый камзол, я скривился, но замер от внезапно пришедшей идеи и побежал наверх.

Снова накинул балахон, мысленно хмыкнул — работаю как патологоанатом, с защитной одеждой. Также я позаимствовал у одного из убитых тюремщиков кинжал получше и побежал обратно.

Путаясь в ключах я, наконец, нашел тот, что подошел, и распахнул створку. Узники, услышав минутный скрежет разных ключей в замочной скважине, отошли в угол рядом с окном, где солома не лежала тонким слоем, а была сбита в довольно плотную кучу. Там находилось пять местных блатных.

Игорь сразу узнал меня, несмотря на всю маскировку, поэтому прямо с пола метнулся под мою защиту. Прихрамывая и держась за бок, но довольно шустро подбежал. Узники делились на две категории, блатные и доходяги, раздетые до исподнего. В основном все местные, рабов не было.

Поигрывая кинжалом, я спросил у Игоря:

— Отомстить хочешь?

Глядя, как на его побитом лице расплылась улыбка, показывая два свежевыбитых зуба, я кинул ему трофейный кинжал и, опершись плечом о косяк, стал с интересом следить за дальнейшим действием, одновременно подправляя своим кинжалом подросшие ногти на левой руке.

Кстати, когда я заговорил, разговоры и крики в соседних камерах стихли, и наступила полная тишина, похоже, все узники прислушивались к

происходящему. Смерть тюремщиков так никто и не услышал.

Поигрывая кинжалом, Игорь направился к блатным. Те не особо испугались, но напряглись. Тот, в котором я определил старшего, упруго вскочил на ноги и вытащил из складок грязного халата узкий нож, не стилет — но похоже. Кучер напрягся, поэтому мне пришлось вмешаться, метнув один из метательных ножей. Блатной со стоном схватился за плечо и стал оседать, выронив нож. Когда его подручный попытался подхватить упавший клинок, я снова вмешался, метнув второй нож. Теперь второй стонал, держась за руку. Дальше уже смелее заработал Игорь. Он долго бил главаря кинжалом в грудь, пока не напоролся на кость, потом подхватил нож блатного и набросился на остальных, как маньяк. Если кто-то пытался кричать или мешать, то я моментально затыкал его, метнув нож в горло. У меня их было десять, осталось три.

Когда Игорь закончил, тяжело отдуваясь, я подошел к нему и, стараясь не запачкаться в крови шестерых убитых — остальных он не тронул, — велел собирать ножи:

— Уходим.

«Черт! — мысленно ругнулся я. — Как ни старался не запачкаться, все равно уделал балахон».

Теперь и я походил на маньяка. Хотя я и так маньяк.

Узники зашевелились, видя, что появился шанс для побега, но бежать не решились. Потому что, выведя Игоря из камеры, я запер дверь и повел кучера наверх.

Оставив его отмываться в одной из комнат, там было ведро и кувшин с водой, я подхватил бессознательного тюремщика под мышки и потащил в ту камеру, где посветлее. Судя по обстановке и крепкой мебели — это была допросная.

Быстро выглянув наружу, я осмотрелся. Пока все было тихо, хотя одна пара стражников прошла по двору, но направилась не к тюрьме, а вошла в главное здание с черного хода.

Вернувшись в допросную, я быстро привел тюремщика в чувство, раздробив ему кисть руки торцом крепкой лавки. Дальше уже шел допрос. Если он собирался кричать, я затыкал ему рот приготовленной тряпкой. А кричать он пытался часто. Особенно когда я размолотил ему вторую ступню. Теперь это был калека, но главное — информированный калека. О том, что в тюрьме есть бунтовщики из рабов, я не забыл, вот это и старался вызнать.

К сожалению, большую часть из них принародно четвертовали, но остались самые отъявленные, их собирались казнить на общей площади,

когда в старую столицу прибудет хан. Праздник у людей будет — хлеб и зрелище. Уже и подготавливаться начали.

Добив тюремщика, я пробежал мимо камеры, где отмывшийся Игорь, продолжая дрожать от нервного перенапряжения, переодевался в чистый халат, найденный в одной из комнат, похожей на склад вещдоков.

— Через сто ударов сердца уходим. Будь готов.

— Хорошо, господин.

— Нужно было ответить: «усегда готов», — хмыкнул я и рванул обратно к камерам. Время утекало, как песок сквозь пальцы.

Спустившись вниз, я стал отсчитывать камеры. Нужная — с левой стороны от лестницы, нечетная.

— Пятая, — пробормотал я и загремел в скважине ключами. Как только дверь распахнулась, я на всякий случай отпрыгнул в сторону, и, как оказалось, не зря. Мимо плеча пролетела массивная железная цепь кандалов. В принципе ничего удивительного, сам бы так поступил, вот и среагировал.

— Кончай бззить. Свои, боярин Красновский. Великий Новгород. Кто идет со мной? — кратко, по-армейски, рубанул я.

В проеме двери показалась всклокоченная голова с грязными сальными волосами и застрявшей в них соломой. Рвань, в которую был облачен этот человек, даже на подтирку не годилась. А главное — вонь. Она чувствовалась даже в коридоре, но тут шибала особенно резко.

— Красновский? Имя старшего в роду? — последовал контрольный вопрос.

«Ни фи́га себе, сидят в жо́пе, а еще пытаются играть в игры».

— Михаил Ефремович, его сын Кузьма Михайлович был воеводой в Новгороде, пока не попал в плен. Доволен? У нас мало времени. Я вырезал стражу в тюрьме, но скоро могут хватиться.

— Нас семеро, двое не ходящих, — выходя в коридор на свет факела, ответил поседевший воин.

— Прорвемся, — отмахнулся я. — Давайте за мной в пыточную, там инструменты, нужно сбить с вас кандалы.

У одного узника они были сняты, уж не знаю как, их и использовали как оружие, а вот остальные все еще щеголяли в железках.

Тут я расслышал стук во входную дверь, и почти сразу на лестнице показался перепуганный Игорь.

— Обнаружили? — тихо спросил воин, помогая выбраться из камеры следующему сидельцу.

В это же время из соседней камеры меня окликнул чей-то хриплый

голос на ногайском:

— Урус, освободи нас, а то мы крик поднимем, у нас окна во двор выходят, все услышат.

Из соседних камер его поддержали, правда тихо, чтобы снаружи не было слышно.

— Сидите молча, я вас и так собирался освободить перед уходом.

— А сейчас? — спросил тот же голос.

— А сейчас вы можете нам помешать. Все! Замолчали, — скомандовал я и скользнул вверх по лестнице.

— ...Ясир, долго нам ждать?! Опять с узниками развлекаешься? — спрашивали за дверью, продолжая молотить кулаками.

«Ого, тут еще и бабы есть? Не знал, да и тюремщик, этот самый Ясир, не говорил. Хотя я и не спрашивал», — подумал я, оттаскивая тела убитых в комнату к стражникам.

Откинув запор, я отскочил в сторону, спрятавшись за левой створкой. Правая открылась, и внутрь вошли двое недовольных стражников, таща худосочного парнишку с перевязанной рукой. Знакомый тип.

Как только они со света вошли в темное помещение, заметно дезориентировавшись, я захлопнул дверь, мигом закрыл ее на засов и прыгнул к обоим стражникам, вонзив им в шею ножи. Пока убитые стражники оседали на пол, осторожно вырубил парнишку.

Быстро, через смотровые щели оглядев пустой двор и соседнее здание, убедился, что все тихо и тревога не поднята, после чего спустился обратно в подземелье.

— Все нормально. Еще одного задержанного привели.

— Урус, ты обещал, — напомнил мне тот же голос.

— Я всегда верен своим обещаниям, — твердо и гордо ответил я.

Пока было время, я пообщался с воинами. Они меня поразили. Расклепать кандалы они не смогли, однако им было нужно оружие. Тут один из воинов принес себя в жертву. Он добровольно отдал себя на алтарь победы, позволив убить — удушить, если честно. Все были добровольцами, но соломинку вытянул один. Вот не знал, что этот способ с таких давних времен существует. После его удушения фактически голыми руками ему раздробили кисти рук и ступни ног, чтобы снять кандалы. Так у них получилось оружие вроде кистеня, тяжелое, но неплохое в их ситуации. Тело погибшего героя как раз начинало разлагаться в камере, так что появился я хоть и с опозданием — не пришлось тянуть соломинку, — но фактически вовремя. Успел.

— Я восхищен вашим мужеством и отвагой. Даже не буду требовать принять присягу и перейти под мою руку. Возьму как пассажиров и доставлю на Русь. Такие герои должны жить, чтобы о них слагали легенды и былины, — сказал я, находясь под впечатлением от их рассказа.

Первоначально их было восемь, один принес себя в жертву, семеро выживших после побоев и плохой кормежки едва держались на ногах. Двое слегли. Ничего, у нас тарантас, прорвемся.

Когда мы закончили с кандалами, — тут изрядно помог Игорь,

уверенно работая зубилом, — я отправил доходяг наверх. Там Игорь обнаружил целую бочку с питьевой водой, ее наполняли каждый день.

— Побрейте голову и подбородок, вот вам кинжал, он острозаточенный. Помойтесь и переоденьтесь. Одежда во второй комнате от лестницы, там склад, — велел я им.

Пока бывшие узники ковыляли наверх, а Игорь помогал одному из ослабевших, я подошел к той камере, из которой меня окликали.

— Двое у дверей, остальным отойти в глубь камеры, — скомандовал я.

Убедившись в глазок, что заключенные выполнили мой приказ, я открыл дверь и кивком головы велел узникам выходить. Когда они вышли в коридор, закрыл дверь на ключ и громко сказал:

— Я отдам вам ключи. Как только мы уйдем, можете выпустить остальных, а пока — за мной наверх, будете под присмотром.

— Нам нужно уходить вместе, — покачал головой один из заключенных. Это был дородный мужчина в когда-то роскошном халате. Судя по голосу, это с ним я вел переговоры.

— Нет. В этой ситуации вам будет легче всего, охрана отвлечется на нас, и вы сможете разбежаться по городу.

— Но охрана потом переключится на нас, не так ли? — спросил первый узник, второй продолжал хранить молчание.

— Есть такая надежда. Пусть это будет вашей благодарностью за освобождение. Ладно, идем наверх, как только мы уйдем, дальше действуйте сами.

— Хорошо.

Мы поднялись с нулевого этажа на первый, где, расплескав на каменном полу большую лужу, мылись бывшие узники. Запах немых тел еще стоял в воздухе, но уже не такой резкий. Игорь обмывал двух немощных, остальные осторожно мылись сами, используя мокрые тряпки. Это, конечно, неполноценное мытье, но они были уже не такими грязными. Посмотрев на их чисто выбритые головы со следами ссадин и порезов на макушках и лицах, я только хмыкнул. Явно не сами брились, сто процентов — Игорь этим занимался.

— Как только закончите, вы трое, что пониже, переоденьтесь в одежду стражников и их броню, — велел я и вышел из помещения, давая дорогу шедшим со мной узникам.

Судя по запахам, на первом этаже хранилась провизия, в том числе и из украденных у меня запасов. Я, когда зачищал территорию, мельком осмотрел помещение, нет противника — и ладно.

Часть мешков и кувшинов была распотрошена, бывшие узники

набросились на еду. Напомнив им о проблеме долгого голодания, я велел ограничить себя на первых порах, а вот пришедшие со мной ногайцы поглощали еду, не обращая внимания на возможность переедания. Хотя и не выглядели такими заморышами, как русичи.

На все про все нам понадобилось полчаса. Наконец все было готово, и когда трое воинов облачились в подогнанную ремешками броню и вооружились саблями и кинжалами, я открыл дверь и выпустил Игоря. Он изрядно трусил, но, выпрямившись, уверенно направился к тарантасу, справившись со своими чувствами. Его нужно было подогнать к входу, чтобы погрузить неходячих.

А дальше все просто — осталось подъехать к охраняемым воротам, потом на небольшую площадь перед зданием стражи, где полным полно этих самых стражников, и двинуться к выезду из города. Раз плюнуть... Мда.

Тут главное наглость. Стражники никак не ожидают, что совершившие побег узники могут вот так спокойно выехать со двора. Нет, в их понимании, общий побег трудно совершить втихаря, он должен происходить, прежде всего, с шумом и гамом. И охранников всегда можно опознать, ведь заключенные русичи, по сравнению с местными — гиганты. И даже надев двойную одежду, они все равно покажутся высокими и худыми, еще не дистрофиками, но близко к тому. У меня была другая идея: на мой взгляд, в тарантасе они не привлекут внимание. Я посоветовался с Игорем, он несколько секунд подумал и согласно кивнул. Главное — не подпускать стражников близко, а то сразу просекут, увидев лица.

Игорь обещал вывезти бывших узников из города, была у него лазейка. Приятель на воротах. Так что тут я все переложил на его плечи, чтобы бывшие узники не стесняли меня. Времени прошло не много, по идее он должен догнать караван из купленных мной воинов, я объяснил, куда они идут. Дальше отправится с ними. Чуть подотстав, договоренности на сопровождение не было, но с ними. Отблагодарил я его по-хански, золотой монетой. Так что он хоть и был бледен, но рвался в бой.

Мы внимательно наблюдали из разных окон за его слегка неуверенной походкой, когда он шел к тарантасу, и за тремя стражниками, которые разговаривали у входа в главное здание. Они не обратили особого внимания на Игоря, продолжая общаться, так что грек спокойно подошел к повозке и проверил ее. Погладив коня, он отвязал от крюка поводья и повел лошадь к нам.

Я тоже облачился в стандартную кожаную броню стражника. Шлем был надвинут на лоб, одна сабля снята и замотана в чистые тряпки, в

остальном я почти не отличался от местных.

Как только тарантас остановился у дверей, я распахнул створки и вышел наружу, слегка пригнув голову, — лицо у меня все-таки европейское, сразу можно заподозрить, — обошел тарантас и повернулся к страже спиной.

Все трое стражников как один с интересом посмотрели в нашу сторону. Гады.

Угроза эвакуации была под вопросом. Слишком опасно.

Обойдя повозку вокруг, я положил на дно сверток с саблей и подошел к греку, делая вид, что разговариваю с ним. Ростом от местных я не очень отличался, высоковат, но были и выше меня. Проблема заключалась в том, что стражники знали друг друга в лицо, и это нас волновало. Спасение было в одном, как сообщил нам мальчишка, тот воришка с перевязанной рукой, из Кафы прибыла сотня стражников на усиление, это не считая других городов, так что можно было сыграть под них.

Любопытные стражники быстро потеряли к нам интерес и продолжили беседу. Выводить бывших узников было пока стремно, но нужно. Махнув рукой, я дал знак, что пора начинать.

Во двор вышли двое переодетых воинов, они спокойно прошли мимо тарантаса и замерли спиной к стражникам, слегка закрывая им обзор. Под их прикрытием в тарантас попали и остальные. Они изображали узников, даже сбитыми кандалами звенели. На их головах были холщовые мешки — стандартная процедура при перевозке.

Как только они это сделали, я кивком головы велел остальным садиться, а сам шел рядом с Игорем, он вел лошадь за узду. Дверь в тюрьму закрыли за нами те двое узников, с которыми мы договорились. По моим прикидкам, через несколько минут двор захлестнет волна освобожденных заключенных, но мы должны быть уже далеко, если повезет, конечно.

Завернув за угол, который скрыл нас от зрителей, мы подъехали к воротам. Я распахнул их, когда тарантас выехал на площадь, закрыл и сел рядом с Игорем на облучок. Дальше мы не спеша направились к выезду.

Стражников прибавилось, и это было заметно, однако никто нас не остановил, слишком деловитый у нас был вид. Не так просто едем, с заданием. На пассажиров они внимания не обращали, больше на нас косились. Мы, играя на публику, чтобы отвлечь внимание от остальных, сделали вид, что спорим. Однако это не прокатило, я заметил, как один из стражников толкнул соседа в бок и показал пальцем на нас, но среагировать они не успели. В это время поднялась тревога и до нас

донесли крики стражи о побеге. Почти все стражники ломанулись туда, что дало нам возможность спокойно выехать с площади и углубиться в улочки, все набирая и набирая ход. Игорю нужно пересечь ворота до того, как поднимется тревога по всему городу и ворота перекроют.

Встречным патрулям мы кричали, что был побег из тюрьмы, направляя их туда. Это срабатывало, нас так никто и не остановил.

Через полчаса, остановив тарантас недалеко от ворот, Игорь вытер потное лицо и выдохнул в восхищении:

— Бог вас хранит, господин. Я о таком даже не слышал.

— Бог любит дураков, Игорь. Ладно, ездай дальше, а то скоро тут буча начнется.

— Хорошо, господин.

— Подожди! — остановил его воин, который был у узников за старшего, и уже мне: — Кто ты на самом деле?

— Ты все узнаешь позже. Сейчас не время.

Сразу в глубину улиц я не побежал, а проследив, как тарантас, на несколько мгновений задержавшись у ворот, выехал наружу, направился обратно. Посыльный прибежал через полминуты после того, как повозка пересекла ворота, но никто не бросился следом.

Игорь не подвел, его знакомый действительно сегодня дежурил на воротах. Причем не простой стражник, как я понял, а старший, десятник. Кстати, это был именно тот воин, которого я отблагодарил при первом въезде в старую столицу.

Возвращался я по одной причине — нужно вернуть свои вещи. Самое ценное, две мои красавицы-сабли, более чем уверен, находятся у начальника стражи, а это значит, мне нужно попасть в его кабинет или домой, если он перевез их туда.

Когда я вернулся, паника еще не прошла, двадцать минут назад произошел общий побег из тюрьмы, стражники, понеся немалые потери, сейчас зализывали раны и организовывали преследование. Часть узников заблокировали внутри, поскольку не все успели сбежать.

В общем, все как я и планировал. Так что, сдвинув шлем на лоб, я быстрым шагом направился к главному зданию, прижимая к боку сверток со второй саблей, ее я не забыл прихватить.

В той неразберихе, которая творилась на площади и вокруг тюрьмы, я без особых проблем смог войти и подняться на второй этаж. Правда, не без приключений. На лестнице меня окликнул какой-то местный начальник и велел следовать за ним. Вошли мы в допросную на первом этаже, где к скамье была привязана мертвая девушка. Избитая и изнасилованная.

Девушка была не местной, иначе ее побоялись бы тронуть, но и не русской. Я затруднялся определить ее расовую принадлежность, но вроде китаянка. Хотя, может, помесь, и миловидная помесь.

— Убрать ее, закопать, — ткнув в девушку пальцем, скомандовал, как я понял, дознаватель.

— Угу, — буркнул я, выхватил кинжал и вогнал его в живот ублюдку, несколько раз повернув лезвие. Вытащил, нанес еще несколько ударов. Дознаватель полувисел у меня на плече, вздрагивая после каждого удара и всхлипывая.

В это время в комнату вошел еще один тюремщик, по виду тоже из начальства. Я стоял к нему спиной, поэтому он не сразу понял, что происходит. Я и тут не сплеховал. Бросив на грязный пол первого ублюдка, ударом кулака в солнечное сплетение свалил второго. Закрыл дверь на щеколду и прислушался, не слышно ли криков. Крики, конечно, были, но, похоже, по поводу сбежавших заключенных.

Быстро подскочив к первому половцу, я добил его и стал тормошить второго. Этот одет побогаче, значит и чин больше, вывод: знает он много.

Половец в героя играть не стал. Зная, какую боль может причинить профессиональный кат, он сразу же стал часто и много говорить. Других мучил, а сам боли боялся.

Как я и предполагал, оба они состояли на службе в качестве следователей.

После этого допроса, который мне на многое открыл глаза, я присел на скамейку рядом с мертвой девушкой и задумался.

Меня затянули в местную политическую игру, устроенную властителями. Начальник стражи в ней разменная фигура. Дознаватель не все знал, скорее это его анализ происходящего, хотя ко многим секретам он был допущен.

Мне, честно говоря, все эти политические дразги были до одного места. Ну хотят они присоединиться к османам, мне-то какое дело? Я, конечно, историю изучал, но, честно говоря, не помню, случалось что-то важное в ханстве в 1477 году или нет, сейчас шел именно этот год. В общем, флаг им в руки, пусть крысятничают, а вот то, что меня втянули... Поиграем.

Выйдя из допросной, я снова поднялся по лестнице и направился к кабинету начальника. Его, кстати, не было, уехал в старую резиденцию хана, там созвали какой-то срочный совет, какой, допрашиваемый не знал. Как и не знал, где остальные мои вещи. Мелочь разошлась по стражникам, начальник стражи смилостивился и наградил некоторых любимчиков, а самое ценное осталось у него. Не понравилось вот что: все мои вещи он

уже отправил домой под охраной, там их должен был принять распорядитель-византиец.

Однако я не особо поверил этому и после жесткого допроса узнал, что в кабинете начальника была кубышка — допрашиваемый точно не знал, но подозревал об этом.

Кабинет охраняли двое воинов. Бил я с дальней дистанции. Они бы меня не подпустили. Один получил метательный нож в горло и, захлебываясь кровью, стал сползать по стеночке на пол, второму нож только чиркнул по щеке. Успел увернуться, гад, среагировав на движение моих рук. Правда, нож хорошо чиркнул, до зубов.

Принимать бой я не хотел, шум и все такое, и так они тут нервные, поэтому в моих руках заиграли еще два ножа. В глазах воина мелькнуло отчаяние, но он все равно попытался хоть как-то мне противостоять, бросившись на меня. Профи мне попался. Первый нож в ногу, второй в горло — и все было кончено.

Меня заинтересовало, почему он не позвал стражу, очень уж любопытно. Профи, а тревогу не поднял.

Все выяснилось, когда я заглянул к нему в рот, интуиция не подвела. Языка не было, у второго, кстати, тоже.

Проверив не запертый кабинет начальника стражи, я затащил внутрь воинов, старательно подтер кровь на полу и скрылся в кабинете до того, как прозвучали шаги на лестнице.

Кабинет был обставлен с элементами роскоши, ковры, шелковые занавеси. Стол для делопроизводства, стул. В общем, не наши офисы, но похоже.

Время поджимало, поэтому я торопился. Обшарил все, что можно, даже стены обстучал. Ничего. На ковре висела пара сабель, но не то, все не то. Кроме мешочка серебряных монет, ничем поживиться я так и не смог.

«Все, пора к нему во дворец валить. Нет тут ничего ценного!» — подумал я.

Выбраться из здания у меня не получилось, может, это и смешно звучит, но меня банально перехватил десятник и сунул в толпу из трех десятков воинов.

— Куда нас? — тихо спросил я у соседа.

Перед выходом я измазал часть лица кровью, скрыв этим черты лица. Внимание привлекаю, но в лицо уже не всматриваются. Некоторые побывали в бою с узниками и выглядели еще страшней.

— Сам не знаю. Нас с патруля без отдыха сразу сюда, — ответил он.

— Русичи освободились и побили охрану, — добавил второй, с косым

шрамом на щеке. — Я в допросной был, когда они ворвались, всю отдыхающую смену вырезали, только я и господин Ясир спаслись. Хорошо, что наши с площади подоспели, на второй этаж их не пустили.

— Десятник вроде сказал, нас к дворцу мурзы Агдаль-оглы отправляют. Внешнюю охрану усилить решили, — добавил третий.

Я просто не мог поверить своему счастью. Не надо тайными тропами пробираться к дворцу, сами доведут. Во лафа поперла. Главное, чтобы госпожа удача не повернулась ко мне своей темной стороной.

— Что у тебя? — спросил шрамолицый, кивнув на сверток с саблей.

Я честно ответил, смысла скрывать не было:

— Сабля.

— Зачем тебе вторая?

— Хочу стать великим мастером двуручного боя, — вздохнул я.

Стражники вокруг засмеялись.

— Это очень дорого, ты знаешь? — отсмеявшись, спросил шрамолицый.

Ответить я не успел, последовала команда выдвигаться. Меня вообще поражало отношение местных стражей к службе, раздолбай натуральные. Больше всего удивило, когда некоторые начали знакомиться с соседями. Не все стражники были местными, для усиления гарнизона старой столицы их частью сняли с других городов. Официально — для усмирения и поиска бунтовщиков, но я знал правду. Бунтовщиков поймали всех, информация о том, что где-то скрываются три десятка, была информационной уткой. Начальнику стражи Кырыма нужны были дополнительные силы, он собирался раскрывать заговор, а в этом деле нужны свои воины. Хоть и используемые втемную, но все равно свои. Часть аристократии ханства была за вступление в состав Османского государства в качестве отдельной провинции. Это та же Турция. Хан думает, но вроде как не хочет. Союз — еще куда ни шло, но идти под руку? Вот и начались тут политические дразги.

Топая вместе со всеми, я не особо раздумывал над делами местных. Меня больше беспокоили личные вещи, которые так нагло захапал начальник стражи, еще дальнейшие планы. Уйти из ханства нужно громко хлопнув дверью, чтобы эхо прогремело и на Руси. Мне был нужен пиар. Думаю, информация дойдет до предателя, пусть подергается.

Путь до дворца занял больше двадцати минут. Больше половины не знали, где он находится, поэтому с интересом крутили головами, отслеживая обстановку. Многие, как и я, одеты были разнообразно, только кожаная броня разного качества выделки оказалась у всех фактически

одинаковая, да шлемы из кожи и железа. Вроде как отличительный знак стражника. А вот оружие разнообразное. Мои богато оформленные по местным меркам ножны и рукоятка сабли сразу бросались в глаза. Многие завистливо на них косились, но у двух были похожие клинки. Тоже, наверное, пижоны.

Дворец был виден издалека, самое смешное — он находился через два дома от дворца главного советника, у которого я ночевал и который, судя по всему, являлся главой заговора.

Понятное дело, во двор нас не пустили. Рожам не вышли. Нас разбили на тройки и пустили патрулировать близлежащие улицы.

Попасть через ворота было нереально, их охранял десяток воинов, которым в любое время могла прийти на помощь дежурная смена.

— Ты бы лицо умыл, а то ходишь как шайтан, — посоветовал старший моей тройки.

— Хорошо, там вроде за углом был колодец, умоюсь.

— Не ранен? — усомнился старший. — А то говоришь как-то не так.

«Акцент заметил, сволочь!»

— Я же сказал, кровью брызнуло, когда бежавшего узника зарубил. А плохо говорю — успел по зубам получить.

— Ну ладно.

Наша тройка должна была патрулировать вторую улицу от дворца, никуда не сворачивая. Но я же говорил, что они раздолбай, мы повернули к колодцу. Напарникам приспичило попить и отлить. Два в одном.

Действовать нужно было быстро, кровь хоть частью, но скрывала мое лицо, да и я особо им не светил, если смотрели на меня, отворачивался. Мол, неприятно такое внимание. А если умоюсь, подозрения старшего перерастут в уверенность. Он и так на меня последние минуты подозрительно косится. Да еще этот сверток с саблей постоянно мешается.

В этом месте улица расширялась, она с уклоном уходила вниз, поэтому казалось, что колодец стоит на краю пропасти. У колодца непринужденно болтали две женщины, поднимая ведро с водой.

— Там кто-то перелез через забор! — воскликнул я, ткнув в сторону соседнего с начальником стражи дома.

— Туда! — мгновенно сориентировался старший.

Мы подбежали не к главным воротам, они находились на другой улице, а к маленькой калитке, которой пользовались слуги.

Что мне нравилось в этом дворе, окружавшем дом неизвестного вельможи или богача, так это густые заросли кустарника, хоть и хорошо подстриженные, но все же не просматриваемые. Поэтому, как только за

нами закрылась калитка, я нанес удары обоим напарникам. Добивать их не потребовалось. Я оттащил тела в самую гущу кустарника и рванул по одному из проходов.

Через десять минут я сдался — замучился крутиться и наткаться на тупики. Аллеи из кустарника представляли собой лабиринт. Достав сабли, вторую я давно уже повесил на пояс, и прорычав:

— На хрен эти стены, — я стал прорубать себе путь.

Мне нужно было выбраться с этого двора, перелезть через забор и незаметно проникнуть в соседний дом. Время вечернее, думаю, успею до темноты.

Банально прорубившись через кустарник, я ухватил за шиворот пробежавшего по тропинке слугу-старика, видимо, садовника.

— Где все слуги и хозяйева? — тихо спросил я его.

Шум от меня был изрядный, но тревогу почему-то не подняли.

Оказалось, тут дом казначея, который со слугами и родными находится в Бахчисарае с ханом. В этом доме осталось всего двадцать человек прислуги, даже главные ворота охраняли престарелые воины.

Вырубив на всякий случай старика, я подбежал к пятиметровой стене, с разбегу вогнал в стену кинжал и дальше использовал его как уступ. Да и щели в каменной кладке мне помогали. Ухватившись за верх каменного забора, я приподнялся, балансируя на рукоятке кинжала, и заглянул во двор. От увиденного я непроизвольно свалился обратно и прошептал, чувствуя, как мои губы раздвигаются в невольной улыбке:

— Гарем.

Во внутреннем дворе у фонтана и небольшого бассейна на импровизированных шезлонгах и матрасах загорали и отдыхали жены и наложницы начальника стражи. А я еще удивлялся, чего это с этой стороны забор такой высокий. У-ух!

Дворик, где находились жены и наложницы начальника стражи, был внутренним. То есть дворик с трех сторон окружали другие дворы, с четвертой был дом. Охраны там не наблюдалось, кроме двух толстопузых евнухов. Вся охрана находилась в обычном дворе и сюда доступа, как я понял, не имела.

Теперь вопрос: как мне попасть в дом, если везде люди? Охрана попытается железками проткнуть, про баб ничего не скажу. Логика их поступков для меня темный лес.

Скинув броню стражника, я снял кафтан. Вывернул его обратно и снова надел, теперь меня не спутаешь с другими. Я — это я. Шлем-шапку тоже откинул в сторону. Теперь пусть видят, кто их штурмует.

Кинжал остался воткнутым в стену на высоте трех с половиной метров, и я, разбежавшись, стал снова карабкаться, цепляясь за выступы на стене. Вот я снова оказался наверху, осторожно высунул голову и быстро осмотрелся. Все то же, послеобеденная нега. Мне вообще показалось, что кроме двух девушек, которые плескались в бассейне, остальные крепко спят.

Быстро закинув одну ногу на забор — он был полуметровой ширины — и перевалившись через него, я ухнул куда-то в кусты. Судя по впившимся в меня шипам, это были розы или нечто подобное. Лучше бы я в ворота вошел и поубивал там всех, было бы не так шумно и больно.

Я мгновенно замер, закусив губу. Сквозь кусты было видно, что некоторые проснулись и вертят головами, а те, что плескались в бассейне, прижались к бортику и внимательно смотрят в мою сторону. Честно говоря, мое внимание больше занимали не они, а евнух, который стоял у дверей, второго не было. Видимо, он ушел куда-то в дом.

В кустах мне пришлось сидеть почти полчаса, дожидаясь пока встрепенувшийся евнух не перестанет крутить головой и не начнет снова клевать носом. Две купальщицы продолжали плескаться, правда, изредка кидая в мою сторону взгляды. Заметили или нет? Остальные уже давно заснули на теплом солнышке.

Как только я собрался вылезать, — хорошо, что тут кусты высокие, не видно, что в них, — появился второй евнух. Он толкнул напарника в плечо и что-то сунул ему в руку. Судя по тому, как оба начали жевать, активно работая челюстями, он ходил на кухню.

Воспользовавшись тем, что они отвлеклись, я ползком вылез из клумбы и, посмотрев на испачканную грязью одежду, только ругнулся. Как ни берег ее, все равно измазался. Видимо, цветы недавно поливали.

Спрятавшись за клумбой, я быстро окинул взглядом внутренний дворик.

Если сравнивать с размерами большого, основного двора, это был действительно дворик. Он имел форму восьмиугольника метров шестьдесят на восемьдесят, окружали его пятиметровые стены, тогда как ограда общего двора не превышала трех с половиной метров в высоту. Все вокруг было густо засажено цветами, между клумбами вились мраморные дорожки, а в центре, как я уже говорил, располагались фонтан и бассейн. В шести метрах от меня на матрасике возлежала одна из нимф в прозрачном шелковом одеянии. Всего их тут, по моим прикидкам, было штук тридцать. Многовато, на мой взгляд. Не для начальника стражи, хрен бы с ним, а для того чтобы незаметно проскользнуть в дом.

Двери было две, одну охраняли евнухи, вторую, как я подметил, давно не открывали. Да и не охранялась она, явно заперта изнутри. На первом этаже было шесть окон, четыре закрытых и два открытых. Балкон на втором меня не заинтересовал, а вот окна внизу — да. Все они имели вместо стекол резную деревянную решетку. Красиво и свежий воздух в доме.

Можно воспользоваться одним из окон. Ближайшее ко мне явно вело в кухню, слышалась перебранка поварят и звон кастрюль. Второе, судя по полумраку и едва видневшимся ступеням, находилось на лестничной площадке. Теперь нужно подумать, как мне пробраться мимо гарема и проникнуть в дом. Самое легкое я сделал. Осталось последнее и главное.

По-пластунски выбравшись из-за клумбы, я спрятался за лежанкой ближайшей ко мне девушки, кстати, старше двадцати ни одной не было, он их что, как Синяя Борода убивает и избавляется от тел?

Пока вроде все тихо. С трудом сдержав желание... погладить девушку по попке, спала она на животе, я быстро перебрался за следующую лежанку, эта красавица была уже в теле, и спрятаться за ней не составило проблемы.

«Тэк-с, еще три девушки, перебраться через тропинку с цветами, потом еще две девки — и можно сигать в окно!» — прикинул я, приподняв голову.

До тропинки я добрался без проблем, только одна из девушек полусонно перевернулась на спину, перепугав меня, я как раз прятался за ней. Сонно посмотрев в мою сторону, она подложила ладошку под щечку, сладко почмокала и снова уснула.

«И не боятся ведь отдыхать вот так под открытым солнцем, а если обгорят? И так бронзовые уже».

Через посаженные вдоль тропинки в линейку кусты по-пластунски мне было не перебраться. Оставалось только прыгнуть. Полметра всего, но опасные полметра.

Я замер, отслеживая ситуацию. Как только евнухи отвлеклись, их кто-то окликнул изнутри дома, а купальщицы начали топить друг друга, я одним скачком перемахнул через кустарник, быстро пробежал оставшиеся метры, ласточкой нырнул в окно и мягко, на руки, приземлился на каменный пол. И опять замер, превратившись в одно большое ухо.

«Секунда, криков нет. Хотя о чем это я, пока нервный импульс дойдет до мозга... четыре секунды... пройдет мыслительный процесс... шесть секунд... появится мысль-приказ поднять тревогу... девять секунд... и когда прозвучит испуганный вопль, который переполошит половину

дома... одиннадцать секунд... я уже буду пить бражку на борту ушкуя... четырнадцать секунд».

В это время окно, через которое я попал в дом, заслонила чья-то фигура. Перевернувшись на спину, отчего непроизвольно звякнули ножны одной из сабель, я увидел в окне девушек, которые купались в бассейне. Да что говорить, на их бархатной коже до сих пор были капельки воды, которые так хотелось слизать... Бр-р-р, куда-то меня не туда занесло.

Обе девушки, поставив локотки на подоконник и положив подбородки на ладони, с интересом рассматривали меня, давая мне возможность увидеть не только правильные черты лица, но и совершенные формы груди и сосков. Одна была похожа на славянку, другая мулатка. Могу поклясться, что в их взгляде был гастрономический интерес, короче, передо мной стояли голодные самки.

Подскочив, я запечатал губы одной поцелуем, а другой ладонью.

— Ты кто? — оторвав мою руку, тихо спросила вторая. Первая прерывать процесс не желала никак.

Оторвавшись наконец от первой, похожей на славянку, я так же тихо ответил:

— Я хочу забрать у вашего хозяина то, что принадлежит мне. Не люблю воров.

Девушки зашептались, бросая в мою сторону заинтересованные взгляды. Мулатка склонилась ко мне и спросила:

— Что ты нам дашь, если мы поможем тебе?

— А что вы хотите?

Вот зря я это спросил. Ой как зря... Как драгоценную амфору с божественным напитком меня передавали из комнаты в комнату. Однако меня не столько заботило удовлетворение очередной наложницы, сколько я боялся попасться на глаза евнухам. Их было трое. Пришлось даже надевать паранджу. Были тут и две такие наложницы, которые меня не подпускали, но и тревоги не поднимали, другие их предупредили, что в этом случае им не жить.

Как я понял, их хозяин и муж был не частым гостем в этой части дома. Гарем его интересовал постольку поскольку. Вот неудовлетворенные женщины и мстили ему таким тривиальным способом. Да и физиологию никуда не денешь. За полтора дня я сумел окучить восемь девушек, да и на последнюю сил едва хватило. Я же не Геракл с его подвигами. Восемь для меня, хоть и истосковавшегося по женскому телу, это натуральный подвиг. Каждая пыталась взять от меня побольше, буквально выпивая досуха. Это первых трех я довел до полуобморочного состояния, дальше уже они меня,

так что эти сутки я провел в сексуальном угаре. Тревоги из соседнего дома не было, видимо, старик не стал поднимать шум, иначе тут был бы полный дом стражи, а вот что с убитыми мной стражниками-патрульными? Почему это не вызвало тревогу? Не обнаружили? Так они пахнуть уже скоро начнут, да и две бабенки у колодца нас видели, и знают, куда мы пошли. Блин, ну когда же будет тревога? Я уже не могу. Затрахаля уже!

Конечно, я не забыл, для чего пробрался сюда, и исподволь выспрашивал у своих сексуальных партнерш нужные сведения. Так что когда евнухи что-то заподозрили и побежали жаловаться хозяину, а во время тщательного обыска дважды чуть мне на руки не наступили, я понял, что пора сматываться, и так затянул время до вечера. К тому же, по плану, выбраться из дома мне поможет сам хозяин. Главное, чтобы он узнал обо мне, и вот, наконец, это свершилось. Гады. Не могли раньше настучать, что я тут? Недорезанные.

Подставлять девушек мне не хотелось, поэтому пока евнухи отвлеклись на поиски в соседней комнате, я, мелко семеня, по-другому в этой парандже не походишь, направился к выходу. Меня прикрывали те две нимфы, что первыми обнаружили. Их звали Олексия, полька, и Жази, турчанка или османка, так вроде правильно.

Подойдя к двери, ведущей на другую половину дома, я столкнулся с дородным мужчиной за сорок, видимо, это и был хозяин и мой противник.

— Где он, нашли? — сразу же спросил хозяин одного из евнухов, выглянувшего из той комнаты, мимо которой мы только что проскользнули.

— Ищем, хозяин, — поклонился он и, разогнувшись, задумчиво посмотрел на меня. Евнух знал всех в гареме, и таких широкоплечих, как я, еще не встречал.

Быстро подскочив к начальнику стражи, я буквально прижался к нему, ластясь и показывая евнуху, что только что прибыл с ним.

— Отстань, не до тебя, — не оборачиваясь, отмахнулся от меня хозяин дома.

Подозрение хоть на мгновение я отвел, евнух вместе с хозяином скрылся в самой большой комнате. В дверях же возник третий евнух, перегораживая мне путь внутрь дома.

Присев на топчан у одной из дверей, он знаком показал обеим девушкам, чтобы они скрылись. Как только они это сделали — последовал мой бросок и удар под дых евнуху.

«Блин, как они в этой парандже ходят?» — мысленно взвыл я, когда пытался поймать оседающего и хватающего открытым ртом воздух евнуха,

чувствуя, как паранджа расходится по шву на боку.

Выглянув в коридор уже не в женской части, я вытащил евнуха, которого основательно вырубил, и проверил соседнюю дверь. За ней оказалась кальянная. Видимо, когда хозяин накурится и захочет, чтобы не бегать далеко к бабам. Насколько я знал, девушкам был закрыт путь на эту сторону дома. Он их даже гостям не показывал, использовал танцовщиц. Ревнивый — ужас. Сам не дам, и другим не дам.

Затащив евнуха в кальянную и прикрыв одним из ковров, я скинул паранджу и рванул по коридору. Потом по лестнице на второй этаж, миновал опочивальню хозяина дома, свернул и с ходу атаковал двух воинов, охранявших сокровищницу. Девушек не часто приглашали в опочивальню, в основном хозяин их пользовал в их же комнатах, однако им приходилось тут бывать. Редко, но приходилось. Так что я ориентировался в этой части дома.

Метательные ножи и трофейный кинжал, снятый со старшего патрульного, — он был лучше моего, — а также тихий бег не подвели. Воинов я застал врасплох. Добив их кинжалом, попытался открыть дверь, но не тут-то было. Требовался ключ. В дверь был врезан замок, и для надежности добавили навесной. Про ключи мне ничего не сообщали, видимо, они не висели на шее у хозяина дома. Однако меня это не остановило, я вскрывал и не такие навороченные.

С навесным я справился быстро. Секунд за шесть, но вот с врезанным пришлось повозиться. Минуты полторы мучился, чувствуя, как утекает время, пока хозяин дома ищет меня в гареме. Замок не поддавался, нет, я много раз доставал до язычка и толкал его, чтобы добиться характерного щелчка, но он стоял намертво.

Не знаю, сколько бы я возился, если бы не догадался потянуть дверь на себя и она внезапно не открылась.

«Блин, тут на один замок закрыто, второй был, видимо, сломан!» — мысленно вздохнул я.

Отворив дверь, я затащил воинов и, прикрыв дверь, кресалом и трутом зажег светильники. Окон тут не было.

Эх, сколько я учился пользоваться этой древней зажигалкой, пока не набил руку, вспомнить страшно. Все пальцы тогда стер до дыр, пока не начало что-то получаться. Хорошо еще, что Михалыч помогал, учил.

При неярком свете масляных светильников было видно, что комната захламлена коврами, оружием и сундуками.

«М-да, одному мне все не унести. Нужно помощника искать».

Подхватив два тяжелых кожаных мешочка с золотыми монетами —

в каждом было по двести монет, не меньше, — я связал их вместе и повесил на шею. Дальше брал уже серебро, оно считалось самым ценным на Руси, большая часть сделок проходила с помощью серебряных монет.

Нагрузившись восемью мешочками с монетами, а также не забыв свои сабли, они обе были тут, я вышел из сокровищницы и направился вниз тяжелой, но уверенной походкой.

Так, сгибаясь под тяжестью награбленного, аж шея трещала, я и дошел до пустого дворика, через который попал в дом. Дальше уже дело техники. Длинная веревка нашлась в сокровищнице, ею связывали ковры. Я привязал один конец к поясу, другой к мешочкам и саблям и взметнулся вверх. Тут пришлось постараться. Если с той стороны в стене были щели, в которые я вставлял ноги, чтобы взобраться, то с этой стена оказалась ровно оштукатурена. Я не спортсмен, чтобы вот так преодолевать высокие заборы, да и шеста рядом нет, так что пришлось полагаться на себя и на природную прыгучесть. Разбежавшись, я оттолкнулся от боковой стены, сумел-таки зацепиться за верхушку забора и, подтянувшись, распластался наверху, чтобы не привлекать к себе внимание.

Убедившись, что вроде как никого нет, быстро подтянул к себе тяжелый груз и перевалил его через забор, однако прятать с той стороны помедлил. Это сейчас, пока в форме прыгнул, а если быстро устану? Меня последние сутки на качелях ох как укачали, устать могу быстро. Поэтому, отвязав веревку, постарался беззвучно бросить мешки на соседнем дворе, благо там кустарник рос довольно густо. Звякнули они громко, но никто не выбежал с криком: держи вора!

Вздыхнув свободнее, я вбил в щель кинжал, привязал к рукоятке веревку, теперь у меня не было проблем с преодолением забора. Веревка спускалась по углу и со стороны не бросалась в глаза, так как была фактически одного цвета со стеной, то есть светло-коричневой. Испытав ее при спуске, побежал обратно в сокровищницу.

Я там еще не всё выгроб. Немало нахапал этот начальник стражи. Нужно выгрести всё. Когда я поднимался по лестнице, из гарема доносились шум и крики. И вдруг мне навстречу выскочила служанка. Выпучив глаза, она открыла было рот, чтобы закричать, пришлось вырубить ее и оттащить в сокровищницу. До этого местная прислуга мне не попадалась, да и не особо многочисленной она была.

После четвертой ходки в соседнем дворе у меня скопилось две трети запасов хозяина дома, а в сокровищнице прибавилось шесть тел. А не хрен мне на пути попадаться. Странно, я тут уже сорок минут бегая, и никакой тревоги, только из гарема все еще доносятся крики. Дознание идет по

полной.

В сокровищнице я оставил только часть меди, забрав даже ювелирные украшения. Высыпав медь на пол, я, извиняюсь, справил на нее нужду. Думаю, мурзе будет приятно, ну мне точно было, когда я представлял его лицо, сидя над монетами.

Убивать его я передумал, какое в этом удовольствие? А тут поиздевался всласть. Так что план пришлось перекраивать.

Когда я с двумя последними мешками подкрадывался к лестнице, то на нижней площадке услышал густой мужской бас, чей это голос, я знал — главного повара:

— Абу, ты не видел Агли и Бакию?

— Нет, дядя, не видел.

— Куда подевались чертовки?

«Это, наверное, те две служанки, что попались мне в прошлый раз», — подумал я, ожидая когда они удалятся.

Наконец прозвучали удаляющиеся шаги, и я стал спускаться. Во двореке было все так же пусто, так что, привязав к концу веревки последние мешки с монетами и драгоценностями, я взлетел по веревке вверх, втащил трофеи и спустил их с другой стороны. Дальше — дело техники. Выдернул кинжал и спрыгнул вниз.

Причину, по которой не подняли тревогу, я выяснил сразу, оба воина хоть и слегка пованивали, лежали на месте, как и старик. Оказалось, я то ли ударил его сильно, то ли у него сердечко не выдержало. Огорченно покачав головой, старика мне было жаль, я стал перетаскивать трофеи к калитке.

Дальше осталось найти повозку и благополучно выбраться из города, вот с этим могли возникнуть проблемы. По городу ездит порядочно народу, но мне нужна та, которую не остановят в воротах. Какую не останавливают и не досматривают? Правильно, сантехников, то бишь золотарей. Вот их-то мне и нужно было найти, только за все время пребывания в Кырыме я их возы с бочкой и смрадом встречал всего лишь дважды. И надеяться на то, что они мне вот так попадутся, было бы слишком нагло.

Выглянув из калитки, я быстро осмотрелся. У колодца продолжали общение две женщины, не те, что были тогда, а другие. Видимо, колодец место общения домохозяек.

Вдруг мне показалось, что на перекрестке мелькнула телега с высокими бортами. Я много раз видел такие повозки, возницы собирали навоз с улиц и вывозили его за город. Иногда с ними были рабы.

«Да это даже лучше, чем золотарь, берем!» — мысленно воскликнул я.

Сняв одну саблю — с двумя я слишком привлекаю к себе внимание — и надвинув на лоб шапку, открыл калитку. Вроде никто на меня не обернулся и не заорал: держи его!

Играя роль солидного гражданина, я закрыл калитку и спокойно направился к тому повороту, где видел повозку. Дальше мне пришлось чуть ли не бежать. Благополучно разминувшись с очередным патрулем, благо они стояли ко мне спиной, общаясь с подозрительной личностью, на следующем перекрестке я догнал возницу на ассенизаторской телеге.

— Добрый день, — окликнул я его, не приближаясь близко.

— Господин что-то желает? — обернулся ко мне морщинистый возница.

— Да. У меня было много гостей, и их лошади замусорили мой двор. Как насчет немного подзаработать? Мои слуги помогут.

— Два алтына.

— Хорошо, готов уплатить три, если ты сделаешь работу за час.

— Так нужно ехать быстрее, — с энтузиастом воскликнул возница, в котором я опознал старого грека.

Я быстрым шагом возвращался к дому. За мной, грохоча колесами, ехала повозка, от которой многие шарахались. Внимания патрульных мы опять благополучно избежали. Во дают! Один патруль пропал, остальные даже не чешутся. Неужто о нас просто не знали? Ведь переключки не было.

Как только повозка остановилась у калитки, я распахнул ее и, приглашающе взмахнув рукой, велел заходить. Возница нахмурился.

— Это дом мурзы Аран-абыя. Главного казначея хана, — сказал он, проходя через калитку.

Я сказал ему, что надо сперва прикинуть фронт работ. Дальше все было делом техники, вырубив старика, на этот раз аккуратно, и стянув с него рабочее рубище, я измазал лицо грязью. После чего вернулся к повозке, подхватил две корзины для мусора и стал бегать между двором и повозкой, перетаскивая вещи. За пару минут я справился, даже прикрыл награбленное навозом. Потом занял место возницы и щелкнул языком, направляя лошадь к ближайшим воротам. Нужно сматываться из этого благословенного Кырыма.

С лошадью была только одна проблема — она никак не хотела ускоряться, видимо, настолько привыкла к размеренной, спокойной работе, что практически не реагировала на мои понукания. Мало того, на следующем повороте повернула к совершенно другим воротам. Наверное, по памяти. Значит, именно в эти ворота и проезжал возница, а может, и

остальные тоже. Мне уже дважды встречались такие повозки. Для антуража приходилось останавливаться, совком и веником сгребать конский навоз и другой мусор. А однажды и мой коняка наложил такую кучу... падла, два раза к тележке с совком бегал, корзины-то уже полные.

«Вот и ворота, теперь нужно пересечь их... Черт, неужто тревога? Точно! Ворота закрывают!» — я попытался подстегнуть конягу, но он все так же неторопливо тащил повозку.

Я не успел, ворота закрылись раньше.

Покусывая губу, я стоял и внимательно смотрел, как стражники накидывают брус на направляющие. Все, теперь ворота закрыты, и этот путь мне перерезан.

— В чем дело, Тимур, почему закрыли ворота?! — вдруг услышал я справа по борту. Мимо моей повозки пробежал какой-то важный вельможа в дорогом халате и тюбетейке. Просто так такие не бегают.

— Не знаю, мурза, — низко поклонился десятник. — Приказ от начальника стражи.

— Открывай, у меня важный посланник. Он до темноты должен успеть в Кафу.

Обернувшись, я посмотрел на дорожную повозку, что подперла меня сзади. В очереди я стоял первым. В ней сидел напояженный идальго, в одеяниях, как у капитана Родригеса, только вид у него был побогаче. Похоже, это и был тот посланник, приезда которого ждал капитан. Позади тарантаса скучали четверо конных воинов, по-видимому, охрана. Как все закручивается-то, а я для наблюдения за испанским кораблем нанял двух нищих.

— Но если...

— Я все беру на себя. Пусть уважаемый Агдаль-оглы с претензиями обращается ко мне.

— Хорошо, господин, — снова поклонился десятник.

Когда вельможа уже важной походкой проходил мимо, я раскланялся, но он не бросил на меня даже взгляда, только поморщился. Еще бы, кому нужен замухрышка на мусорной повозке. А если б не поклонился, то получил бы плетей — сто пудов. Повозка у меня, конечно, не как у золотарей, но запах тоже давала.

Как только ворота распахнулись, десятник махнул мне рукой:

— Проезжай давай.

Тут он был прав, я стоял перед воротами в десяти метрах, справа и слева вплотную защитные оборонительные башни. Хрен развернешься, так что десятник дал правильный и единственно верный приказ, пропустить и

меня и повозку с важными персонами, что подпирала сзади.

Чмокнув и тряхнув поводьями, я направил четырехколесную повозку в одну лошадиную силу вперед. За воротами мне почти сразу пришлось уйти влево, пропуская сигналивших сзади. Рядом с дорогой был свободный от камней участок.

Сигналили, сволочи, по-своему. Один из воинов догнал меня и прошелся по спине кончиком хлыста. Больно. Кольчуга, конечно, спасла, но как огнем ожгло. В принципе, я был не в претензии, с помощью этих клоунов выбрался из города, что мне еще надо?

Как только повозка, пыля известковой пылью, скрылась за ближайшим поворотом, я направился следом. Неторопливо, «ручка газа» сломалась. А ведь следовало поторапливаться, скоро обнаружат и убитых воинов, и слугу, и связанного с кляпом во рту кучера ассенизаторской повозки. Дальше опрос и погоня. Не стоит считать местных дураками, работать они хоть и не любят, но все-таки умеют.

Поморщившись, поправил за поясом пистолет, это пока мое единственное оружие, все четыре сабли, не считая других трофеев, в повозке под покрывалом. Подумав, я достал пистолет и подсыпал пороха на полку, так вернее будет.

Через километр лошадь, вместо того чтобы тянуть повозку дальше, куда я правил, повернула на неприметную тропинку. Ага, опять по привычному маршруту направилась. Сто процентов там свалка для отходов жизнедеятельности города. Пришлось слезть и за поводья вернуть ее обратно на дорогу, пройти еще метров сто и только потом «гнать» дальше.

Примерно через полчаса должно было стемнеть, погоня задержится, а мне в темноте нужно найти путь к бухте. В принципе, ориентиры я знаю, объяснили подробно, главное не промахнуться, лишь бы луна стояла, тогда проблем особо не будет.

Темнота накрыла нас довольно быстро. В горах ночь наступает всегда внезапно, не как на равнинах. Я знал это не понаслышке, так что она не застала меня врасплох.

Грохоча колесами по каменистой дороге, я чуть было не пропустил ориентир, но успел вспомнить, что за большим камнем, который торчал после оползня на дороге, из-за чего его приходилось объезжать, нужно повернуть сразу налево. Потом проехать еще четыре километра, спуститься между холмов на плохую дорогу, можно сказать тропку, и по ней добраться до залива, где должны были ждать меня мои люди.

Где-то к одиннадцати часам ночи луна стояла на небосклоне и неплохо освещала серебристым светом окружающие холмы, кустарник и тропку, по которой, оглушительно грохоча колесами, двигалась повозка.

Такой маршрут не прошел даром для повозки, когда впереди показался залив, отлетело одно колесо, видимо, ось лопнула, и телега осела на один бок.

Я успел соскочить, пробежал несколько метров, гася скорость, вернулся, похлопал по холке лошадь, она молодец, сама остановилась. Проверив груз, скинул рублище, привел себя в порядок, подвесил к поясу своих любимиц и направился к заливу. Если есть рабочие руки, зачем самому горбатиться?

Часть груза вылетела из корзин, но я подобрал его и сложил в отдельную кучку.

Когда до залива осталось совсем немного, уже была видна серебристая рябь на воде, я почувствовал рядом движение. Дальше уже работал на инстинктах. Кувырком уйдя в сторону, присел, пропуская над головой меч, и негромко спросил:

— Значит, так вы встречаете своего хозяина?

Двое нападающих замерли, один из них спросил:

— Боярин?

— Он самый. Давайте сюда Ветрова и десяток воинов покрепче, нужно перенести в залив груз, а то у меня повозка сломалась.

— Хорошо, господин. Арсений, быстро за командиром.

Тот, что пониже, убежал за скалы, видимо, там был лагерь. Костров не жгли, соблюдали светомаскировку. Молодцы.

— Семь воинов было? Я их из тюрьмы освободил.

— Да, боярин. Вчера прибыли.

— Есть какие проблемы?

— Продовольствие сегодня утром закончилось. Одежды на всех не хватило, с оружием хорошо. Всем досталось. Броня даже осталась.

— Это для ушкуйников... а вот и полусотник.

К нам действительно быстро приближался Ветров.

— Боярин? — в его голосе была отчетливо слышна радость. Не бросил,

приехал.

— Да, Глеб. Пришлось задержаться у начальника стражи.

— Убили?

— Нет, я ему придумал мечь пострашнее, он меня теперь всю жизнь помнить будет. Ладно, вижу, воинов ты привел. Идем, нужно перенести восемь тяжелых корзин. Там, правда, ручки оторваны, придется за низ держать.

Когда мы приблизились к телеге, Ветров, принюхавшись, спросил:

— Что это?

— А как, ты думаешь, я выбрался из города? Только так и получилось.

— Понятно, боярин.

— Навоз вытряхните, груз сразу в корзинах и несите. Глеб, отряди трех воинов, которые будут постоянно охранять эти корзины.

— Хорошо, боярин.

— Можешь называть меня настоящим именем, Артур. Ну или Артур Кириллович.

— Хорошо, Артур Кириллович. Я запомню.

Лагерь мои воины организовали фактически под скалой, она в этом месте нависала над пляжем. Неплохое в принципе укрытие, ветер бывает только с моря, а так затишье.

— Значит, так, Глеб, посты, я смотрю, расставлены, это хорошо. Всем отдыхать, но трех человек отряди, пусть вон на той скале приготовят дрова для костра. Рано утром, перед самым рассветом зажгите его, когда рассветет, добавьте мокрых веток, чтобы был дым. Дальше ожидаем ушкуй.

— Ясно, боярин, сделаем. Мы вот тут вам приготовили лежанку.

— Хорошо. Кстати, как устроились семь воинов, которые прибыли позднее?

— Сделали все, что могли. Я их знаю, вместе пытались вырваться из рабства.

— Это отдельные люди, не мои подчиненные. Просьба обращаться с ними уважительно, они всего лишь пассажиры. Ничего им не сообщать, секреты не выдавать. Ясно?

— Да, хозяин.

— Последний вопрос, — добавил я, устраиваясь на циновке, брошенной на мягкий песок. — Как мои воины? Сообщите, есть ли результаты? О том, что продовольствие закончилось, я знаю.

— Некоторые еще ослаблены, но думаю, в ближайшие две-три седмицы они вернут все умение и силу.

— Нет у нас трех недель. Не сегодня завтра нам вступать в бой. Усильте тренировки, и когда придет ушкуй, пусть люди получают усиленное питание.

— Хорошо, боярин.

— Все, иди.

Раздав указания и получив сведения об обстановке в лагере, а также о системе охраны, я лег спать. В принципе охранение было так себе. Сразу видно, что воины больше привыкли к лесу и лавовым схваткам, конница на конницу. Поэтому-то я и отдал приказ поставить на часы разведчиков, уж они-то врага не подпустят.

— Хозяин, утро, — потрясли меня за плечо.

Посмотрев на склонившегося надо мной Ветрова — это он разбудил, я зевнул и, недовольно скривившись, спросил:

— Что там с костром?

— Сигнал дали, ночью огнем, как рассвело — дымом. Посты усилены, сменившиеся часовые отсыпаются.

— Хорошо. Выставьте наблюдателей со стороны моря и дороги, по которой я прибыл.

— Наблюдатели уже выставлены, — кивнул Ветров. Молодец, без приказа все сделал.

Пока бегали воины, готовясь к возможным встречам, я умывался слегка соленой водой Черного моря, идти полкилометра до ручья мне было лень. Отряхнув руки и вытерев лицо рукавом, осмотрелся.

Воины не ели почти сутки, но это не мешало им со злым упорством начать занятия, слышались крики и удары мечей о мечи. Лезвия были замотаны в холстину, это хоть немного, но напоминало тренировочный меч, да и удары ослаблены.

Мне не понравились их тренировки, никакой войсковой подготовки, только личные данные. В общем, сброд воинов, не умеющих действовать вместе. Более чем уверен, когда начнется схватка, она распадется на отдельные очаги, и каждый воин будет биться сам за себя, индивидуально, так сказать. Нужно тренировать, жаль, что времени на это нет, но ничего, за время пути что-нибудь придумаем, до прибытия на Русь я сделаю из них воинов. Пока единственный верный выход, на мой взгляд, разбить десятки на тройки воинов и учить их действовать вместе. Это увеличит мощь подразделения.

Услышав справа скрип песка, я искоса посмотрел на подходящего ко мне мужчину с саблей на боку. Его сопровождал еще один. Это были не мои холопы, скорее всего, из той семерки, что я освободил позавчера из

тюрьмы. К сожалению, их лица я не запомнил, темно было, но, кажется, это был тот, кто у них за старшего. Фигура его выдавала.

— Добрый день... Артур Кириллович, если я не ошибаюсь?

— Он самый, — кивнул я без особого интереса к разговору, меня больше волновали мои люди.

Нужно уже сейчас разбивать их на отдельные подразделения со своей отличительной подготовкой. Нужно протестировать командиров, и если они не пройдут собеседование, учебный поединок тут ни к чему. У командира должна работать голова, умение махать мечом на последнем месте. Я должен определить, кто подходит на роль командира, кто пользуется уважением, у кого есть нужная командирская смекалка и умение повести подчиненных в бой. Вот все это нужно прикидывать уже сейчас, так что общаться я не особо хотел.

— Мы не договорили. Мне хочется знать, кто ты. Я поспрашивал твоих людей, но они молчат. Вчера мы с ними общались, а сегодня насчет тебя ни слова. Мол, приказали секреты не выдавать.

«Молодец Ветров, толк из тебя будет. Возможно, даже сделаю командиром», — мысленно похвалил я полусотника.

— Все правильно. Болтун находка для шпиона. Это не я сказал. Так говорят на моей родине.

— Ты не русский?

— Почему? Русский. Только на Руси не жил. Ранее служил в подразделении горных егерей, командир группы.

— Лесники?

— Егеря не только лесные. Не путай с германскими немцами. Нет, это отдельное подразделения для боев в горах.

— А не молод?

— А сколько ты мне дашь? — мне стало интересно, и я повернулся к нему.

— Не больше шестнадцати, — уверенно ответил собеседник.

Я отрицательно покачал головой, вернувшись к наблюдению за воинами.

— Двадцать?! — уже не так уверенно спросил он.

— Сколько тебе лет?

— Не знаю, сказали, что родился летом.

— Ну что ж, могу сказать, что я раза в три старше, чем выгляжу. Это тебя устроит?

— Устроит, но мне все равно непонятно.

— Как хочешь. У тебя есть что спросить у меня? А то я скоро буду

занят.

— Когда придут корабли?

— Когда увидят сигнал. Это все?

— Кто ты?

— Артур, ты же знаешь.

— Но почему ты взял имя Олега Красновского?

Я с интересом посмотрел на собеседника, разглядывая его морщины, чисто выбритые голову и лицо. Печать лишений и страданий лежала на всем его облике. Сто процентов он выглядит старше своих лет. Можно дать и шестьдесят, но я не уверен, что ему есть хотя бы сорок.

— Я приемный сын. Кузьма Михайлович принял меня в свой дом. А почему я взял имя Олега — это было его желание, он хотел, чтобы я отомстил под его именем предателю, который сдал малую дружину Новгорода татарам. Напали они во время стоянки, когда дружина была на отдыхе.

— Да. На часах тогда стояли воины предателя, они пропустили их, — согласился воин.

— О как? Так ты, значит, хорошо знаешь моего приемного отца? — теперь меня уже не интересовали тренировки, все, что нужно, я для себя уже определил. Теперь больше интересовался собеседником.

— Я был боевым холопом твоего приемного отца. Десятник Авдей Корнилов.

— А это не ты, когда за девками подглядывал, получил оглоблей по спине от их отца? Еще тебя потом крапивой отходили, — припомнил я рассказы Михалыча о своих боевых холопах.

— Я. Отроком тогда был, — едва заметная улыбка мелькнула в глазах воина.

— И еще когда принял свой первый десяток, то проставился. А потом тебя...

— Это тоже был я, — торопливо сказал десятник, опасливо оглянувшись на спутника. Оpozнание произошло. — Расскажи, что стало с боярином.

— Хорошо. Пойдем к скалам, там есть где присесть.

Авдей действительно был десятником. Я рассказал ему фактически все, даже про предательство Гюльчатаяй не забыл, и о том, как старик мучился с протезами, пока они ему не подошли. Его молчаливый спутник, Кирилл Михайлов, тоже оказался боевым холопом Красновских, только из другого десятка, он считался одним из лучших лазутчиков Великого Новгорода.

В конце рассказа от наблюдателей последовал сигнал, они заметили

несколько мачт. Корабли шли вдоль берега в нашу сторону. Еще через десять минут просигналили уже с другой стороны, к нам приближался караван с множеством воинов. Со слов наблюдателей, до полусотни точно.

У меня на ушкуе две мачты, на первой прямой парус, на второй косой, он будет до нас идти еще минимум час. Так что, кивнув Авдею, задумчиво продолжавшему сидеть на камне, я направился навстречу каравану. Надеюсь, торговец выполнил свое обещание.

Велев воинам занимать оборонительные позиции, я зашагал по тропинке. Два десятка встали стеной с круглыми щитами посередине узкого прохода, лучники наверху среди камней, а пятеро пошли за мной. Они исполняли роль эскорта. Понятное дело, Ветрова я не взял, оставив командовать обороной и встречать плавсредство.

Через полчаса я уже стоял на дороге, наблюдая за приближающимися закрытыми повозками. Их охраняло около четырех десятков воинов, в которых по отличительным знакам я опознал воинов Агабека-оглы, торговца, у которого купил холопов.

Закрытые арбы, не доехав до нас метров пятьдесят, остановились. Большая часть воинов спешила и разбежалась, остальные внимательно отслеживали обстановку. Их луки были в полной готовности, стрела наложена на тетиву.

Вперед выехал сам торговец в кольчуге, надетой поверх роскошного халата. Не впечатлил. Даже сабля на поясе у него смотрелась как-то неуместно.

— Добрый день, уважаемый Агабек-оглы, я смотрю, ты выполнил обещание, — поздоровался я.

Торговец ловко спрыгнул с лошади и, бросив поводья одному из охранников, направился ко мне, правда, отвечая почему-то на русском, который неплохо знал:

— Конечно, боярин. Я все выполнил, как договаривались. Они в арбах. Пришлось принять кое-какие меры, чтобы благополучно покинуть город.

— Что-то случилось? — спросил я, гордо подбоченясь, ожидая рассказа о происшествиях в городе.

— Ты знаешь про побег из тюрьмы?

— В курсе, — кивнул я, насторожившись.

— Много узников сбежало, некоторые из них разбойники, воры и убийцы. Они решили ограбить дом главного казначея хана, перебили всех слуг, но довольствовались только одним мешочком с серебром, всего одиннадцать монет.

«Теперь понятно, почему в доме не подняли тревогу, там узники

повеселились, интересно, они до меня в дом проникли или после?»

— Вот как? Хм, а что насчет начальника стражи?

— А что с ним? Рвет и мечет, ищет виновных.

— Это всё?

— Насколько я знаю, всё, — пожал плечами торговец.

«Вот гад, значит, решил никому не сообщать о своем позоре?» — мысленно хмыкнул я. Поразмыслив нескольких секунд, я принял решение:

— Пусть твои люди побудут тут, а ты прогуляешься со мной до залива.

У меня есть, что показать тебе. Безопасность гарантирую.

— А как насчет груза? — кивнул он на арбы.

— Ждали неделю, подождут еще. Идем.

Мы спустились к заливу и направились к скале, где трое воинов охраняли прикрытые холстом корзины.

Велев воинам отойти на тридцать шагов в сторону, я откинул холстину и развязал один из мешков, мне повезло, там оказалось золото.

— Что это?! — жадно глядя, как я, взяв горсть монет, сыплю их обратно, спросил торговец.

— Это деньги Агдаля, начальника стражи. Я ограбил его и вынес все, оставив только медь, причем в не очень хорошем состоянии.

Торговец быстро справился с удивлением и задал очевидный вопрос:

— Чего ты хочешь от меня? — Он прекрасно понял, что показывал я ему деньги не просто так.

— Я хочу, чтобы самый затрапезный нищий знал, что начальника стражи ограбили и что ему оставили в подарок. Кто ограбил, знать кроме тебя и ограбленного никто не должен. Это за труды, — высыпал я ему на ладонь горсть монет, где-то штук пятнадцать.

— Я все сделаю, уважаемый Олег, — поклонился торговец.

— Хорошо, теперь, думаю, нужно решить нашу главную проблему.

— О да, я жду этого момента уже неделю.

Оставив сокровища под охраной, мы вернулись к повозкам, там все было как прежде. Только появилась прорезь на материи верха одной из арб. Явно кто-то следил за обстановкой.

— Вы двое проверьте, что в арбах, — кивнул я своим людям, которые вышли со мной к каравану.

Они тут же беспрепятственно подскочили к повозкам и, откинув пологи, заглянули внутрь. В течение минуты они с кем-то общались, после чего оба вернулись.

— Там восемнадцать человек. Трех я знаю, мы с ними служили в одной сотне, пока не попали в плен. Еще там местный мальчишка и трое

раненых, — доложил воин лет двадцати пяти.

— Хорошо, пойдём, я должен поговорить с ними сам.

Когда началось восстание рабов, которое достаточно быстро и жестко подавили, все-таки они были безоружные, около тридцати узников смяли охрану, ворвались в дом Агабек-оглы и, перепугав прислугу, захватили дом. Все бы ничего, но они приставили нож к горлу единственного и любимого сына торговца. Условие было таково: оказать медпомощь раненым и организовать переправку на Русь. Бывшие невольники были настроены решительно. Торговец горячо любил сына и стал искать возможность избавиться от них. Тут вовремя подвернулся я, решив и его проблемы, и свои. В захватчиках мне понравилось то, что они первым делом попросили оказать медпомощь своим товарищам. После этого стоило к ним присмотреться. А что заложник? Всякое бывает.

Когда мой боец откинул полог, на меня уставился десяток пар глаз, это были русские воины. Правда, в отличие от моих людей, косматые и бородатые.

— Кто старший? — тут же спросил я.

— Я, — ответил один.

— Я боярин Красновский. Приемный сын воеводы Великого Новгорода. Иду на Русь. Торговец выполнил ваши требования, можете отпустить ребенка.

— Слово? — протянул руку старший.

— Слово, — пожал я протянутую руку.

Меня несколько забавляла вера людей в обещание. На Руси есть свод законов, который пока действует. Он называется «Правда». По их понятиям, благородный, давший слово вывезти их на Русь, просто не мог обмануть. Да я и не собирался, вывезу.

— Игорь, отпускаяй, — скомандовал старший.

Захватчики уже давно убедились, что тут не подстава и происходит реальная сделка. Да еще мой воин все подтвердил, благо его опознали.

— Веди людей к заливу, вас там встретят. А у меня еще остались дела, — велел я тому воину, который опознал своих боевых товарищей.

— Хорошо, боярин.

Мы быстро распрощались с торговцем, я проследил, как пустые арбы разворачиваются на пути в город, и помахал мальчишке лет двенадцати, сидевшему с отцом на одной лошади. После чего отправился обратно, приказав встретившемуся на пути Ветрову, чтобы утроил бдительность. Местным я не доверял.

В заливе, к моему удивлению, уже стояли два корабля. Они

покачивались в трехстах метрах от берега.

«Надо будет дать ушкую имя, только попроще. Без высокопарных слов», — подумал я, наблюдая за слаженной работой экипажа. Оба торговца оставались на борту. Бдительности они не теряли.

Как только днище судна заскрипело о песок, я крикнул кормчему:

— Федор, быстро чан и продовольствие на берег. У меня тут шесть десятков некормленных гавриков. И быстрее, до обеда мы должны выйти в море. Есть у нас там дела, нужно одно судно перехватить и пустить его на дно.

— Будет сделано, хозяин! — крикнул в ответ кормчий и начал отдавать приказы. Воины, отдохавшие от службы, включились в работу. Одни потащили пятидесятилитровый чан к ручью, чтобы набрать воды, другие занялись мешками с припасами.

Заметив, что на берегу все спокойно, начали подходить купцы.

Я отвел Федора в сторону, велел ему спустить на берег три пустые бочки и доставить воинам, охранявшим корзины. Нужно как можно быстрее спрятать награбленное. Лучше всего на корабле, у меня в каюте. Благо два сундука еще пусты. Все, конечно, не вместится, но одну бочку можно и рядом со шкафом поставить. Придумаем что-нибудь.

Пока готовили завтрак — было примерно часов семь утра — выяснилось, что ложек на всех не хватает, да и мисок тоже. На девяносто шесть человек нашлось едва ли по сорок штук. Разбились на две смены. Сперва одни поели, потом другие. Надо будет решить этот вопрос, а то неприятно, когда на тебя смотрят голодными глазами.

Как только часовые сменились, чтобы поесть кашу с мясом, а их заменили уже позавтракавшие, мы с купцами отошли в сторону, чтобы прояснить некоторые моменты.

Мы присели на камешек, где ранее хранилось золото, которое уже давно перенесли на судно, в мою каюту, у входа в которую стоял часовой со всем вооружением.

Погладив по спине щенка, Ласку, которая с удобством устроилась у меня на коленях, я спросил Севастьяна Сергеевича:

— Мы же вроде договаривались встретиться в устье Дона?

Щенок соскучился и хватал меня за пальцы, делая вид, что хочет их прокусить, так что я немного отвлекся, почесывая пухлое собачье брюшко.

— Да мы вдоль берега шли, видим поблизости мачты, корпус мысом был скрыт. Авдей опознал твой ушкуй, подошли — точно твой. Там с твоим кормчим и договорились ждать. Все ж надежнее. Воды тут опасные, многие безобразничают.

Второй купец, Прохоров, сидел молча, только согласно кивал головой, оглаживая окладистую бороду. Что ж, в смекалке им не откажешь. По местным представлениям, у меня боевой корабль. Про пушки они, к счастью, не знают.

— Понятно, но все-таки придется разделиться. Я вам дам три десятка пассажиров, примерно по пятнадцать человек. Не простых, воинов, многие с оружием. Если что, можно отбиться. Догоню я вас, как и договаривались, в устье Дона.

— Воины — это хорошо, — кивнул Соловейчик.

— Оплату проведу я.

— Что ж мы совсем крохоборы? Не гневи бога, боярин, понимаем, что из неволи едут воины. Не нужно денег.

— Вот и хорошо, — хлопнул я по коленям, посмотрев, как два воина пронесли мимо чан, они собирались мыть его в ручье.

Распределение прошло быстро, на ушкуе остались только воины, которые давали мне присягу, и я выплатил им первую зарплату, аванс, так сказать. Несколько мешочков с медью я все-таки тиснул, несмотря на тяжесть, вот половина одного мешочка и немного серебра ушли на зарплату. Да еще я другим дал, не своим, чтобы хоть что-то звенело в кармане. Хотя у некоторых деньги были — например, те, кого я вызволил из тюрьмы, успели забрать кошельки тюремщиков. У рабов, которых привез торговец, были свои трофеи. Однако своим поступком я показал им, что не забываю о людях.

Как только все было готово, мы отошли от берега и разделились. Купцы пошли вдоль побережья к Азовскому морю, а я в открытое Черное море. Как только купцы скрылись с глаз, я велел возвращаться в Кафу, у меня там были планы.

До порта было час пути, поэтому пока было время, я занялся воинами. Мы с Глебом — я все-таки сделал его заместителем — разбили людей на группы и провели опрос, что и как. В общем, у меня теперь в каждой группе было по двенадцать воинов, разбитых по три человека. Лучников всего девять. Да им нововведения и не требовались, вместе с командиром их было десять. Нормально. Учебные стрельбы показали, что на средней дистанции они еще ого-го, но для дальних пока не пришли в норму.

Лазутчики, то есть разведчики, пока кроме единоличных тренировок для восстановления формы, занялись вырезанием ложек. Благо дерева у нас хватало, думаю, к вечеру они нарежут сколько надо. Некоторые даже миски умудрились вырезать. За час, пока готовились к плаванию, я проверил, вполне удобная получилась посуда — жидкое не расплескаешь.

Правда, воин, который вырезал ее, признался, что надолго такой посуды не хватит, треснет, когда станет подсыхать.

Места на ушкуе для такого количества пассажиров, конечно, было мало, поэтому, пока одни занимались повседневными делами или отдыхали под палубой, другие тренировались.

Например, моему канониру, как и обещал, я выделил двух воинов, знакомых с пушечным делом. И еще троих на подхват.

Это с пистолетами и ружьями на Руси были проблемы, а пушки или те же тюфяки уже давненько встречались в русских крепостях. Правда, относились к ним настороженно. Бесовым боем называли.

Так вот, двое воинов уже обращались с тюфяками. Вернее, заряжали. Стреляли другие, и не так пугались грохота выстрела. Я в этом успел убедиться, мой канонир Синицын и кормчий Немцов успели за время двухдневной стоянки в одной из скрытых бухт сделать крепления для пушек. Вот их-то я и испытал. После третьего выстрела, когда ушкой снова содрогнулся, а команда и пассажиры дружно перекрестились, я осмотрел гнезда для пушечной вертлюги.

— Нужно из железных треб гнезда делать. Так еще пять или шесть выстрелов и разнесет гнездо.

Осмотрев гнездо после снятия пушки, оба со мной согласились. Дерево долго не выдержит, вот если бы мореный дуб был, тогда другое дело.

Канонир приставленных воинов похвалил, те ему подходили. К этому времени я уже прикинул, сколько нужно пороха и картечи, поэтому, дав задание артиллеристам шить шелковые мешочки и с помощью весов начинать делать заряды, направился к мачте. Федор сообщил, что вот-вот появится порт.

Взлетев на мачту, я достал из-за пояса подзорную трубу и стал рассматривать город и причалы. Когда мы приблизились, я скользнул вниз и приказал поворачивать в открытое море. Испанца в порту не было.

— Федор. Правь вон к тем рыбакам. Нужно у них кое-что спросить, — скомандовал я, ткнув пальцем в рыбацью лодку. Та, спустив парус, дрейфовала в двух километрах от берега.

— Хорошо.

— Боярин?

— Что? — повернулся я к канониру.

— Свинец только в прутах, картечи нет. Делать нужно или плавить, — показал он мне полуметровый прут диаметром миллиметров двадцать. Тяжелый по виду.

— Рубите пока зубилом, возьмите инструмент. Когда будет

возможность, расплавим на дробь и картечь.

— Сделаем, — кивнул канонир.

Рыбаки настороженно разглядывали нас, как только мы подошли, я спросил у старшего, по виду немолодого грека.

— Уважаемые, не проходил ли тут большой корабль с крестом на парусе?

— Утром был. Ушел туда, — показал рукой старик.

— Спасибо, ловите, — кинул я им медную монетку, после чего скомандовал кормчему править туда, куда указал рыбак.

Ушкой был ходким судном, да и Федор его хвалил, но до темноты испанца мы так и не догнали. Хотя вечером засекали его паруса. Будем надеяться, что, не зная местные воды, он пристанет к берегу, мы шли в трех километрах, чтобы не терять его из виду.

Во время пути я не оставлял своих людей без внимания, продолжая ужесточать тренировки. Скоро они мне понадобятся. Вечером, до того как на море опустилась темнота, я всем кроме моряков дал отбой, пусть отдохнут перед возможной схваткой.

Причин, почему я погнался за испанцем, было много, например, мне нужно вернуть второй пистолет, не нужно потенциальному врагу знать его устройство. Еще мне нужны пушки, ядра, свинцовая картечь, порох, ружья и пистолы. Да мне все нужно с корабля этого испанца, даже посуда. В общем, это будет еще один сгинувший на морских просторах корабль.

Я не ошибся, перед самой темнотой испанец повернул к берегу, где в двух сотнях метров бросил якорь. Погода выдалась отличная, им не было смысла заходить в укрытую бухту.

Мы же, чуть отстав, тоже легли в дрейф и отсыпались. После небольшого совещания я принял решение атаковать утром, когда испанцы видят самые сладкие сны.

Понятное дело, что это авантюра, нападать на противника, готового к схватке с неподготовленным экипажем и воинами. Они ведь в чужих водах, наверняка настороже. Оставалась одна надежда на профессионализм воинов и четкость приказов, отдаваемых мной. Это как в поговорке: стадо баранов, возглавленное львом, всегда победит стадо львов, возглавленное бараном.

У меня немалый опыт в подобных операциях, в смысле боевых, надеюсь, и тут не оплошаю, поэтому подготавливался к схватке со всей тщательностью. Перед тем как люди легли спать, я провел тщательный инструктаж, чтобы каждый знал, что и как ему делать, предупредив, что инструктаж повторится при пробудке.

За час до рассвета меня разбудил не вахтенный матрос, а Ласка, буквально за пять минут до общей побудки начав вылизывать мое лицо. Девочка спала рядом со мной, захотев в туалет, решила разбудить таким способом. Сама она спуститься не могла, полметра до пола все-таки.

Ох, будет вахтенному работы, по три дня на дню мою каюту дряят, правда, под присмотром часового.

Ласка, ничуть не смущаясь, села на краю ковра, это не кошка, приучать в одно место сложно, а я встал и пошел умываться. Так что когда постучался часовой, я уже был полностью одет и готов к бою.

На боку две сабли, «Мститель» и «Поглотитель душ», которые я вернул из дома начальника стражи Кырыма, и кинжал. За поясом пистолет, десять метательных ножей в специальных чехольчиках, стилет, прикрепленный к кисти руки.

Две булатные сабли, что я носил ранее, висели перекрещенные на ковре, над койкой. Корабельный плотник повесил.

Когда я вышел наружу, на палубе шло движение, кто готовился к бою, кто быстро хватал сухпай, кто матерился, подготавливая пушки, заряженные свинцовой картечью.

После повторного инструктажа я отдал приказ «весла на воду». Ушкуйники не знали морской терминологии, пользовались своей. А так как на корабле у меня были большие планы, я с первых мгновений начал вводить нормальные морские обороты речи с боцманскими загибами. Последние вырывались у меня непроизвольно, конечно, экипаж и воины учились быстро, но порой возникало непонимание. Особенно со стороны ушкуйников, вековые устои они ломать не хотели, хотя и признали во мне моряка.

Обмотанные холстиной уключины практически не скрипели, весла с легким шумом работали, толкая наш ушкуй все ближе и ближе к кораблю испанца.

Местонахождение его мы знали примерно. Поэтому гребли на ощупь, оказалось, чуть было не промахнулись, благо один из молодых воинов, когда мы проходили со стороны берега, заметил испанца по правому борту и дал тихий сигнал. Федор с помощником повернули рулевое весло и задали новый темп, я с интересом наблюдал за этим. Вполне слаженная работа.

Вахтенные обнаружили нас, когда до корабля оставалось едва ли тридцать метров. Пока на корабле царила суматоха, вызванная внезапным подъемом, мы приблизились и слегка столкнулись бортами. Немедленно на палубу противника запрыгнули семь троек воинов, остальные остались на

ушкуе с луками наготове. Со временем мы немного не подгадали, все еще была темень, поэтому пришлось рубиться под светом луны.

Каждая тройка знала, что делать, одна рванула к каютам. Вторая страховала со спины. Третья пробилась к кюйт-камере, чтобы захватить пороховой погреб, остальные в основном зачищали палубу и нижние отсеки.

Внезапное нападение сделало свое дело, но численное преимущество начало сказываться, вот отлетела решетчатая крышка люка, и оттуда с ревом полезли три десятка испанцев. Тут и сработали мои пушечки. Воины, которым было приказано в случае превосходства противника резко отрываться от него, чтобы дать возможность работать пушками, быстро отбежали в сторону кормы. Я стоял у рулевого весла на корме, внимательно наблюдая за схваткой. Обе пушки произвели залп, лучники добились уцелевших, тут даже моряки подсуетились, подстрелив из штатного оружия, то есть из арбалетов, нескольких испанцев. Дальше уже была агония.

Испанцы, поняв, что в плен мы их не берем, сражались с отчаянием обреченных. Мне их было не особо жаль, хотя в принципе они перед нами ни в чем не виноваты, но свидетели... Свидетели мне были не нужны.

— Хозяин, все, корабль наш, — подбежал ко мне Глеб Ветров, смахивая с меча капли крови.

— Потери? — это меня волновало больше.

— Если бы не тюфяки, большие были бы. У нас четверо убиты, семеро ранены, трое тяжело.

— Раненых немедленно перевязать и подготовить операционную на палубе. Будем обрабатывать раны.

— Ты врачеватель, боярин?

— Нет, но в ранах понимаю немало. Даже фельдшерские курсы окончил, потом здорово пригодилось.

— Что? Фельдские? — не понял Глеб.

— Лекарские. Значит, так, Глеб. Трупы испанцев в воду, снять с них все самое ценное. Приготовить трюм для погрузки пушек с палубы испанца. Порохом, ядрами и свинцом пусть занимается Сеницын. Это его работа. Отряды несколько человек в помощь. Я после осмотра раненых хочу осмотреть каюту капитана и остальные помещения корабля. Мне нужно узнать, сколько тут огнестрельного оружия. Работайте.

Ветров кивнул и побежал на трофей, прихватив главного канонира. Я же, повернувшись к кормчему, велел осмотреть испанца на предмет корабельного имущества и не забыть собрать с него всю посуду. Ту, что

получше — мне, остальное матросам. У капитана серебряная посуда, сам видел, вот пусть мне ее и доставят.

Пока мои люди выносили и перегружали имущество на ушкуй, отчего он садился в воду все больше и больше, я занимался ранеными. Команда сколотила длинный стол, на котором я и обрабатывал раны, похоже, по медицинской квалификации лучше меня тут никого не было. Один, к сожалению, скончался еще до того, как я за него взялся, а вот у остальных шанс был, воины не забыли мои уроки о том, что в случае ранения надо сразу же останавливать кровь, благо заготовленные перевязочные материалы были у каждого.

Когда я закончил с перевязкой, раненых унесли в матросский кубрик, чтобы не мешали перетаскивать трофеи, и, вымыв руки, направился на испанец.

Свой пистолет я обнаружил в руке капитана, он успел из него выстрелить, рану бойцу, в которого капитан попал, я уже перевязал.

Сбор имущества продлился еще два часа, я даже часть обстановки поменял в каюте, теперь там стоял не самодельный, торопливо сбитый стол, а вполне нормальный письменный. Была и бумага и перья с чернилами. Обнаружил хорошие навигационные инструменты и еще две подзорные трубы. Перечислять ништяки можно до бесконечности. Главное — восемь шестифунтовых пушек и еще одна такая же, как те, что мы купили. Потом шестнадцать аркебузов и восемь пистолетов. Все, понятное дело, фитильные. Про шпаги и мечи я уж не говорю, достались нам и шлемы и нагрудники. Правда, их я приказал сложить отдельно, потом пустим на переплавку. Не стоит ими сверкать.

Когда пушки оказались в трюме, а порох частью там же, частью в пороховом погребе, мы, загрузив остальные трофеи, отошли от испанца. Он стал медленно разгораться. Конечно, можно было бы его взорвать, но я пожалел пороха.

— Федор, курс устье Дона. Ну, ты сам знаешь, где у нас назначена встреча.

— Хорошо, боярин, — бодро кивнул кормчий. Трофеи — это всегда радостно.

С трудом пройдя по нагроможденной сундуками, бочками и узлами палубе, я зашел в каюту.

Три больших сундука с резными вензелями на крышках и боках прились как нельзя кстати. Один сундук, к которому был ключ, занесли в мою каюту, открыв его, я перегрузил туда из бочки мешочки с золотом, после чего велел вынести пустой бочонок. А то он мне весь интерьер

портил. Теперь из-за сундуков и так не очень большая каюта стала совсем маленькой. Мелькнула даже мысль выгнать из соседней каюты Федора и Глеба, они жили там как мои офицеры, сломать перегородку и сделать свою каюту больше.

Пристать к берегу, чтобы поужинать, мы собирались вечером, хотя с испанца мы сняли даже походную кухню, то есть камбуз. Но она стояла на палубе, и пока было не до нее, люди сортировали и распределяли по трюму трофеи. Возникла проблема: ушкой сильно просел, и, как сказал Федор, могут быть неприятности на реках и волоке. Короче, мы нуждались в еще одном судне.

К вечеру работы закончили, и палуба наконец освободилась. На отдельном листке я записал все, что мы захватили на судне, вот список:

«Борт ушка неопределенного государства, владелец Артур — Олег Красновский. Черное море, примерно в восьмидесяти километрах от города Кафы, что находится в Крымском ханстве.

Список трофеев, снятых с борта неизвестного судна.

1. Пушки, девять штук. Восемь шестифунтовых, одна двух с половиной фунтовая.

2. Порох, восемь больших бочек для пушек, две початые. Три маленьких бочки с ружейным порохом.

3. Пятьсот семь килограммов свинца, заготовки для картечи.

4. Шестнадцать аркебуз и восемь пистолетов.

5. Сорок шесть абордажных сабель. Тридцать семь морских тесаков. Восемнадцать алебард и восемь топоров. Ножи не подсчитаны.

6. Большое количества рангоута, парусины и другого корабельного имущества, включая плотницкие инструменты хорошего качества.

7. Одиннадцать сундуков, принадлежавших офицерам, капитану и пассажирам. Часть с одеждой, часть с личными вещами. Около шестидесяти матросских рундуков. Около ста гамаков.

8. Две подзорные трубы хорошего качества, средняя и большая. Отличные навигационные инструменты, включая корабельный компас.

9. Железная плита для камбуза. Большое количество продовольствия, включая сухари из лепешек и сухофруктов. Десять бочонков для воды.

10. Снятые рамы со стеклами из кают. Некоторые стекла цветные.

11. Посуда для приема пищи в комплекте для ста человек. Включая сковороды и котелки.

12. Деньги...»

Практически вся наличность и матросские сундучки как трофеи ушли

команде и холопам. Это вызвало бурную радость, мало у кого были личные вещи, а теперь они вскрывали рундуки, выбранные Ветровым каждому наобум, и смотрели, повезло им или нет.

За час до темноты мы повернули к берегу, разыскивая удобную бухточку для высадки. Нужно еще приготовить горячий ужин, благо дерева у нас теперь с собой много и можно не рыскать по враждебному берегу в поисках сухостоя.

Нам повезло. Счастливо избежав столкновения с подводной скалой, мы приблизились к берегу, где у самых волн лежал выброшенный на отмель ствол дерева. По виду уже сухой.

Как только ушкой заскрежетал днищем о песок и встал, не доходя до берега метров пять, мы стали готовиться к высадке. Частью вымокнув, мы все-таки попали на берег. Команда, сделав мостки, помогла вынести продовольствие и чан на берег. Матросами командовал Федор, я же обеспечивал безопасность, расставляя часовых и выбирая места для постов.

Ужин и последующая ночь прошли вполне нормально. Часовые засекли движение и вроде как даже видели силуэт человека. Но к нам никто не вышел.

Когда рассвело, пока команда готовила на завтрак легкую похлебку, я собрал не занятых воинов, построив их в одну шеренгу по росту.

Расхаживая от одного края шеренги до другого, я задумчиво рассматривал их.

— Бойцы, я собираюсь создать новое войско. Это будет современное подразделение, и воевать придется по новой методике. Основным оружием станет огнестрельное, вспомогательным — ножи и сабли. Мечи слишком тяжелы. Обучать буду сам. Мне нужно шестнадцать добровольцев. Лучники на месте, мне вы нужнее в своем родном качестве. Стрелков.

— А что нужно делать? — спросил седьмой воин в шеренге, по виду лет двадцати.

— Хороший вопрос. Объясню подробно. Представьте себе строй из шестнадцати воинов с ружьями, они стоят в шеренгу. Как только показался противник и приблизился на восемьдесят шагов, дальше это оружие просто не стреляет, они производят выстрел. При этом из каждого оружия вылетает от десяти до пятнадцати крупных дробинок. В результате от тридцати до сорока воинов противника будут частью убиты, частью покалечены. Это оружие долго перезаряжается. Поэтому если на это нет времени, отходите под прикрытие войск или вступаете в бой на саблях. Там можно будет судить по ситуации. Если есть возможность перезарядиться, то еще один залп. В общем, это достаточно хорошее и

удобное оружие на близких дистанциях. Еще один пример. Ты один. На тебя бегут пять воинов, ты стреляешь, трое падают. С двумя легче биться на мечях или саблях, чем с пятью, не так ли?

— Так-то оно так, боярин, только уж больно страшно оно грохочет, — вздохнул одиннадцатый в шеренге воин. По виду ему было лет двадцать пять.

— Привыкнете, зато вас будут считать покорителями грома, — закинул я удочку. — Я понимаю, дедушкины традиции и бабушкины рецепты, и отходить от них вам не хочется. Привыкли. Но подумайте, мир не стоит на месте, все движется, совершенствуется. Огнестрельного оружия раньше не было, но сейчас оно стремительно занимает свое место, и с новыми знаниями нужно знакомиться. Нужно отбросить предрассудки и учиться новому, однако я не требую отринуть традиции предков, а переплести их с новыми знаниями, чтобы получилась взрывная смесь...

В конце концов я добился желаемого, хотя в первое время меня не понимали. Говорил современным языком, но разжевал все подробно. В общем, меня поняли, но несколько воинов остались при своем решении. Главное, я многим вложил свои мысли в головы, а в ответ на то, что сказал Ветров, только хмыкнул. По его предположению, их как поборников старых традиций могли если не заплевать в русских городах, так турнуть оттуда. Еще посмотрим, кто кого.

Добровольцев я отобрал, даже парочку отчислил, не подходили.

— Зачем нужно было спрашивать, боярин? Ты мог просто выбрать и приказать, — спросил Глеб. Он с интересом наблюдал за представлением, но поморщился, когда я всучил ему два из восьми пистолетов. Они, конечно, неудобны для боя, эти фитильные аркебузы и пистолы, но я, осмотрев их, придумал, как переделать под кремневые. Тут нужен хороший кузнец, который умеет работать тонким инструментом, кто-то вроде ювелира.

Когда похлебка была готова, у меня под ружьем стояло шестнадцать аркебузирова. За каждым я закрепил свое оружие, чтобы он запомнил его. Пока воины с интересом крутили в руках разряженные аркебузы, я распределил пистолеты. Два Глебу, два кормчему, два канониру и два командиру аркебузирова, он был семнадцатым. Пришлось из двух десятков сформировать один аркебузный полный, и второй из воинов с обычным оружием не полный, там вместе с командиром было всего восемь человек. Лучники остались в своем составе, как и лазутчики, им громкое оружие не полагалось.

— После завтрака, когда отойдем, начнутся тренировки по заряданию

и практические стрельбы, одиночным порядком и залповым. Это касается и стрелков и артиллеристов. А сейчас завтракать, — скомандовал я.

Ласка крутилась у меня под ногами, радостно виляя закрученным в баранку хвостиком. Наклонившись, я потрепал ее за ухом и направился туда, где накрыли стол для меня и моих офицеров, вернее командиров. Ласка бежала рядом, иногда спотыкаясь и забавно падая, но упорно не отставала. Маленькая еще.

Заканчивая ужинать, я задумчиво посмотрел на покачивающийся ушкой, улыбнулся своим мыслям и негромко сказал:

— Кажется, я придумал, как назвать ушкой.

— Как, боярин? — спросил сидевший рядом Авдей Ветров.

— «Беда-а»...

Через сорок минут мы отошли от берега и взяли курс на Азовское море. Будем надеяться, что встреча состоится. Не хотелось бы идти одному по неизвестным землям.

До устья Дона мы шли восемь дней. Знаю, что много, но мне требовалось время, чтобы привести этот сброд, который кто-то называет боевыми холопами и командой ушка, хоть в какой-то порядок. Сейчас уже начало что-то выкристаллизовываться, по крайней мере, каждый знал, в чем его задача и что делать при нападении или внезапном отражении этого самого нападения. Еду мы все так же готовили на берегу.

На следующий день после сражения с испанцем я решил ввести в употребление военные звания и уставное обращение и произнес следующую речь:

— Все мы с вами побывали в первом общем бою. Он скрепил нас, сделал боевыми товарищами. Да-да, вы не ослышались, воины и ушкойники, теперь мы с вами товарищи. Поэтому ввожу новое обращение. Простой воин — рядовой. Обращаться — товарищ рядовой или, для краткости, боец, если действуем в бою. Командир тройки — сержант, обращаться — товарищ сержант или товарищ командир, для подчиненных или других рядовых. Командир отделения, бывшего десятка — старшина, обращение... Правильно, товарищ старшина или товарищ командир. Полусотник — это офицерское звание, самое младшее — это лейтенант, обращение, как вы поняли, товарищ лейтенант или товарищ командир. Офицер приравнивается к детям боярским. Вы правильно поняли. Когда прибудем на Русь, Ветров станет боярским сыном. Нужные бумаги я выправлю.

Кстати, боярские дети довольно интересное образование на Руси.

Михалыч мне о них рассказывал. У него под рукой было восемь таких детей.

Если проще, то это обычные бояре, обнищавшие или решившие перейти под руку более родовитого боярина или князя. В основе своей — это как в Европе, что-то вроде рыцаря, сэра там какой-то — близкая аналогия. Не у всех у них есть свои наделы или прислуга, но они всегда готовы выйти по первому приказу своего господина на бой или в поход. В общем, самая низшая дворянская ветвь, они считались служивыми людьми. Редко когда дитем боярским становились простолюдины, однако бывало.

— А у вас какое воинское звание, боярин? — спросил один из воинов, командир тройки. Надо же, и предложение правильно построил. Молодцы, быстро новое схватывают.

— Мое воинское звание майор. Специальности — командир крупного соединения, лазутчик, артиллерист, стрелок, мореход, минер ну и, пожалуй, младший лекарь. — Поясню офицерские звания по прибавлению. Начнем с младшего. Лейтенант — командир полусотни. Сотник, он же командир роты — капитан. Командует подразделением от сотни до пятисот человек. Следующее звание — майор, командует подразделением от пятисот до двух тысяч солдат...

Мне тогда пришлось несколько раз повторить для запоминания. Лучше бы, конечно, написать, чтобы они могли освежить данные, но, к сожалению, читать из всех мои люди могли только четыре человека. Придется озаботиться и этим, неграмотных солдат и командиров у меня не должно быть.

— Завтра будем на месте, боярин, — известил меня Федор, когда я шел с носа корабля, где проходили тренировки пушкарей, к каюте.

— Это хорошо, хоть и не вовремя. Мне бы еще недели две, и я сделаю из холопов нормальных солдат, учатся они хорошо. Сегодня вечером и завтра утром нужно будет еще их строем погонять. При поворотах есть огрехи, — сказал я, подходя к капитану.

— А зачем это нужно? Смотрю я, как вы пыль ногами поднимаете, а понять не могу, для чего.

— Чтобы солдаты понимали своего командира с полуслова, умели действовать только по приказу. У меня вольницы не будет. Заметил, как они быстро заряжают?

— Да, сорок ударов сердца — и можно снова стрелять. Сам считал. Эти, как их?.. Артелеристы тоже быстро стреляют.

— Артиллеристы. Стрелять быстро не нужно, главное — хорошо прицелиться, а вот перезаряжать действительно нужно быстро. Пока они

делают это медленно, но с практикой придет и умение. Уже бочонок пороха извели.

Тут я поморщился, тренировки тренировками, а порох расходовался больно быстро. Успехи в стрельбе были у многих. Даже Ветров из своих пистолетов научился с десяти метров укладывать пулю в пулю.

В обед, когда мы поглощали холодную уху, — ее сварили еще утром перед отходом — послышался крик вахтенного матроса. Он обзрел окрестности в подзорную трубу, воды тут беспокойные, и сообщил о прибытии трех кораблей:

— Товарищ майор, наблюдаю три галеры. Идут за нами на парусах и, кажется, на веслах.

Я как раз стоял на палубе после тренировки с саблями, поэтому сразу направился к мачте. Нужно подняться и самому осмотреть преследующие нас галеры. Других ходких судов тут не было.

Причину их появления я мог только предугадать. Скорее всего, их интересует золото, которое хранится у меня в сундуках. Начальник стражи мог это все организовать? В принципе мог, только в ханстве вряд ли есть столько галер. Большая часть судов принадлежала османам. Половцы море особо не любили и имели только каботажные лоханки да рыбачьи лодки. Нет, тут что-то другое.

Я теперь начинаю сомневаться, что украденное золото принадлежало одному начальнику стражи — слишком много для одного. Я еще тогда удивился. А вот если хан хранил у него свою часть казны, тогда все сходится, и количество золота, и почему они так неприятно быстро среагировали, смогли просчитать наш путь и догнать у самого устья.

— Не уйдем, — спустившись с мачты, сообщил я Федору и Глебу. Подошедший Синицын вопросительно посмотрел на меня. Я отдал ему приказ готовить пушки к бою, для этого на палубу нужно было поднять из трюма одну из шестифунтовок, а пока он командовал своими бойцами, я стал прорабатывать защиту с возможными контратаками.

— За нами идут три османские галеры. Две большие, одна малая. Последняя оторвалась от своих, видимо, самая ходкая, догоняет нас. Значит, будем действовать так...

План мой был не заковыристый. Те воины, что не будут принимать активного участия в бою, то есть кроме лучников и аркебузников, сядут за весла. Пока я отправил их отдыхать, их силы нам понадобятся во время боя. Сейчас ветер дул от берега, и мы шли под парусом длинными галсами.

Через час галеры стали видны невооруженным глазом. Бойцы хмуρο готовились к бою, и их можно было понять, османы считались очень сильными воинами, можно сказать, непобедимыми.

Чтобы как-то отвлечь их, я крикнул Федору на корму, сам я находился на носу у порохового погреба:

— Капитан! Сколько может быть рабов на этих галерах?

Немного подумав, он в подзорную трубу осмотрел галеры, потом не особо уверенно ответил:

— На больших по двести человек точно есть, а про малую точно не скажу, но больше ста должно быть. Это если по веслам считать.

— Вот как? — я сделал вид, что задумался, после чего сообщил Синицыну: — Нет, старшина, топить мы их не будем. Сколько там русских в неволе томится? Заряжай картечью, без ядер обойдемся.

К тому времени, когда малая галера приблизилась к нам на расстояние километра, уже близился вечер — гонки на море долгое дело. У нас были готовы к бою три вертлюжных пушки и одна шестифунтовая.

Дальше оставалось только ждать. Мы продолжали идти круто к ветру. Ход, и так невысокий, заметно снизился, шли мы тяжело, но и галера заметно снизила ход. Под прямым парусом ей было идти тяжело, по сравнению с нашими косыми, а гребцы-рабы устали.

Вдруг на носу галеры появились клубы белого дыма, и до нас донесся грохот выстрела.

— Требуют, чтобы мы остановились, — сообщил Глеб.

— Это и так понятно. Думаю, для них будет неприятным сюрпризом, что у нас тоже есть пушки. Ладно, я на капитанский мостик. Буду командовать оттуда, а ты к своим иди.

Ветрова на время маневрирования я поставил командовать гребцами, настраивать их на ритм. Стрелками командовал командир аркебузников старшина Кирилл Зайцев, двадцатитрехлетний паренек, пусть набирается опыта. Также я переподчинил ему и лучников, нужно посмотреть, усвоил он мои уроки и сумеет ли командовать одновременно разными подразделениями.

Артиллеристами командовал я. Нужно, чтобы они получили боевой опыт. Те два помощника, которых тренировал Синицын, отлично себя проявили. Даже на практических стрельбах умудрились попасть в

плавающий бочонок ядром. Думаю, после этого боя, если все получится как надо, сделаю их сержантами, командирами орудий, одного морским артиллеристом, другого сухопутным. Один из них будет командовать двумя вертлюжными пушками. Получится передвижная сухопутная батарея. В принципе, можно воспользоваться и шестифунтовыми пушками, благо почему-то лафеты для них на испанце были не привычные морские на маленьких колесиках, а с большими колесами, как у сухопутных орудий, я это еще при первом посещении отметил. Клиновый способ прицеливания мне тоже не нравился, но и тут у меня были свои соображения. Кузнец нужен, хороший, тогда все проблемы решатся сами собой.

В общем, пока шла гонка, мы скучали, кто с опаской, а кто лениво наблюдал за приближающимися османцами. Через двадцать минут подул морской бриз, и более тяжелую галеру начало сносить.

— Товарищ майор! — постучал в дверь моей каюты вахтенный матрос. — Боярин. Капитан Немцов просит вас на мостик! Ветер сменился.

«Выучил-таки. Наверняка, прежде чем постучать, несколько раз повторил эту фразу, — мысленно хмыкнул я. — Ничего, когда у меня будет флот, если конечно будет, то к этому времени я получу отличную команду. Надо еще сигнальщиков подготовить, пусть вместо рации работают».

Я снял с живота уснувшую Ласку, положил ее на ковер, чтобы не пришлось с койки прыгать, надел кольчугу, кафтан, пояс и, проверив оружие, направился наверх. Подойдя к правому борту, посмотрел на галеру, идущую в трехстах метрах от нас. В принципе — дистанция выстрела. Интересно, что у них за пушки?

Османцы быстро удовлетворили мой интерес. На носу малой галеры взвился дымок, две остальные шли, отстав на километр, и в пятидесяти метрах от нас шлепнулось ядро, подняв кучу брызг.

— Не шестифунтовое, что-то побольше будет. Скорее на осадную мортиру похоже, как в порту Кафы, — задумчиво пробормотал я. После чего взбежал на мостик, кивнув капитану. Пора.

— Свистать всех наверх! — тут же закричал он.

Команды усвоили все. Даже те, кто спал, полусонные разбежались по своим местам. В общем, ушкой готовился к бою.

— Спустить паруса, теперь они нам будут только мешать, — скомандовал я.

— Спустить паруса! Весла на воду! — тут же продублировал Немцов.

Артиллеристы возились у пушек, так как трех человек для этого было мало, я из лучников и лазутчиков уже несколько дней готовил расчеты для заряжания. Стрелять должны были артиллеристы, на близких дистанциях в спокойной воде они показали неплохие результаты. Сейчас, на длинных волнах, ушкой медленно покачивался. Посмотрим, как они усвоили те немногие уроки, которые я преподавал за эти дни.

— Руль лево на борт.

Рулевой и его помощник — капитан теперь стоял рядом со мной — заработали рулевым веслом, поворачивая тяжелый ушкой. Гребцы мерно работали веслами. Я с интересом наблюдал, как красиво взлетают вверх и опускаются водяные брызги.

— Пушки на левый борт, приготовиться к залпу, — скомандовал я артиллеристам. И они начали перетаскивать тяжелые пушки на новые места. — Синицын, как только пройдем под кормой, полный залп.

— Есть, — откликнулся тот.

Галеры — опасные соперники. Это маневренные и быстрые корабли. С помощью невольников или, как их называли, галерников, которые прикованные сидели за веслами, такое судно могло развернуться практически на месте. Опасный и опытный соперник. С одной галерой мы еще могли потягаться, имея многочисленную артиллерию, но их было три. Поэтому я и решил воспользоваться возможностью и потрепать малую галеру, раз она отделилась от своих. Как сообщил матрос, сидевший с подзорной трубой на мачте, на малой галере была только одна пушка на носу, про остальные галеры он определенно сказать не мог, но вроде как и там было по одной пушке.

В общем, главное не подходить к ним со стороны носа, хотя все равно есть риск подставиться под выстрел. Но это меня не пугало, я знал, что стрелять они не будут.

— И — раз... И — раз... — отбивал ритм Ветров, он с опаской наблюдал за галерой и бросал вопросительные взгляды на меня.

Галера быстро приближалась, там заметили наш маневр, вот весла у левого борта замерли, поднявшись, и быстро заработали у правого. Галера стала быстро разворачиваться.

— Пушки товсь! — рявкнул я.

— Есть товсь! — сразу же откликнулся Синицын, держа в руках горящий фитиль.

— Стрелки, оружие наизготовку! Цель — артиллеристы противника!

— Есть артиллеристы противника! — отозвался Зайцев.

— Лучники, ваша цель матросы и воины противника!

— Есть! — тут же откликнулся Зайцев. Теперь лучники были под его рукой.

Мы не успевали, галера, делая небольшой круг, быстро поворачивалась к нам носом.

— Лучники, огонь!

Почти сразу полетело десять стрел, дальше они били не залпами, а выборочно. Османцы не впервые встречались с подобной тактикой, это было видно. Пушкари и часть команды закрылись щитами. Но все-таки стрельба приносила свои плоды. То один турок, то второй, обливаясь кровью, падал на палубу.

— Шестифунтовую пушку наводить на оружие противника! — рявкнул я Сеницыну, он как раз возился с ней, подбивая клинья, чтобы ствол задрался. Галера была выше нас. На метр, но все же. Тем более османская пушка стояла на высоком ложе.

— Есть наводить!

— Огонь по готовности!

В это время с галеры, до которой осталось метров семьдесят, прозвучал выстрел. Ядро с жужжанием и свистом пролетело мимо первой мачты, второй и, сбив с головы Ветрова шлем, ушло за корму.

— Они поправку не взяли и ствол не опустили, — хмыкнул я. Но потом досадливо поморщился, османцы просто освободили ствол от ядра, теперь заряжая картечью, похоже, у них был другой план. Наверное, мачту сбить хотели.

— Готов! — почти сразу крикнул старшина, возившийся у пушки.

— Огонь!

Рявкнула наша пушка, подскочив и откатившись к другому борту. Веревки, держащие ее, лопнули.

— Ур-ра-а-а! — закричали наши. Свинцовая картечь снесла османских пушкарей и сбила их пушку на палубу.

— Готов!

— Готов! — кричали другие артиллеристы, наводя свои пушки.

— Огонь! — скомандовал я и добавил: — Беглый огонь. Стрелки, огонь!

Грохотали пушки, хлестко били пистолеты и аркебузы, щелкали тетивы лучников.

Проходя мимо галеры — там до сих пор бил барабан, выбивая ритм для гребцов, — мы практически очистили палубу от неприятеля. Фактически команду галеры и небольшую, человек в тридцать, абордажную команду мы уничтожили. Я тоже не остался в стороне, разрядив свои пистолеты.

Одним выстрелом снес бритого налысо турка, второй раз промахнулся. Палуба качнулась.

— Что будем делать, товарищ майор? — спросил Федор. Ветров продолжал командовать гребцами. Тяжело переваливаясь на волне, ушкуй уходил за корпус галеры. Я стал обдумывать создавшуюся ситуацию.

— Синицын! Старшина! — окликнул я канонира, торопливо перезаряжая второй пистолет.

— Я, товарищ майор, — откликнулся он.

— Шестифунтовую заряжай ядром. Будем работать по остальным галерам. Действовать будем так. Выводим ушкуй из-за корпуса этой галеры... — В это время щелкнула тетива, один из лучников снял очередного османца, по виду надсмотрщика, кстати, рабы перестали грести, и малая галера сбросила ход, — ...чтобы только виднелся нос. Прицеливаемся, стреляем и уходим обратно для перезарядки.

— Ясно, товарищ майор, — ответил главный артиллерист и стал отдавать команды своим людям.

Обе галеры находились уже в четырехстах метрах, быстро приближаясь, поэтому следовало поторопиться.

— Готово, товарищ майор! — окликнули меня с носа судна.

Я посмотрел туда, у правого планширя стоял лафет пушки, дуло как раз на ладонь возвышалось над бортом.

— Огонь без команды по готовности, — ответил я и тут же скомандовал Федору: — Малый вперед.

Пока капитан выводил нос ушкую из-за галеры, я осматривал разбросанные на палубе малой галеры тела. За всеми передвижениями на ней внимательно следили лучники, так что опасности мы не ждали. Подготовились к встрече.

В это время грохнула пушка на носу, и на ближайшей галере, она была уже в ста метрах, в щепки разнесло несколько весел по правому борту, было видно, что мои артиллеристы пальнули второпях. Из-за этого выстрела случилась заминка у гребцов, галера рыскнула и начала уходить в сторону соседа, тому пришлось тоже взять в сторону, расстояние между ними не превышало ста пятидесяти метров.

— Сейчас они обойдут эту галеру с двух сторон и расстреляют нас из пушек, — сказал Ветров. Работы у него в данный момент не было, гребцы отдыхали, пока артиллеристы быстро перезаряжали пушку.

— Чего-чего, а стрелять они по нам точно не будут. Побоятся. Так что только абордаж. Там на каждом судне, я так понимаю, по сто человек, если не больше. Шансы есть.

Офицеры, стоявшие рядом, понимающе кивнули. Ни для кого уже не было секретом, что у меня в каюте находятся сокровища. Нюх у них на это, что ли?

Ветров вернулся на свое место, ушкуй снова стали выводить из-за побитого судна. В это время галеры разобрались и стали действовать, как и предположил Глеб, то есть обходить с двух сторон.

В этот раз не только хлестнула картечью пушка, но и стрелки и лучники отметились. Точно не скажу, но два десятка моджахедов с носа второй галеры они снесли. В принципе удачный выход.

После залпа мы дали «полный газ» вперед, выскочив из-за малой галеры, и теперь прятались от третьего участника морского боя за корпусом большого судна.

Османы этого не ожидали, но действовали быстро. Снова их артиллеристов закрыли щиты, а стрелки встали у борта. У них были луки.

Мои аркебузники били уже не залпами, открыли беглый огонь, к тому же непрерывный огонь вели лучники. Пока мы обходили поворачивающуюся в нашу сторону носом галеру, успели, как метелкой, пройти по ее палубе. Полностью не очистили, но две трети команды осталось лежать на залитой кровью палубе.

Практически мы и это судно вывели из строя. Потом хлопнула пушка, и град картечи снес помост с мортирой на его носу. Все, теперь опасность представляет только третье судно. Тараны на всех трех галерах я не воспринимал всерьез. Это скорее дань традиции, чем боевое оружие.

Пока артиллеристы перезаряжали пушки, из-за корпуса первой галеры медленно вышла третья. Гребцы уже устали и были на последнем издыхании.

Меня вообще поражал этот бой. Два судна мы нейтрализовали, при этом потери противника перевалили за полторы сотни, картечь в упор залпом это страшная вещь. Я понимаю, что они боятся пустить ушкуй ко дну и потерять золото, но то, что мы потеряли всего двух убитыми и трех ранеными, вводило в изумление не только меня. Команда встречала криками радости каждый выстрел артиллеристов или залп стрелков. Лучники на их фоне были не так заметны, но и они внесли существенный вклад в дело.

— Теперь понимаете, почему я назвал ушкуй «Беда»? Потому что всех, кто решится на нас напасть, ждет одна большая БЕДА.

Воины захохотали. Когда я озвучил имя ушкуя, меня не поняли. Суеверие, оно и есть суеверие. Теперь же команда одобрительным ревом встретила мои слова.

В данный момент я не командовал артиллеристами, теперь этим занимался Сеницын, а я отслеживал все его действия. Немного неловко, еще неуверенно, но отдавал команды он правильно, изредка бросая на меня вопросительные взгляды. Я молчал, пусть работает сам, должна у него появиться уверенность командира. Вон две галеры очищены фактически его пушками.

Кормчий был хоть и морским человеком, но не военным, поэтому я пока продолжал командовать ушкуем.

С третьим судном мы применили ту же тактику, что и с первыми двумя, укрывались за корпусом и стреляли, выводя только нос. Ядрами не пользовались, только картечью. Запас свинца стремительно таял, из чуть более четырехсот килограммов истрочена уже половина.

После третьего залпа я приказал полный вперед. Обойдя галеру под кормой, мы продолжали окутываться пороховым дымом, ведя непрерывную стрельбу. Постоянно шипели мокрые банники, поливали морской водой раскаленные пушки. Яростно работали шомполами стрелки, забивая новый заряд в аркебузы, и при этом мстительно поглядывали в сторону мостика третьей галеры. Молчали лучники, они израсходовали весь запас стрел.

— Приготовиться к abordажу! — скомандовал я.

Теперь османы были беспомощны, мы выбили у них практически всех солдат, остались остатки команд на кораблях да надсмотрщики. Соппротивление, конечно, будет, но мои воины пойдут под прикрытием пушек и стрелков с аркебузами.

Я с сомнением посмотрел в сторону заходящего солнца. Красный раскаленный диск уже коснулся воды, показывая, что у нас не так много времени.

Немцов направил ушкой к носу галеры, только там можно было подняться на борт. Корма высокая, по бортам весла мешают, только нос рядом с пушечной платформой, там бортики низкие.

Через минуту было касание, раздался громкий рев перебирающихся на борт галеры воинов. Османы, те, кто уцелел, пиками сталкивали их с высокого борта в воду и тут же падали на палубу от метких выстрелов стрелков.

Через восемь минут, потеряв двоих, мы перебили всех османцев и завладели галерой. Не обращая внимания на мольбы рабов из трюма, откуда шла страшная вонь, мы отошли и направились к остальным судам.

— Товарищ майор, малая галера уходит, — указал Федор на первую галеру. Та действительно все быстрее и быстрее уходила обратно.

— Не догоним и пушкой не достанем — слишком далеко. Ладно, хрен с ней, берем последнего османа, перегружаем трофеи и уходим.

— А рабы?

— Рабы... Придется задержаться, — сделал я вывод. Да и люди мне были нужны, кликну клич, может, кто пойдет ко мне в боевые холопы?

Через двадцать минут, когда солнце скрылось и наступила темнота, мы взяли на abordаж вторую галеру. Тут же выяснилось, почему она не ушла, как и первая. Оказалось, рабы подняли бунт, отказываясь подчиняться. Четверть из них забили насмерть, но это дало нам возможность захватить корабль и освободить их.

Все время забываю, что тут не наш современный мир с совершенными средствами связи, поэтому, тряхнув головой, я велел не слишком торопиться потрошить галеры, а качественно их осматривать и провести опрос освобожденных рабов.

Почти все, не обращая внимания на то, вода в Черном море была еще студеной, мылись. В воду прыгать боялись, мало кто умел плавать, но с помощью веревки и ведра они к полуночи привели себя в порядок.

Факелы неплохо освещали обе галеры, связанные вместе, и ушкой, причаленный к одному из судов. Пока часть рабов мылась с борта галер — доступа у них на мой корабль не было, — мы с Синицыным, стараясь не мешать трофейщикам, которыми командовал старшина Зайцев, осматривали пушки на обеих галерах.

— Это точно мортира, вон на чашку похожа, — разглядывая орудие с удивительно коротким стволом, сообщил я.

— На другой крепостная пушка, эта, как ее?.. Двдцатифунтовая?

— Чуть больше, но примерно так, — рассеянно согласился я. Турки использовали лучшие суда, у других, по моей информации, вообще стоят катапульты и — смешно сказать — деревянные пушки, обитые железом. Все они стреляли каменным дробом.

— Берем все?

— Конечно. Значит, так, весь свинец к нам на ушкуй, порох тоже. С трудом, но мы дополнительный груз потянем. Остальной хабар, как и договорились, оставим на большой галере.

Кормчий уже осматривал выбранную галеру на предмет ходовых качеств. Лучше бы, конечно, нам подошла малая галера, которая успела удрать, но что есть, то есть. По основному устью Дона поднимемся, а там дальше видно будет, может, что и подвернется, или у казаков дополнительный ушкой купим. Федор говорил, что суда у них бывают. Главное — турецкую крепость пройти, что в излучине. Почему-то они

называли ее Тана, а не Азов, как я помнил. Но потом узнал, что стала она османской меньше пяти лет назад, и понимающе кивнул, Азова еще нет.

По словам Федора, после Таны в узком месте русла было две сторожевые башни. Они стояли прямо на берегу и перегораживали реку железной цепью.

Платишь, цепь опускается, и ты проходишь. КПП какой-то, блин. Это еще ладно, итальянцы, те же византийцы, коим раньше принадлежал город Тана, не были особо привередливы и частью пропускали корабли без досмотра. Заплатил серебрушку на лапу таможеннику — и все. Эти нет, все тюки перевернут, досматривая. Упыри. ССБ на них нет.

Естественно, на это я пойти не мог, поэтому, составив карту будущего Азова и таможенных башен со слов очевидцев, в течение последней недели прорабатывал план прорыва. Понемногу он стал проявляться. Будем надеяться, что мое тактическое мышление не скисло за последнее время, и план сработает.

Оставив Синицына заниматься перегрузкой пушек и боеприпасов, лучники уже вернули стрелы и запаслись трофейными, как и оружием, то бишь луками, ко мне подошел Ветров. Он занимался приемкой рабов и распределением, кто с нами на Русь, а кого пинком под зад. Мы собирались оставить одну галеру рабам.

— Закончил?

— Да, — устало кивнул Глеб, устраиваясь рядом на парусиновом стульчике, их нам вынес вахтенный матрос.

Я уже перебрался к себе на ушкуй и спокойно наблюдал за неспешной работой команды и части воинов. Раненых я осмотрел сразу после боя, часть, те что уже умерли, пошла на дно согласно обычаем, часть пополнила отсеки с ранеными.

— Я смотрю, много ты с ними провел времени. Запашок еще чувствуется. Ладно, сколько там?

— Пятьсот двадцать шесть человек.

— Теперь понятно, чем ты был занят шесть часов. Быстро справился.

— Егорка и тезка помогали, те, что из отделения лучников. А так бы до утра провозился, — вытирая лоб куском материи, признался полусотник.

— Сколько пришлых?

— Почти четыреста. Их уже оставляют на той галере, которую бросим. наших сто восемьдесят семь, остальные в количестве сорока семи не русичи. Поляки там...

— Да я понял. Клич бросал? Кто к нам пойдет?

— Спрашивал. Сорок три согласились идти под твою руку, боярин.

Практически все бывшие воины, остальные так... попутчики, как ты их назвал.

— Ясно. Утром они примут присягу, с десяток, что получше, определи в наши старые отделения, как пополнение выбывшим. Из остальных сформируй три отделения. Командиров я подберу.

— Хорошо. Докладывать по их воинским специальностям?

— Давай, — довольно кивнул я.

Мне нравилось, как мои подчиненные схватывают все на лету. Таких оборотов, как «воинские специальности», раньше они и не знали. А тут все увереннее и увереннее пользовались ими. Иногда не всегда правильно, но со временем, я думаю, все это выльется в нормальное подразделение.

Утро встретило нас на том же месте. Все три судна стояли борт о борт, мое судно, по правому борту одна галера, потом вторая. Первую мы забираем, вторая как раз собиралась отчаливать. Мои воины до сих пор стояли на палубе первой галеры и внимательно наблюдали за освобожденными рабами, изредка сменяясь для отдыха. Кто их знает, этих рабов. Конечно, все четыре пушки направлены на них, и картечь наделает дел, но все равно их слишком много, хоть они и не вооружены. Уходило в основном отребье. Да, они жадно смотрели на нас, но так как были свидетелями использования пушек, а главное результата стрельбы, то победил здравый смысл.

Вторая галера отошла, вот с левого борта появились весла, забил барабан, и они стали синхронно опускаться и подниматься.

— Уходят, — облегченно выдохнул Федор. Галера, повернувшись к нам кормой, стала достаточно быстро удаляться. Почему-то парусом они не воспользовались, хотя ветер был почти попутный.

— Да, избавились от груза, — согласился я, потирая покрасневшие глаза и отчаянно зевая. — Ладно, пора и нам честь знать. Принимаем присягу новых холопов и готовимся к отходу. Купцы уже, наверное, заждались, крайний срок закончился еще вчера.

Ночью мало кто спал, поэтому мы успели сформировать временный экипаж для галеры, и дальнейшие действия много времени не заняли. Скоро мы отошли от галеры, где капитаном стал Федор, передав временное управление ушкуем своему заму, старпому Игорю Вятке. Это был рослый двадцатилетний парень, раньше занимающий должность помощника кормчего. Бывшие рабы, уже переодетые в отстиранные одежды своих бывших хозяев, подняли парус, и галера неторопливо двинулась вдоль берега к устью Дона.

Мы с Ветровым, за это время приняв новых воинов, занялись на борту галеры усиленной тренировкой будущих солдат, благо места там хватало. Трех сержантов я сделал старшинами, поставив над десятками. Сержантов пусть выбирают сами. Понимаю, что у меня слишком много командиров, но помня о возможном кадровом голоде, я решил своевременно закрыть эту брешь. По прикидкам, младших командиров у меня скоро хватит на батальон.

Со старшинами и сержантами я обычно занимался сам, вбивая в них обычные общевойсковые уставы и тактику применения небольших подразделений. За последние семь дней я мало что успел вложить в их головы, но то, что успел, они применяли блестяще. Способные ученики, хотящие и любящие учиться. Сейчас из-за трофея теоретическая учеба прервалась, но я не расстраивался. Пусть отдохнут, заслужили.

Команда галеры насчитывала сто пятьдесят человек, маловато, конечно, в основном приживалы, или попутчики, как я их называл, но было четыре десятка воинов и один из артиллерийских сержантов. Я все-таки присвоил им звания на борту галеры. В торжественной обстановке вызвал из строя и под взглядами попутчиков, с любопытством смотрящих это представление, вручил самодельные нашивки.

Тут я придумывать ничего не стал, просто нарисовал обычные воинские знаки различия Советской армии. Так что теперь на форме у обоих артиллеристов были нашивки с тремя полосками. У одного синего цвета, морская артиллерия, у другого зеленого цвета, сухопутная. От погон после некоторых размышлений я отказался, ограничившись нарукавными нашивками, они крепились на уровне предплечья, выше локтя. Нельзя сказать, что нововведение пришлось по вкусу воинам, но то, что командиры получали существенно больше простых воинов, не удивляло, так было всегда.

Пройдя на нос ушкуя, я посмотрел на галеру, идущую справа, и вернулся к наблюдению за побережьем, в шести километрах от которого мы шли.

«М-да, все-таки с трудом приживаются новшества в войске. Замшелые они все какие-то. Предрассудков много, больше на традиции предков уповают. Крестятся постоянно и на меня при этом с недоумением посматривают. После плена их вера возросла на порядок, они меня, гады, чуть ли не мессией считают. Ничего. Если первое прошло, с остальным легче будет, но раз так простые воины настроены, то что меня на Руси ждет? Судя по всему, житья мне там не дадут. Нужно думать, где искать постоянное пристанище. Может, к викингам податься? Интересно, они

сейчас есть?...»

Оставив управление на старшего помощника и велел будить меня в случае встречи с купцами или другими судами, я отправился спать.

Разбудили меня ближе к обеду.

— Что? — спросил я, отчаянно зевая и протирая глаза.

— Время обеда, пора приставать к берегу, — повторил вахтенный матрос.

— Хорошо, курс к берегу, я сейчас поднимусь на мостик.

— Есть курс к берегу, — козырнул матрос и скрылся, аккуратно притворив дверь.

После принятия водных процедур, я подхватил Ласку на руки и поднялся на палубу. Берег уже был в трех километрах и довольно быстро приближался, ветер дул нам в корму. Рядом ходко шла галера, все так же по правому борту.

— Боярин, наблюдаю мачты слева по курсу! — вдруг закричал наблюдатель. — Под самым берегом стоят.

Я оставил щенка на палубе и мгновенно взлетел на мачту, где, достав личную трубу, стал рассматривать суда. Их было два, и оба мне хорошо знакомы.

— Смотри-ка. Дождались. Значит, путь по Дону и Итилю опаснее, чем я думал, — задумчиво пробормотал я.

Спустившись, я приказал править туда. Через пару часов, после недолгого маневрирования, мы оказались у берега. Приблизиться не смогли, сидели глубоко, пришлось воспользоваться единственной шлюпкой с галеры.

— Я уж думал, ты сгинул в море али к османам попал, — обнимая меня, проговорил Соловейчик.

— Это скорее они мне попались. Двух захватил — один сбежал, — засмеялся я.

Пообнимавшись с купцами, мы направились к костру, где булькало какое-то варево.

— Как раз к обеду успели, — ответил Соловейчик, поймав мой взгляд.

— Сейчас мои чаны и продовольствие разгрузят — и тоже присоединимся, — кивнул я.

Пока мои люди и пассажиры готовили обед, купцы со своими людьми оставили томиться готовые блюда под крышками, чтобы вместе потрапезничать.

Когда все было готово и все получили свои порции, купцы посмотрели на меня.

Зачем, мне было понятно. Тут что ни сделаешь — нужно перекреститься и прочесть молитву. По ушкуйным традициям во время похода это делал кормчий, а не я. Воины и экипаж, конечно, обратили внимание, что я не крещусь, и в каюте нет иконок в углу, хотя плотники полку прибили.

— Прочтешь ли молитву, боярин? — наконец при всеобщем молчании спросил Соловейчик.

Основная масса людей, это я про пассажиров, устроилась отдельно. Мои люди и люди купцов вместе, так что они слышали все.

Этого вопроса я ждал давно и успел обдумать множество ответов, но понял, что ответ в действительности может быть лишь один.

— А зачем? — деланно удивился я, уже наворачивая кашу с мясом.

— По христианским традициям положено.

— Я не христианин, — пожал я плечами в ответ, продолжая есть. Мои слова вызвали эффект разорвавшейся бомбы, который прервал гулкий бас Потапова:

— Новгородский боярин и не православный? Чудно, — сказал он.

— Боярин Красновский мой приемный отец, родился и жил я не на Руси. Вы русичи, я русский, хотя мы и родственные народы, — я уже понял, что спокойно поесть мне не дадут. Соловейчик как раз прочел молитву, поэтому все приступили к трапезе. — Там, откуда я родом, молятся другим богам, тут их нет. Поэтому я решил принять покровительство одного из ваших...

— Так христианство лучше... — горячо заговорил Потапов, но замолчал, поймав мой насмешливый взгляд.

— Прежде чем принять нового бога, я стал собирать информацию. Скажу честно, христианство мне очень не понравилось. Приведу доводы. — Все слушали меня внимательно, были попытки фанатиков заткнуть меня, но их прервали ударами кулаков мои воины. Сам удивился, ведь они вроде как истинные христиане. — Все христиане рабы. Так и говорят «раб божий». Для меня это неприемлемо, что же это за бог, если для него собственные дети — рабы? Одно только это отвратило меня от желания быть христианином. Судя по вашим лицам, дальше мне говорить не стоит, фанатизм налицо, давайте о другой стороне медали. Все беды из Рима.

— В Риме католики! — крикнул Потапов.

— Да? — удивился я, об этом я не знал. — От греков пришла ваша

религия? Ну вот, а к ним от Рима... Наверное. Византийцы, откуда и пришла эта религия, таким образом захватили Русь, вы платите им оброк.

— Это как это? — изумился купец. Мой отвод в сторону возымел свое действие, сразу убивать меня за кощунственные слова не стали.

— Десятину церкви платите?

— Как и полагается, — кивнул он.

— Большая часть идет к захватчикам, так что это не явный, но захват Руси. Да, в Риме католики, но все равно все беды оттуда. Много ли церковников среди князей? Что они там нашептывают? Какие потери у вас после их советов? Везде уши византийцев. Никто не мог взять Русь, и поляки пытались и норманны, а византийцы сумели. Поэтому я не хочу ни называть себя рабом, ни платить оброк. Одно только то, что христианство огнем и мечом смогло захватить Русь, а миллионы мужчин, женщин, стариков и детей были отправлены на костер, отторгает меня от этой религии. Это плохая религия, можете мне поверить, никогда подобное кровавое начало не приведет к хорошему.

В течение десяти минут слушатели переваривали не только мои слова, но и обед. Честно говоря, о христианстве я мало знал, вернее ничего. Но главное — вложить в умы людей, что она мне не нравится, религия эта.

— Что же тебе нравится, боярин? — спросил Соловейчик. Все вокруг сидели с хмурыми лицами, и была бы такая возможность, порвали бы голыми руками.

«Ни фиги себе у них психокодирование стоит! Как древние священники так смогли накрутить головы аборигенам? Ладно, придется играть», — поизумлявшись, решил я. Местные действительно были оболванены христианством, как я считал. Хотя с десятков моих людей слушали внимательно, без ненависти в глазах. Михалыч, например.

— Когда я проводил опрос, то мне понравилось мусульманство.

— И чем же оно лучше? — хмуро спросил Соловейчик, жестом усадив на место вскочившего было Потапова.

— Ну, во-первых, — я загнул один палец, — у них есть многоженство...

Все сидели и ждали, когда я загну следующий палец.

— А дальше? — наконец не выдержал Потапов.

— Не знаю, — растерянно ответил я. — Я как про многоженство узнал, дальше уже не слушал.

Несколько секунд стояла мертвая тишина, потом сперва один хихикнул, потом второй, и секунду погодя уже не смеялись, а ржали все вокруг. Некоторые вытирали слезы.

— На Русь тебе лучше не ходить, — отсмеявшись и глубоко вздохнув, сказал Соловейчик, когда мы втроем отошли в сторону.

— Да я уже понял, да в принципе и не собирался. У меня другие планы. Отомстить, и дальше свобода. Может, к норманнам подамся. Там хорошие воины ценятся, — присев на теплый крупнозернистый песок, ответил я.

— На Руси тоже, может, останешься?

— Нет, я половину страны кровью залью, если кто из толстопузых священников хоть слово поперек скажет или учить будет, не люблю я их. Повидал в свое время. Осветители борделей, мать их, — пробормотал я под нос.

Я реально ненавидел это отребье в рясах, может, где-то, например, в деревнях, и есть священники, с которыми приятно поговорить, но мне такие не встречались. Близкая аналогия — новые русские в рясах, вот кто они.

Пришел ко мне один такой в палату в госпитале, гнида, посмотрел на отсутствие ног — и давай меня на всепрощение крутить и на строительство храма выпрашивать. До сих пор себя ненавижу, что промахнулся костылем. Шустрый оказался, успел выскочить. А за дверь меня потом отругал главврач, костыль ее пробил.

«Историю знаю. Нет уж, спасибо. Только нахлебников в рясах мне не хватало. Я атеист до мозга костей, хотя кто-то говорил, что тот, кто слышал свист пули или разрыв снаряда, атеистом уже быть не может в принципе! А я смог!»

— Норманнов сейчас нет. Скандинавы они зовутся. Кальмарская уния, может, слышал?

— Нет. Стран много, выберу по себе. Взять ту же Америку... хм, — задумчиво подхватывая камешки и кидая их в воду, ответил я.

В общем, я разворошил осиное гнездо в рядах своих людей, споры там вели до сих пор. Даже возникла потасовка, которую прекратил Ветров, вылив на дерущихся ушат холодной морской воды.

Я действительно не мог принять вызывающую резкую антипатию христианскую религию, ничего хорошего я в ней не видел. Однажды, будучи переводчиком в издательстве, переводил несколько церковных манускриптов на английский. Старославянского я не знал. Но с помощью Интернета перевел, нашлись специалисты. Мы тогда зацепились языками, парни историками оказались, так что я у них многое узнал. Манускрипты в основном были от 1504 года и представляли собой перечень добытого на Руси добра для отправки его в Рим. Позже русские возьмут в руки бразды

правления церковью, и византийцы, конечно, утратят свое влияние на Русь, но сейчас они для меня враги в рясах. Не выдержу и косога взгляда. Это же как оккупанты, реальные и ненавистные оккупанты, только не в форме цвета фельдграу с петлицами СС, а в рясах и с крестами.

Немного поговорив с купцами и оставив их в тяжелых размышлениях, я направился к своим людям.

— Внимание. Я честный человек и повторяю: я не отказываюсь от своего слова. После свершения мести все вы получите вольную, немного денег — и можете идти куда хотите. На Руси я попробую немного пожить, если не получится, и меня оттуда выдворят, уйду в другую страну, найду себе пристанище. Вам скажу честно, если кто захочет со мной остаться, милости прошу. Мне нужны хорошие воины, со мной будет весело и интересно.

— И ты не против, что мы христиане? — спросил один из фанатиков.

— Мне без-раз-лич-но. Хоть кто, главное — личная преданность и желание служить мне. Я не хочу врать, скажу честно, человек я довольно сложный, мог, конечно, притворяться, что христианин, но я не люблю давления. Если бы кто из священников сказал мне, что я должен делать, я бы воткнул ему нож в живот и пару раз прокрутил, потому что я НИКОМУ И НИЧЕГО НЕ ДОЛЖЕН! Только я решаю, что и как мне делать. Поэтому у всех холопов, кто у меня под рукой, спрашиваю: кто хочет уйти сейчас? Я отпущу, даже денег дам. Суда дойти до дома есть. Не хочу, чтобы со мной рядом были люди, у которых на душе тяжесть.

«Вот и посмотрим, получилось у меня или нет», — подумал я, с прищуром разглядывая «своих» людей. Тут вперед вышел первый и начал снимать броню, за ним второй, пока почти десяток не двинулись вперед. Остались только лично преданные да благодарные мне люди, ушли фанатики, для которых честь пустой звук.

После негромкого обсуждения, оставив броню и оружие, от меня ушло шестнадцать человек, из них восемь новичков, которых принял сегодня утром.

«Уф-ф, самая тяжелая тема закрыта, а ведь Михалыч предупреждал — будет тяжело, но я никак не думал, что так. Да и вообще было удивительно, что бывшие рабы-воины да ушкуйники безропотно и с радостью снесли полное бритье, не принято у них так. Стали изучать новое оружие, „громовое“, как они говорят. И наконец, признали напрочь непонятого хозяина. Кем должен для них являться такой „боярин“? В именах путается. Говорит на русском с акцентом. Ага, как же, русский боярыч! Предложения строит непривычно, имеет гладкое лицо и выглядит слишком

молодо. Бреется каждое утро. На испанцев напал тайно да всех вырезал. Душегуб, однозначно. Порядки новые заводит, звания, словечки воинские, о которых никто и не слыхивал. Деньгами бросается и, немыслимое дело, „души“ покупает. Назвался Олегом, сыном боярским, но признает, что приемыш, может, боярин и призвал кого перед смертью? Что в таком ракурсе остается воинам? Не лучше ли прибить непонятого демона-нечистого, дабы не поганил Русь Святую своими копытами?» — мысленно прикидывал я, что творится сейчас в умах оставшихся людей.

Я не переигрывал, мне действительно не хотелось быть христианином, просто до дрожи в коленях, как будто кто-то насадил мне это неприятие. Притворяться и носить крестик не хотелось категорически, поэтому я и принял единственно правильное решение сообщить о своих выводах и планах, анализируя реакцию людей на мои слова. Честно говоря, анализ чуть не поверг меня в шок. Русь «Святая» полностью зомбирована, одни фанатики вокруг. Я, конечно, понимал, что в данное время по-другому нельзя, но принять эту новость просто не мог.

Да я ранее слово «христианство» почти как ругательство воспринимал, а тут поставлено так, что убить, если скажу слово против церкви, могут запросто.

Глядя на пятьдесят девять человек тех, кто остался мне верен, я размышлял, что их сподвигло остаться со мной? Почему остались лучшие? Команда ушкуя, например, осталась почти вся, только один и ушел.

Куча брони и оружия на песке, которое уже стали грузить на ушкуй, несколько нашивок, которыми играли волны, вот и все, что осталось от некоторой части моего войска. Даже некоторые раненые попросили перевести их на другие суда.

Из офицеров у меня остались Ветров, Немцов и Сеницын — последний вообще христианином не был, поэтому одобрительно кивал, когда я говорил — три сержанта и один старшина. Пришлось вернуться к старинным званиям — десятник и старший десятник. Нововведение не прижилось. Что ж, мы учимся на своих ошибках. Я только к вечеру узнал, что большая часть моих людей исповедовала христианство только потому, что ТАК БЫЛО ПРИНЯТО, а не потому что реально верили. Среди них царил культ Перуна, поэтому-то они и остались, более того — они считали меня своим.

Скорее удивило, чем порадовало, то, что ко мне попросились еще восемь человек, старшим у них был Авдей Корнилов, которого я освободил из тюрьмы, бывший десятник и боевой холоп Красновских. Был еще один

из боевых холопов Красновских, Кирилл Михайлов, бывший лазутчик, фактически единственный оставшийся у меня. Большую часть я потерял в бою, один религиозный фанатик ушел. Что ж, посмотрим, что дальше будет. Главное — план сработал, меня покинули те, от кого можно было ожидать худшего, например, удара в спину. А из оставшихся и не имеющих предрассудков я верных людей сам выкую.

Хорошо, что это произошло на начальном этапе, все-таки я первое время собирался пожить на Руси, осмотреться, а дальше уже принять решение. Все равно долго на одном месте не просижу. Несмотря на результат, я был доволен — получилось.

Переговорив с каждым, кто остался, и не придя ни к каким определенным выводам, я направился к судам, мы уходили к несуществующему пока Азову.

Через полчаса все четыре наших судна вышли к городу Тана.

Через час, когда я вышел на палубу слегка опустевшей «Беды», ко мне подошел Ветров и задал один вопрос:

— Зачем?

— Что я обещал вам, когда освобождал?

— Вывести на Русь, — пожал плечами Глеб.

— А точнее?

Полусотник задумался, прокручивая момент нашего знакомства в рабском загоне.

— Ты обещал, что вывезешь нас, — повторил он, видимо, не уловив намека.

— Я обещал вывезти только своих людей, — поправил я его, рассматривая устье в подзорную трубу. Мы оказались неожиданно близко.

— Ты хочешь сказать...

— Ты правильно меня понял. Чтобы пройти эти башни, мне нужна хорошо подготовленная команда, такой у нас нет. Тот неуправляемый сброд, который я тренировал, войском назвать оскорбление. Это единственный выход. Османы заинтересуются галерой, и пока возьмется с ней, мы пройдем. Можешь мне поверить, мне не трудно было пожертвовать этими фанатиками. Свои обещания я сдерживаю и СВОИХ людей не бросаю.

— Теперь они не твои люди? — с плохо скрытым бешенством спросил Ветров.

— Теперь нет, — уверенно ответил я.

Ветров немного постоял молча. Видимо успокаиваясь.

— Но там нужна тамга, разрешение, — воскликнул он наконец.

Я помахал перед носом Глеба браслетом, взятым мной в капитанской каюте. У купцов были такие же.

— Это подло.

— Да что ты говоришь, поборник нравственности?! — на каблуках повернулся я к нему. — Думаешь, я не видел, как все шептались за моей спиной: не крестится, душегубец, утопить его. Все я знаю и слышал. Дал я им шанс остаться со мной? Дал! Ушли? Ушли. Так скатертью дорога, теперь у нас разные пути. Мне тоже было неприятно, что от меня отвернулись те, с кем я не раз воевал.

— Все равно это неправильно...

— Возможно, со стороны так и кажется. С моей же точки зрения — это тактическая целесообразность. Зато теперь я уверен, что мне не нанесут удар в спину... О, крепость показалась. Федор, прибавь скорость, мы должны идти вторыми. Первого всегда шерстят с особой тщательностью.

— А купцы? — не отставал Ветров.

— С купцами у нас договор, поэтому пушки хоть и зачехленные, но наготове.

Ветров стоял и молчал, о чем-то размышляя.

— Ты, кстати, почему не ушел со всеми? — спросил я.

Ветров молча достал нательный знак, пояснив, что это Перун. Он-то и рассказал, в чем я не прав. На Руси в это время было именно православие. В Риме — католики, а византийцы вообще в Константинополе, их османы захватили несколько десятков лет назад. И пока что большая часть населения почитала наравне с христианской верой и веру предков. Кто-то истинно верил во Христа, а кто делал вид — такие остались со мной.

Боевые холопы и бояре в открытую носили на теле и одежде знаки Перуна, которому проходили посвящение в четырнадцать весен. Женщины и врачующие посвящали себя Маре, охотники — Велесу. Приняв информацию к сведению, я молча кивнул. Мы этих тем особо не касались, наверное, Михалыч бы пояснил.

В общем, хрень я нес на обеде. Уроки истории давно уже выветрились из головы, а услышанные мельком разговоры и принесли эту путаницу.

Потоптавшись, Ветров наконец ушел на нос судна, где стал о чем-то беседовать с людьми. Наверное, пересказывал наш разговор. Делая вид, что рассматриваю крепость в подзорную трубу, я внимательно следил за их реакцией.

Заметив, как они кивают или вздыхают, я только хмыкнул. Люди должны понимать, что ушедшие меня фактически предали, поэтому

недовольных я не заметил. Те, кого я использую в качестве живого щита, это заслужили. А предатели — не люди, слишком дорого они обходятся.

Считай, оставшиеся здесь люди прошли, как говорится, огонь, воду и медные трубы. Думаю, им уже можно доверять.

Из экипажа остались фактически все, ушел только один из пришлых, за которого поручился Немцов. Так что у меня теперь команда из двадцати четырех человек. Плюс пятьдесят девять воинов — уже что-то. Трое из них были недееспособны, находясь на излечении в матросском кубрике.

Из воинов — двое артиллеристов. Синицын и один из бывших сержантов, тот, которого готовили для морской артиллерии. Помощники для зарядки остались прежними, из них никто не ушел. Сейчас они сидели у одного борта, чтобы не мешать другим, и шили из шелка новые мешочки для зарядов.

Скомпоновав из оставшихся воинов десятки, я с Ветровым подобрал командиров, оставил их осваиваться в новом подразделении и направился к себе. Теперь у меня стало два десятка стрелков, по восемь человек в каждом десятке, и четырнадцать лучников. Из остальных воинов сформировали двадцать строевых десятков, в одном девять, в другом одиннадцать человек.

У каюты стоял новый воин, с аркебузой, прошлый часовой ушел. Кивнув ему как своему, я вошел в каюту и чуть не споткнулся о Ласку, мячиком подкатившуюся ко мне. Подхватил ее на руки, поиграл и отпустил на пол. Девочка уже ела кашу с мясом, и с кормежкой проблем не было. Разве что нужно было убирать следы жизнедеятельности щенка, но для этого ко мне каждые два часа заглядывал вахтенный.

Быстро переодевшись в богато расписанный халат и надев мусульманскую шапку, я вышел на палубу.

— О-о-о, — только и сказал кормчий, когда увидел меня опоясанного красным шелковым кушаком.

— Маскировка, для отвода глаз, когда будут осматривать, — пояснил я.

Федор понимающе кивнул, он уже стал привыкать к моим неожиданным выходкам.

Мы вошли в устье один за другим. Первым шел ушкой Соловейчика, потом мы, следом ладя Потاپова и последними галера с захребетниками.

Взяв протянутую кормчим подзорную трубу, я осмотрел крепость, полуразрушенный городок — видимо, это и была Тана — и возвышающиеся вдали две башни, которые перегораживали цепью реку.

— Федор, посмотри. Вон та большая лодка тебе не кажется знакомой? — протянул я трубу кормчему, он сам стоял у весла, не доверяя

рулевому.

Передав управление помощнику, он стал вглядываться в пристань у крепости. Там покачивались лодки. Некоторые с мачтами.

— Да, ту, что побольше, я видел в Кафе. Посыльная лодка.

— Согласен, видимо, местных предупредили о нас. Подстраховались.

— Что будем делать? — опустив трубу, спросил Федор.

— Ничего, сделаем вид, что у нас все нормально. Если что, я у воинов, нужно подготовиться.

— Хорошо.

Ветров быстро вник в суть моего нового и доработанного плана. Всего у меня их было разработано восемь, в двух планах была проработка, что о нас сообщили, вот по одному из них мы и начали действовать.

Когда мы прошли полусонную крепость, с которой нас с интересом рассматривали часовые с тюрбанами на головах, и направились дальше, я обернулся и стал разглядывать галеру. Кто-то из дружащих с головой, наверняка один из моих бывших старшин, одел часть команды в яркие тряпки, так что со стороны галера напоминала настоящее сторожевое судно.

После осмотра галеры я вернулся к изучению башен. Цепь поднята, значит, путь перекрыт. Было хорошо видно поворотный механизм и рабов, сидевших рядом. Сам механизм находился у подножия башни, а не внутри, как мне думалось. Что ж, нам же лучше.

Как только мы подошли ближе, команды спустили паруса, и суда стали по инерции приближаться к покрытой ржавчиной и тиной цепи. Одновременно от одной из башен с правого берега отошли две лодки, а от крепости десять, последние преградили нам путь к выходу в море.

— Две лодки это нормально, насколько я понимаю, но тебе не кажется, что людей в них слишком много? — спросил я у Федора.

— Много, — напряженно согласился он.

— Ага, — довольно кивнул я.

Обе лодки шли целенаправленно к нам. Синицын, сидевший за планширем, в мощную трубу разглядывал обе башни, выискивая пушки и стрелков.

Наконец он отрицательно покачал головой, но я никак не мог поверить, что там нет пушек, а только катапульты, поэтому незамедлительно отдал сигнал.

Воины подхватили две пушки и установили их в гнезда с левого борта, со стороны, откуда подходили лодки. Дальше оба канонира произвели выстрелы. Свинцовая картечь, да еще фактически в упор, с расстояния сорока метров — это как метла. Она напрочь снесла часть людей и повредила лодки. Одна сразу пошла на дно, оставив на воде пяток выживших после залпа. Вторая, черпая изрешеченным бортом воду, попыталась развернуться, но вот раздался треск, и тоже она пошла ко дну. От борта, как только рассеялся дым пушечных выстрелов, произвели залп стрелки, задымив ушкуй. Выживших фактически не было, кого не добились стрелки, тех утащила на дно амуниция.

Я довольно кивнул, хорошо, что опытные пушкари остались фактически все. Сейчас они палили без устали, и довольно неплохо.

Тем временем артиллеристы уже подготовили к бою шестифунтовую пушку, заряженную ядром. Их задача разбить поворотный механизм, опускающий и поднимающий цепь, благо она была на виду.

Пока Синицын наводил пушку, я посмотрел, что творится на остальных судах. На галере царила паника. Со стороны кормы уже подходили те десять лодок, что отошли от крепости.

Заметив, что у купцов все более или менее спокойно, паники особой нет, знаком показал им, что пока все в порядке. Под контролем. Мол, пусть ждут. Потапов кивнул, в волнении тиская рукоять боевого ножа. Соловейчика я не видел, только Авдея на корме у весла.

Вдруг, почти сразу после выстрела большой пушки, рядом с нами шлепнулся большой камень, подняв брызги. Присмотревшись, я заметил, как на верхушке ближайшей башни у одной из катапульт суетятся люди.

На второй тоже что-то было, но непонятно, что именно.

Не отвлекая канониров от расстрела поворотного механизма, я подбежал к уже перезаряженной вертлюжной пушке и, приподняв ствол, стал целиться в верхушку башни. Как только прицел был выверен, я не забыл про поправку по ветру, схватил фитиль из железного ведра и поднес к затравочному отверстию. Грохнула пушка, выпустив картечь. Оставив ее перезаряжать двум помощникам, велел перенести вторую на другой борт. До второй башни было далеко, но я думаю, достану.

Получилось, как ни странно. Свинцовая картечь метелкой прошла по верхушке строения, калеча механизм и людей, хотя дальность была запредельной.

После третьего выстрела цепь дрогнула и стала опускаться. Я тут же махнул Ветрову, и гребцы быстро заработали веслами, сдвигая неповоротливый ушкуй с места. Купцы последовали за мной. Успели мы вовремя, турки уже заканчивали устанавливать две пушки на валу, но немного не успели. «Беду» бы они вряд ли тронули, а вот купцов расстреляли бы запросто.

Заметив, что к Соловейчику уже прицепилась одна лодка и османы готовятся к абордажу, я показал на них Синицыну, пусть озаботится, а сам побежал на корму, за нами гнались две лодки. Мой план сработал. Большая часть противников зависла на галере, дав нам возможность уйти. От общего абордажа мы не отбились бы, значит, живой щит оправдал себя.

На корме уже находились стрелки, бегло пуляя по гнавшимся за нами лодкам. Там были потери, но они упорно преследовали нас.

Трое воинов несли на корму одну заряженную вертлюжную пушку, в это же время грохнуло орудие по правому борту, снеся картечью лодку, которая прицепилась к Соловейчику.

Как только преследовавшие нас турки заметили, как мои помощники деловито устанавливают пушку в кормовое гнездо, то быстро развернули лодки и заработали веслами.

Стрелять им вслед я не стал, свинца оставалось очень мало, нужно будет озаботиться заменой, слишком затратный металл. Галька не подойдет, не хочется портить ствол, но вот отходы кузниц, я так думаю, самое то.

— Прорвались! Ура-а-а боярину! — закричал Ветров, ему вторили остальные воины и члены команды. От купцов тоже слышались крики радости.

С улыбкой я поклонился своим людям, они все правильно поняли, поэтому приняли мою благодарность, затем вернулся на корму и, достав

трубу, стал разглядывать галеру.

Некоторые пассажиры и члены команды с отчаянием обреченных прыгали в воду и пытались плыть за нами, крича что-то вслед. Те, кто не умел плавать, сразу шли на дно, некоторые успевали отплыть от борта на несколько десятков метров, но поняв, что нас не догнать, поворачивали к берегу. Как мне показалось, ни один так и не доплыл.

— Захватили, — опустив подзорную трубу, сказал стоявший рядом Федор.

— Больно быстро, оружия у них хватало. Похоже, сами сдались.

— Похоже, сами, — согласился кормчий. — Гнилые людишки.

Поставив паруса, мы хоть и медленно, но уходили от башен. Уставшие гребцы убрали весла и закрепили их на палубе. Ветер был устойчивый, и скорости идти под парусом хватало.

Тем временем к нам приближался ушкой Соловейчика, он сам стоял с перевязанным плечом у борта. Я тоже подошел к борту, чтобы можно было перекрикиваться.

— Останавливаться будем? — спросил он.

Сделав себе заметку сделать рупор хотя бы из бересты, я ответил:

— Не стоит, могут догнать. Лучше завтра найти нормальное место и пообедать.

— Хорошо, — кивнул купец, тут он мне полностью доверял.

Пока мы перекрикивались, его люди сумели перерезать трос, который держал остатки лодки, тормозившие его судно.

— Потери есть?

— Только я, — поправил он повязку. — Нож кинули.

— А у Потапова?

— Нет. Он же в стороне был.

— Отлично. Тогда до темноты не сбавляем скорость. Нужно уйти как можно дальше.

— Хорошо, боярин, командуй.

Мы действительно шли до самой темени, потом пришлось бросить якоря метрах в сорока от берега.

Я выставил часовых у пушек, велел следить за огнем в ведрах, чтобы не гасли, и мы легли спать.

Ночь прошла спокойно, даже странно. Все три судна мы пришвартовали друг к другу, так и спокойнее и можно помочь соседу в случае чего. На скрип тершихся друг о друга бортов мы не обращали внимания, спали мертвецким сном.

В экипажах купцов осталось всего по восемь-десять пассажиров, остальные перешли на галеру. Поэтому на три судна у нас было почти сто тридцать человек, из них восемьдесят три моих.

Напевая заунывный мотив, я вышел на палубу, зевая и делая разминку. Мы стояли в заводи, окруженной почти со всех сторон кустарником. Солнце уже вставало над небосклоном, поэтому с прищуром осмотревшись и еще раз зевнув, я приступил к тренировкам.

— Доброе утро, боярин! — окликнул меня перелезающий на наш ушкуй Потапов. Мое судно стояло так, чтобы можно было открыть огонь в сторону выхода, если там появится неприятель, потом ушкой Потапова и ладья Соловейчика. Так что передвигаться по всем трем судам было не трудно.

— Доброе. Торопись завтракать, Михаил, через час отходим, — откликнулся я, не прерывая тренировки. Купец в течение десяти минут наблюдал за моими танцами и потом вернулся к себе, а вот новички смотрели, открыв рот. Это старые воины, те, что со мной уже дней десять, привыкли к постоянному свисту и топоту ног на палубе, когда я тренируюсь. У них даже появилась привычка отдергивать ноги и руки, когда я пробегаю мимо — бывало, отдавливал.

После завтрака всухомятку мы расцепились, вышли на середину реки, где подняли паруса, и пошли дальше. Иногда, если помогал попутный ветер, снова приходилось спускать паруса и идти на веслах. Один раз на излучине реки моя «Беда» чуть не села на мель — в этом месте река заметно обмелела — но прошли, хотя и поскребли днищем по дну.

Я продолжал тренировать холопов, изредка отвлекаясь, чтобы рассмотреть окружающий пейзаж. В основном вокруг были степи с пока еще зеленой травой. Иногда попадались рощи, в основном у воды.

— Боярин! — окликнул меня с ладьи Авдей, заметив, что я отвлекся от обучения. — Скоро стоянка будет. Можно встать пообедать.

— Известная?! — спросил я.

— Часто там столовались!

— Идем дальше, ищем место, где не было стоянок. Мне не нужна засада, а там она вполне может быть!

— Хорошо!

Примерно через час показалась отличная стоянка, там даже бревна, чтобы сидеть, были, и несколько кострищ. Но близлежащая роща, где брали сухие ветки на дрова, и несколько воронов, кружащих над ней, не добавили нам оптимизма, так что мы со спокойной душой прошли мимо.

Неплохое место для стоянки мы нашли через три километра, только на

противоположном берегу. Полностью открытая местность, удобство причаливания и выброшенный на берег топляк, как возможные дрова, — на мой взгляд, отличное место. Хрен подкрадешься, а снайперов тут, кроме лучников конечно, еще не существует.

Купцы причалили спокойно, только моя «Беда» не смогла подойти из-за низкой осадки. Подтянув лодку, которую я забрал с галеры, ведь знал, что пригодится, мы заякорили ее ушкой. Дальше воины действовали согласно приказу, обеспечивали безопасность стоянки. После того как мы закрепили суда, они подошли к самому берегу, что позволило высадиться прямо с борта. Команды судов занялись обедом, а ко мне подошли Ветров и командир первого десятка аркебузников Авдей Корнилов, я отдал ему именно эту должность. Пусть осваивает новейшее оружие.

— План тренировок остался прежний? — спросил Ветров.

— Да, пока готовится обед, начинайте. Час у вас есть.

Пока мои воины учились ходить строем, я все реже и реже поправлял их, хотя и пришлось воспользоваться суворовским методом «сено-солома», чтобы не путали право и лево. Наконец поспел обед.

Соловейчик по традиции перекрестился и прочел короткую молитву, мое ироничное хмыканье он проигнорировал. Похлебка оказалась замечательной, я даже добавки попросил. Ласке тоже перепало. Хотя ей и пришлось подождать, пока варево остынет. Собак нельзя кормить горячим, нюх могут потерять.

Пока Ласка, жадно чавкая, уничтожала похлебку, ко мне подсели купцы, держа в руках деревянные кружки с травяным настоем. У меня тоже был настой, только в оловянной кружке с испанца.

— Боярин, почему ты не помог тем, кто остался на галере?

— У меня с вами и моими людьми есть договор, что мы вместе дойдем до Москвы. То есть я обеспечиваю безопасность. С теми, кто остался на галере, такого договора не было. Большая часть перешедших на галеру людей предала меня, я не злопамятный, я просто злой и память у меня хорошая.

— Ты планировал, чтобы так получилось? Ты для этого сказал, что ты не православный, чтобы люди отказались от тебя? Тебе нужно было оставить их на галере? — догадался Соловейчик.

— Да. Другого выхода я не видел, не вами же жертвовать. Слишком много было османцев, не отбились бы.

— Ну, так-то оно так. Все равно не по-христиа... М-да. Там ведь двести человек было.

— Ладно, забудем о случившемся. Рассказывайте, что нас может ждать дальше.

— Казаки, половцы, татары. Все хотят пожить, — пожал плечами Соловейчик.

— Ну казаки-то, я так понимаю, промахнулись. Это не они? — подбородком указал я на четыре десятка воинов, приближающихся к нам вдоль берега по другой стороне реки. Они явно шли от той рощи, рядом с предыдущей стоянкой.

— Казаки, — согласно кивнул купец.

Достав трубу, я осмотрел всадников. Ничего общего с персонажами, которые я видел на картинках, они не имели. Шаровары разве что, рубахи обычные, у большинства кольчуги, есть и другая бронь. Шапки в основном меховые, несмотря на жару. У некоторых шлемы. Лошадки татарские, приземистые да лохматые. Оружие — сабли, булавы, топоры да луки. Ножи и щиты я не считаю.

«Ха, да у них у большинства лица бриты... а нет. Это молодняк. Хм, типичные славяне, хотя вот те двое явные азиаты. Интересно, переправляться будут?» — размышлял я.

— На стоянке ждали. Мы не первые, кто тут проходит. Все изучили, — сказал зло Потапов.

— Переправляться они не будут, — уверенно ответил я.

— Почему? — спросил Потапов. Соловейчик же, выпросив подзорную трубу, восхищенно ахал, оба купца явно знали, что это такое.

— Открыто подъехали. Если бы хотели напасть, скрыто бы переправились, — помахав левой рукой казакам, ответил я.

Кто-то ответил, но в массе было непонятно кто. Немного постояв, казаки двинулись дальше по берегу, вверх по Дону.

— Дальше у них острог, там можно будет на ночевку встать, пообедать нормально, выспаться, — сказал Соловейчик.

— А не нападут?

— Нет, что ты, боярин. Мы в дом к ним пришли как путники. Одно — на дороге озоровать, другое — в родном доме душегубствовать. Нет, не тронут, еще и баньку истопят.

— Какие у вас тут порядки, однако.

— Обычные, — ответил уже Потапов.

После обеденного отдыха мы снова заняли суда и отошли от берега, выстраиваясь в караван. Через час мы были уже далеко от места стоянки.

К вечеру, как и сказал Соловейчик, на левом берегу Дона показался

острог. Я думал, это защищенная стеной деревня, оказалось, нет. Настоящая деревянная крепость. Мне сразу же жуть как захотелось там побывать. Туризм еще никто не отменял.

Соловейчик плыл на моем ушкуе. Мы с удобством устроились на парусиновых стульях на корме и пили испанское вино. Купец по моей просьбе подробно объяснял церемонию встречи с главой острога атаманом. Ничего особого там не было. Встреча на пристани, знакомство. Приглашение на праздничный ужин и переночевать в остроге. Суда охраняют казаки, чужое не возьмут, гости же, но на всякий случай пару человек лучше оставить, чтоб детишки не шалили. Так и провели весь путь.

Нас уже встречали на берегу, там были и взрослые, и старики, и дети. Отдельной группкой стояли воины, скорее всего местный атаман со свитой.

— Гриценко. Точно атаман Гриценко! — воскликнул Соловейчик.

— Знакомы?

— Да, в прошлом годе, когда ночевали тут. Мы с ним поспорили, кто больше бражки выпьет.

— Кто победил? — без особого интереса спросил я. Хотя, судя по посмурневшему лицу купца, явно не он. Так и оказалось.

— Бочка бездонная, пьет как воду.

— Понятно. Боюсь только, я состязаться не смогу. Много не пью.

— Болеешь? — участливо спросил купец.

— Да просто не любитель. Ценитель вин, это есть, а надираться как свинья и терять человеческий облик — это, извините, без меня. Я всегда должен контролировать свое состояние.

— Понятно.

— Тут, кстати, кто? Христиане?

— Православные, правильно, но это фактически одно и то же. Всекие тут.

— Ну все, подходим, — известил я.

Поставив на столик бокал, я встал, поправив кафтан, поддернул пояс и махнул рукой, приветствуя встречающих.

Утром меня разбудил уже какой-то непривычный крик петуха. Раньше у меня запись на будильнике такая была, а теперь, смотри-ка, живой голос. Я вскочил с ложа, подхватил пояс с саблями и рванул на улицу. Ночевал я, как и купцы, в доме атамана, свойский мужик, кстати, оказался.

Часовой вздрогнул, увидев меня в такую рань, но ворота уже были

распахнуты, так что ничто не помешало выбежать на пристань, где рядом с судами женщины полоскали белье. Найдя утрамбованную площадку у самой воды, я стал крутить боевой танец, со свистом рассекая саблями воздух. Тут я истязал себя тренировками почти полтора часа, и когда замер, скрестив сабли над головой, то понял, что меня окружил фактически весь острог. Тут одних только воинов было больше семидесяти, остальные зрители дети да бабы.

— Не ожидал, боярин, встретить тут двуручника, — пробасил атаман. — Думал, для красоты сабельки-то нацепил. А тут настоящий вой. Любо!

Тут подхватили клич остальные казаки. Так неожиданно-негаданно я стал довольно известной личностью в остроге. Даже нашел неплохого сабельника, мы с ним провели несколько совместных тренировок и остались довольны друг другом. Сорокалетний Апанас оказался воином практически моего уровня, редкость встретить такого и потренироваться с ним. Задержались мы в остроге на два дня, парясь в баньке и отъедаясь.

С атаманом мы скорешились, и после тренировки я стал его лучшим другом, хотя вначале он принял меня довольно прохладно. Пьет, мол, мало.

Больше всего в остроге меня порадовало сало... с чесночком, да на свежем хлебушке... вкуснятина. Я немного потратился, но окорок прикупил, теперь у меня есть с собой вкус родины. Про экипаж и воинов я не забыл, да и они неплохо погуляли с казачками, так что, закупив свежего провианта, мы отчалили на следующий день. Казачки в накладе не остались, мои воины хорошенько растрясли свои кубышки, покупая удовольствие.

Еще через десять дней мы подошли к волоку. У пологого берега сидел казачок и бросал в воду камешки. Когда подошло первое судно, он встал и, отряхнув штаны, спросил:

— Цену знаем?

— А то ж, — кивнул купец.

— Тогда самое легкое судно идет первым, — скомандовал казачок, приняв деньги, и махнул рукой, отдавая сигнал своим.

Через полчаса показались волны, их вывели из-за роши десяток казаков. Теперь стало понятно, почему выбрали самое легкое судно, воловьем силы хватало для малого судна, пока из села приведут свежих, нужно успеть перетащить хотя бы одно.

Я с большим интересом проследил, как все это работает. Встал у зачехленной носовой пушки и в трубу наблюдал за уверенными действиями казаков.

Первой в небольшую заводь зашла ладья Соловейчика. Нос судна уткнулся не в берег, а в бревна, густо смазанные дегтем. Запах даже тут чувствовался.

Дальше они с командой и казачками стропили судно, приготавливая его к подъему на сушу и дальнейшему волочению. Дорога в виде желоба убегала из этой заводи далеко в степь.

Вот, наконец, они закончили и разбежались в стороны. Вдруг какая веревка порвется, стегнет так, что мало не покажется. Команда и пассажиры ушкуя сошли на берег и отошли в сторону, оказалось, они будут сопровождать волочащееся судно пешком.

— Боярин, давай пока пристанем. Нужно к ночевке готовиться. За сегодня они никак не успеют.

Если судить по солнцу, было где-то часов шесть вечера, так что, думаю, купец прав. Нужно заняться лагерем, благо подготавливать его не надо, тут часто стояли купцы, ожидая переправы, так что мы приткнули суда к берегу, расставили охрану и стали готовить ужин.

После обхода постов с Корниловым Ветров ушел с пятью аркебузниками осматривать дальнюю рощу, а я подошел к разлегшемуся на ковре Прохорову.

Ему вынесли с судна не только ковры, но и поставили шатер, ранее он им не пользовался.

— Шатер продашь? — сразу же спросил я, разглядывая сине-белый купол. Удобство я любил.

— На дальнюю требу сменяю, — сразу же встрепенулся купец.

— Не, их можно купить у любого иностранного капитана или заказать на торгу. А шатер копейки стоит.

— Ну так и покупай за копейки, боярин, — недовольно откликнулся Прохоров.

Присаживаясь рядом, я поинтересовался, почему казаки оказались именно с этой стороны реки.

— Судно перетащили, вот и ждали, когда подойдет следующее. У них здесь и на Итиле наблюдатели стоят, кличут своих, если судно подходит.

— Ну да, — согласился я. — А где оно, судно, что они перетащили, ведь не просто так они с этой стороны волока оказались? Нам оно не встречалось.

— Действительно, — задумался купец, но потом встрепенулся: — Сергей! Подь сюды.

С носа ушкуя спрыгнул светловолосый паренек лет семнадцати и подбежал к нам.

— Что, Михаил Игнатич?

— Сходи к казаку, пригласи его на ужин, заодно спроси, куда судно ушло, которое они сюда приволокли.

— Хорошо, Михаил Игнатич, — кивнул паренек.

Глянув, как он сверкает босыми пятками, я повернулся к купцу:

— Сколько длится переправа одного судна?

— В прошлый раз, когда мы тут проходили, за день управились. Но мы ночевали на той стороне, так что с утра первое судно поволокли. К ночи мой ушкой сюда дотащили. Переночевали и начали спускаться вниз.

— Понятно, значит, на волок, если сегодня считать, у нас уйдет два дня.

В это время подбежал вернувшийся мальчишка, за ним шел казак. Это был паренек лет пятнадцати, в драных шароварах и вполне пристойной рубахе. Он был так же бос, как и наш посыльный, но имел на поясе боевой нож, обеденный и ложку.

— Казак говорит, что ладья была из Казани. Она пошла вверх по течению, — сообщил нам Сергей.

Мы с купцом переглянулись. Теперь стало понятно, куда делось судно.

После плотного ужина я снова обошел посты, не нравилось мне тут, потом направился в каюту, проверив по пути пушкарей.

Ночь прошла спокойно, но часовые доложили, что от рожи доносились какие-то подозрительные звуки. Даже крики.

Отправленный туда Ветров с пятнадцатью воями вернулся через два часа, предъявив окровавленную тряпку.

— Боя не было, но, видимо, подрались хорошо. Похоже, тати что-то не поделили.

— Похоже, — согласился я.

После завтрака, ближе к обеду, если точнее — где-то к одиннадцати часам, наблюдатель сообщил о приближении судна. И действительно, посмотрев в степь, мы увидели завораживающее зрелище, как над степью плывет судно. Над землей под жаркими лучами солнца поднимался пар, и казалось, что судно в самом деле летит, а волы и идущие рядом люди выглядели, как на размытой акварели.

Подошел Немцов и, отхлебывая травяной настой из кружки, тоже стал разглядывать плывущее к нам судно.

— Ладья новгородская, — известил он.

— Почему новгородская?

— Надстройки высокие, так только в Новгороде строят.

— В Великом или Нижнем?

— Великом, на Волхове который стоит.

— О как? Нужно с ними пообщаться.

— Хозяин и команда могут быть из других земель, кто их знает, может, просто купили ладью?

— Придут, вот и узнаем, — отмахнулся я.

Ласке уже сделали ошейник, так что, держа ее на поводке, я спустился вниз и по сходням поднялся на судно. Правда, щенка пришлось нести на руках. Высоты девочка боялась.

— Ну что у вас? — спросил я Сеницына.

У пушкарей проходила плановая тренировка экипажа на скорость заряжения и слаженность действий, поэтому спрашивал не из праздного любопытства.

На берегу тренировались аркебузники и лучники, воины со щитами отрабатывали защиты в строю. От последних постоянно доносилось: «Коли!», «Держи!» В общем, никто не сидел сложа руки, нарабатывали навык совместных действий. Прохоров на это смотрел неодобрительно. Он считал, что я мучаю людей. То, что я кормлю их двойными порциями, ему тоже не нравилось. Даже поговорка, которая быстро распространилась среди моих людей: «Тяжело в учении — легко в бою», им не была принята. Купец — не воин, что тут скажешь?

Ласка загавкала и дернула поводок в сторону приближающегося судна. Несмотря на то что они еще были в полукилометре, до нас стали доноситься скрип и мычание волов.

Запах дегтя уже стал привычен, однако идущий впереди волов казак еще и смазывал путь свежим. Поэтому ветер, дувший со степи, доносил более острый запах.

Когда ладья прибыла к реке, Прохоров спросил у дородного мужчины, судя по хорошему зипуну, хозяина:

— Земляки, откель будете?

— Новгородцы мы, — степенно наблюдая, как лайбы отцепляют от волов, ответил купец.

Услышав это, я окликнул купца:

— Земляк, не отведаешь ли яств? Хочется узнать, что творится в Великом Новгороде.

— Мы как раз хотели поснедать, — кивнул купец и тут же крикнул: — Алешка, стопорь судно.

Заранее прикинув, когда приволокут ладью, я приказал готовить с тройным запасом, решив угостить не только новгородцев, но и казаков. Они как раз, используя длинные жерди, сталкивали ладью в воду. За кормой судна только и слышалось: «Давай! Еще!»

Наконец судно по бревенчатому желобу скатилось в воду, подняв брызги и волну. Экипаж незнакомого купца сразу же развернул ладью и приткнул ее рядом с нашими судами. Глубина тут была приличная.

Ни казаки, ни новгородцы не отказались от угощения, поэтому с охоткой сгрудились у чана, получая свою порцию. К моему удивлению, Корнилов от ушкуя не отошел, а наоборот ушел за корпус, к самой воде, и пристально рассматривал новгородцев. Заметив, как я на него смотрю, он знаками попросил подойти.

— Узнал кого? — спросил я десятника.

— Ты знаешь, кто это, боярин?

— Да, он представился. Купец первой гильдии...

— ...Лоскутов, — закончил за меня десятник.

— Да, правильно.

— Что он сказал, когда ты представился, боярин?

— Хм. Удивленно осмотрел, но потом перевел разговор на другую тему. Что-то там про товары. Они сейчас с Прохоровым сцепились языками.

— Он...

— ...сродственник боярина Глазова. Я в курсе.

Глазов и был тем самым предателем, поэтому я сразу встал в охотничью стойку, когда купец представился. Михалыч рассказывал об этом предателе и его родне. Лоскутов не являлся прямым родственником, он был женат на падчерице боярина. Фактически близкие родственники, хоть и без кровных уз.

— Что будем делать?

— Купец уже понял, кто я. Опознать меня не смог, вот и пытается сообразить, что это значит. Сейчас спрошу его прямо в лоб.

— По правде говоря, мы ему ничего сделать не можем.

— Знаю. Придумаем что-нибудь.

Корнилов вышел вместе со мной из-за ушкуя и спокойно подошел к котлу, где получил свою порцию. На то, как вздрогнул купец, он не обратил внимания.

После обеда мы подсели к купцу, не успевшему смыться. Хотя он уже послал команду готовиться к отплытию.

— Ну что же вы, Прохор Викторович, так поспешно собираетесь? А чайку на дорожку? Вдруг она последняя? — без улыбки спросил Корнилов. Мы играли в хорошего и плохого мента. Корнилов сам себе выбрал роль плохого, хотя раньше всегда я им любил быть.

— Можно и чайку, — опасливо покосившись на десятника и с

надеждой на свою команду, ответил купец. Казаки уже были заняты, они дождались, когда Прохоров подведет ушкуй к желобам и начали впрягать волов.

— Не торопитесь так, Прохор Викторович. Нам поговорить хотелось. Как там ваш сродственник боярин Глазов? Мы тут, понимаешь, в рабстве были, не знаем, что творится у родных, — не менее плотноядно улыбнувшись, спросил я. Ну не получается у меня роль добряка.

— Спрашивайте, что знаю, скажу, — вздохнул купец.

Провожая удаляющуюся ладью задумчивым взглядом, я обернулся к Корнилову и Ветрову.

— Мутный тип.

Воины сперва не поняли, но сообразив, закивали. Им понравилось мое определение характера купца.

— Врал. Как пить дать врал, — согласился Корнилов. — Не мог Глазов оставить семью Красновских просто так. Не в его это характере, должен был извести.

— Сейчас и узнаем. Иван, иди сюда! — окликнул я самого молодого воина из новичков. За сметливый характер и смышленность его взял под свою руку мой единственный лазутчик, бывший боевой холоп Красновских Кирилл Михайлов. Решил воспитать из него лазутчика, вот я и дал пареньку боевое задание узнать у кого-нибудь из экипажа купца достоверные сведения. Судя по тому, как он болтал с кормчим, что-то выведать ему удалось.

— Боярин? — напомнил о себе Иван, встав рядом.

— Докладывай, боец, — очнувшись от размышлений, командовал я.

— Значит, так...

Взобравшись на косогор, чтобы было видно удаляющийся ушкуй Прохорова, волы уже утащили его от берега на километр, я сказал Корнилову:

— Ты был прав, купчина не все сказал.

— Нужно было ему нож в живот воткнуть, а потом притопить.

— Команду тоже? — спросил Ветров, хоть и был согласен с десятником.

— Так он ни слова правды не сказал, кроме того, что Глазов теперь старший воевода Великого Новгорода. Получил-таки место Кузьмы Михайловича, тать.

— Нужно увеличить скорость передвижения до предела возможного. Если он выкурит остатки семьи Красновских из имения и дома, то семьи не

останется, — сказал я, задумчиво покусывая сорванную травинку.

Ласка играла вокруг, я снял поводок, дав ей свободу. Но девочка больше чем на тридцать метров не отбегала, изредка останавливалась и чутко следила, не уходим ли мы. Сейчас она нашла нору сурка и с интересом ее обнюхивала, гавкала и прислушивалась к эху.

— И ведь никто на него не подумает, — хлопнул по колену Корнилов.

— Согласен, работать под татей он хорошо придумал. Но ведь если кого из его воинов прихватят на месте преступления, ему не отвертеться. На вече его порвут, — сказал я.

— На сколько в Москве планируешь остановиться, боярин? — спросил Корнилов, он переживал за семью Красновских.

По словам кормчего, в живых осталась мать покойного Олега, то есть жена Кузьмы Михайловича, его мать Ольга Капитоновна, племянница Анна Рюриковна и малец лет семи, брат Анны, Игорь. И это все. А ведь семейство Красновских было многочисленным. Я, конечно, понимаю, что большую часть Красновских убили, хоть и обставили это как несчастные случаи. Даже слух прошел, что они прокляты, но ведь кто-то же должен был понять, что все это неспроста, что за дикость? Где местные менты?

— На пару дней, больше тянуть нельзя. Пополним припасы, узнаем свежие новости. Кое-что прикупим — и идем дальше.

— Хорошо. Я пока пойду, посты проверю, скоро воинов менять нужно, — вздохнул Корнилов и неторопливо направился к ушкую.

— Переживает, — сказал Ветров, провожая десятника взглядом.

— Он раньше принадлежал этой семье, предан, видимо. Ладно, пошли. У меня еще совместная тренировка с аркебузниками.

Казаки обратно вернулись пустые, не было попутного транспорта, но с шестью телегами, в которые также были запряжены волы. Оказалось, волочь махину «Беды» еще можно, но только пустой. Поэтому старший велел разгружать судно. Так что где-то через час нас подцепили и выволокли на берег.

Ушкуй, тяжело поскрипывая корпусом, переваливался на бревнах. Телеги тащились рядом, несмотря на нелегкий груз, волы упорно тянули их.

Расстояние волока между реками было не особо большим, где-то порядка двенадцати километров, однако очень тяжелых километров.

До темноты мы не успели, поэтому заночевали в открытой степи в трех километрах от окончания пути.

Ничего, нормально переночевали, Ветров, прикинув время передвижения судов, подсказал прихватить с собой дров — пригодилось.

Было на чем сварить похлебку. Казаки, как и в прошлый раз, с охоткой согласились с нами поужинать.

В общем, волок мы прошли вполне благополучно, утром, где-то к десяти часам, мой ушкуй, подняв волну, скатился по желобу в воды Итиля. Через два часа после возвращения груза в трюм мы были готовы идти дальше.

С купцами все было обговорено. Поэтому, как только моя команда и воины заняли свои места, мы начали подниматься вверх, в сторону Казани.

Путь до Казани не сказать чтобы прошел спокойно и благополучно, пару раз нас обстреляли с берега дикие татары, один раз успел поднять панику часовой, но мы отогнали татей двумя выстрелами из пушек. Потери были, у нас один раненный стрелой, у противника шестеро посеченных картечью. Думаю, они больше испугались выстрелов, чем поражающих элементов.

Шли мы уже несколько дней, на берегах довольно часто встречались поселения рыбаков. Мы проплывали по тем местам, где в будущем будут стоять такие города, как Саратов, Самара, Тольятти, Казань... Хотя нет, последняя уже стоит, и мы, кажется, к ней подплываем.

От берега отделилась лодочка с тремя татарами.

— Сейчас досматривать будут, — предупредил Ветров, недобро поглядывая из-под бровей на басурман. Не любил он их.

Меня уже предупредили, что местные оружия в руках русских не любят. Поэтому я заранее приказал спрятать его, не забыв и пушки.

— Обломаются. Не волнуйся, Глеб, я знаю как себя с ними вести.

В отличие от воинов и команды, наблюдал я не за таможенниками, а жадно рассматривал Казань. Все-таки родной город, молодость там пролетела.

«Беда» шла сразу за ладьей Соловейчика, отставая метров на сто, за нами судно Прохорова.

Осмотрев и приняв плату за проход с первого судна, лодка направилась ко мне.

Как только через борт перелез первый, можно сказать типичный татарин, я вскинул руки и радостно воскликнул:

— Вай мей, какие люди у меня на судне! Я рад столь хорошим гостям, которые могут дать совет и подсказать, как лучше пройти через местные руки, — у меня между пальцами замелькала серебрушка. Догадливые таможенники поняли, что она не последняя. Ногайский, конечно, не татарский, но родственные языки, так что мы понимали друг друга.

Три серебряные монетки скрылись в руках татар, мы со старшим отошли к корме, а двое чисто символически заглянули в трюм, разворошив пару тюков со свининой, которые лежали сверху.

Расставшись с полузолотым, платить больше — это вызвать подозрения, я стал расспрашивать старшего таможенника насчет дальнейшего пути.

Мне повезло, он много знал и честно заработал свой гонорар. Так что, заплатив за проход нужную сумму, я проводил их до лодки и помахал вслед, когда таможенники направились к Прохорову.

— Слышал? — спросил я Ветрова.

— Я их язык не разумею, толмачом обычно пользуюсь.

— Орда из похода на Русь вернулась. Говорят, огромный полон привели. Много городов пожгли-пограбили.

— Нехристи, — с ненавистью выдохнул Ветров, стоявший рядом Немцов солидарно вздохнул.

— Шли они через степь, но возвращались вдоль реки. Несколько городов, мимо которых мы пройдем, сожжены и разграблены.

— Тверь? — спросил Ветров, он был оттуда.

— Не дошли, и до Москвы тоже. Рязань взяли, Владимир, еще несколько городов. Нижний, сказал, не тронули. Торопиться надо.

— Почему? — спросил Федор.

— Орда не вся вернулась, несколько отрядов еще бесчинствуют на Руси. Можем нарваться. Так что после Казани посмотрим в оба.

Мы уже договорились с купцами, что пробудем день в Казани, нужно было закупиться. Да еще я надеялся найти свинец. Наши-то запасы на исходе.

Ладья Соловейчика свернула с русла Волги и вошла в одну из притоков. Через полкилометра, пропустив длинную баржу, мы подошли к торговому кварталу. Длинная деревянная пристань могла вместить до сорока кораблей, подобных нашим, в данный момент тут находилось не больше пятнадцати. Причалив, мы отметились у портового чиновника. Он узнавал, будем ли мы торговать, но когда понял, что собираемся только закупить припасы, принял плату за стоянку и ушел.

Воины хмуро оглядывались вокруг, не сходя на пристань. Команда заканчивала со швартовочными делами и готовилась отдыхать. Варить похлебку сегодня выпала очередь десятку Корнилова.

Выйдя из каюты, я проверил, как сидит пояс с саблями на расписном халате, поправил кошель и подошел ко второй мачте. Тут собрались все офицеры ушкуя.

— Корнилов за старшего, на борт никого не пускать, — велел я. — Со мной Ветров и двое воинов, что покрепче. Оружие оставить на судне, с собой взять только ножи, нечего местных дразнить. Да и вообще незачем его тут показывать.

— Продовольствие закупать? — поинтересовался Немцов.

— Оно тут нормальное?

— Баранина, свежие лепешки, уже хорошо, — ответил кормчий.

— За ним идти надо или сами доставят?

— Сами.

— Тогда покупай, вот держи мелочь, — отсыпал я ему медяков и десяток серебряшек.

Проверив суда купцов, они тоже заказывали продовольствие, и, оставив их ругаться с местными поставщиками, мы вчетвером направились в город. Я с большим интересом — хотелось на кремль посмотреть, знал, что ранние постройки уже есть, а спутники, чтобы осмотреть вражеское гнездо.

Поймав за ухо местного мальчишку, я покрутил у него перед глазами медную монетку.

— Заработать хочешь?

— А что делать?

— Гидом поработаешь.

— Кем? — сморщился мальчишка в недоумении.

— Проводником.

— А-а-а. Что хочет посмотреть русский господин? — спросил мальчишка, требовательно протянув руку ладошкой вверх.

Кинув ему монетку, я известил:

— Нужны торговые ряды, хочу свинца прикупить. Потом кремль осмотреть. У вас тут огненное зелье продают?

— Дурачок Хазив продает, — кивнул мальчишка. Он действительно знал тут все, служил помощником в лавке отца.

— Сперва сделаем покупки, потом будем осматривать город, — решил я.

Мальчишка был свободен и не прочь подзаработать. Так что мы достаточно быстро оказались на базаре.

— Вон лавка моего отца. Мы продаем ковры, — указал мальчишка, потом мы прошли в открытые торговые ряды. Рядом с оружейными мальчишка указал на седобородого татарина, стоявшего за прилавком: — Это дядя Аслан-бек, он продает металлы.

Проводник не обманул, у старика был свинец в чушках, но, к

сожалению, всего сорок килограммов.

— Какое количество желает господин? — подобострастно поклонился старик, чувствуя жирного клиента.

— Двадцать пудов, — брякнул я.

— Это будет дорого, господин.

— Не дороже денег, — хмыкнул я.

Говорить приходилось громко. Базар восточный, крику и шуму много. Постоянно прохожие и покупатели шныряют мимо, нужно отслеживать не только их, но и карманников. Вмиг кошель срежут.

— Вам доставить его на корабль?

— Да, спросишь ушкуй боярина Красновского. Это я. По доставке и оплата.

— Хорошо, господин. Достану сколько смогу.

— Договорились.

Потом мы зашли в другую лавку, там продавали огненное зелье, то бишь порох. Самого товара в лавке не было, только образцы, но, на мой взгляд, он был неплох. Поэтому я с чистой совестью заказал три бочонка с доставкой. Один с оружейным порохом и два для пушек. Сообщив адрес доставки, мы направились к кремлю.

Ничего особенного я там не увидел, частью каменные стены, частью бревенчатые. Экскурсии внутрь еще не водили, так что пришлось рассматривать его со стороны.

Наш интерес не понравился патрулю татарских воинов, они были пешими.

— Что тебе тут нужно, урус? — грубо спросил старший патруля.

— О, неужели в столь славном и благословенном городе есть такие невоспитанные мусульмане, как ты? — изумился я.

Лицо татарина стало наливаться красным.

— Да вы шпионы! — радостно воскликнул он, быстро найдя выход из ситуации. А что, назвал шпионами, так теперь попробуй докажи обратное. Хитрый ход.

Вокруг нас стала собираться толпа. Со стороны кремля тоже появились воины и стали спускаться к нам на площадь.

— Ты меня оскорбил! — громко сказал я, ткнув пальцем в татарина. — Вызываю тебя на бой, сын шакала!

Тут единственный шанс отмазаться — это вызвать старшего патрульного на поединок и эффектно убить. Если, конечно, он не откажется, татарин на службе, вполне может, и это не нанесет урон его чести.

— Я принимаю, — прошипел он.

Обратно к ушкую нас сопровождали восемь воинов из гвардии хана.

— Наверное, не следовало так их убивать, — негромко проговорил Ветров, косясь на гвардейцев.

— Следовало-следовало, — невнятно пробормотал я, откусывая очередной кусок лаваша с бараньим мясом. — Сам понимаешь, они ценят только силу, а если предъявить им и силу, и умение, и отморозенность, берсеркность по-вашему, то будут уважать, но обходить стороной.

— Он так кричал, когда ты понемногу отрубал ему руки.

— Да, — улыбнулся я, но вспомнил поединок, и улыбка сползла с моего лица. — Только, сволочь, сдох раньше времени, сердце, похоже, оказалось слабое и болевой порог низкий.

— Но ты сделал то же самое и со вторым воином, что вызвал тебя.

— И с третьим и с четвертым, — поддакнул я, доедая лаваш.

Татары потеряли шестерых, пока не сообразили, что выходить против меня, это такая форма самоубийства. Даже хан почтил нас своим присутствием, или не хан? Но очень похож, и свита у него большая была.

— А это еще что за людишки у моего ушкуя пасутся? Повозки понятно, заказанный товар привезли, но кто эти два хмыря?

— Мне не совсем понятны твои слова, боярин, но эти двое явно русские. Тот, что повыше, похоже, приходской священник.

— Дэ? А чего они к моему кораблю подошли. Пусть к купцам идут.

— Видимо, наш был первый. Ищут, чтобы по пути было.

— Ну-ну.

В это время мы в сопровождении гвардейцев хана подошли к кораблю.

— Боярин! — сразу же прыгнул на пристань Федор и стал докладывать: — Пришли две арбы, привезли порох и свинец.

— Грузи в трюм, я оплачу.

— Хорошо. Еще двое путников ищут судно, которое идет на Нижний Новгород. Отец сына выкупил из рабства.

В это же время произошло то, что шокировало весь порт. Священник, глядя на меня выпученными глазами, упал на колени и пополз ко мне, кланяясь и что-то выкрикивая. Его спутник в грязном рубище тоже удивленно посмотрел на сумасшедшего.

— Святой! Святой! — расслышал я.

— Че это он? — спросил я Ветрова.

Тот, озадаченно хмурясь, пожал плечами.

— Как твое имя? — спросил меня псих.

— Артур, — озадаченно ответил я, отодвигаясь, вдруг это заразно.

— Сегодня великий день. Я ПЕРВЫЙ ЛИЦЕЗРЕЛ ЛИК СВЯТОГО АРТУРА! — возопил он.

— Чего? — удивился я.

Тут псих рванул ко мне и, вцепившись в правую руку, стал покрывать ее поцелуями.

Все, кто стоял рядом или видел нас с кораблей, с открытыми ртами лицезрели это представление.

Тыльная сторона ладони быстро мокрела. Вырвав руку, я подсунул другую, вытирая правую о халат. Меня еще никто не лобызал в руки. Главное, чтобы не покусал.

Указав пальцем свободной руки на психа, я покрутил у виска. Ветров и большая часть команды знали, что означает это жест, научил уже, но мое веселье не поддержали. Они почему-то напряженно нас рассматривали.

— Эй, псих! С чего ты взял, что я святой? — спросил я его.

— Нимб над головой, — отлепившись от руки, ответил он.

— Кто-нибудь видит нимб? — спросил я у всех. Мне ответили отрицательно.

— Его видят только истинные верующие, — тут же ответил псих.

— Ага, или шизофреники, — буркнул я себе под нос. — Это не доказательство.

— Любой святой может излечить тяжелую хворь, — вскочив на ноги, воскликнул псих. Подозвав своего спутника, он повернул его спиной ко мне и задрал рубаху. На спине парнишки живого места не было от ударов кнута. Из-под кожи сочилась сукровица или гной. Если я не ошибаюсь, над правой лопаткой назревала гангрена.

— Че это ты на меня смотришь? Я это излечить не могу, — хмыкнул я. Меня это все нервировало. Похоже, зря мы зашли в Казань.

Псих коснулся обеих моих рук — и они засветились, тут ахнул не только я, но и все вокруг. Свечение было тепло-желтого цвета.

«Похоже, кто-то распылил тут наркоту, раз у нас совместные галлюцинации... Интересно, а что будет, если я притронусь к спине пацана?» — подумал я. Во мне разыгралось любопытство исследователя.

Как только я провел по спине паренька сверху вниз, струнья начали отпадать, а раны заживать, и на глазах изумленных зрителей показалась чистая кожа, хоть и измаранная кровью.

Только теперь до меня дошло, в какую жопу я попал. Все мои планы полетели прахом. Не обращая внимания на то, что все вокруг попадали на колени, включая гвардейцев, я тряс руками, чтобы убрать свечение.

Посмотрев на небо, с чувством простонал лишь одно слово:

— Сука!

Тряска ни к чему не привела, свечение не пропадало. Мозг сразу же стал работать как компьютер. Раз свечение не убирается, нужно использовать это на все сто. Проанализировать ситуацию можно и позже.

— Не двигаться! — рывкнул я и вскочил на поскрипывающие сходни.

Посмотрев в воду, плескавшуюся между кораблем и пристанью, я только зло простонал. Не знаю, как правильно назвать эту штуку над головой, но над макушкой у меня висел блин того же цвета, что и свечение на руках. Короче, нимб был.

— Интересно, у Бога кровь красная? Нужно будет проверить, — с ненавистью прошипел я, вихрем взлетая на ушкуй и прыгая в открытый люк, проигнорировав лестницу. В матросском кубрике лежали четверо раненых. Двое средней тяжести и двое тяжелых. Поэтому-то я так оперативно и отреагировал на свечение и последующее лечение младшего хмыря.

С парнями, у которых были не особо тяжелые раны, я справился быстро. Раны буквально на глазах затянулись, оставив только бледные полоски на загорелой коже. Ничего, и они скоро пропадут. Потом я занялся тяжелыми, не обращая внимания на то, как двое излеченных, не веря своим глазам, осматривают себя. Первым делом я подошел к воину, который получил стрелу три дня назад. Несмотря на то что я аккуратно вынул и стрелу и отделившийся наконечник, рана начала гноиться, и воин чувствовал себя все хуже и хуже.

Я наложил руки на его рану, даже не заботясь об их чистоте, и буквально через пару секунд рана открылась, и оттуда вместе с гноем и поврежденными тканями вывалился мелкий осколок наконечника. Через десять секунд рана затянулась. Никакой усталости я не чувствовал, поэтому приступил к лечению последнего пациента, с которым тоже отлично справился. Все пациенты уже пришли в себя и блестящими глазами смотрели на меня.

— Так, усиленное питание и питье. Чтобы с утра до обеда выпивали не меньше трех кружек воды и после обеда до вечера столько же. Нужно восстановить кровопотерю. Ясно? — рывкнул я, поскольку находился во взвинченном состоянии.

— Да, боярин! — бодро ответили бывшие раненые.

— Марш наверх!

Первым выскочив на палубу, я стал быстро командовать. Люди оставались в том же положении, в каком я приказал им замереть, но

отреагировали достаточно живо, разбегаясь.

— Федор, приготовиться к экстренному уходу. Предупреди купцов. Синицын, заканчивай быстрее осмотр и прием доставленного товара. Корнилов, проследи за погрузкой. Ветров, этих двух хмырей к купцам. Работать! Работать! — приказал я, хлопая в ладони.

Татары, доставившие заказанные товары, были в прострации, поэтому мне удалось скинуть цену вдвое, хотя мог бы в принципе выбить все бесплатно. Вряд ли, конечно, получилось бы, но чем Бог не шутит?

Гвардейцы, низко кланяясь, отошли в сторону, но не уходили. Тут я заметил, что их осталось семеро, один явно потерялся. Ох, не к добру это, поэтому я приказал отходить, хотя купленный товар только и успели, что погрузить на палубу.

— Федор, валим отсюда! — крикнул я, подбегая к корме.

Матросы втянули сходни и отвязали концы. Двое шестами оттолкнули ушкуй от причала. Воины, севшие на места гребцов, опустили весла в воду и после команд Федора стали работать то правым бортом, то левым, разворачивая тяжелое судно. На купцах происходило то же самое.

Мы успели выйти из протоки до того, как на пирсе показались повозки и множество людей. Выйдя на середину Волги, мы поставили паруса и стали подниматься вверх по течению. Наш путь лежал в ближайший крупный город, в Нижний Новгород. Заодно и от хмырей избавимся.

Оставив Немцова за старшего, я спустился в каюту и, плюхнувшись на койку, посмотрел на руки, они были обычными. Когда пропало свечение, я так и не заметил. Просто понял, что его уже нет — и все. Подхватив Ласку, я зарылся в ее густую шерсть лицом и вздохнул:

— И что теперь делать? Вариант первый — чтобы избавиться от всего этого, нужно убрать свидетелей и набрать новую команду. Второй вариант — убедить, что это все фокус и шарлатанство. Но чую, меня за это на ближайшей рее вздернут. Значит, будем действовать самым логичным путем. Избавляемся от свидетелей... или перетянуть их на свою сторону? А что если открыться, как перед Михалычем?

Я положил Ласку на колени и, продолжая размышлять вслух, стал поглаживать млеющую от удовольствия собаку.

— Из всех своих людей я могу доверять только Ветрову и Немцову, они это заслужили. Синицын и Корнилов, конечно, проявили себя, и тоже вполне достойны, но нужно подумать. Прикинуть, не слишком ли много людей будет знать. Ты как считаешь? — спросил я Ласку, однако та посмотрела на меня умными карими и блестящими глазами и только попыталась лизнуть в лицо.

Когда я вышел на палубу, то увидел, что команда продолжает работать, однако при этом все собралось группками и что-то обсуждают. Понять что, было нетрудно, они все обернулись ко мне и низко поклонились.

— Ветров, Немцов, Корнилов, Синицын, ко мне в каюту, — скомандовал я и, прежде чем вернуться к себе, посмотрел, где мы.

Казань уже успела скрыться за излучиной реки, однако я заметил всадников, которые обогнали нас по берегу и скрылись за лесом, назвать рощей этот массив не поворачивался язык. Шли мы стандартным, уже выработанным и опробованным ордером. Первой в трехстах метрах впереди шла легкая ладья Соловейчика.

Он должен предупредить нас о появлении опасности.

Потом мы, и, отстав от нас метров на сто, ушкуй Прохорова.

На купцах особого волнения не было, они тоже не хотели задерживаться во вражеском городе, поэтому собрались и отчалили быстро. Меня волновало другое, а именно — фигура старшего хмыря на носу ушкuya Прохорова. Он пристально наблюдал за моим судном, а заметив, что я вышел на палубу, упал на колени и стал быстро креститься, поглядывая то на меня, то на небо. Фанатик. Часть команды купца последовала его примеру. Тьфу на них.

Все вызванные уже стояли у моей каюты, и я торопливо вошел в свое помещение.

— Садитесь, — велел я им, сам занимая койку.

Стула было всего три, поэтому Синицын, которому он не достался, сел на сундук с золотом.

— Прежде чем что-то сказать, мне бы хотелось узнать ваше мнение о

происшествии на пристани. Глеб, начнем с тебя, — все кроме Синицына сидели напряженные, поэтому я и задал этот вопрос.

— Трудно сказать, боярин, — задумчиво почесал уже не щетину, а короткую бородку Ветров. — С одной стороны — все правда, даже раненые, вон, на палубе за обе щеки остатки обеда наворачивают. С другой стороны — я знаю тебя уже достаточно хорошо, чтобы сомневаться. Странно все это.

— Федор?

— Согласен с Глебом.

— Олег.

— Мне нравится твоя новая особенность. Я про то, что можно лечить людей, — хмыкнул Синицын. Он ко мне никакого пиетета не проявлял.

— Мне она тоже понравилась, — согласился я. — Авдей?

— Я с тобой... Святой Артур.

— М-да... Три нормальных и один фанатик. Не комильфо, — задумчиво пропел я, как и Ветров почесав подбородок.

— Ты что-то хотел нам сказать, боярин? — спросил Ветров.

Окинув настороженным взглядом Корнилова, я протянул:

— Да как-то уже желание пропало рассказывать... всем.

— Я уже понял, что ты не святой, — кивнул Корнилов, вызвав у меня вздох облегчения. — Однако не понимаю, кто ты.

— То, что я скажу, должно остаться между нами. Больше никого нельзя посвящать. Ясно?

— Да, — ответил за всех Ветров. — Клятву на крови будем приносить?

— Конечно, — кивнул я.

Времени на клятву много не понадобилось. Все укололи себя, капнули в глиняную чашу и оттарабанили за мной слова. Больше всего меня испугало не то, что все так легко поклялись, а то, что после клятвы проследовала вспышка, и в воздухе зависли горящие огнем буквы с текстом клятвы. Несколько секунд погорев, они пропали. Мрак. Я начинаю себя бояться.

Горестно вздохнув, я заживил им ранки. Теперь вызывать свечение и убирать его получалось легко. Нужно только мысленно вызвать и убрать. Проще пареной репы... картошечки бы сейчас жареной, с лучком, с грибочками...

Мой рассказ затянулся на три часа, когда я закончил, с передовой ладьи уже интересовались, когда будем приставать к берегу для ночевки.

— Передайте, что скоро выйду на палубу, там и решим, — велел я матросу и отправил его наверх, после чего, как только закрылась дверь,

спросил у задумчивых подчиненных: — Думаю, вы понимаете, что версию о «святом» лучше не продолжать. Поэтому у меня вопрос: как скрыть мои новые способности?

— То, что это дар Бога, думаю, всем понятно? — спросил Ветров. Остальные кивнули. Видимо, они приняли такую версию. Я не рассказывал о своих приключениях в прошлом, и о том, что это мое второе приключение в чужом мире, только немного о себе и как тут оказался. Про бред о рае я тоже не забыл. Как и Михалыча, их это очень заинтересовало, пришлось рассказать подробно, вплоть до количества морщинок у Петра.

— Тяжело вам там жить без веры, — вздрогнув, произнес Корнилов. Видимо, представив себя в нашем времени.

— Да нет, до того привычно, что я вас совершенно не понимаю. Как можно верить в того, кого нет? — ответил я и, посмотрев на засветившуюся руку, смущенно умолк. — Ладно, это все не в тему. Да, я иду в Великий Новгород с шумом, так проще. Но мне не нужна ТАКАЯ известность. Так что у меня вопрос: что будем делать?

За полчаса мы разработали защиту и проработали возможность огласки. С командой поговорит Немцов и возьмет с каждого слово, что обо мне они не расскажут никому, даже в церкви. С неблагонадежных возьмем клятву, мы уже знали, что она работает. Воинами займутся Ветров, Корнилов и Синицын. С купцами решили просто, сделать вид, что им все привиделось. Слух, конечно, пойдет, но без подпитки быстро увянет... наверное. Вот только что делать с хмырями? На мое предложение удавить их тихонько, все четверо ответили несогласием. Мол, не по-христиански. Душегубцем не назвали, но слово в воздухе витало.

Выход подсказал Ветров, если старший хмырь в меня так верит, то почему бы ему просто не приказать молчать обо мне? Хотя бы первое время. Да и в Нижнем мы задерживаться не собирались. Пусть это первый крупный город на Руси, и парням хочется и в баньке попариться, и с девками погулять, фанатикам и зомбированным в церковь сходить, но в данной ситуации это было неприемлемо. Поэтому мы решили пройти Нижний не останавливаясь, только высадив пассажиров. Ничего, еще будут села и городки по пути, и приоденемся и отдохнем.

Мы вышли на палубу и разошлись по своим делам.

Ладья Соловейчика снизила скорость и сейчас шла рядом с нами, так что можно перекрикиваться.

— За тем лесом будет отличная стоянка! — крикнул купец.

— Места опасные. Если не подойдет, придется ночевать на судах! — ответил я.

Мы так делали уже на раз, и это однажды спасло наши жизни, так что купец только кивнул, соглашаясь. В этом плавании я был старшим, сами выбрали. Так что в пути они меня слушались беспрекословно.

Ночевали мы на судах, хотя ужин готовили на берегу, под прикрытием моих пушек. Эти места мне не нравились.

Ночь прошла спокойно, однако на следующий день, когда мы после завтрака направились дальше и подошли к границе, где стояла татарская каменная крепость, то были вынуждены замедлить ход. Узкое в этом месте русло реки перегораживала цепь, как под Таном, за мелкой крепостью были видны оседланные и пасущиеся лошади, на берегу не менее двух десятков татар и две лодки, готовые отчалить от берега. В них по семь-восемь таможенников.

— Пушек у них нет, только луки, — сказал я, опуская подзорную трубу. Оба купца уже шли сзади нас, при первой же опасности они по моему приказу снизили скорость. Стандартная и отработанная процедура.

— Отобьемся? — спросил Федор, продолжая наблюдать за суетой на берегу.

— Тоже мне спросил. Я же говорю — пушек нет. Нужно щиты приготовить, чую, обстрел сильный будет. Их там, похоже, больше полусотни. Дай сигнал купцам, чтобы еще немного отстали, а то и их обстреляют.

Пушкари возились у орудий, готовя обстрел даже не крепости, а скорее башни и живой силы на берегу.

Пока команда готовилась к бою, я отошел к борту. За день мы проделали большую работу, дезинформируя свидетелей. Тут нам, к моему удивлению, помог хмырь в рясе. Воспользовавшись советом Ветрова, я велел ему запудрить купцам мозги, и он помог. Так что теперь никто не сомневался в том, что происшествие на пристани — это не более чем фокус и розыгрыш. Благо только двое матросов с ушкуя Прохорова были прямыми свидетелями, но мы даже их убедили, что все это не взаправду. А руки светились от пыльцы редкого растения, вызывающего к тому же видения. Нимба не было, это я провел рукой по волосам, нанеся пыльцу. Прокатило.

На первое время пойдет, но потом, когда информация дойдет до церковных иерархов, придется туго. Они же не знают, что мне они и их власть на хрен не нужны, и будут пытаться уничтожить. Каз-злины.

Главное сделано, с командой плотно пообщались, те, кто поумнее, держали рот на замке. Тех, что потупее, убедили, что им все это

показалось. Подошла та же история с пыльцой.

С купцами был разговор короткий, поспрашивав меня и моих людей во время ужина, они убедились, что все это была шутка, и потеряли к этому интерес. Хотя пару вопросов мене задали. Но больше их интересовало, где я достал эту пыльцу. Соврал, что в Индии, рядом с Китаем. Название стран им, конечно, было знакомо, но о подобных фокусах они не слышали.

— Отчалили, — отвлек меня от наблюдения за отставшими купцами Федор.

— Две картечницы направить на лодки, одну в толпу на берегу, шестифунтовую в сторону подъемного механизма. Действуем как под Азовом.

— Как под кем? — не понял Сеницын.

— Как под Таном, — поправился я.

— Понял.

— Дистанция открытия огня сорок саженей.

— Принято.

Теперь отвлекать пушкарей не стоит. Аркебузники прятались за бортом, лучники лежали на палубе, чтобы их не было видно, свободные сидели за веслами.

Сеницын, как самый опытный, присел рядом с шестифунтовой пушкой, ожидая команды открыть огонь.

— Давай! — рявкнул главный канонир.

Шесть членов команды, вскочив, подняли с палубы вертлюжные пушки и установили их в гнезда. Дальше действовали уже канониры, Сеницын и Аркадий Волошин. У них в руках уже были подожженные фитили, так что когда лодки были на прицеле, им оставалось лишь поднести тлеющие фитили к запальным отверстиям.

Прогремел залп из двух пушек. «Беду» и лодки накрыло дымом, который быстро сносило легким ветерком. Пока оба канонира возились у двух других пушек — Волошин у третьей вертлюжной, а Сеницын у шестифунтовой, — стрелки вскочили на ноги и беглым огнем добились остатки плавающих в воде татар. Все, про этих можно было забыть. Я успел рассмотреть в просвете, что на плаву никого не осталось. В это время одна за другой грохнули пушки.

Картечь ударила по наблюдателям, которые находились на берегу. Дальность предельная, но большой разброс был кстати, они разбегались, так что картечь настигла многих. Хоть и не всех. Далеко не всех.

Испуганные выстрелами лошади, которые остались на привязи,

бесились, остальные уже унеслись прочь.

Шестифунтовое ядро из пушки Синицына ударило в основание башни, брызнули осколки камней, но башня даже не шелохнулась.

В отличие от башен под Таном, тут подъемное устройство находилось внутри. Была видна щель и исчезающая в ней цепь.

— Табань! — скомандовал Немцов. И сделал это вовремя, нос ушкуя на малой скорости заскрежетал о цепь, и судно остановилось.

— В полуметре от цели, — пробормотал я.

Ядро действительно попало в основание башни всего в полуметре от щели. В принципе попадать в нее нам было и не нужно, я надеялся на разумность старшего поста. Догадается он опустить цепь, или так и будет ждать, пока мы не снесем башню. Выстрелов тридцать — и тут останется гора камней.

С другой стороны реки цепь уходила под землю. Стрелять там было некуда.

Разум у начальника таможни разыграл после третьего выстрела, когда с верхушки башни упала огромная глыба. Дрогнув, начала опускаться цепь. Я дождался, когда пройдут оба купца, и последовал за ними.

Путь на Русь был свободен. Теперь еще тысяча миль рек, два волока — и мы прибудем к цели нашего маршрута.

Когда купцы проходили мимо, с них что-то прокричали. Я стоял рядом с пушками, и меня, несмотря на открытый рот, немного оглушило, но Федор на корме расслышал.

— Что? — переспросил я у него, подходя к кормовой надстройке и поднимаясь по маленькой лестнице сбоку наверх.

Причина веселья воинов и купцов была очевидна. В привязанной за кормой лодке дрожал от холода, а может, и от страха, мокрый казанец.

— А, заяц. Так я не дед Мазай, чтобы их возить. Ветров! Избавьтесь от балласта.

— Это Нижний, целый, — с надеждой глядел на город Федор.

Его можно было понять. Мы прошли уже сотни верст, видели множество деревень, сел и городков, но все они были или ограблены, или сожжены. Фактически за все время нашего пути это был единственный город, к которому мы могли без опаски причалить.

Первые дни от Казани мы шли с большой опаской, ночуя только на судах, метрах в пятидесяти от берега, заякорившись. Готовили на берегу под охраной пушек, ели на судах. За это время встретили шесть купцов на ладьях и ушкунях, пяток рыбацких лодок. У последних мы покупали свежую

и копченую рыбу. Рыбаки были из сожженных деревушек, часть успела спрятаться в плавнях, выживали потихоньку.

Я упивался дикой природой, не испорченной цивилизацией. Если бы не постоянное напряжение от ожидания нападения татар, вообще бы кайфовал. Но все равно мне нравилась чистая вода, леса без вырезанных на стволах: «тут был Вася» или «Машка дура». Нет, одно дерево с накарябанными современными русскими словами осталось на одной из наших стоянок, но это так. Фон. С четырьмя посвященными у нас были вечерние посиделки, где я описывал будущее. Не сказать, что оно им очень нравилось, но и приятные моменты они тоже находили. Не забывал я и про тренировки со свечением, ходить по воде так и не научился, но накупался вволю. Середина июня купальный сезон. Зато с руками у меня был прогресс, я научился вытягивать ярко-желтые щупальца из рук, никакой опасности они не представляли, но со стороны смотрелись как божественные мечи. Еще бы получалось держать их ровно, а то они постоянно норовили свернуться спиралью. Думаю, со временем я смогу не только это, но и стану использовать их как боевое оружие. Но надо тренироваться. Была еще одна приятная новость, хрень над головой я мог убирать, когда нужно.

Наконец мы дошли до Нижнего Новгорода.

— Прошмыгнуть не получится, — хмуро сказал я. — Купцы не поймут. По-любому придется остановиться тут на два-три дня.

— Что делать будем? — спросил стоявший тут же Ветров.

— На тебе закупка одежды. Это должна быть униформа. То есть одинакового цвета штаны, рубашки и кафтаны. Шапки тоже. Команде все синее, воинам зеленое. Хватит как оборванцы ходить. Федор, с продовольствием у нас порядок, но свежего неплохо бы прикупить. Займись. Корнилов! На тебе охрана «Беды».

— А купцов?

— Да и их тоже. Деньги на зарплату получите, когда пристанем. На одежду дам сейчас, Глеб, пошли со мной.

Выделив ему деньги на закупку униформы, обуви и поясов, я велел разбить команду на части. Одни сразу пойдут отдыхать в город, другие останутся сторожить суда.

На подходе к Нижнему вперед вышла ладья Соловейчика. Ну и правильно, они тут были не раз и все знают. Лавируя между лодками, — кто плыл по своим делам, кто предлагал нам разные услуги или мелкие товары, — мы обошли большой порт с множеством судов и подошли к

отдельному пирсу.

Места там было много. На десяток судов точно, так что мы спокойно пристали компактной группой.

Пока команда швартовала судно, а пяток воинов соскочили на пирс, разбегаясь с аркебузами наизготовку, я спокойно спустился на влажные доски пристани и, покрутив головой, обернулся к ушкую.

— Олег, пушки из виду убрал?

— Да, — кивнул Синицын.

— Определились, кто из вас пойдет гулять?

— Я первым. После Волошин.

— Хорошо.

В это время мое внимание привлек идущий к нам быстрым шагом мужчина лет сорока. Шагал он от складов, где проводились какие-то ленивые ремонтные работы. Судя по одежде не служивый, но близко.

Его остановили двое стрелков, перегородив ему путь стволами аркебуз.

— Да что такое?! — возмутился он. — Я холоп боярина Охлопкова. Это его пристань!

— Бойцы, пропустить! — крикнул я.

Велев людям ждать, я направился к ладье Соловейчика, у борта которого и остановился холоп боярина.

Мы пристали так: сперва ладья, носом к берегу, потом ушкой Прохорова, он как раз командовал своими людьми, достающими из трюма какие-то мешки. Видимо, предприимчивый купец решил продать часть товара. За ним, почти вплотную, стоял и мой ушкой.

Когда я подошел, уже все разрешилось. Стоять тут можно, но нужно оплатить, что и сделал Соловейчик. К тому же, как оказалось, он хорошо знал боярина. Порасспросив, как у того дела и как живет, он отправил холопа обратно к складам и подошел к нам. Прохоров тоже спустился на причал со своего судна.

— Стоянку оплатил на пять дней вперед. Думаю, хватит осмотреться да отдохнуть — и можно следовать дальше. Ты как, боярин?

— Согласен, — кивнул я.

— Тогда в таверну? Отпразднуем, что смогли пробраться через вражеские земли?

— Это можно, — согласился Прохоров.

Отдав приказы на дальнейшие работы своим командам, мы направились в лучший кабак.

Мне не понравилось только одно — таинственное исчезновение хмырей с ушкой Прохорова, поэтому я предупредил Корнилова. Нужно

смотреть в оба.

Город мне понравился. Он был не каменный. Только одна из крепостных стен оказалась возведена из камней, наверное, только начали строить, а остальные четыре, включая ту, через ворота которой мы попали в богатую часть города, были сложены из тесаных бревен в два обхвата. По цвету дерева я понял, где и когда менялось то или иное бревно. Высота, на мой взгляд, была запредельной, десять метров, никак не меньше.

Ворота охранял десяток подтянутых воинов, они проводили нас внимательными взглядами, я обернулся и осмотрел тыльную сторону стены. Там через каждые сто метров прохаживались часовые. Стояли и наблюдатели на специальных дозорных вышках. Город часто подвергался набегам, и тут служба велась как надо.

Сам Нижний просто не мог вместить за стеной всех желающих, поэтому больше половины жителей жили снаружи, у порта или вокруг города. Свободное пространство у стены, метров в сто пятьдесят, занимал базар. В случае нападения жители этой части города укрывались за стенами, отдавая свои дома на разграбление. Но зато тут можно не ограничивать себя в постройке. Земли вокруг много.

Мы прошли эту часть города, базар и ворота не останавливаясь. Мне было все интересно, поэтому я крутил головой, рассматривая прохожих, тесно стоявшие дома, тротуары из дубовых плашек. Они были чисто подметены, в отличие от проезжей части. И по ним прогуливались празднично одетые граждане. Было воскресенье, тем более полдень, так что многие возвращались из церкви. Других-то развлечений у бедолаг нет.

Улицы мне понравились: продуманы явно для обороны, прямых участков более чем на пятьдесят метров нет. Лучникам и коннице тут будет неудобно, не смогут татары воспользоваться своей главной силой. Так вот, пройдя несколько улиц, мы вышли на площадь к кремлю и хозяйственным постройкам.

Однако купцы направились не к ним, хоть и замедлили ход, чтобы я мог осмотреться, а зашагали к большому трехэтажному зданию с вывеской над дверью.

Кстати, интересная штука, нумерации домов тут нет, но нечто вроде названий улиц есть. Подходишь к какой-нибудь, видишь на крайнем доме вывеску молота и наковальни, значит тут кузнецы расположились. Или сапог, тут уже понятно, что сапожники обосновались.

Так и на кабаке, к которому мы подходили, была вывеска кружки и почему-то баранки, лучше бы баранью ногу нарисовали. Есть хочется.

Проводив взглядом двух девушек, проплывших мимо нас в сопровождении матроны и мальчишки лет пяти, я вошел вслед за спутниками в довольно светлое помещение. Стены были побелены, да и окна открыты. В большом зале находилось около десяти выскобленных столов и лавок. Судя по количеству посетителей, а их оказалось не много, кабак действительно был дорогой. Да и по обстановке это было видно. На одной стене даже картина со сценами охоты висела.

Купцы проигнорировали общий зал, приветливо кивнули половому, — точно они тут не в первый раз — и направились к лестнице.

Заняли мы отдельный кабинет с окнами, выходящими на кремль. Тут обстановка была богаче, стены задрапированы тканями, стол со скатертью, стулья, а не лавки, и владелец кабака в роли распорядителя.

Это как же погуляли в прошлый раз мои спутники, что хозяин вокруг них так крутится? Видимо, на щедрые чаевые надеется.

Официанты, а с нами работало сразу шесть человек, быстро накрыли стол холодными закусками и поставили жбан холодной медовухи. Мне отдельно принесли яблочного и вишневого сока. Пока мы тянули время с закусками, подоспело жаркое. Чего там только не было. Рыбы почти двадцать сортов. Вареная, пареная, копченая, под соусом. Один запах чего стоил. Грибочки всякие. Лисички, рыжики, подберезовики, белые. Хлеба три сорта. А уж когда принесли жаренного на вертеле поросенка, то я вообще ощутил состояние полного умиротворения. Теперь понятно, почему купцы так любят этот кабачок. Ассортимент и обслуживание выше всяких похвал. У каждого с левой стороны стоял прислуживающий половой. Купец тыкал пальцем в понравившееся блюдо и немедленно его получал, мелко нарезанным и готовым к употреблению. Лафа.

Много я старался не есть, чтобы не отяжелеть, но и не попробовать каждое блюдо просто не мог. Поэтому когда наконец все попробовал, пришлось ослабить пояс, я все-таки переел.

Все разговоры у нас сводились к одному: как быстро прошли татар и османов и сколько еще идти. Тосты поднимались один за другим. Я-то на соки не налегал, но оба купца уже наклюкались, и сейчас их разговор напоминал: «Ты меня уважаешь?»

Я откинулся на спинку стула — хороший, кстати, резной. Не удивлюсь, если узнаю, что он привезенный. Осмотрел еще раз обстановку отдельного кабинета, встал и тяжело подошел к открытому окну. Надо же, даже стекла тут стоят. Не особо хорошие, с пузырями и желтоватые, но стекла.

Если узнаю, что тут и князя и бояре заседают, то не удивлюсь. По ним обстановка-то.

Не налегал на еду я по одной причине. Мне не давало покоя исчезновение святоши и мелкого хмыренка. Чую, сдаст он нас главным жрецам-святошам. Плясать под чужую дудку я точно не буду, оставалось только готовиться к бою. Команда предупреждена, купцы на всякий случай тоже, так что будем ждать развития событий.

— Хозяин, — окликнул я владельца. Он крутился у Соловейчика, командуя половыми. Купец совсем расслабился и уснул, используя как подушку блюдо с вареным осетром.

— Чего изволите, боярин, — поклонился он. Молодец, понимает, что, несмотря на молодость, я уже твердо стою на ногах и как с несмышленищем со мной разговаривать не надо. Видимо, понял это по нашим разговорам с купцами и уважению, которое они мне демонстрировали.

— Комнаты у тебя есть?

— Конечно, боярин. Все есть.

— Проследи, чтобы с уважаемыми купцами было все в порядке, — подал я ему золотую монету.

Глаза кабатчика сверкнули от столь щедрого подношения, низко поклонившись, он поблагодарил, заверив, что все с купцами будет в порядке.

— Совет хочешь?

— От столь молодого, но мудрого боярина я готов выслушать и принять все что угодно.

— Не дурак, — констатировал я, разглядывая его. — Это совет скорее для размышления. Принять или не принять — зависит от тебя.

— Я слушаю, боярин, — как болванчик, снова поклонился кабатчик.

— У тебя все половые — мужчины. Найди одиноких девушек лицом прекрасным али симпатичным, обучи их, и пусть они работают там, где тебе покажется уместным. Это привлечет к тебе новых клиентов. Одно дело, когда тебя обслуживает мужчина, и совсем другое — красивая девушка. Которая и улыбнется ласково, и подскажет, что лучше взять.

— Но ведь важные бояре могут и потискать девицу — убытки. Сплошные убытки, — проговорил он, но по глазам кабатчика я понял, он быстро прикидывает плюсы и минусы от моего предложения.

— Тебе решать, — пожал я плечами, вернувшись к наблюдению за кремлем и соседней церковью. На ней были шпили, золотые купола и кресты. Множество сектантов входили и выходили из этого сооружения. Хмыря я не видел, да и вряд ли он воспользовался бы парадным входом.

Убедившись, что с купцами все в порядке, я вышел из кабака и,

покрутившись на пятках, прогулочным шагом направился осматривать город. Вот же купчишки, взяли и набрались, можно сказать дорвались до спиртного, как только оказались в безопасности.

Нижний Новгород имел мало общего с восточными городами, в которых мне довелось бывать до этого. Чисто русский город со всем его характером и жителями. Если бы не старинные одежды и речь, не подумаешь, что перенесся. И все мужчины с бородами, кроме безусых юнцов, конечно. Мне-то приходилось каждый день бриться, что я, бомж какой?

В течение часа легкой прогулки и осмотра достопримечательностей меня пытались дважды ограбить и развести на гоп-стоп. Ну точно домой вернулся. Мальчишек с поломанными руками я отправил домой, а с гоп-стопщиками пришлось повозиться. И дело не в том, что мне было трудно или не хотелось. Мне банально не дали оставить пять трупов в тихом тупичке. Свидетели, мать их, образовались, так что пришлось действовать согласно Правде. Любят же меня приключения. А дело было так.

Забрел я на тихую улочку, где жили плотники, так что застрял я на ней надолго, рассматривая резные наличники и другие фигурно вырезанные из дерева предметы.

Так зайдя на тихую улочку, оказавшуюся тупичком, я столкнулся с двумя лбами с боевыми ножами в руках. Еще трое перекрыли выход.

— Жизнь или деньги? — скорчив зверскую рожу, спросил предводитель.

— За сабельки свои даже не думай хвататься, а пояс лучше скинь, — добавил второй с печатью интеллекта на лбу. Интересно, кто ему такой синячище поставил?

— Жизнь или деньги? — задумчиво протянул я, потеряв левую щеку. Я даже не знал, плакать мне или смеяться. — Ну, я, наверное, выбираю деньги. Сколько у вас есть?

Все пять татей заржали. Правда, старались делать это тихо.

— Смешной, — отсмеявшись, констатировал главарь. — Раздевайся.

— Знаете, я вам признаюсь честно, — мой голос упал до шепота, — я девочек люблю. Здоровых мужиков я любить не хочу. Но если надо, дай хоть зад твой пощупаю.

Главарь покраснел как рак и, взревев, бросился вперед, размахивая своим секатором.

Пропустив его мимо, я опустил кулак ему на голову. Треск показал, что череп у него был хлипкий.

В это время раздался женский визг. У угла стояла баба с тазом белья, вот она-то и надрывалась.

— Убивают! Люди, что делается-то?! Убивают!

— Стоять! — рявкнул я остальным татам. Однако они меня не послушались, пришлось поработать кулаками. Я как раз забивал ногами в какую-то щель самого здорового, когда налетела толпа. Не разбираясь, четверо мужиков, по виду мастеровых, бросились на меня.

— Эй, вообще-то это на меня напали! — крикнул я, пытаюсь перекричать вопли голосившей бабы.

С трудом увернувшись от просвистевшего мимо виска кулака и подлого удара ножом в живот, я осатанел, дальше работал уже ножом и кинжалом. Это было классное оружие для боя в толпе. Все четверо осели, как кули, оплывая кровью. Толпа немедленно отхлынула, окружив меня. Из нее доносились угрозы и крики.

Я не понимал, почему местные напали на меня. Ладно бы был бедно одет, но весь мой облик и оружие выдавали во мне парня знатного происхождения.

— Прошку. Он убил Прошку! — взвыл кто-то.

«Интересно, этот Прошка из татей или из этих четверых?» — подумал я.

Спокойно вытерев лезвия, я вернул оружие в ножны, поднял шапку, — она у меня слетела с головы, когда я уворачивался от ударов этой четверки «спасателей», — и водрузил ее обратно на голову.

— Разойдись! — крикнул кто-то за спиной толпы. В образовавшийся проход проследовали четверо стражников.

— Кто мне объяснит, что тут происходит?

Спрашивал воин не у меня, а у вышедшего вперед мужчины лет за пятьдесят. Руки и внешность выдавали в нем плотника.

— Я староста улицы Михайло Потапов. Душегуба вот поймали, — неожиданно ткнул он в меня пальцем. — Четверых наших отроков побил.

— Ясно. Еремей, берите с Аркадием тата и ведите его на судилище, — скомандовал старший.

Меня даже не спросили, а это уже наглость.

— Скидай пояс, тать, — скомандовал воин, которого старший назвал Еремеем.

— Эти пятеро тоже попросили скинуть пояс, — показал я на татей, которым уже оказывали помощь.

Намек был прозрачный. Оба воина хмуро меня осмотрели, но потом младший, Аркадий положил руку на рукоятку меча.

— Не балуй, тать, — хмуро бросил он.

— Оружие не отдам. Я тут прогулялся по вашему городу. Мастеров моего уровня у вас нет, прорублюсь и уйду. Остановить вы меня не сможете.

Стражники были воинами бывалыми и мои слова за пустую бахвалу не приняли. Теперь они конкретно напряглись.

Аркадий отошел и направился к старшему, который разговаривал с местными жителями. Немного поговорив с ним, воин вернулся.

— Пойдешь пока так.

— Пошли, — пожал я плечами.

Воины шли по бокам, сопровождая особо опасного меня, позади видаки. Добровольцы из толпы несли убитых. К моему удивлению, практически все, кто там был, отправились с нами. Тоже мне, представление нашли.

Шли мы недолго, от центра я не удалялся. В этом шествии мне не понравилось одно: в меня пару раз кинули камнем. Естественно, не попали, мало того, перехваченный и обратно брошенный камень попал куда надо. К пяти трупам добавился шестой. Воины на мои движения среагировать не успели, а вот перехватить и остановить разъяренную толпу смогли.

Пройдя мимо нескольких богато отделанных домов, явно боярских, мы вышли на площадь перед кремлем.

Дальше я как-то отвлекся, с краю толпы на меня смотрела такая симпатичная панночка, что я несколько пропустил дальнейшие действия. Нет, конечно, опасность для себя любимого я отслеживал, а вот фон меня не интересовал. Что будет дальше, я и так знал. Кстати, панночка смотрела на меня с омерзением, как на ядовитого жука. Тварюга, но красивая тварюга.

Тем временем на площади происходили вот какие события. Первым делом толпу оттеснили к домам вышедшие из кремля воины, по моим прикидкам, их была полусотня. Видаки вышли вперед, их было человек двадцать, вынесли самодельные носилки с убитыми. Татей не было, похоже, они успели смыться. Хотя нет, вон и их вытолкнули в круг.

После того как все собрались, слугаки вынесли большое резное кресло и поставили его на небольшой постамент. Почти сразу появился князь — важный мужик с саблей на боку и со свитой. Он сел, остальные остались стоять. Прищурившись, я разглядывал его, это был воин, не отъевшийся хряк. Заметив, что стал объектом такого же пристального изучения, я расправил плечи и выпрямил спину, уверенно глядя на князя.

Михалыч не раз рассказывал мне о таких судах. Бывало и ему

приходилось быть судьей, так что все законы Правды я знал, как знал и то, что по этой самой Правде я был прав.

Слушая, как старший стражи поясняет князю, что и как происходило, когда они появились на месте преступления, я лениво позевывал, аккуратно прикрывая рот ладошкой. После этого выступили видаки, по их словам, я был исчадием ада, убившим их соседей, друга одного из соседей и двенадцатилетнего мальчишку. А не надо было камнями кидать, я же не знал, что один из четверки был его братом. Тати тоже вылили на меня ведро помоев, да и выхода у них другого не было. Причем каждый видак еще и перекрестился перед рассказом. Это что, как у янки на библии клянутся: правду и только правду?

После того как князь выслушал всех видаков и пострадавших — это я про татей, он громко обратился ко мне:

— Представься и скажи, признаешь ли ты свою вину?

— Высокородный боярин Великого Новгорода Артур Красновский, приемный сын бывшего старшего воеводы Кузьмы Михайловича Красновского. Вину свою не признаю, — лениво ответил я. Мне было скучно, хоть и интересно наблюдать за местной системой правосудия. Когда выяснилось, что я боярин, поднялся шум.

Князь посоветовался с кем-то из своей свиты. Кстати, трое из них были святоши с крестами на пузе. После совещания, князь спросил:

— Расскажи своими словами, что произошло.

Хмыкнув, я пожал плечами и стал рассказывать:

— ...и когда я закончил рассматривать резное великолепие улицы и направился обратно на площадь, то невольно заблудился и вошел в тупик, где повстречался с этими гражданами, — показал я на четверку угрюмых парней, которые тут же зашумели, крича, что это неправда, но их быстро успокоили воины. — Вместо того чтобы проводить меня к площади, они сказали: «Жизнь или деньги». Деньги у меня были, но почему бы не взять еще, если предлагают. Поэтому я и велел им отдать мне все деньги...

Рассказывал я подробно, вплоть до того, что принял их за гомиков, это вызвало смешки из толпы. Когда сказал, что ударом кулака раздробил череп старшего, князь остановил меня и послал одного из воинов осмотреть убитого, тот подтвердил мои слова. Ну еще бы. Закончил я за полчаса, со словами:

— ...поэтому, согласно Правде, я и убил нападающих, так как у одного в руке был нож.

Мои слова подтверждал воин, который осматривал трупы. Ножа они не нашли, но пустые ножны присутствовали.

— А мальчишка? — крикнули в толпе.

— А кто ему разрешал в высокородного боярина кидать камни? Я еще второго найду и вздерну его, — мгновенно ответил я.

После недолгого раздумья, князь приказал:

— Татей в поруб. На боярина накладывается вира — гривна серебром за смертоубийство. Половина идет родственникам убитых, половина в казну города. Все.

«Чего?! Какого хрена?! — мысленно возмутился я. — Князь явно принял сторону своих граждан, а не решил все по Правде. Это я должен был получить виру, это на меня, боярина, смерды напали. Ты охренел, князь?! Еще и гривну серебром? Это же три золотых монеты!»

С сожалением покачав головой, я развернулся и направился к выходу с площади.

— Стой! — попытался остановить меня один из воинов, но отлетел в сторону после подсечки. Толпа раздвинулась, пропуская меня.

Теперь путь мне преградил десяток воинов с обнаженными мечами. Выхватив сабли, я направился прямо на строй.

— Я бы на вашем месте пропустил меня, платить я не буду.

— Почему? — остановил меня вопрос сзади. Обернувшись, я увидел князя, стоявшего в десяти метрах от меня. Как только успел подойти?

— Не вижу смысла. Это мне должны были заплатить родственники убитых. Нападать на невинного, толком не разобравшись, им не стоило.

— Но они поплатились за это своей жизнью. Ты мог бы обойтись без смертоубийства, боярин? — спросил князь, наконец словами признав во мне равного.

— Конечно.

— Тогда почему?

— Я НИКОГДА НИКОМУ НИЧЕГО НЕ ПРОЩАЮ. В данном случае тот же ответ. Я никому платить не буду, потому что никому ничего не должен. Мало того, что меня пытались ограбить, убить, оклеветать, так еще и денег за это требуют. Нет, князь, моих денег тебе не видать. Хватил я судейского беспредела в свое время, думал, хоть тут нормально разойдемся.

— Взять его! — жестко приказал князь, сверкнув льдинками глаз.

— Ну наконец-то, — с облегчением выдохнул я, входя в транс.

Вихрь ударов снес строй воинов, ни одного я не убил, но оглушил шестерых. Да еще саблями по толпе прошелся, нанося мелкие порезы. Они были не опасны, но панику подняли знатную, с ее помощью я и ушел.

Через минуту я уже бежал к крепостным воротам, постоянно меняя

маршрут движения.

Ворота я пролетел с боем, охрану уже успели оповестить, но подготовиться они не успели, так что я снес их с одного захода. Через минуту, быстро работая ногами, я пробежал площадь, уворачиваясь от свистнувших стрел, и скрылся среди домов. Лучников было всего два. Так что мне не стоило труда уйти от их стрел.

Через десять минут я был в порту. Снизив скорость, на пристань я вошел хоть и быстро, но шагом.

Отмахнувшись от подскочившего Ветрова, я крикнул:

— Орудия к бою! — после чего повернулся уже к полусотнику: — Что у тебя?

— Одежда закуплена, немного не хватило, нужно доплатить.

— Вижу, что закуплена, — я осмотрел Ветрова, одетого в зеленую одежду, похожую на униформу.

— Помощник лавочника ждет, — кивнул полусотник на мальчишку, топтавшегося неподалеку, пока я осматривал со всех сторон униформу.

— Нормально, — заключил я, отдал деньги мальчишке и сказал Ветрову: — Я там с князем поссорился, так что отходим, не ожидая купцов. Команда вся на борту?

— Нет, отдыхают люди, меньше половины всего. Из старших я да Волошин, остальные в городе.

— Ясно, — протянул я, задумавшись. — Значит так. Стоим тут как ни в чем не бывало. Пошли пару людей за нашими, пусть возвращаются. Волошину прикажи установить пушки, направив их в сторону пирса.

— Хорошо... Что сделал-то, боярин?

— Защищал свою жизнь, — ответил я, но все-таки рассказал, как было дело.

— Ты прав, — заключил он, но тут же добавил: — Князь тоже прав. Он в своем городе. Может накладывать виру за все, что хочет. Он глава.

— Платить не буду, — упрямо ответил я, меня давила жаба, да еще я просто не понимал, за что с меня требуют денег? В моем понимании, это мне должны заплатить за моральный ущерб.

— Да, я знаю, — вздохнул Ветров.

Оставив его распоряжаться на судне, я отправился в свою каюту.

Понюхав пропахшую потом рубаху, я стянул с себя всю одежду и, выйдя на палубу, с радостным криком прыгнул за борт. Суевающаяся команда и воины не обратили на это внимания, хотя раньше пугали меня водяными. Сами они плавать боялись, и глядели, как я с удовольствием фыркаю в воде, большими глазами.

Поплавав, я только и успел по веревке взобраться на борт, как по тесаным бревнам пирса застучали копыта лошадей.

— К бою! — тут же скомандовал Ветров, наблюдая, как от складов к нам скачут трое всадников с одной лишней лошадей под седлом.

— На атаку это не похоже, — сказал я, вытираясь поданным вахтенным полотенцем.

— По форме посыльный с охраной, — ответил полусотник, напряженно рассматривая приближающихся всадников. Те замедлили ход, неприятно удивленные тем, что их держат под пушечными дулами.

— Что надо? — спросил я у всадников, вытирая голову. Я был нагишом, но нисколько не стеснялся.

— Светлейший князь просит боярина Красновского принять его предложение откусать яства у него в доме, — сладкоречиво сказал посыльный.

— Нашли дурака. Чтобы меня в цепи заковали? — усмехнулся я их наивности.

— Светлейший князь поручился своей честью, что с боярином ничего не случится.

— Да? — я задумался. — Ну ладно. Интересно, что такого скажет князь. Глеб, ты за старшего, пушкари пусть дежурят у орудий. Мало ли что. А я пока пойду собираться.

— Хорошо.

Когда я одетый вышел из каюты, посыльный и сопровождающие его воины чуть не вывалились из седел. Одет я был как подобает боярину, но вот куда щит пристроить? За спину? Так там две запасные сабли висят. Ладно, пока в руке понесу.

— Ну, что смотришь? Давай показывай дорогу, — сказал я, одним движением взлетая на лошадь и прикрепляя щит к седлу.

Прежде чем мы тронулись, меня окликнул Ветров. Ударив по бокам лошадь, я подъехал к ушкую.

— Что? — тихо спросил я.

— Без свиты родовитому боярину ехать в гости неуместно, — также тихо ответил он.

— Готовь людей. Думаю, пятерых хватит.

Не знаю, где воины нашли лошадей, но буквально через полчаса мы уже скакали в город.

Поправляя вооружение, я размышлял о дальнейших шагах. Например, так тяжело вооружился я не для того, чтобы обезопасить себя, а чтобы показать, как я верю местному князю. Доверия он у меня совершенно не

вызывал. Если он надумает захватить ушкой с золотом, то я предпринял ряд мер для предотвращения этого.

Стуча копытами по бревнам настила пристани и утопанной до состояния камня земли порта, мы скакали к городу. Внешний город мы промчались вихрем, подняв мелкую пыль, а во внутреннем, за крепостной стеной, скорость пришлось убавить, народу было больше, хотя едущие впереди воины исполняли роль ледоколов. Теперь понятно, для чего они были нужны.

К моему удивлению, прибыли мы в кремль, я то думал, у князя будет свой дом, но как-то не сообразил, что кремль это не только место работы, но и его дом. Стереотипность мышления. В мое время все кремли это музеи, ну кроме современного Московского, конечно. Там сейчас оккупанты сидят.

Лошадь принял один из холопов, поэтому, соскочив на землю, я повертел головой, прикидывая, как буду прорываться, снял с седла щит и направился к входу в терем. Ведь кремль это не одно здание, а ряд жилых и хозяйственных построек.

Что мне понравилось — на крыльце стоял сам князь. По местным понятиям, если хозяин встречает гостя на крыльце, то этим он показывает свое расположение. Михалыч мельком об этом упоминал, но больше уделил внимания тому, что меня должны чем-то угостить. Главное, по его словам — это выпить до дна.

На крыльце кроме князя, который сверлил меня буравчиками глаз, стояли еще несколько человек. Женщина — это явно жена и трое мужчин, ближние товарищи или родственники.

Когда я подошел, жена князя — кстати, а как его зовут? — спустилась на одну ступень и протянула мне литровый ковш с каким-то напитком. Это было кстати, пить я хотел. С подозрением посмотрев на ковш, я стал пить. Сложно сказать, что это было, но мне понравился вкус. Напиток явно не алкогольный, букет больше ягодный. Хотя от местного владыки можно чего угодно ожидать.

Перевернув ковш и тем самым показав, что выпил все до дна, и дурных мыслей относительно дома у меня нет, я вернул ковш хозяйке и трижды, согласно традиции подобных встреч, поцеловал ее.

— Лепо, — сказал я громко.

Князь слегка улыбнулся, показывая, что доволен, но продолжал буравить меня взглядом. Родственники же заулыбались шире.

— Прощу, — указала хозяйка на вход в терем. Мою свиту увели в другое помещение один из воинов князя, так что о них я не беспокоился.

Когда мы вошли в терем, то я пошел рядом с хозяином.

— Князь, не подскажите, что было в ковше? Никогда такого напитка не пил.

Мне показалось, князь споткнулся от моего вопроса, но потом, после некоторой заминки, все-таки ответил:

— Сбитень, — тут я удостоился внимательного изучающего взгляда.

Терем я изучить не успел, мы буквально сразу после освещенного лучинами коридора оказались в трапезной. Стол мог вместить человек двадцать, но нас было только десять — появились еще трое детишек, видимо, дети князя.

Я знал, что деловые вопросы не решаются в первые мгновения, сейчас меня изучат хозяева дома, а пока они составят свое мнение, можно успеть и перехватить чего-нибудь.

Прежде чем сесть, я решил разродиться подарками, это тоже соответствовало правилам, если, конечно, желал гость. Я желал.

— Прими в дар, княже, — сказал я и, сняв со спины две быстрые булатные сабли, протянул их хозяину дома вместе с ножнами. — Эти сабли уже побывали в бою и испили крови. Когда я захватил дома начальника стражи и главного казначея Кырыма, то немало поработал ими.

Реклама себе любимому не повредит. Князь подарки принял, хоть и удивленно поднял брови, когда немного вытащил клинки из ножен и увидел узоры. Он оценил стоимость таких клинков. Хуже у меня не было. Пришлось дарить эти.

— Княгиня, твой лик прекрасен, а глаза просто драгоценные изумруды, но прими и ты подарок, который покажет всем, как ты прекрасна, — с легким поклоном протянул я хозяйке разложенное на ладонях изумрудное ожерелье. По стоимости оно равнялось подарку князю. Дорогое и красивое ожерелье, там только изумрудов было около тридцати, и отнюдь не маленьких.

— Спасибо, боярин, — поблагодарила хозяйка и повернулась ко мне спиной, предлагая надеть подарок на шею. Это был высший знак доверия от хозяйки.

Застегнув ожерелье, я сделал шаг назад, предоставляя присутствующим возможность оценить подарок на хозяйке. Судя по восхищенным возгласам, я угадал с ним.

— Дети, для вас у меня тоже кое-что есть, — сказал я детишкам. — Мы не были представлены друг другу, поэтому давайте знакомиться. Боярин Артур Красновский, мастер двуручного боя. Выкупился из плена в Крымском ханстве и плыву в Великий Новгород. До этого на Руси никогда

не был.

Показалось мне или нет, но князь, услышав мои последние слова, ощутимо расслабился.

Князь сам представил своих детей:

— Это князь Владимир Курбский, мой старший сын, наследник. Его младший брат Андрей Курбский и сестра Анна Курбская.

«Курбский? Курбский?.. Что-то знакомое. Где-то это я уже слышал, — задумался я. — Нет, кажется, этот урок истории я прогулял».

Брату было лет девять, а девочке все пять. Представили и хозяев дома. Князь звался Михаилом Курбским, а жена Ольгой. Князь оказался ставленником московского царя, поэтому сопровождавшие его мужчины были не родственниками, а военными. Один начальник стражи, другой тысяцкий, третий советник князя.

С подарками я не мудрил. Старшему сыну отдал настоящий ханский щит и небольшой кинжал с серебряной насечкой на ножнах, с описанием, где взял, не зря же я их у начальника стражи из сокровищницы тиснул. Младшему подарил расшитый золотом пояс, он лежал у меня за пазухой, а девочке — настоящее стеклянное зеркальце с ручкой и серебряный гребень. Все подарки, которыми я одарил детей, предназначались для взрослых, я же не знал, что князь будет со всей семьей, вот и пришлось каждому понемногу.

Хозяйка дома ревниво посмотрела на подарки и сияющую дочку, но потом вздохнула. Младшие дети поклонились и вышли из трапезной, а вот старший мальчишка остался.

Мы сели за стол, и слуги закружили вокруг нас, принося полные блюда и убирая пустые.

Я был изрядно голоден, но на еду особо не налегал, хоть и хорошо перекусил.

Ужин закончился через час, а за окном уже темнело. Поблагодарив меня за подарки, хозяйка с сыном скрылись в дверях, оставив наедине с князем и приближенными.

После непродолжительного молчания, князь попросил выйти своих людей, решив поговорить тет-а-тет.

— Ну и почему? — спросил он, слегка подавшись вперед.

— Вопрос, княже, некорректный. Ты о чем?

— Платить виру не хочешь, но подарки, как три виры.

— Вира была назначена не по Правде, а подарки от всей души.

— Хм, — только и сказал хозяин дома, откинувшись на спинку стула. Он пребывал в раздумьях.

— Расскажи о себе, — попросил он, видимо, так и не придя к определенным выводам.

Князь просто не понимал, кто я. Сидит перед ним явный новик, но не брит наголо, хоть и коротко стрижен. Правду знает, но законы не понимает. Явно чужой, сбить никогда не пробовал, но называется боярином Великого Новгорода. На иконки в углу при входе не перекрестился, только хмыкнул презрительно, когда это сделали другие. Говорит, что никогда на Руси не был. Кто же он?

Я и рассказал практически все, только утаил, откуда я, и что грабанул сокровищницу хана, но князь, по-моему, и так понял.

После моего рассказа мы просидели в задумчивости минут десять, пока князь не сказал:

— Я хорошо знал Кузьму Михайловича, встречались. Значит, вот как было дело. Предательство... Я принимаю его решение, раз боярин считал, что ты достоин быть его сыном, то пусть так и будет.

Я промолчал, князь хоть и был мужиком в годах, но оказался вполне приличным человеком. Он уже пояснил мне, в чем я был не прав. Пришлось согласиться, извиниться и пообещать выплатить виру. В этом деле я оказался не прав со всех сторон.

Остальные пять дней я могу описать так. Пролетели они как один день. Князь взялся за мое воспитание и натаскивание. Осмотрев мой корабль и воинство, остался доволен, учить не стал, а вот в повседневной жизни учил всерьез. Мои офицеры это очень одобряли.

В первый же день я официально принес ему извинения, выплатил причитающуюся виру, так что с этой стороны все было в порядке. Церковь вякнула было про то, что я не крещусь и ни разу не посетил их, но тогда я официально признался, что являюсь мусульманином. Оказалось, среди новгородских бояр и такие были, так что ничего удивительного, отстали.

Воспользовавшись расположением князя, я передел и перевооружил своих людей. Теперь в одинаковой униформе и одинаковой броне — я остановился на кольчугах — они действительно смотрелись как боевые холопы. Мало того, разыскав отличного кузнеца, я договорился с ним о работах. Решил начать с пистолей, если их испортят — ничего страшного, отдал один свой как образец, так кузнец со своими помощниками все восемь пистолетов переделал под кремневые замки. Мои командиры

оценили это новшество, жаль аркебузы переделать времени не хватило. Пришла пора отплывать.

Кстати, князь помогал мне не просто так, выцыганил-таки две шестифунтовые пушки на колесном ходу. Теперь у него будет своя полевая артиллерия. Синицын за мзду малую обучил четверых способных молодцов основам артиллерийского дела. Князь после моих рассказов очень серьезно отнесся к этому оружию. Пушки и тюфяки на крепостной стене, конечно, были, но к ним у воинов было предубеждение, не считали их серьезным оружием. Хотя в прошлых войнах оно себя очень хорошо показало.

Это еще не все, артиллеристов у меня по сути не было, поэтому я и озаботил Синицына подбором молодцов. Искали парней от четырнадцати до семнадцати лет, смышленных и желательно сирот. Таких в Нижнем хватало. Олег за пять дней нашел одиннадцать мальчишек, согласившихся пойти ко мне в услужение. В боевые холопы им по возрасту было еще рано, поэтому взяли просто помощниками канониров, отроками. Синицын их теперь серьезно натаскивал. Ничего мальчишки, смышленные, схватывали все на лету. Когда они сбрасывали свои обноски и примеривали срочно заказанную униформу — это надо было видеть. Такая гордость сквозила в их движениях. А когда они получили пояса с ножами, обеденными лежками и, главное, с легкими саблями, то вообще пребывали в эйфории.

По моему совету, вернее приказу, Синицын сформировал из них три полнокровных расчета, усиленно тренируя. Пока, конечно, без практических стрельб, зарядил-разрядил выстрелом, но зато на скорость это очень повлияло.

В общем, прощались мы с князем на пристани сердечно. Напрягало только неоднозначное отношение ко мне церкви и так и не проявившийся хмырь-святоша.

Князь перед расставанием подарил мне отличную кольчугу двойного плетения. Не знал, что у меня в каюте в одном из сундуков, хорошо смазанные маслом, лежат три похожих кольчуги из сокровищницы начальника стражи Кырыма. Но подарок я взял, чего отказываться-то? И так меня на две пушки поимели, но тут они действительно были нужны.

Немцов в новенькой синей униформе и с красными лампасами на штанах командовал отходом.

Я помахал провожающим. Проводить меня вышли если не полгорода, то треть точно. Видимо, хотели убедиться, что я действительно уплываю.

Перед отплытием меня тихо отвел в сторону Ветров и шепнул на ухо, что по начавшим резко циркулировать слухам, мой ушкуй просто набит золотом.

— Это не наши проболтались, — честно сказал он.

— По пьяни в принципе могли... Но ты прав, я догадываюсь, чьи уши тут торчат. Святоши решили меня убрать по-тихому. Ладно, по ходу дела разберемся. Следующим крупным городом, где мы остановимся на пару дней, будет Москва. Так что у них только два выхода: перехватить нас по пути или после.

Как только Нижний скрылся с глаз, я, позевывая, спустился в свою каюту. Прежде чем лечь отдохнуть, почистил пистолеты, провел заточку и смазал маслом сабли. Убедившись, что оружие под рукой, я лег спать. Время было утреннее, но я не спал почти всю ночь, улаживал кое-какие дела, поэтому и решил придавить набитую пухом подушку до обеда.

По плану Соловейчик шел первым, Прохоров последним, команда моя знала, что делать в нештатной ситуации, так что уснул я вполне спокойно. Старшим я назначил Ветрова, пусть командует. Если надо, разбудят.

Две недели до Москвы мы шли без приключений, но как по враждебной земле, со всеми предосторожностями и охранениями. Поэтому никаких стычек с бандитами и речными разбойниками не было. Чтобы сократить путь, купцы вели нас по разным рекам, поэтому пришлось пройти два волока. Но как бы то ни было, мы все же прибыли в будущую столицу России, Москву.

«М-да. И это Москва?!» — озадаченно смотрел я на деревянный город. Каменных строений там было дай боже пару штук. Кремль я не считал.

По словам новгородского князя Михаила Курбского, правил в данный момент великий князь московский Иван III Васильевич сын Василия II Васильевича Темного.

— Что-то, боярин, служивых на берегу много, да и судов тоже, — проговорил стоявший рядом Немцов, продолжая рассматривать порт в подзорную трубу.

— Похоже, в поход собираются, — добавил Ветров, он пользовался третьей, запасной трубой.

— Наверное, Казань брать хотят, — пожал я плечами.

— По времени поздно уже. В Нижнем слух был, что на Великий Новгород царь хотел пойти. Только верить купчишкам я бы не стал. В такие походы зимой ходят.

— Да? Хм, пристанем — узнаем. Давай за Соловейчиком. Он обещал

бесплатно своей личной пристанью дать попользоваться.

Ушкой Прохорова ушел в сторону за две стоявших на якоре ладьи, у него было свое место стоянки. Мы попрощались еще во время обеда в шести километрах от города, так что только помахали им вслед руками.

Пристань купца располагалась недалеко от рыбачьих, поэтому неповторимый запах рыбы просто шибал в нос. Не особо приятное соседство, но делать нечего. Халява, она и в Африке халява.

— Долго задерживаться не будем, закупим припасы — и все. Авдей, отправь лазутчиков в город, пусть разузнают, что происходит. Отходим до наступления темноты, ночевать мне тут что-то расхотелось, — скомандовал я, осмотрев припортовые строения, и добавил: — Пойду-ка я осмотрюсь.

Но не успел сделать и шага, как мне преградили путь.

— Боярин, — проникновенно начал Корнилов, — может, не надо? В Нижнем тебя полгорода ловило, хочешь, чтобы так же и в Москве было?

— Надо, Авдей, надо, — ответил я. — Скучно мне тут, две недели на судне уже. Ноги хочется размять.

— Хорошо, но тогда пойдешь под присмотром. Я распоряжусь.

— Ну ладно, — пожав плечами, согласился я. Как с ребенком возятся. Это не я нахожу неприятности, а они меня.

Ветров выделил мне шесть воинов и еще четырех мальчишек-канониров. Все они были в зеленой униформе, с красными лампасами на штанинах, и их бравый вид привлекал к себе внимание.

— Ну что? — ступая на бревенчатый настил пристани, весело спросил я, потирая руки. — Кто мне скажет, где тут царская сокровищница?

Воины шутки не поняли. Споткнулись и усталились на меня с открытыми ртами.

— Ладно, пошли, — махнул я рукой и направился к ладье Соловейчика, его судно стояло дальше, у самого берега.

Тепло распрощался с купцом. На предложение погостить у него честно ответил, что к вечеру уйду дальше. Купец просил не забывать его и выбил обещание, что если буду в Москве, то переночую у него.

В городе шла подготовка к походу, сновали служивые, воины. Было много прохожих, детвора с криками бегала по улицам.

Я со своими сопровождающими органично влился в людской водоворот.

Погоуляв по улицам и полнобовавшись бревенчатыми избами и теремами, мы вышли к большому базару. Он находился в восточной части

города. Там я заметил ряды, где стояли иностранцы. Это меня заинтересовало.

— Господин что-то желает? — спросил меня англичанин. Количество моей свиты его впечатлило, вот он и принял меня за отпрыска знатного рода.

— Морские приборы, дальние трубы, навигационные инструменты? Огнестрельное оружие? — зачастил я.

— Лучшее оружие у герр Фридриха, его лавка вон за тем рядом. За углом. Насчет морских приборов даже не знаю, что вам посоветовать, — задумался англичанин. — Попробуйте обратиться к месье Лифшицу. Он недавно прибыл с товаром, может, у него что и будет. Видите лавку под синим навесом? В ней стоит седобородый старичок, это он и есть.

— Спасибо, — поблагодарил я его, дав за информацию мелкую серебряшку.

Цены в Москве, конечно, были не те, что в Нижнем, но количество и качество товара оказалось существенно выше.

Месье Лифшиц ничем мне помочь не смог, но зато у него было аж шесть подзорных труб, от маленьких карманных до больших морских. Задавив жабу, я купил все что было, заодно приобретаю кофр для переноски. У каждой трубы был свой чехол с ремнем, чтобы носить на плече, но в кожаном кофре они тоже неплохо устроились. По крайней мере, не мешали. Передав кофр одному из воинов, я направился дальше. Нужно узнать, что тут есть из оружия. Пушки на базаре вряд ли найдутся, но вот ружья и пистолеты приобрести я считал возможным. Должны они уже тут быть.

Лавку герра Фридриха Штольца мы обнаружили быстро. Англичанин не ошибся, основной огнестрел сосредоточился именно у этого рыжеволосого немчика.

— Добрый день, что желаете?

Я задумался, повариантно прикидывая, что мне бы хотелось:

— Первое — джакузи и трех знойных мулаток. Второе — лучшего массажиста. И плазменный телевизор с множеством фильмов.

— Простите? — с недоумением переспросил немец.

— Ты не про это спрашивал? Ну тогда меня интересует оружие.

— У меня отличный выбор, — сразу же улыбнулся воспрянувший духом торговец.

— Ну-ну. Сейчас посмотрим. Воронов! — скомандовал я десятнику. — Присмотри тут, как и что.

— Хорошо, боярин, — кивнул воин, сверкнув лучиком света,

отразившимся от шлема.

Оставив охрану на улице, я вошел в пахнущую железом и маслом лавку. На стенах и прилавке блестело сталью колющее и рубящее оружие. С интересом осмотрев его, я сказал:

— Меня интересует только огнестрельное оружие. У вас оно есть?

— О-о-о, юноша разбирается в подобном оружии?

— Есть немного. Так как?

— Честно говоря, это не ходовой товар, за три года купили всего пару пистолетов и одно кавалерийское ружье. Поэтому я убрал его с прилавка, оно у меня на складе.

— Неси.

— Что именно вас интересует? — осторожно задал вопрос торговец, даже, кажется, затаив дыхание.

— Ну, наверное... все! — пожал я плечами.

— Марек! — тут же крикнул немец, и почти сразу скрылся за дверью, наверняка там и был склад.

Пока торговец освобождал один из прилавков от колюще-режущего оружия, сын торговца носил огнестрельное.

Всего было одиннадцать ружей и двенадцать пистолетов. Все фитильные. Ну, это не проблема, мы уже успели убедиться, что переделка возможна.

Ружей оказалось два типа. Восемь навроде аркебузов, только приклады другие, да и компоновка была не похожая на наши. Три — те самые кавалерийские. Короткодульные с расширяющимися горлышками, чтобы можно было на ходу сыпать порох и дробь. Отличное противоабордажное оружие для команды. Ружья пойдут стрелкам, кавалерийские для команды. А пистолетами я решил оснастить артиллеристов. Мальчишки уже показали себя в тренировочной стрельбе, так что пусть будут вооружены и огнестрелом. По два на всех не хватит, но и по одному пистолетов тоже неплохо.

Я быстро осмотрел оружие на износ и качество. Оказалось новье не стреляющее.

— Цена за все? — спросил я, делая вид, что меня оружие не устраивает.

— Шесть золотых, — выдохнул торговец.

— За лежалый товар? — скептически спросил я. — Десять серебряных монет.

— Шесть золотых, — стоял на своем торговец.

Хмыкнув, я направился к выходу.

— Стойте!.. Пять?..

Остановившись у двери, я сделал вид, что задумался, и нехотя выдавил из себя:

— Золотой.

— Четыре золотых!

Торговались мы еще почти час, пока не ударили по рукам. Покупка оружия мне обошлась в три золотых и две серебряных монеты. Еще ползолотого за припас к нему. Правда, у продавца было всего два бочонка пороху.

Перед покупкой я осмотрел товар, все было в комплекте, и пулелейки, и мешочки для пуль и пороха, и чехлы для пыжей, и шомпола, закрепленные под дулами.

Поэтому, оплатив покупку и загрузив ящиками нанятую телегу, в сопровождении воинов я направился обратно в порт.

«Надеюсь, Федор успел закупить продовольствие и запасной парус. Нужно уходить, стемнеет часа через четыре, а еще нужно отойти и найти место для ночевки», — размышлял я, пока не увидел на перекрестке Виктора Беззубова, одного из наших мальчишек артиллеристов, интенсивно крутящего головой.

Недоброе предчувствие кольнуло сердце. Увидев, что Беззубов поворачивает голову в нашу сторону, я махнул рукой, привлекая к себе внимание.

— Что? — спросил я, когда он подбежал.

— Дядя Кирилл вернулся на судно. Сказал, что войско царя на Великий Новгород идет. Дядя Федор меня за тобой послал, боярин.

«Дядя Кирилл» — это был Кирилл Михайлов, мой главный лазутчик.

— Возвращаемся, — скомандовал я, и мы, прибавив шаг, направились к порту. Беззубов смылся, он побежал собирать остальных мальчишек — меня искали пятеро, повезло пока одному.

Только что прибыло заказанное продовольствие. Настил пристани был выше палубы ушка, на который как раз грузили мешки с крупой, сушеным мясом и свежей зеленью, а мои люди перегружали их в трюм. На захваченном испанце хватало продовольствия, но большую часть мы оставили на галере, там было много едоков, так что приходилось его постоянно закупать. Пройдя мимо Немцова, расплачивающегося с продавцами деньгами из судовой кассы, я велел Ветрову принять новое ручное оружие и начать выгрузку.

Нанятая телега с грузом, стуча колесами по настилу, вслед за нами подъехала к «Беде». Пристань была широкая, грузовая, никак не меньше

десяти метров в ширину, поэтому телеги разошлись нормально. Две повозки, которые доставили продовольствие, как раз отъезжали. Спрыгнув на палубу ушкуя, я скомандовал Михайлову, который сидел на одном из мешков с крупой:

— Докладывай, что там?

Пока мои сопровождающие разгружали оружие, Ветров уже инспектировал его. Прикидывая, кому что выдать.

— Царь решил идти на Новгород. Говорят, те слишком много вольностей себе взяли, отказались царю на верность крест целовать. Вот он и решил навести порядок. Шесть лет назад, помнится, он уже ходил на Новгород, посадника тогда казнил, многих бояр живота лишил.

— Ясно. Отходят когда?

— Большая часть ушла сегодня утром. Не застали мы их. Готовится еще один речной караван, повезут припасы. Уходят завтра. Еще три сотни ушли верхами, — предельно коротко ответил мне лазутчик.

— Угу, — задумчиво протянул я, мысленно прикидывая дальнейшие шаги. Как это ни смешно звучит, но мне нельзя допустить, чтобы царь дошел до Новгорода. Он мешает моим планам.

Встряхнувшись, я стал командовать. Распределил оружие. За две последние недели, несмотря на первичную боязнь, огнестрельным оружием научились пользоваться все. Велел Немцову командовать отходом, пока его зам распределял продовольствие по трюму.

Оттолкнувшись шестами, мы отошли от пристани, и гребцы заработали веслами — на парусах идти было невозможно, слишком большое движение в порту и ближайших руслах реки. Отойдем подальше, и когда русло станет свободнее, поставим парус.

Команда работала с охоткой. Им тоже не нравилось соседство с рыбным районом, поэтому мы и взяли довольно шустрый старт.

— Нужно догнать войско царя... Что? Ну, великого князя, хотя пусть лучше будет царем. Мне так привычнее, — велел я Немцову, потом повернулся к Михайлову, он сидел на последней лавке, ворочая тяжелым веслом. Воин старался работать при любой возможности, понимал, что нужно держать себя в форме. — Какова численность царева войска?

— Точно не известно... но по разным источникам не более тысячи... Малая дружина... — Михайлов отвечал короткими фразами, чтобы не сбить дыхание.

— Количество судов?

— Почти шестьдесят... Еще двадцать во втором караване... — добавил он в конце.

— Угу, далеко они не должны уйти. Большая масса судов, ход не быстрый, — снова повернувшись к кормчему, спросил: — За ночь догоним?

— Догоним, — уверенно ответил он.

— Хорошо. Разбейтесь на смены, кто дежурит ночью, а кто сейчас, свободная смена пусть отдыхает. Если что, я у себя.

Нам уже приходилось идти ночью, ничего необычного в этом нет. Конечно, можно столкнуться с судном, стоящим на якоре или с топляком, но команда у меня спаянная и умелая. Ничего, будем надеяться, происшествий за ночь не будет.

— Светает, боярин, — разбудил меня вахтенный.

Зевнув, я приподнялся на локте и первым делом спросил:

— Догнали?

— Ночью, чуть не столкнулись, почти на километровую длину у берега одни суда стояли. Хорошо еще, что Мишка-каменщик стоял с шестом, успели от двух увернуться. Кричали вслед, остановить пытались, да куда там. Ушли мы, хорошо еще темнота да ветер помогли.

— Далеко мы от них?

— Как и велено, на три версты отошли и к берегу приткнулись.

— Хорошо. Пусть команда отдыхает, лазутчиков пошлите в сторону лагеря царя. Пусть пару отроков из пушкарей возьмут как связных, тех, что быстро бегают. Будут сообщать через них о лагере царя.

— Хорошо, боярин, — слегка поклонился ушкуйник и вышел.

Отличная мне команда попалась, понимают, что я что-то задумал против царя, но не препятствуют.

После водных процедур и игр с Лаской — кстати, заметно выросла девочка — я вышел на палубу.

У кормы собрались все мои офицеры. Лазутчиков не было видно, видимо, уже ушли к лагерю царя.

— Значит, задача у нас такая: не дать свершиться походу царя на Новгород... Нет, Глеб, убивать никого не надо. Уничтожим их транспортные средства, вот поход и отодвинется на неопределенное время. Конники одни в Новоград не сунутся. В данный момент этот поход мешает моим планам, поэтому он и не должен закончиться благополучно. Всем все ясно?

— Ясно, боярин, — согласился за всех Ветров.

— Тогда начнем действовать, когда появятся свежие сведения, а пока готовим оружие. Олег, — отвел я Сеницына в сторону, — нужно

изготовить штук десять пороховых изделий. И называются они — фитильные бомбы...

В первый день мы, естественно, не напали, да и глупо было бы. Нет, следуя на отдалении, впереди каравана, мы в течение трех дней тщательно изучали охрану лагеря во время стоянок, прикидывая, что и как делать.

Мне понравилось, что суда стояли борт о борт. Это существенно повышало наши шансы. Действовать мы решили ночью.

— Тихо? — спросил я метнувшуюся в нашу сторону тень.

— Да, боярин, — горячо прошептал мальчишеский голос.

— Отлично. Все, вы свое дело сделали, уходите на судно и ожидайте нас.

— Хорошо, боярин.

Шесть фигурок скрылись в кустах. Им еще три километра идти вдоль берега, чтобы добраться до ушкуя. Лазутчики и мальчишки молодцы, сумели разобраться, где стоит судно, на котором находится царь.

За три дня они всех кормчих царской флотилии чуть ли не по именам знали. Пару раз мальчишек ловили — в войске царя тоже есть умелые воины. Но мальчишки, честно глядя в глаза дозорным, отвечали, что они вон с той ладьи, мол, до ветру отходили. Если учесть, что друг друга они в лицо не знали, то прокатывало, но долго так везти не могло, поэтому я и решил действовать сегодня ночью. Причем так, чтобы это посчитали несчастным случаем. Нельзя, чтобы царь подумал на новгородцев, нулевого утопления в Волхове мне не нужно. Первого еще вроде не было. По крайней мере, мои люди об этом не слышали.

От бомб я отказался, хоть в пороховом погребе на ушкуе лежали двенадцать готовых образцов. Ничего, не пригодятся сейчас, придумаем, где их использовать. Нашим оружием были крынки с земляным маслом, которые использовали для освещения. Охрана флотилии пользовалась факелами, чтобы освещать стоянку, были и масляные светильники, они находились на судах. Вот под них я и решил работать. Почему сегодня? Прежде всего, потому что именно этой ночью дул достаточно сильный и устойчивый ветер.

Вода была теплая, все-таки лето, хоть и начало. Держа над головой крынку с маслом, я плыл к ближайшему судну. Это был большой насад.

Так как никто кроме меня плавать не умел, пришлось браться за дело самому.

Подплыв с наветренной стороны к судну, я осторожно коснулся влажного борта, о который билась высокая волна. Ухватившись одной

рукой за борт, я подтянулся и осмотрел палубу. Отлично. Двое из команды спали на самодельных матрасах. Остальные, включая воинов, расположились на берегу. Как всегда. Часовой прохаживался по корме рядом с масляным светильником. Аккуратно открыв крынку, я еще раз выглянул посмотреть, где часовой, и осторожно вылил масло на палубу.

Одной крынки было мало, требовалось не меньше трех, поэтому я поплыл обратно к берегу, все три крынки я бы просто не утащил, они своим весом утянули бы меня на дно. Поэтому и пришлось делать несколько рейсов. Из второй я полил палубу второго судна, ушкуя, как я успел определить, из третьей крынки облил борта и палубу третьего судна.

Ну все, затравка для огня готова, остальное доделает ветер. Убедившись, что все тихо, и моя водная одиссея не замечена, я вернулся обратно к первому судну, где часовой, кутаясь в плащ и зябко поводя плечами, ходил у правого борта.

Вытащив метательный нож, я прикинул, как буду бросать его, чтобы сбить светильник на палубу. Эти светильники были довольно дорогими штуками. Не на всех судах они были, но на этом висел. Их конструкция представляла собой коробку со стенками из плохого стекла. На ветру огонь горел отлично, и они пользовались устойчивым спросом. Как пояснил мне Немцов, изготавливали их во Владимире.

Тут произошло то, чего я никак не ожидал: часовой по неизвестной причине перешел на левый борт, под которым я и прятался. Причем этот парень наступил в разлитую лужу масла. Дальнейшее закономерно: короткий вскрик — и пытающийся удержать равновесие часовой летит на палубу. Пытаясь удержать равновесие, он, взмахнув рукой, сбил светильник, отчего тот слетел с держателя и разбился о палубу.

Прозвучал крик заживо горящего человека, но и тут бедняга меня удивил. Не переставая кричать, он перевалился через борт и обрушился в воду.

Одновременно с этим сперва одно, потом второе, третье и так далее начали вспыхивать суда. Те, кто спал на палубах, едва успевали выбраться на берег. Зачастую в одном белье.

Я в это время, под вопли встревоженных часовых и стенания владельцев горящих судов, за шкуру тащил потерявшего сознание часового. Он камнем шел ко дну, когда я его подхватил, похоже, парень просто не умел плавать.

Оставив часового на берегу, так, чтобы он полулежал по пояс в воде, со стороны может показаться, что он сам выбрался, я направился к своим людям. Они должны были отойти подальше к берегу, где рос кустарник.

Было уже светло, как днем, крики не смолкали, поэтому я быстро нашел своих, и мы вчетвером направились обратно к ушкую. Посмотрим, что будет, справился ли я с поставленной задачей. Вернется царь в Москву или нет.

— Что там за крик был? — спросил меня Михайлов, это он командовал тройкой воинов, помогавших мне.

— Часовой поскользнулся на масле, которое я разлил, и сбил светильник.

— Бывает же такое! — в недоумении покачал головой лазутчик.

— Простое стечение обстоятельств.

— Он сгорел?

— Нет, успел прыгнуть вводу, только плавать не умел, пришлось самому его вытаскивать, благо он потерял сознание.

— Сильно обгорел?

— Да не, одежду подпалил да бороду. Еще руки. Волдыри были, а так ничего серьезного. Вроде никто кроме него не пострадал, часовые вовремя крик подняли. Ты не видел, сколько судов сгорело?

— Видел, штук шесть, на которые огонь перекинулся, потом ушкуйники начали рубить веревки и отходить от берега. Дальше светло стало как днем, глаза слепило, но, мне кажется, половину судов они спасти могли. Точно только завтра узнаем.

— Ну и ладушки.

Ушкой стоял в протоке, скрытой со стороны реки густо растущими ивами, так что мы не опасались, что нас заметят.

Добредя до судна, мы легли спать. Прежде чем отправиться в свою каюту, я отдал несколько распоряжений. Нужно будет послать завтра лазутчиков к стоянке царя, чтобы осмотрели и определили, пойдут они дальше или нет, и организовать дозоры.

— Тверь показалась, боярин, — сказал Немцов, отвлекая меня от наблюдения за встречным судном.

— Вижу.

— Останавливаться будем?

— Придется. Экипажу нужен отдых, да еще у нас восемь человек из этих мест. Пусть к родным съездят, проведуют. Сам родственников навести, почитай год на родине не был.

В это время приблизился встречный ушкой. По традиции мы сблизилась, чтобы обменяться новостями. Стандартная процедура, для того чтобы узнать, что обоих ждет впереди.

— Как?! — крикнул встречному судну Федор.

— Чисто. А у вас?

— В дневном переходе выброшенная на берег часть ладьи. Похоже, с топляком столкнулись. Разбойников не встречали, но чужие следы на стоянках видели.

— Ясно, спасибо!

— И вам.

Если течение и скорость слабые, то можно обменяться несколькими фразами, вот как сейчас, но бывало, только и успеешь крикнуть или «чисто» или «бойся».

Мы уже несколько дней находились на территории княжества, которое не входило в протекторат Москвы. Правил там некто великий князь Тверской Михаил Борисович. Часть моей команды были из этих мест, и несмотря на то, что мы спешили, я решил дать отдых своим людям.

С флотилией царя мы разобрались. Лазутчики доложили, что погибшие все-таки были, некоторые не успели выбраться на берег. Быстро распространившийся огонь перекрыл им дорогу. Единственный выход — только в воду, шестеро выплыло, двое утонуло. Сгорело шестнадцати судов, обгорело восемь, команды сумели потушить очаги пожара. К вечеру подошла вторая флотилия. Чтобы царь не продолжил поход, я немного схитрил. Передел двух мальчишек в обычные штаны и рубахи и направил их к объединившимся флотилиям, которые стояли на два километра ниже по течению от того места, где случилась трагедия.

Задача у диверсантов была простая — переходя от костра к костру, где сидели команды сгоревших судов, пускать слух, что поход проклят, и дальше начнут гибнуть люди. Слова мальчишек быстро подхватили, причем именно те, кто потерял имущество на сгоревших судах. Пока со скоростью пожара распространялись слухи, мои лазутчики беспрепятственно вернулись на ушкуй. Противник не знал, что такое информационная война. Флотилия стояла еще два дня, потом развернулась и двинулась обратно. В ней оказалось слишком много суеверных.

— Ты местный, так что думай, где лучше поставить судно, причем так, чтобы можно было немедленно уйти, — велел я Немцову. Он действительно был местным и знал порт как свои пять пальцев. Я успел в этом убедиться, когда мы, вместо того чтобы переть в лоб против ветра, подошли к берегу, где течение подхватило нас и понесло сразу к причалам.

— Это пристань барина Боброва, казначея князя. Тут лучшее место, хоть и дорого по сравнению с другими.

— Нормально, причаливай, — велел я и направился в каюту. Нужно переодеться в выходную одежду.

Как только я вошел, Ласка тут же кинулась мне под ноги, чуяла, что скоро гулять пойдем, привыкла носиться вокруг стоянок да играть с мальчишками-пушкарями.

Потрепав ее по холке, я быстро переоделся и вышел на палубу.

В это время ушкой как раз подошел к причалу, на котором нас уже ждал хозяин, чтобы получить мзду и узнать, кто прибыл. В отличие от других городов, в Твери проходила регистрация вновь прибывших.

Команда уже была разбита на смены: кто останется на судне, а кто пойдет отдыхать в ближайшие кабаки. Естественно, местные в эти смены не входили. Их отпустили на все пять дней, отсыпав меди и серебра, чтобы поддержать семьи.

Немцов быстро уплатил пошлину и провел регистрацию, служащий, высунув от напряжения язык, записал мои данные на берестяной коре. После прохождения процедуры таможи мне снова выделили охрану из шести воинов — четыре старших и двое мальчишек-отроков.

— Куда сперва, боярин? — спросил командир второго десятка стрелков Петр. Он в данный момент руководил моей охраной.

— Зайдем в трактир, хорошенько поедим. Пирогов что-то хочется, потом после баньки можно и по городу погулять... Рядом, — велел я Ласке, которая, дергая поводок, крутилась у ног.

— Хорошо, боярин.

Городок был симпатичным, даже красивым. Белые стены кремля, золотые купола церквей на голубом фоне неба. Лепота. Те, кто местные из команды, включая Немцова, быстро распрощавшись, уже уходили в сторону города.

Еще бы, сколько родственников не видели? За старшего на судне остался Корнилов, Ветров отправился в город, узнать новости. Синицын — в сторону пушкарского приказа, узнать насчет покупки пороха, да и свинца прикупить. Мы изрядно потратились в учебных стрельбах, о чем я ни капли не жалел. Мастерство пушкарей росло не по дням, а по часам.

Свободные от дежурства воины мелкими группками разбрелись по порту в направлении города, решая, как начать отдыхать.

Не отставали от них и мы, шагая в сторону крепостных ворот.

«Надо будет пролетку нанять», — размышлял я, проходя ворота. Нас не остановили и внимательно осмотрели. Особенно огнестрельное оружие, им были вооружены все мои люди. Даже у мальчишек за поясом было по одному пистолету и чехлы с порохом и пулями. Причем стражники видели,

что это для моих людей уже привычное оружие, с которым они свыклись и в полной мере им овладели.

Причем их заинтересовало не только оружие, но и сбруя. Намучившись с поясами, я нашел шорника из команды и дал ему задачу. Так что теперь у меня и у всех моих людей были наплечные ремни, поддерживающие пояс. У кого один — у форсистых их было два. Все уже оценили удобство наплечных ремней.

Я вооружил воинов для выхода в город несколько избыточно, поскольку решил подстраховаться от неожиданностей. У каждого было по ружью, мечу, плюс ножи. Про кольчуги и шлемы я уже не говорю. Да и форма ясно показывала, что это воинский отряд, но, как я уже говорил, в город нас пропустили беспрепятственно.

Мальчишки, кроме пистолетов и ножей, имели небольшие татарские сабли. Как раз под их руку. Владели они ими еще на уровне младшего ученика, но пять основных приемов из восьми выучили почти до автоматизма. Так что, считай, вполне умелые воины, учил-то я их сам.

Узнав, где находится лучшая таверна, мы направились туда. После баньки, пока наши вещи стирали и сушили, мы, завернувшись в подобие простыней, сидели в отдельном кабинете трактира.

Я снял на третьем этаже трактира комнаты, себе отдельную, людей поселил по двое, так что переночевали мы там. Кстати, мне местные бани не очень нравились, сколько ни парился, ни одной построенной по-белому, только по-черному. Может, местные и привыкли, но когда я пару раз измазался о сажу, что скопилась на стенах и потолках, то как-то охладел к этому делу. Да и щелочь вместо нормального мыла и шампуня тоже начинала доводить. Где современные удобства? Где белый фаянсовый друг? А-а-а, хочу теплый туалет, а не дырку в полу!

Хорошо еще, что я знал, как класть печи. Деду помогал в деревне, когда пацаненком был, сколько времени прошло, а помню.

«Надо будет озаботиться покупкой нормального мыла. Вроде иностранцы на торгу тоже есть. После завтрака сходим узнаем, может, еще огнестрела прикуплю, наверняка есть, — размышлял я, сидя в трапезной вместе со своими людьми и наворачивая мясные пироги со сбитнем, тут уж я напился его вволю. — Нужно узнать, есть ли тут жидкое мыло, как шампунь использовать. Еще подозрные трубы присмотреть. Конечно, теперь у всех моих офицеров есть личные, подарил, да лазутчикам еще. Им нужно, но неплохо бы еще прикупить».

После плотного завтрака я снял комнаты на пять дней, часть личных вещей оставил в своей, потом мы спустились со второго этажа вниз,

прошли общий зал и вышли на одну из главных улиц Твери.

— Куда пойдём, боярин? — щурясь, как довольный кот, спросил у меня десятник.

Мне трактирщик жаловался, что из их с напарником комнаты всю ночь слышался смех, зачастую женский, и разудалые песни. Отвели-таки душу воины.

— На рынок, куда же ещё? Нужно закупить ряд ценных вещей. И найди наемную пролетку. Надоело пешком ходить, не по-боярски это.

— Хорошо. Сергей! — окликнул он одного из мальчишек: — Слышал боярина?

— Да, господин десятник.

— Одна нога тут — другая за пролеткой. Бе-егом!

Мальчишка сорвался и рванул куда-то по главной улице, мы же неспешно направились вниз, где, как нам сообщили, находился самый крупный вещевой базар. Через минуту нас нагнал стук колес, обернувшись, мы увидели, как в большой повозке устроился довольный посыльный. Мы все уместились в ней и с удобствами доехали до рынка.

За три часа мы обошли половину торговых рядов и закупили то, что нужно. Девять пистолетов, шесть ружей. Ружейного пороху два бочонка, свинца восемь прутов по десять килограммов каждый. Также я купил два килограмма твердого мыла и шесть литров жидкого в двенадцати запаянных кувшинчиках. Пусть будет запас.

После покупок мы съездили на ушкуй, где сдали все вооружение Сеницыну, они с Ветровым распределят по свободным людям, сформировав третий десяток стрелков. Пистолеты пойдут лучникам для непосредственной защиты.

Убрав мыло в один из сундуков в своей каюте, я вышел, сел в пролетку и велел кучеру возвращаться в город. В этот раз со мной поехали другие воины из охраны. Произошла пересмена. У меня еще были планы в городе, думал бабенку какую найти. А то спермотоксикоз уже постучался в ворота и фактически выбил их. Нужно сбросить напряжение, раз двадцать, думаю, за эти четыре дня успею.

В Твери такого мастера, как в Нижнем, я не нашел, поэтому пока переделка оружия под кремневые замки была невозможна. Никто не брался за столь тонкую работу. Был один кузнец, на него все кивали. Так он еще две недели назад уехал проведать родственников в Москву. Ветров и многие воины намекали, что фитильные ружья это позапрошлый век, даешь кремневые, но пока с переделкой придется погодить. Даже Сеницын

говорил про такой замок на пушки, все лучше, чем фитилем пользоваться. Я обещал подумать, хотя что тут думать? Делать надо. Мастера-кузнеца искать. Будем надеяться, что в Новгороде такой найдется.

Четыре дня я отъедался и отдыхал душой и телом. Бабенку я все-таки нашел. Случайно, во время прогулки повстречал у церкви девку с шальными глазами. Она оказалась вдовушкой, живущей в районе корабельных мастеровых, это в северной части города. Она была швеей, надо же как-то кормиться. Так и познакомились. Пришел пошить пару шелкового белья, а дальше закрутилось. Хоть она очень сопротивлялась, оказалось, ей промыл мозги местный поп. Мол, грех. Сволочь. Но с другой стороны, молодец, после мужа мужиков она не привечала, гоняла от себя. Меня тоже пыталась, но куда там ей? Ничего, правда, к своим двадцати годам она была слишком неопытна, да и что там, всего-то два года семейного опыта, даже детей не завели.

В общем, из Твери мы уходили с печальными лицами. Полина мне понравилась, но уж больно она была набожна, после любой нашей встречи бежала в церковь молиться, поэтому, несмотря на ее роскошное тело, расстался я с ней без сомнений.

Многих моих людей провожали семьи. С Немцовым пришли все его родственники, аж двадцать человек. Долго они стояли и махали нам вслед, когда мы отходили от причала. На глаза некоторых воинов, преимущественно местных, наворачивались слезы.

— Как отдохнули, Федор? — спросил я кормчего, который, с усердием занимался навигацией, видимо, чтобы отвлечься от тяжелых мыслей. Расставаться с семьей, хоть и не на большой срок, тяжело.

— Хорошо, боярин. Младшенькая уже и ходит, и говорит. Меня вот не узнала, — вздохнул он.

Кормчему было тяжело. Пять детей, жена, его и ее старики, все на нем. Еще семья брата, но тот имел лодку и рыбачил — хоть какой-то доход. Тот во время отсутствия брата помогал его семье. Ну а так как Федор вернулся довольно обеспеченным человеком, на серебряный рубль можно было и деревеньку прикупить, то расплатился с братом подарками, дом старый продал, купил рядом с доплатой, но больше и новее. На остатки умудрился найти небольшой ушкуй, который теперь принадлежал ему и брату пополам. Они собирались заняться перевозками по рекам. Купцов, не имеющих своих кораблей, но желающих нанять такое судно немало, без хлеба не останутся. В общем, хорошая задумка. Пока Федор со мной, на ушкуе кормчим будет ходить его брат, в команде старший сын Фрол. Пусть постигает науку, четырнадцать весен все-таки.

С остальными тоже все благополучно, кто поддержал семью деньгами, кто купил новый дом, скотину. Подарки родным. В общем, отошли от пирса мы в умиротворенном состоянии.

Даже я себя сумел порадовать подарком. Не поверите, настоящая испанская гитара, правда гриф немного непривычно изогнут и струны из кишок, а звучание даже лучше. Перебор был классического звучания. Короче, классное приобретение, сколько раз я вспоминал свою семиструнную, что осталась в Союзе.

Пока меня не было, Сеницын в городе нашел еще четверых помощников из мальчишек. Тоже сироты, и тоже помышляли воровством и кражами. Перевоспитаем, не впервой. Поступил он просто, выпустил большинство мальчишек-пушкарей в город с наказом восхвалять меня, а одеты-то они по местным меркам богато. Вот они, покупая на базаре сладости, и рассказывали, как им хорошо под боярином и как интересно. Дальше Олег только отбирал лучших. Вот четырех и отобрал.

Отроки мне понравились, их смышленные, живые глаза давали понять, что это то, что нужно. Дуракам у пушек не место.

После принятия присяги Сеницын отвел новеньких на бак, где их раздели, помыли и выдали запасную униформу — я закупил десять лишних на замену. Сами понимаете, дети. Быстро порвут. Так что скоро у меня стало вместо трех расчетов пять по три человека. Четверо новичков органично влились по одному в каждый расчет. Дальше до вечера мы шли под постоянные команды или Сеницына, или второго канонира Волошина. Они тренировали расчеты. Ветров не отставал от артиллеристов и тоже тренировал пять десятков стрелков и лучников. Я для этого выделил четыре килограмма пороха и десяток свинца. Так что иногда ушкой окутывался дымом, после залпов стрелков. Даже лучники из своих пистолетов сделали пяток выстрелов, привыкая к еще не привычному оружию. Но то, что оно может спасти им жизни, они понимали прекрасно. Были свидетелями не одного такого случая.

Отходя от города километров на шесть, я заметил, что, несмотря на то что команда уже вошла в ритм, воины все равно еще печалятся, вспоминая родных. Незаметно улыбнувшись, я решил проверить покупку и поразить своих людей. Как поют местные, я знал прекрасно, так что разница, думаю, будет существенная.

Когда я открыл дверь, часовой сделал шаг в сторону, чтобы не мешать мне попасть в каюту, изнутри выскочила Ласка и с радостным лаем начала носиться по палубе, ловко уворачиваясь от мальчишеских рук. Забрав гитару, я вернулся на палубу, сел на бухту каната и сделал перебор,

привлекая к себе внимание. На секунду я замер. Не знаю, почему мне пришла именно эта песня, но хотелось спеть именно ее:

Я начал жизнь в трущобах городских
И добрых слов я не слышал.
Когда ласкали вы детей своих,
Я есть просил, я замерзал.
Вы, увидав меня, не прячьте взгляд
Ведь я ни в чем, ни в чем не виноват.

За что вы бросили меня? За что?!
Где мой очаг, где мой ночлег?
Не признаете вы мое родство,
А я ваш брат, я человек.
Вы вечно молитесь своим богам,
И ваши боги все прощают вам... [2]

На глазах мальчишек пушкарей, и ветеранов, и новичков появились слезы. У заряжающего второго расчета Фрола Волкова блестели дорожки слез на щеках, но он их не замечал, неподвижным взглядом рассматривая замершую у моих ног Ласку с высунутым языком. Каждый понимал, что эта песня про них.

Понятное дело, про небоскребы и виллы я не пел, заменив их на терема и дома, а так получилась складная и ладная песня. Настроения петь веселые или радостные не было ни у меня, ни у моих людей. Если бы начал петь, только бы испортил впечатление от первого выступления.

— Следующая песня, да как и первая в принципе, песни моей родины, — сказал я и, тронув струны, взял первый аккорд.

Как упоительны в России вечера,
Любовь, шампанское, закаты, переулки,
Ах, лето красное, забавы и прогулки,
Как упоительны в России вечера.

Балы, красавицы, лакеи, юнкера,
И вальсы Шуберта, и хруст французской булки,
Любовь, шампанское, закаты, переулки,
Как упоительны в России вечера... [3]

Едва я успел допеть и окинуть слегка затуманенным взглядом своих людей, — многие подсели поближе, чтобы лучше слышать, — как из-за близкого поворота реки донеслись крики и звук ударов металл о металл.

Там явно шла схватка.

— К бою! — скомандовал я и передал гитару одному из отроков, велел вместе с щенком отнести ее в мою каюту.

Тот, благоговейно взяв инструменты и подхватив под мышку возмущенную до предела Ласку, рванул к корме.

Одет я был для похода, то есть стандартно, в повседневную одежду — синяя рубаха, зеленые штаны с лампасами, сапожки, кольчуга, две сабли и оба пистолета. Поэтому не стал возвращаться в каюту.

— Кто же это безобразничает рядом с городом? — недоуменно спросил у меня Федор. Он прижал «Беду» к правому берегу, изредка мачтой цепляя ветви деревьев, там течение было слабее, и мы шли более ходко, благо ветер дул устойчивый.

— Тут как раз-то и логичнее. Кормчий расслабился, команда тоже, атакуй — не хочу.

Звуки драки становились все ближе, пока мы поднимались вверх по реке, а когда повернули вместе с руслом реки, то увидели два сцепившихся судна. Одна красиво оформленная ладья, второй, по-видимому, разбойничий ушкуй. С момента начала драки явно прошло не так много времени, минут пять самое большое, но оба судна уже прижало к берегу течением, затолкав в камыши. Проблема, мы с нашей осадкой можем и не подойти, и так уже четырежды садились на мели за время пути.

— Стрелять будем?! — крикнул с носа Синицын.

— Потренируемся в боевой обстановке, — кивнул я.

— Пушки товсь! — скомандовал довольный Синицын, артиллеристы тут же засуетились у пяти пушек. Вот человек, только дай ему пострелять.

Из-за того что у нас было пять расчетов, пришлось достать еще одно орудие. На ушкуе и так места мало, а стало еще меньше.

Мы быстро приближались к сцепившимся судам. Бой уже стихал, и без подзорной трубы было видно, что победили разбойники, хотя пара очагов сопротивления еще оставалось. В это время нас наконец заметили, и прозвучал панический предупреждающий крик. Отчего поднялась паника — и так понятно, с судов было хорошо видно, как сверкают лучи солнца на шлемах моих бойцов. Не купец у меня был, а боевое судно.

— Лучники, беглый огонь, — приказал я. — Постарайтесь помочь тем, кто еще сопротивляется.

Четырнадцать лучников стали прицельно выпускать одну стрелу за другой. Попадания были, я видел, как одно тело упало в воду.

Когда мы приблизились к ним на пятьдесят метров, открыли огонь пушки и стрелки. Картечью снесли десяток разбойников, что были на

ушкуе, полностью очистив его. Три орудия по ним, конечно, переизбыток, но я уже говорил, тренировать, тренироваться и тренироваться. Стрелки палили по ладье, очищая ее. Два орудия были в резерве, пока три разрядившихся быстро перезаряжались.

С громким стуком рядом со мной в мачту впился арбалетный болт. Странно, местные на Руси не любят его. Вот двое арбалетчиков из команды как рожи кривили, пока не узнали, что это такое. Сейчас они у правого борта пускали болт за болтом в противника. Причем еще радостно орали при попадании или ругались, когда оба попадали в одну цель.

Даже мальчишки палили из своих пистолетов, быстро перезаряжая их, так что сближались мы под плотным облаком дыма, ветер не успевал унести его, как тот возникал снова. Стреляли воины постоянно.

Когда мы сблизились, глубина была достаточной чтобы подойти вплотную, я приказал прекратить огонь, но держать ружья наготове.

— Абордажной команде готовность, — велел я.

Два десятка воинов положили ружья на палубу и вынули мечи.

Как только наш борт коснулся борта ладьи, из двух десятков глоток вырвался утробный рев и воины полезли на судно.

После пальбы разбойников практически не осталось, организованного сопротивления тоже. Из сорока татей уцелело всего четверо, они сейчас сидели связанные у борта ладьи, пока мои воины помогали раненым и осматривали оба судна.

Из команды ладьи выжило только трое, два были при смерти, один с рубленой раной плеча, похоже, топором достали. Кольчуга аж вошла в рану. Он еще стоял, поводя бешеными глазами, держа в руках окровавленный меч, видимо, не отошел еще от боя и шока. Этот воин был очень высок ростом и имел пропорции Арни Шварца. Короче, здоровяк еще тот, у меня в команде наберется с десятков атлетов, но этот вообще здоров.

У ладьи была жилая надстройка на корме, куда вела дверь. Разбойники не успели открыть ее, хотя судя по зарубкам и воткнутому в щель топору, пытались.

— Боярин! — подскочил ко мне Ветров с забрызганным кровью лицом. — У нас двое раненых. Одного арбалетным болтом, другого ножом. Метнул тут один. В шею попал.

— В шею? Быстро его ко мне. И всех тяжелых тоже, — велел я.

За время пути я успел немало потренироваться со своими новыми способностями, воды разгонять, как Моисей, еще не научился, хотя, как уже говорил, накопался вволю, но вот лечить и делать пластические операции запросто. Так что я сразу поспешил в матросский кубрик, совмещенный с медотсеком.

Последним принесли здоровяка, я как раз заканчивал оживлять последнего, выдернул болт из плеча и заживил рану. Раненые с ладьи после лечения так и не пришли в себя, сильная кровопотеря. Их сейчас поил из поилки один их членов команды, мой зам по медицине, вернее помощник.

— Клади его сюда... А ты чего сидишь? — спросил я у вылеченного, который с восхищением трогал плечо. — Что есть и пить знаешь. Марш отсюда!

— Хорошо, боярин, — кивнул он и по лестнице осторожно поднялся на палубу.

Здоровяк как раз потерял сознание от кровопотери, хотя мои бойцы и перевязали его, но что толку, если кольчуга на месте, она-то и не давала плотно прижаться повязке к ране, поэтому та и кровила.

Быстро восстановив ему плечо, показал помощнику на здоровяка, чтобы занялся им, и направился наверх.

В принципе за пять минут, что я отсутствовал, пока лечил раненых, ничего особенного произойти не успело. Только был открыт трюм разбойничьего ушкуя, и оттуда мои воины помогали выбраться людям. Видимо, пленникам. Еще Ветров стоял у каюты ладьи и говорил с кем-то через закрытую дверь.

— Что у тебя? — громко спросил я.

— Да вот, тут владельцы ладьи, боярыня с дочкой. Испуганные, двери не хотят открывать.

— Да хрен с ними, пусть сидят. Побитых разбойников в воду, отцепляем ушкой, распределяем команды и идем дальше. В ближайшем городе сообщим о случившемся и легализуем ушкой. Федор, осмотри его. Потом сообщи, что о нем думаешь.

— Хорошо, — кивнул Немцов и вместе со своим помощником перебрался на ладью, а потом на ушкуй, где, сбившись в кучку, собрались бывшие пленные. Их было человек десять.

Воины уже успели сбросить тела убитых разбойников в воду. Перед этим проверив их пояса и избавив от излишков денег. Мальчики помогали им, хоть и были бледными, но не травили, несмотря на то что это был их первый бой.

Трофеи, те, что принадлежали разбойникам, таскали или к нам, или на разбойничий ушкуй. Тела погибших на ладье не трогали, как и их вещи. Подошедший Ветров пояснил, что ладья кроме запершихся в каюте пассажиров имела на борту двадцать два человека. Десять человек команды и двенадцать воинов. Из команды выжил один, из воинов двое. Они, как раз покачиваясь от слабости, с помощью членов команды моего ушкуя перебирались обратно на свою ладью. Пленники были с торговой ладьи, которую захватили тати два дня назад. Оба судна они брали по одной схеме. Помните, я рассказывал, как встречные суда встречаются, чтобы узнать проходимость впереди. Вот главарь и воспользовался этой традицией, и, судя по мастерству его команды, не в первый раз. Отработано все было, слишком ловко и быстро проходило. Я так понимаю, не один десяток судов они таким образом взяли. Ничего не скажешь, продуманная и хорошо спланированная операция. Только вот мы им помешали.

— Так татей топить?

— Не, погоди. Отдадим на расправу в ближайшем городке. Видаки есть, по Правде будем действовать.

— Хорошо. Тогда я их в трюм уберу.

Как только отошел Ветров, подошел Немцов.

— Докладывай, — велел я. Мы вместе перебрались обратно на наш ушкуй и уселись в тени полусвернутого паруса.

— Ушкуй среднего размера, не торговый и не морской. Трюм мал. Больше похож на боевое, однако кают больше, да и удобные они. Непривычное судно.

— Нетиповое, — понятиливо кивнул я.

— Новое, трех лет нет. В Москве строили, знаю я этих корабелов. В общем, хороший и удобный ушкуй.

— Нам подойдет?

— Да, хватит четырех человек, чтобы управиться с ним.

— Ясно. Пока определи на него команду, я отряжу воинов. Если он станет нашим, посмотрим, сможем ли мы его выкупить, то определимся и с командой и с перестановкой пушек. Кстати, вы гнезда усилили? А то одно носовое разнесло к черту после выстрела. Пушка на палубу упала, чуть не придавив отрока.

— Да все они уже вдребезги. Стрелять опасно. Нужно борта усиливать и делать новые держатели, — ответил кормчий.

— До ближайшего города дойдем, пока суд да дело, будете переделывать.

— Хорошо, боярин. С ладьей что будем делать?

— Тут до Твери километров десять. Сдернем с мели, пусть спускаются по течению. Я им не прислуга чтобы еще присматривать. Сами справятся.

— Может, нам тоже вернуться?

— Слышал про поверье, что возвращаться с пути нельзя? Дурная примета?

— Слышал, — вздохнул Федор. — К тому же в восьми километрах впереди будет городок.

С трофеем и ладьей мы разобрались быстро. Тот здоровяк, что был с разрубленным плечом, оказался боевым холопом, десятником тверского боярина Боброва. Того самого, у которого мы снимали место на пристани. Они возвращались из поместья, оно находилось на берегу одной из протоков, и вот попали в руки татей.

Семья Бобровых так и не появилась, поэтому десятник поблагодарил нас, еще раз с недоумением погладил разорванную и окровавленную кольчугу на плече, не замечая понимающих усмешек моих воинов, и стал прощаться. Мы уже сдернули их ладью с мели, и она, разворачиваясь носом по течению, тихо заскользила вниз.

— Уходим, — велел я. Все сразу забегали. Команда и воины уже разобрались, кто на каком ушкуе будет находиться.

На разбойничий ушкуй кормчим ушел помощник Федора, Игорь Вятка, взяв с собой трех членов команды. Еще ушел Корнилов с полным десятком стрелков. Пленники, немного отойдя, оживились.

Прежде чем расцепить суда, мы поговорили с купцом, он был одним из пленников. На пол-лица у него был синяк, получил скользящий удар окованной металлом дубинки. Он согласился идти со мной дальше по течению, я сказал ему, что спешу, хотя он считал, что лучше вернуться в Тверь, как сказал Федор.

Поговорив с ним и выведав, как он попал в плен, мы расцепили суда и небольшой флотилией направились выше по течению.

На следующее утро мы подошли к причалу небольшого городка, где уже стояло три разномастных судна. Ветров ушел в городок, узнать на месте ли глава, а мы стали готовить бывших пленных, разбойников и трофеи к смотру. Часть придется отдать старшему городка, думаю, им будет кто-то из бояр.

Так и оказалось, Ветров вернулся в сопровождении пяти воинов, входящих в стражу городка. Кстати, это оказалось село, хотя и крупное, и называлось оно Михайловка, от фамилии местного владельца боярина Михайлова.

Суд был не обычным, все-таки речных разбойников поймали, поэтому собралось множество зрителей. Возглавлял его хозяин местных земель, кстати, бой был фактически на его земле, так что мы правильно к нему обратились. Видаки есть, взяли с поличным. Так что, разобравшись со случившимся, боярин постановил: татей лишить живота, часть их добычи в казну. На остальное он права не имел, так как было взято нами в бою.

После суда, когда разбойников под радостные и поддерживающие вопли толпы принародно казнили на площади, мы с боярином отошли в сторону.

— Так в чем дело? Трофей, взятый на щит. Твой он... Бумагу? Хорошо. Я скажу писцу, он оформит, — не нашел особой проблемы дородный боярин. Ему кораблик на фиг не сдался. Поэтому, вытребовав на судно документ с печатью и подписью боярина, мы быстро вернулись на борт, спасенные остались в Михайловке и направились дальше.

Это, конечно, не княжий суд был, но у боярина на своей земле тоже было право казнить и миловать. Так что все прошло официально.

Через десять дней мы подошли к Новгороду. Начинается то, к чему я готовился уже не один месяц. Мечь. Как сладко звучит это слово.

— Вроде тут, — не совсем уверенно сказал Корнилов. Мы забрали его с малого ушкуя, поставив вместо него другого десятника. Сейчас Корнилов и Михайлов стояли на носу идущей на веслах «Беды» и пристально рассматривали заросли по правому борту.

В сорока километрах от Новгорода у Красновских было родовое поместье. От этой речки был отвод, протока, заросшая ивой, так что со стороны ее было не видно. Так вот, по этой протоке можно было дойти почти до самого поместья, это, считай, километров восемь сэкономим. До самого города не получится, но пару километров можно и прогуляться.

Корнилов только беспокоился, что протока могла зарости и придется трудно, если только холопы ее не чистили.

— Точно тут, — более уверенно сказал Михайлов, он лазутчик, должен помнить, как проплывал тут однажды с боярином.

— Федор, правь на эти кусты, — велел я кормчему.

Ветви склонившихся над протокой ив заскрежетали о борт и мачту. Гребцы убрали весла и взяли подготовленные шесты.

— Точно пройдем? — забеспокоился Федор, когда мы протиснулись в протоку и, шурша разросшимся камышом по обоим бортам, двигались дальше.

— Точно. Тут боярская ладья проходила, она побольше была, чем наш ушкуй, — уверенно ответил Корнилов.

Второй ушкуй проследовал за нами. Ему было легче, и посадка меньше, и размер.

Пройдя где-то с километр, наблюдая за мучениями шестовиков, я вспомнил о бурлаках на Волге. Свою мысль я выложил Федору и получил его полную поддержку. Пока они готовили веревки, перебравшийся по сброшенным сходням на берег Михайлов готовился со своим подчиненным к выдвигению. Пока мы тут идем до пристани в небольшом озерце, что будет по пути, он должен сбегать до поместья и, осмотреться, что там происходит.

Синицын с парой своих подчиненных находился у пушек, рассматривая с помощью подзорной трубы окрестности, остальные впряглись в веревки по обоим берегам и уверенно потащили связку кораблей. Только по двое шестовиков осталось с каждого борта, для отталкивания от берега.

Через три километра, когда остановились передохнуть, — я в это время с интересом рассматривал одну из пушек, прикидывая как лучше установить кремневый замок, — меня окликнул с берега Ветров. Это он командовал «бурлаками на протоке».

— Похоже, мы не одни так судно волочим, по обеим сторонам есть тропинки, старые, заросли совсем, но, думаю, я не ошибся, — подойдя к обрыву, известил он.

— Возможно, и так, — согласился я, отрываясь от пушки.

— Когда мы тут проходили на малом ушкуе, то работали шестами, а как ладья проходила, я не знаю.

— Сколько еще до озера?

— Столько же... вроде. Я тут один раз всего проходил, мы на лошадях обычно добирались, многого не помню, — пояснил он.

— Пошли вперед пару отроков, пусть изучат дальнейший путь. Нужно подготовиться к возможным проблемам. Вдруг дерево в протоку упало? Вон, дальше лес начинается.

Вокруг нас не сказать, что было поле, рос кустарник и небольшие рощицы, но и лесом это назвать было нельзя.

— Хорошо.

Через полчаса после отдыха воины и часть команды впряглись в веревки и снова потащили суда дальше. Нужно лошадей, так будет проще,

но чего нет, того нет.

Наконец к вечеру, когда скоро должно было стемнеть, мы вышли в озеро, окруженное лесом. В него впадало несколько ручейков, но для судов они были непроходимы.

По словам Ветрова, озеро было не особо глубокое, да и размеры подкачали. Метров сто на триста, но зато тут была полноценная бревенчатая пристань на пару судов. Вернув «бурлаков» на борт и снова посадив их на весла, мы подошли к частично подгнившей и покосившейся пристани. Было видно, что никто о ней не заботился уже достаточно давно и природа изрядно ее подточила. Но добротная постройка, несмотря на невзгоды, была еще вполне крепкой, и ею можно было пользоваться.

Как только команда пришвартовала суда, воины, следуя командам десятников, рванули в разные стороны зачищать окрестности, еще пяток вынесли чаны и стали готовить полноценный ужин.

Сойдя на пристань, я направился было на берег, когда за спиной щелкнула тетива, и в ста метрах, подминая камыши, рухнуло что-то тяжелое. Я рассмотреть не успел, но Ветров, стоявший на берегу, радостно воскликнул:

— О, косуля! Свежее мясо — это хорошо. Молодец, Ерема.

— Отправь людей, пусть вытащат и разделают, — велел я, и как только полусотник отдал приказы довольным воинам, продолжил: — Разведчики не вернулись?

— Нет еще, что-то долго их нет. Подозрительно.

— Усиль посты, мало ли что.

— Хорошо. Ефремов, отправь пару гридней... — начал командовать Ветров, я же, отойдя в сторону, спустил Ласку с поводка. Пусть побегает.

Лазутчики вернулись только через час, когда уже совсем стемнело и мы заканчивали ужинать, некоторые сидели с кружками чая. Перед тем как им дадут поесть, я велел сперва доложиться. Информация нужна срочно, а поесть успеют и потом.

— Нет там никого, едва десяток холопов. Да старый Митрофан за управляющего. Мы здесь подготовку проходили почти год, так что он меня помнит. Боярыня тут уже года два не появляется. С тех пор как лихие людишки появились. Два амбара в имении сожгли, десяток наших боевых холопов убили...

— Рассказывай подробно, — велел я.

Дело было еще сквернее, чем я думал. Оказалось, Михайлов, обследовав окрестности, вышел к незапертым воротам и переговорил с

Митрофаном, мало того, он еще вытребовал четыре телеги, они приедут утром.

В общем, по словам Митрофана, в последнее время фамилию Красновских преследовал какой-то злой рок. То муж и сын несколько лет назад пропали, татары дружину побили. То одно за другим начинают грабить поместья, деревни, села. Умерли многие из Красновских, кто ушел на ладье — так и сгинул, с кем несчастный случай произошел. Это вот поместье, больше имеющее вид боярской крепости, было взято на щит шестью десятками разбойников. Причем, похоже, профессиональных воинов, хотя и обряженных в тряпье. Однако Митрофан разглядел под обносками отличные кольчуги. Он пришел к тому же выводу, что и я, это были ряженые воины.

Десяток боевых холопов, в основном старики, доживающие свой век, в этом имении полегли быстро, хоть и не зря. Разбойники, взяв поместье, так же быстро отступили, спалив для вида пару амбаров и не тронув челядь. Для чего — не совсем понятно, но вот уже какой месяц никто из Красновских тут не появляется, только пару раз незнакомый ярыга, который собирал оброк с окрестных сел. Вот и все. Поэтому Митрофан и другие холопы очень обрадовались, что появился новый Красновский. Наконец-то закончится безвластие. То, что я приемный сын, Митрофана волновало мало. Раз Кузьма Михайлович принял меня, значит достоин.

— Хорошо, информацию я принял к сведению. Идите пока поешьте, а мы тут посовещаемся, — велел я ему.

Михайлов со своим помощником отошли к костру, рядом с которым грел бок чан, и, получив свои миски, сели ужинать.

— Что думаешь делать, боярин? — спросил первым Ветров.

— Крепость будем использовать как опорную базу. Все припасы и большую часть пушек перенесем туда. На «Беде» оставим так же, как сейчас, одну большую пушку, две картечницы. На малом одну большую пушку и картечницу. Четыре остальных шестифунтовых достаем из трюма и приготавливаем к транспортировке. Создадим из поместья настоящую крепость. На судах пока останутся команды и десять воинов. Старшим десятник Ерохин, остальные в поместье. Дальше собираем информацию, разведываем окрестности и начинаем действовать. Это пока все. Вам есть что сказать? Тогда всем спать.

Утром, как и было обещано, прибыли телеги. Сперва мы услышали скрип тележных колес, матюги возниц, двигавшихся по заросшей дороге, и наконец, на небольшую площадку выехали не четыре, а пять телег.

Возглавлял их седой старик примерно лет шестидесяти. Хотя, может, и старше. Спина у него как у воина была прямая, так что сразу и не поймешь. Это и был Митрофан.

Поймав пытливый и внимательный взгляд, я ответил уверенной и немного лукавой улыбкой. Низко поклонившись, управляющий поздоровался.

— Здрав будь, боярин. Я управляющий помещьем и окрестными деревнями Митрофан Авдеевич Кромазов. Поставлен твоим отцом еще тридцать лет назад, так и несу эту ношу. Пока жалоб на мою работу не было.

— Приятно познакомиться, Митрофан Авдеевич, — чуть склонив голову в дань уважения, сказал я. — Давай не будем разводить долгого политеса. Кирилл уже описал тебе меня, кто я и откуда взялся. Поэтому, сам понимаешь, что в местных делах я плохо ориентируюсь. Было бы неплохо просветить меня насчет некоторых моментов. Ну и если есть жалобы и просьбы, тоже обращайся. Я собираюсь устроиться в помещье на достаточно долгое время, возможно, даже до осени... Нет, прав на помещье я никаких не имею. Я просто приемный сын без права наследования. Но чем могу — помогу.

— Хорошо, боярин, — снова поклонился мне в пояс управляющий.

— Так, ты эти поклоны брось, не люблю, — поморщился я и, оглядевшись, добавил: — Давай отойдем в сторону, чтобы не мешать перегружать вещи.

С Митрофаном прибыло пять кряжистых бородатых мужиков, они, изредка бросая на меня испытующие взгляды, стали помогать команде перегружать вещи и перекачивать вместе с пушкарями орудия. До приезда мы успели частью разгрузить ушкуи, поэтому работы осталось не так много. Правда, за один раз мы все не увезем. Придется делать второй рейс, как раз и золото перевезем. Пусть лучше хранится в крепости.

Отойдя в сторону, мы присели на старое поваленное дерево и, глядя, как споро работают люди, продолжили разговор. Митрофан подробно рассказал мне о всех делах на землях Красновских, которыми он управляет. Честно говоря, дела не радовали. Совсем не радовали. Крестьяне бежали, постоянные нападения лихих людей, бывало, и амбары жгли с зерном — выживали людей с этих земель. Недавно ушел в Новгород крестьянский караван в двадцать телег. Через восемь дней случайно в лесу, в глубоком овраге нашли тридцать человек. Это и были те, кто ехал на этих телегах. Сам товар и транспортные средства пропали.

— Понятно. Это идет полномасштабная и хорошо продуманная

диверсия против Красновских. Тебе, Митрофан Авдеевич, Михайлов рассказывал про предателя? Рассказал? Это хорошо. В общем, это его работа. Только не понятно почему, не просветишь?

— Кажется, я догадываюсь почему... — поглаживая бороду, задумчиво проговорил управляющий.

Дело оказалось действительно интересным. Шесть лет назад, когда недоцарь, а великий князь взял под свою руку Великий Новгород, то были устроены гуляния и пир.

Там-то и произошло то неприятное дело. У боярина Глазова была красавица дочка на выданье, а в окружении великого князя близкие людишки, не знавшие отказов. Девушку как-то темной ночью выкрали и отправили в Москву. Не знаю почему, но Глазов посчитал, что это дел рук Кузьмы Михайловича, причем объявил ему это в лицо. Дальше, думаю, начал мстить за поруганную честь дочери. Кстати, она через полгода сумела вернуться домой. В рванье, босиком, но как-то дошла. Не знаю, что там с ней делали, но она явно двинулась умом. Глазов хоть и был мужиком сильным, а запил. Полгода побесился, но потом вроде пришел в норму. Сейчас занимает место тысячника Кузьмы Михайловича.

— Причина действительно веская, — пробормотал я, осмысливая информацию. — Я бы поступил на месте Глазова так же. В смысле мстил, правда, не таким подлым способом. Михалыч что, не мог взять бутылку первача и объяснить, что это не его было дело? Поговорили бы как нормальные мужи.

Управляющий вздохнул:

— Не получилось бы поговорить... Боярин Глазов был прав. Это было дело рук Кузьмы Михайловича. Девушка три дня была у нас в поместье, пока ее не забрали московские людишки.

— Бля!.. — только и сказал я ошарашенно. — Как же так?! Не могу поверить...

— Были причины, — немного грустно улыбнулся управляющий.

— Давай дальше, не вписывается эта картина в моральный облик Кузьмы Михайловича, не тот он человек.

— Не тот, — как эхо согласился старик и, вздохнув, продолжил: — Человечек этот, что у великого князя московского в подручных ходил, пообещал сделать одну очень нужную Новгороду вещь, затребовав свою плату. Что это за плата, я думаю, пояснять не надо?

— Продолжай.

— Боярин, конечно, предлагал другие подношения, но этот... человек настоял на своем.

— Ясно. Что было нужно Кузьме Михайловичу?

— Не ему, Новгороду... Великий князь хотел лишить город своей независимости. Вече отменить, вечевой колокол увезти в Москву; власть в городе должны были получить великокняжеские наместники. Многие боярские семьи собирались выслать из Новгорода. Провести перераспределение конфискованных усадеб и земель среди московских бояр. Этот человек сдержал свое обещание, ничего этого не было.

— Ну, в принципе вполне понятная взятка должностному лицу. Не думал, что Кузьма Михайлович подписался бы под такое.

— Он был вынужден, — вздохнул старик.

— Ясно, только одно вводит меня в недоумение: почему никому не известный управляющий знает такие подробности?

— Переговоры происходили в поместье, боярин. Я смог что-то услышать, что-то домыслить.

— Как сказал мне один мой знакомый, покойный: «Я слишком много знал».

— Я стар, боярин, и не боюсь смерти. Кузьма Михайлович действовал ради княжества, которому служил. Это его долг и его грех, боярин. У каждого человека свой камень на душе.

— А ведь он говорил мне, что когда его пленили, он разговаривал с предателем, только не сказал о чем, теперь многое становится понятным. Ладно. Вывалил на меня корзину грязного белья, хватит. Остальное дорасскажешь в поместье, я пока эту информацию приму и проанализирую... Вон уже телеги полные, и пушки прицеплены. Выдвигаться пора.

Выслав головные и боковые дозоры, мы двинулись к поместью.

Усадьба мне понравилась. Удобное для обороны расположение на холме, высокий бревенчатый частокол, даже видно, что шесть бревен слева от ворот недавно меняли. Несмотря на легкое запустение, было видно, что за усадьбой приглядывали. Мы вчетвером, я, Митрофан Авдеевич, Ветров и Корнилов стояли у выхода из леса и наблюдали, как колонна из телег и воинов втягивается в крепость.

— Глеб, у тебя три дня. Я хочу знать все о ситуации на землях Красновских. Кто чем дышит, что делает. Старшим пусть будет Михайлов. Пусть найдут татей, не думаю, что они уезжают далеко, смысла нет. Есть у них где-то постоянная лежка, не может не быть.

— Я помогу, боярин. У меня есть несколько доверенных людей в разных деревнях и в Алексеевке. Кто-то что-то видел, все обскажут, —

сказал Митрофан Авдеевич.

— Хорошо, — кивнул я.

Алексеевка — это большое село на триста дворов с церковью. Она располагалась в трех километрах от усадьбы. Нужно будет навестить, когда разберусь с делами.

— Авдей, на тебе подготовка обороны усадьбы, распределение, кто из воинов останется, и выбор командира.

— Командира можно выбрать и сейчас. Десятник Еремеев со своим десятком подойдет. Характер у него спокойный, как раз будет для него работа.

— Артиллеристы?

— Волошина с двумя расчетами, — пожал плечами Корнилов. Артиллеристов он знал хорошо и представлял, кто на что способен, у них было немало совместных тренировок.

— Хорошо, тогда нужно двух гридней из пушкарей произвести вдесятники. Двое подойдут.

— Валуев и Збруев? — спросил Корнилов, как я уже говорил, артиллеристов он знал хорошо.

— Именно. Валуева со своим расчетом на малый ушкуй старшим канониром, потянет. А Збруева пока на «Беду», путь постигает азы командования под приглядом Синицына.

Корнилов согласно кивнул. Валуеву уже исполнилось шестнадцать, и он более или менее подходил на роль десятника, все-таки и боевой опыт имеет, и в стычках поучаствовал. Да и командовать научился, ранее детской ватажкой воришек командовал. А вот Збруеву пока пятнадцать, опыта командира еще нет, но мне нужны будущие старшие канониры, и готовить их нужно заранее. Они по возрасту были самыми старшими из отроков-пушкарей, остальным было по четырнадцать, одному вообще тринадцать.

— Сколько в крепости воинов оставим?

— Десяток Еремеева и два расчета артиллеристов. Больше просто не нужно, — ответил я на вопрос Ветрова.

Офицеры кивнули, соглашаясь, они считали так же, а вот Митрофанов не понял. Он просто не понимал мощи огнестрельного оружия.

— Ранее в усадьбе было пятьдесят воинов, — с намеком сказал он.

— Мои неполные двадцать бойцов справятся с сотней профессиональных воинов, — отмахнулся я, продолжая задумчиво рассматривать крепостницу-усадьбу.

— Митрофан Авдеевич, что у нас с лошадьми?

— Было два десятка строевых, но нападающие забрали их после разграбления. Я взял в виде оброка трех жеребят, сейчас им по два с половиной, уже ходят под седлом. Еще тягловые есть, два коня, это все.

— Хоть что-то, — рассеянно сказал я, разглядывая крепостную стену. — Еремеев уже командует.

— Да, — согласился Ветров. На стене были видны воины. — Осматривают тын на предмет возможного отражения нападения. Это я приказал, боярин.

— Молодец, можешь рассчитывать на премию. Ладно, идем в усадьбу. Нужно осмотреться и решить первоочередные задачи. Кстати, Митрофан Авдеевич, когда пошлете телеги за следующим грузом, известите меня. Думаю скататься на корабль и забрать остальные личные вещи.

— Я прикажу приготовить гнедого, боярин, — поклонился управляющий.

— Хорошо. Идем.

Мы неторопливой походкой направились к усадьбе, осматривая вырубленную территорию перед крепостной стеной. Она уже начала зарастать кустарником, но все еще была вполне просматриваемая.

— Прикажи вызвать мужиков из ближайшей деревни. Нужно вырубить весь кустарник и также проредить кусты среди деревьев на сто метров в глубь леса. Скажешь им, что работать будут не бесплатно, а за денежку, но быстро, за три дня они все должны сделать.

— Хорошо, боярин. Сколько нужно людей?

— Сотни, думаю, хватит.

— Я тогда в Алексеевке клич брошу. Заработать многие захотят. В последнее время, когда урожай тати пожгли, у многих голод. Старост тоже вызывать? Познакомиться?

— Вызывайте.

Когда мы зашли в открытые ворота, которые уже осматривали двое воинов на предмет закрыть, Митрофан рванул в сторону. Несмотря на возраст, у него только пятки засверкали. Он, как и все крестьяне, был бос.

Через пять минут двое из местных мальчишек, что крутились у разгружаемых телег, рванули из усадьбы в разные стороны. Видимо, у Красновских крестьян действительно дела обстоят так плохо, если все засустились, когда узнали, что можно подзаработать.

Подумав, я подошел к Ветрову, который вместе с Синицыным наблюдали, как поднимают на стену одну из пушек.

— Глеб, у меня тут мысль появилась. Мы можем набрать людей из местных деревень и сел? Только добровольцев.

— Сам видел, что тут творится. Думаю, молодые парубки сами прибегут, когда мы клич бросим.

— Хорошо, бросай. Сообщи, что смотр будет после полудня на открытой местности перед воротами. Отбирать будем сами. Нужны стрелки, пушкарки, из охотников выберем будущих лазутчиков, это пусть Михайлов курирует. Ну и десяток человек в команды ушкуев.

— Сделаем, боярин.

— Я еще с Митрофаном поговорю. Пусть челядь в усадьбу наберет. А то тут десять человек всего, тем более, как я посмотрю, почти все в возрасте, их будет очень мало. Все-таки гарнизон да еще мы. Еще нужно будет послать в соседнее село караван, не в наше, закупить продовольствие и животину. В усадьбе шаром покати.

Еремеев был уже извещен, что станет комендантом крепости, поэтому с парой своих воинов обходил ее, изучая и составляя план первейших ремонтных работ. А также где и кто будет находиться в случае тревоги. Михайлов разговаривал с управляющим, узнавая фронт работ.

Волошина я решил оставить в крепости по одной причине: он будет не только руководить артиллерийскими расчетами, но и тренировать молодых пушкарей из добровольцев. Скажем так, небольшая совмещенная артиллерийско-стрелковая школа.

После отдачи всех приказов мы с довольным Митрофаном Авдеевичем, ему нравилась деловая суэта вокруг, направились изучать крепость и хозяйственные постройки, оставив напоследок боярский дом.

Усадьба мне понравилась, было видно, что о ней заботились, и она не успела обветшать. Выйдя из небольшого добротного сарая, мы пропустили мимо двух отроков-пушкарей, вкатывающих туда бочонок пороха. Этот сарай Синицын совместно с Волошиным выбрали под пороховой склад.

— Состояние построек, а также казармы для воинов вполне хорошие. Видно, что вы о них заботились, — сказал я, задумчиво наблюдая, как на самодельных таях поднимали пушку на одну из стен. Это была вторая, первая уже примостилась на одной из площадок.

— Тяжело было, большую часть челяди пришлось распустить по домам. Платить было нечем, весь оброк забирал ярыга, даже на еду оставлял мало.

— Он точно был от Красновских? — спросил я, у меня было твердое убеждение, что все тут не так просто.

— У него была бумага, читать я еще не разучился. Почерк боярыни узнаю, — пожал плечами управляющий.

— Не скажи, — не согласился я. — Перехватить гонца и действовать

под его видом много ума не надо. Думаю, боярыня, отправив несколько верных человек и не дождавшись их возвращения, просто махнула на вас рукой. Скорее всего. Просто у нее не осталось больше людей. Все-таки до Новгорода почти сорок верст, да все лесом. Так просто не проедешь, если тебя ждут.

— Не знаю, боярин. Ничего сказать не смогу.

У ворот мелькнул кафтан Михайлова, выбрав себе коней, он с единственным пока подчиненным покинул усадьбу. Пора заканчивать с той неразберихой, что творилась в окрестных землях, и, обеспечив себе тылы, двинуться на Новгород.

— Ну что у нас, только боярский дом остался? — спросил я Митрофана.

— Да, боярин. Там уже и праздничный стол накрыли. Не чаяли еще кого из господ увидеть, так что не побрезгуйте.

— Хорошо, только моих офицеров пригласим, и можно пообедать, тем более время уже подходит. Но сперва все-таки дом осмотрим. Он у вас двухэтажный, как я посмотрю...

— Еще большой подвал есть, боярин...

— Это хорошо. Ну, пошли.

В дверях нас встретила дородная женщина преклонных лет, в которой я безошибочно признал кухарку.

— Господь услышал наши молитвы, — прижав руки к груди запричитала она, но после того как у меня над ухом рывкнул Митрофан Авдеевич, низко кланяясь отошла в сторону. — Здрав будь, боярин... ой, как мы рады!..

Дом был хороший. Чистый, просторный и пах сосной. Легко дышалось в нем, даже выдыхать не хотелось.

— Эта твоя опочивальня, боярин, — показал мне большую просторную спальню с окнами на светлую сторону управляющий. — Ранее в ней всегда Олег почивал, царствие ему небесное.

— Неплохо. Эту хрень из угла выкинуть, — ткнул я пальцем в иконы. — Окно убрать, скоро с ушкуя привезут стекла прямо в рамах. Их поставим сюда и, пожалуй, в столовую. Если что останется, сам решишь куда. Там достаточное количество.

— Хорошо, боярин, — снова поклонился управляющий. Я только вздохнул, на мои приказы Митрофан Авдеевич не реагировал. Продолжал отбивать поклоны.

— Но и иконы?

— Я на эти рожи еще там насмотрелся, — ткнул я пальцем в

потолок. — Еще и тут на них смотреть, нет уж, увольте! Михайлов обо мне не рассказывал?

— Рассказывал... — вздохнул управляющий, не совсем поняв, где я их видел. — Уберем, боярин.

В это время два воина внесли малый сундучок. Похоже, они добрались до телеги, где были уложены мои вещи.

— Ага, — довольно кивнул я, и как только воины вышли за следующими вещами, сказал, открывая сундучок ключом: — Давайте, Митрофан Авдеевич, разберемся с деньгами. Вот тут пять рублей медью. Определите, кому что выплатить. Если есть долги — сообщите. Вот в этом мешочке серебро, а это на содержание дружины.

— Спасибо тебе, боярин, — снова низко поклонился управляющий, прижимая к груди три мешочка с деньгами.

— Свободен пока. Я тут осваиваться начну... этот сундук сюда, к столу, — скомандовал я воинам, вносящим тяжелый сундук.

Как только я распределил все вещи, что занесли молчаливые воины, то спустился вниз, моя опочивальня была на втором этаже.

В столовой, у длинного стола уже топтались мои офицеры, сглатывая слюну. Стол был, честно говоря, так себе, но у управляющего просто ничего особенного не было, никаких разносолов, обычная крестьянская еда.

— Садитесь, — велел я, махнув рукой.

После плотного и сытного обеда — по моим прикидкам было часов одиннадцать — я сыто откинулся на спинку резного стула и сказал:

— Докладывайте, что у вас?

Офицеры переглянулись, первым слово взял Ветров, обстоятельно рассказав о крепости и будущих работах, чтобы привести ее в идеальный порядок. Синицын рассказал, что на стену подняли последнюю пушку, причем ее пришлось приподнимать, ствол оказался ниже частокола. Уже нарезаны сектора стрельбы. Осталось дело за малым, нужно еще два обученных расчета, и это только для крепости, про ушкуи мы не говорили.

Корнилов успел пообщаться с прибывшими на расчистку деревенскими. Пока появилось с сотню мужиков из Алексеевки, но должно прийти еще человек семьдесят из деревень. В общем, он сообщил обо всех происшествиях. Выслушав многочисленные жалобы, он вычленил среди них две золотые искорки. Первое — это пропажа лесника и, по словам крестьян, в его доме кто-то живет. Кто — неизвестно, любопытных быстро отвалили туда соваться. Топором по хребту. Второе — еще выяснилось, что в селе появились новые люди. Любопытный корчмарь и пекарь.

Видимо, соглядатаи.

Митрофан ничего нового добавить не смог, кроме того, что на улице меня ожидают старосты. Прибыли почти все, только двое опаздывают из дальних деревень.

— Ясно... Значит, так, Митрофан, готовь телеги для поездки за остальными вещами, а я пока со старостами пообщаюсь. Глеб, выдели охрану для каравана.

— Хорошо, боярин, — низко поклонился управляющий. Он с нами даже за стол не сел, мол, неуместно холопу за один стол с боярином садиться. Насчет офицеров эта отмазка не канает. Мы с ними не в одном бою побывали, так что они могли обращаться ко мне вольно и не заморачиваться сословной разницей. Причем это не только я ввел, а было повсеместной традицией. Хотя и от боярина тоже многое зависело.

— Все, работаем! — хлопнул я в ладоши. — Митрофан, пошли.

Пока офицеры занимались своими делами, их хватит на все три назначенных дня, мы с управляющим вышли из ворот поместья. Воины уже смогли, жутко скрипя несмазанными петлями, закрыть одну створку и теперь возились со второй. Те, похоже, вообще в землю вросли, и как их не сломали при штурме? Наверное, штурмовыми лестницами воспользовались, надо будет вечером узнать.

Старосты находились в двадцати метрах от ворот, чуть левее дороги. Теперь было понятно, почему они так быстро тут оказались. Шестеро из семи оказались верхом, только седьмой на телеге. Могу предположить, что это староста Алексеевки, она ближе всего.

Все старосты были в возрасте, ближе к полтиннику, и только один выделялся среди них воинской выправкой и возрастом, ему было не более тридцати. Судя по виду, бывший воин, причем калечный. Вместо левой руки обрубок.

«Хм, надо будет с ним пообщаться. Раз не сломался после ранения да еще смог устроиться старостой, то такой человек мне будет интересен», — подумал я.

Именно он с большим удовольствием и одобрением наблюдал за работой моих воинов. Остальные только за своими деревенскими да сельскими мужиками, которые работали в поле, очищая все пустое пространство вокруг крепости от кустарника. Работали, кстати, довольно споро.

Я молчал, больше изучая старост, за меня говорил Митрофан, представляя старост и меня им.

Как я и думал, парень без руки оказался бывшим посадским гриднем,

потерявшим руку в войне с литовцами. Причем в его деревне на двадцать дворов все в порядке и организовано. Если и были очаги голода, то помогали голодающим всей деревней.

Тот, что приехал на телеге, действительно оказался старостой Алексеевки. Триста дворов — это что-то, так что и одет он был подходяще, явно богаче, чем остальные.

Лошади у всех оказались тягловые, немного подготовленные под седло, и только у бывшего воина был настоящий боевой конь.

В течение часа я выслушивал постоянные жалобы и просьбы о помощи. Мало того что голод, так еще ярыга приезжает и требует все больше и больше. В принципе ничего необратимого не случилось. Да, голодно, но пока еще держатся, лес помогает, но нужно купить зерно вместо сожженного. Животинки бы еще, а то пала чуть ли не разом. Один коновал по языку павших коров определил, что те были отравлены.

— Так! — громко сказал я, прерывая причитания, только воин молчал да больше слушал. — Митрофану Авдеевичу выделены нужные средства. Обращайтесь к нему, чем сможем, тем поможем. Скоро отправим караван в соседнюю область, там и закупим продовольствие. Можете присоединиться, деньги для закупок получите.

— А в Новгород? — спросил бывший воин.

— Далеко, — коротко пояснил я.

Договорившись о времени, когда пойдет караван и сколько примерно будет телег, я, прежде чем с ними распрощаться, намекнул, что набираю молодых парубков к себе в боевые холопы. Думаю, намек попал на благоприятную почву, ушли старосты очень задумчивые. В принципе, думаю, об этом они уже знали, посыльные-мальчишки должны были сказать, когда зазывали мужиков на работы.

— Кстати, Митрофан Авдеевич, после расчистки приусадебной территории нужно будет послать людей расширить дорогу до озера, да пробежаться по протоке. А то уже и она стала зарастать. Только на выходе не трогайте, чтобы было не видно протоку.

— Хорошо, боярин. Гнедой уже подготовлен, можно выдвигаться к озеру?

— Да, конечно.

Сам Митрофан Авдеевич с нами не поехал, занимаясь чисто управленческими делами. Например, начал подготовку для поездки за продовольствием.

Времени совершить поездку туда-обратно, с учетом погрузки,

понадобилось почти четыре часа, но зато почти все ценные вещи, включая вооружение, переместилось в мою комнату в усадьбе.

Как только телеги разгрузили, и два очень тяжелых сундука оказались у меня в комнате, я вызвал на ужин своих офицеров.

В этот раз стол был куда лучше, чем ранее, видимо, прошерстили по сусекам в Алексеевке. Решили порадовать боярина.

Теперь нам прислуживала не Марфа Васильевна, та повариха, что встретила меня в дверях, а две молоденькие девушки в почти не потрепанных сарафанах. Наверняка это у них выходная одежда.

После ужина, когда девушки убрали со стола тарелки и принесли напитки — мне мой любимый сбитень, — мы приступили к разговору.

— Глеб, озаботься о постоянном часовом у моей комнаты, как на ушкуе.

— Хорошо, боярин, сделаем.

— Олег, там на лугу парубки собрались, ограничение по возрасту, берем до четырнадцати лет, не младше. Ясно?

— Да, боярин.

— Остальные тоже на смотр — и отбираете людей. Нужно сформировать два полных десятка лучников, семь десятков стрелков, десять пушечных расчетов и десятков лазутчиков.

— Людей отбирать с учетом уже имеющихся? — осторожно спросил Ветров.

— Нет. наших ветеранов не считаем.

— Большое войско получается. Не у каждого князя в личной дружине столько есть.

— У меня большие планы, так что скоро понадобятся опытные воины. Займитесь этим.

— Авдей, — обратился я к Корнилову, — нам нужно закупить никак не меньше пяти десятков боевых коней. Где это можно сделать, не считая Новгорода? Нам пока не следует о себе сообщать.

— Боярин Злобин разводит хороших лошадей. Даже князя у него берут. У него одного разом можно купить столько коней и сбруи. Только дорого...

— Не дороже денег. Когда сможешь отправиться за конями?

— Завтра с утра. Два часа туда, это если верхом, и столько же обратно. Значит, вернусь послезавтра к утру или обеду.

— В принципе приемлемо, перед отправкой зайдешь ко мне, получишь денег на покупку.

— Хорошо.

Мы еще в течение часа обсуждали наши дела на ближайшее время, и планы по зачистке территории. Мы не можем сразу действовать, пока не вернется Михайлов с разведанными, если они, конечно, будут. Думаю, будут, все-таки в последнее время тренировал я его лично, передавая немалый опыт разведчика.

После обсуждения тем, мы вышли из дома и прошли мимо стихийной стройки, четверка воинов собирала деревянный каркас будущего орудийного лафета для полевой пушки. Рядом крутился Волошин, давая советы и сверяясь со схемой, которую держал в руках. Когда он отвлекался, бумага постоянно сворачивалась в рулон, отчего канонир, чертыхаясь, снова ее разворачивал.

— М-да. Однако, — только и сказал я, когда мы вышли из ворот усадьбы в открытое и теперь уже можно сказать чистое поле.

Большая часть крестьян, закончив расчистку нарезанных им наделов, уже ушла расширять дорогу. Осталось еще человек двадцать. Они работали на опушке, прореживая там кустарник. Огромные кучи веток высились на поле, приготовленные к сожжению, и вот по этому полю, где бродило, а где просто сидело до двух сотен человек. От откровенных мальчишек до вполне зрелых мужей. Тут были соискатели на место в моей дружине.

— Михайлов, — вытянув руку, показал на выехавших из леса всадников, Корнилов.

Выехали они не по той дороге, что вела к озеру, а с другой, на Алексеевку.

— Глеб, Авдей, Олег, вы начинайте осмотр и собеседование с каждым соискателем... добровольцем, а я пока с разведчиками пообщаюсь. Потом к вам присоединюсь, — велел я.

— Хорошо, боярин.

— Все, работайте.

Дождавшись, когда пропыленные всадники галопом влетят на территорию усадьбы, я еще раз бросил взгляд на соискателей, которые потянулись к моим офицерам.

«Нет, больше будет. Сотни три, не меньше».

Вздохнув, я вошел во двор, направляясь к разведчикам, которые за узду водили коней по двору, давая им отдохнуть и остыть.

«Ничего себе! Как они лошадей загнали. Неужто есть интересные и срочные новости?» — задумался я, подходя к разведчикам.

Бросив повод своему напарнику, чтобы тот продолжал выгуливать тяжело поводящими боками лошадей, Михайлов направился ко мне

навстречу.

— Что-то срочное? — сразу же спросил я его.

— Да, боярин, — для подтверждения он еще и кивнул.

— Ага. Пошли в дом. Там поговорим, без лишних ушей.

Мы прошли в трапезную и, выгнав прибирающихся девушек, они наводили влажную уборку, присели за стол.

— Дарья, принеси чего-нибудь попить! — крикнул я в полуоткрытую дверь. Было видно, что моего главного лазутчика мучила жажда.

— И поесть еще что-нибудь, а то с утра не до того было, — подтвердил и дополнил мой заказ Кирилл.

Как только он выпил кружку сбитня, то начал рассказ. Первым делом он подтвердил, что дом лесника тати используют как опорную базу для набегов. Главное было в том, что, по словам Михайлова, на эту заимку прибыло еще сорок воинов, теперь количество татей составило семьдесят человек. Теперь понятно, почему он так торопился, лучше придавить их в гнезде, пока они не разбежались для диверсий. Судя по количеству пригнанных людишек, планировалось что-то крупномасштабное по местным меркам.

«Языка» Михайлов благоразумно не взял, чтобы не насторожить татей, так что остальное дело за нами. Пора готовиться к подготовке и выдвигению. Заимка находилась в шестнадцати километрах от усадьбы.

Тщательно опросив разведчиков, я вызвал часть своих офицеров, Ветров продолжал отбирать будущих боевых холопов, и поставил задачу.

Синицын согласно кивал в ответ на мои предложения. Снимать со стен пушки смысла не было, проще отправить на ушкуи телегу и забрать две из трех картечниц. Он тут же вышел и, отдав нужные приказы, вернулся. За Корниловым был сбор отряда. Я решил взять тридцать человек, считай всех свободных воинов, лучников и пушкарей. С двумя пушками вполне должно было хватить.

— Михайлов сказал, что по внешнему виду лагеря сегодня они никуда не пойдут. Слишком тщательно и с удобствами устраивались. Значит, так, до утра мы должны быть на месте. Наша задача выдвинуться к лагерю противника и, окружив поляну с домом лесника, уничтожить татей.

Синицын, Корнилов и Михайлов кивнули, подтверждая, что все поняли. Обсудив все, я отпустил их, пусть готовятся к выходу. Благо телеги Митрофаном Авдеевичем были подготовлены для поездки за продовольствием. Ничего, следующий раз съездит, тут дела поважнее намечаются.

Буквально за два часа до того, как стемнело, с подворья уехал Михайлов со своим помощником, их задача — перехват на дороге посыльных. То, что трактирщик и пекарь работают осведомителями, я не сомневался. В принципе должны были они пронюхать о нас и выслать сообщения. Голубей они не держали. Это удалось выяснить достоверно.

Через полчаса вслед за разведчиками выдвинулись и мы. На трех телегах припасы, как продовольственные, так и огневые. Пушек еще не было, они присоединятся к нам по дороге. Гарцуя на единственном свободном коне, я обогнал колонну и доскакал до леса.

Выдвинув головные дозоры, мы углубились в лес. Сам лесной массив был не особо большой, тянулся километров на шесть, огибая Алексеевку с левого края.

Двигались мы практически всю ночь, только часам к трем устроились на бивуак и ночевку на опушке другого леса. Четыре часа сна — это хоть что-то уставшим людям.

— Боярин, — потрясли меня за плечо.

Я спал на одной из телег, где было складировано продовольствие, немного неудобно, но вполне спать можно.

— Что? — привставая на локте, спросил я, отчаянно зевая.

— Все готово. Разведданные получены, можно выдвигаться? — спросил Корнилов, это оказалось он меня разбудил.

— Начинайте, — согласился я.

После приказного крика воины начали разбиваться на пятерки и расходиться в разные стороны, следуя приказам своих командиров.

У пушек возились канониры. Стрелять из картечных они будут из самодельных треног, сбитых практически на коленке. Представляли они собой метровое бревно, с гнездом для пушки и две палки для упоров. Все просто.

У телег остались только пушкари, пятерка воинов, вооруженных взятыми с ушкуев так называемыми кавалерийскими ружьями, да мы с Корниловым. Остальным была поставлена задача для перехвата беглецов после залпа пушек.

Действовать мы решили просто, вперед выдвигается артиллерийская группа во главе с Синицыным, под прикрытием тех самых пяти стрелков. Михайловым уже найдена и разведана позиция для стрельбы, там лес близко подходил к домику лесника, метров на тридцать, расстояние для пушек плевое. Ну и мы с Корниловым как координаторы и командиры идем с ними для присмотра. Кроме пушек по приказу Синицына

посыльные прихватили и самодельные бомбы. Я на них не особо рассчитывал, испытали только одну. Она хоть и не подвела, но доверия все равно не вызвала. Бомбами были вооружены мы, стрелки и прикрытие. Еще три штуки забрали те стрелки, что ушли в обход для заслона.

Стараясь не шуметь, мы двигались по утреннему лесу. Солнце только недавно взошло, но в лесу еще было темновато.

Так как пушкари с переноской сами не справятся, на трех стрелков нагрузили боеприпасы, а мы с Корниловым несли треноги. В принципе тяжело, но одному тащить можно. Хотя все-таки тяжелые сволочи. Остальные на брезентовых носилках переносили пушки.

Двое оставшихся стрелков шли впереди, осматривая безопасный путь, вот откуда-то вынырнул помощник Михайлова, Прохор, и дальше мы пошли уже увереннее.

— Дальше тихо, тати близко.

«Это от лагеря мы отошли километра на полтора, близко стояли», — мысленно прикинул я.

Из всех, кто шел в артиллерийской команде, не шумел практически я один. То у одного сучок под ногами шелкнет, то у другого ружье прикладом о ножны стукнется.

Спасало нас одно, в лагере царила легкая суматоха с подъемом, так что в том шуме, что творился у дома лесника, нас было не слышно.

Согласно разведанным, человек пятьдесят спали у костров на открытом месте, пятнадцать в небольшом амбаре, еще пять, видимо старшие, в самом доме. Последних я приказал по возможности брать живыми. Остальные мне были не нужны. Нет, оружие и бронька, конечно, пригодятся, все-таки новичков набираю, на всех оружия и брони у меня нет, а тут так удачно подвернулись эти хорошо вооруженные тати. Прямо пруха какая-то. Я, конечно, рассчитывал за их счет вооружиться. Но не думал, что это так быстро воплотится в жизнь. Почему-то я ни на грамм не сомневался, что все у нас получится.

Наконец впереди появился просвет, значит, мы подходили к опушке.

Оставив остальных людей чуть в глубине леса, мы с Синицыным попластунски двинулись дальше.

Близко мы не приближались, хотя опушка и заросла малиной, но следов татей было множество. Видимо, туалетом они решили сделать лес, а не ходить в нормальное отхожее место, что виднелось за амбаром.

Проползя очередную свежую кучку, суток нет, мы укрылись за кустами малинника.

— Завтракают, — пробормотал я.

— Самое время, пока они беспечны.

— Согласен, тут их десятков шесть, не меньше... смотри-ка вот у стены амбара, мне глаза не изменяют, ружья стоят?

— Точно, боярин, я тоже вижу. Как есть ружья, только странные какие-

то, на наши пищали похожи.

— Вполне может быть. Ты давай обратно, пусть все подтягиваются. Момент уж больно удобный, а я тут присмотрю и, если что, прикрою.

В принципе если нас сейчас заметят, то просто задавят массой еще до того, как мы приготовимся, поэтому нужно все было делать быстро. Синицын уже отработал до автоматизма, хотя бы что и как каждому из расчетов делать, чтобы они не путались. Ближайший воин сидел метрах в пятидесяти, что-то весело говоря соседу, при этом не забывая активно работать деревянной, фигурно вырезанной ложкой. Сидели воины, работающие под татей, по семь-восемь человек вокруг своего котелка.

«А личных тарелок и кружек, как у моих воинов, у них нет!» — самодовольно подумал я, подготавливая оба пистолета и проверяя, свободно ли выходят метательные ножи из чехольчиков.

Сзади зашуршала трава, и слышалось, как мне казалось, громкое сопение людей, тащивших тяжести на своих руках.

— Как будем стрелять, боярин? Через кусты? — до меня первым добрался Синицын.

— Нет, — я улыбнулся. — Нагло выходим и устанавливаем пушки. Пока они сообразят, что происходит, ты должен успеть приготовить их к стрельбе. Вы ведь их за десять ударов сердца к бою приводите? Ну тем более успеете. Дальше они вскакивают на ноги... ну и дальше сам понимаешь. Стрелять в самые большие группы, чтобы вывести из строя как можно больше людей. Если что, я их отвлеку, пока вы собираете лафеты и устанавливаете пушки.

— Бомбы?

— Бомбы?.. М-м-м... — я задумался. — Можно и бомбами начать, но лучше попридержать их и использовать после картечи.

— Хорошо, боярин, тогда мы начинаем, а то они уже заканчивают есть.

— Начинайте.

Воины-тати были безмерно удивлены, когда кусты на опушке раздвинулись, вот часовой, гад, прошляпил, и на поляну вышли одинаково одетые мальчишки с некой ношей в руках и деревянными треногами. Правда с саблями на поясах и, кажется, даже с пистолетами, и спокойно что-то стали собирать буквально в паре метров опушки. Их сопровождало несколько взрослых, точнее двое. Один воин лет тридцати в кольчуге и такой же одежде, как и у мальчишек, тоже похожей на форму, и юноша с двумя саблями на поясе по виду родовитый боярин. В обоих его руках было по пистолету. Он как раз стволом одного из пистолетов потер себе щеку,

насмешливо осмотрев их, слегка склонив голову, и сказал:

— Ну что, покойнички, поели? Теперь встаем, снимаем броньку и укладываем вместе с оружием под ноги. В этом случае я вас так и быть пощажу... Может быть.

— Это кто? — удивленно спросил один из десятников.

— Я боярин Красновский. А вы... душегубы-тати, что безобразничали на моих землях.

В это время мальчишки закончили что-то собирать, и отошли к деревьям. Только теперь воины смогли рассмотреть, что же это было. Без сомнения, это были тюфяки.

Почти в это же время прозвучала крик-команда сотника:

— Тревога!

Не успели ближайšie воины вскочить, некоторые за это время вытащили мечи, как раздался грохот тюфяков, выкосивших половину воинов на поляне.

Опушку заволочло дымом, но некоторые уцелевшие воины успели услышать несколько криков:

— Поднять орудия. Перезаряжай!

— Кидай бомбы!

Как только дым рассеялся, я посмотрел на кровавое месиво, где поработали пушки. Они продолжили две неслабые прорехи в лагере татей.

Крикнув вслед за Синицыным, чтобы кидали бомбы, я подхватил из ведра горящий трут, поджег фитиль, передал трут подскочившему стрелку и кинул бомбу в кучу возящихся оглушенных татей. Последовала вспышка взрыва, и взлетели с комьями земли части тел разбойников. Все заполонило дымом сгоревшего пороха. Ой зря я облаял бомбы. Отлично их чугунные рубашки сработали. Рядом взметнулось еще несколько бомбовых разрывов.

С противоположной опушки тоже донеслись крики и застучали беглым огнем ружья моих воинов.

Заметив, что те воины, что уцелели после залпа пришли в себя и с криками рванули кто к нам, а кто на противоположную сторону, то, вскинув оба пистолета, крикнул стоявшим на опушке стрелкам:

— А-агонь!

Залп был ошеломляющим для противника. В каждом ружье было до пятнадцати свинцовых картечин, которые проредили два десятка воинов, рванувших к нам. Шестнадцать человек упали, обливаясь кровью, но шестеро продолжали бежать.

Сам я не стрелял, ожидая результата залпа стрелков, молодцы, что

успели распределить сектора для стрельбы, чтобы не палить вместе в одну точку. Не зря вдавливал такую простую истину, как личный сектор стрельбы. Результат их залпа мне понравился, отлично получилось.

Шестеро противников, практически мгновенно преодолели сорок разделяющих нас метров, нарвавшись на два моих выстрела.

Одну пулю получил кряжистый воин с булавой вместо меча, к моему удивлению, после того как пуля фактически разорвала ему горло, он продолжал бежать на меня, размахивая оружием. Второй, получив пулю в плечо, крутнулся волчком и упал на окровавленную траву, крича от боли.

В это же время, когда я уходил в сторону от кряжистого, роняя пистолеты на траву и выхватывая сабли, прозвучали пистолетные выстрелы пушкарей.

— Тьфу ты. Даже подраться не получилось, — недовольно проворчал я, кроме подранка до меня не добежал никто, да и этот сразу же свалился, когда я пропустил его мимо. Да я ему еще дал пинка для ускорения.

— Заряжай! — крикнул Синицын, выводя мальчишек из ступора. Они, конечно, уже были в своем первом бою, когда мы отбивали боярскую ладью, но все равно бойня вокруг их немного отупила. Это нормально, бывает.

— Оставайтесь тут, трое стрелков за мной! — крикнул я и, подхватив пистолеты, быстрым шагом направился к дому лесника. Но вспомнив, что оружие разряжено, остановился и стал перезаряжать оружие. Стрелки делали то же самое.

Стрельба на противоположной стороне то стихала, то продолжалась. Были слышны звон мечей и крики раненых. Это не показывало, что мы уже победили, но мы очень близки к этому.

По моим прикидкам, татей осталось не меньше двадцати. Сорок мы положили на поляне, еще с десятков лежали у противоположной опушки, так что где-то оставались еще противники.

Удобное расположение дома и амбара позволило свободно нам находиться друг напротив друга и стрелять в татей, не боясь поразить своих.

— Хватаем! — крикнул я, подбегая к домику лесника, подхватывая сразу две пицали. Это, кстати, они и оказались. Быстрый осмотр показал, что все они заряжены, оставалось только поджечь фитили, что мы быстро и сделали, приготовив оружие к бою. Всего пицалей оказалось семь штук, судя по однообразности, делал их один мастер.

— Один на месте, следи тут за всем, а мы дальше, — сказал я.

Один стрелок с пицалью и личным оружием остался сторожить амбар

и домик лесника, чтобы никто не сбежал, а мы, подхватив по два ружья — стрелки свои повесили на плечи, я же сунул пистолеты за пояс, — рванули в лес к дерущимся.

Успели мы как раз вовремя. В глубине леса, примерно в сорока метрах кипел нешуточный рукопашный бой. Наши сразу опознавались по униформе, остальные — враги.

С ходу перепрыгнув через два тела (один оказался в нашей, черт!), я пристроил дуло пищали на низкой ветви березы и стал целиться. Вот вскочили двое татей, один вытирал нож о рукав, оставив лежать на земле человека в нашей форме. Я не знал, чем заряжены пищали, поэтому выстрелил в того, кто вытирал нож. Гулко бухнула пицаль, а в плечо, такое впечатление, как будто лошадь лягнула.

Судя по тому, как тать переломился в поясице, его разорвало пополам, пицаль была заряжена каменной дробью, скорее всего речной галькой. Схватив с земли вторую пицаль, я выстрелил в еще трех татей, дерущихся против двух стрелков, те отчаянно защищались, орудуя прикладами. Рядом грохотали выстрелы подбежавших со мной стрелков, так что на их фоне мой выстрел был не особо заметен, но двоих из трех снесло с ног, последнего стрелки без проблем забили прикладами. Били со злости так, что тот превратился в кусок мяса. Они, по-моему, даже кольчугу в тело вбили.

Вскочив на ноги, я рванул из-за пояса пистолет и выстрелил в спину убегающего татя, крича:

— Не дать им уйти! — после чего, рванув из-за пояса второй пистоль, ударил по затылку еще одного татя. Они с одним из моих стрелков, рыча, катались по земле, и выстрелил в еще одного татя, он на четвереньках пытался спрятаться в кустах.

Пока мои выжившие воины добивали раненых татей, живые они нам были не нужны, я стал лечить раненых. Двое были совсем плохи, мне пришлось чуть ли не вытаскивать их с того света. Только одного я спасти не смог, не получилось прирастить обратно срубленную голову.

Из двадцати трех стрелков, что пошли в обход, не ранены были только двое, да и остальные скоро к ним присоединились. Только рваная одежда и рубленные кольчуги давали понять, что недавно они лежали на земле и стонали.

Бывшие раненые в работу не включились, им еще пару дней восстанавливаться, в основном большую кровопотерю, опытные знали об этом, а вот остальные работали за троих. Ничего, с полчаса отлежатся и вполне придут в себя. Может даже ходить начнут.

В это время из кустов вынырнул Михайлов, быстро осмотрелся, кивнул мне и убежал дальше. Молодец, часовые это его работа.

Вдруг с поляны раздался звук выстрела и крики, захлопали пистолетные выстрелы. Оставив одного из десятников за старшего, они уже начали освобождать татей от брони и оружия, я побежал обратно на поляну, спешно заканчивая заряжать второй пистолет.

— Что у вас тут? — спросил я стрелка, которому накладывал на руку повязку один из пушкарей.

«Кстати, надо будет озаботиться санитарной службой, чтобы не отвлекать воинов во время боя», — подумал я, подходя и разглядывая лежавшее на крыльце сторожки тело воина-тата.

— Четверо в доме спрятались, да трое в амбаре. Вот эти сперва из дома выбежали, к ним потом из амбара присоединились, — морщась, ответил стрелок, тыкая пальцем в убитых. Это был Афанасий Сомин из второго десятка, я его хорошо помнил. При тренировках у него постоянно что-то случалось, то фитиль на аркебузе погаснет, то порох намокнет.

— Ушел кто?

— Нет, последнего отроки вон у отхожего места подстрелили. Никогда бы не поверил. С сорока шагов, да из пистоля, — покачал он головой.

— Мы втроем выстрелили, — сказал мальчишка, завязывая бантик на повязке.

— Молодцы, — поблагодарил я и велел: — Отойди, дальше моя работа. Заживив рану, я спросил, есть ли еще раненые. Оказалось, нет.

Пока бойцы аккуратно выносили тело погибшего стрелка на поляну и стали добивать раненых татей на поляне, не забывая освобождать их от амуниции, я присел около постанывающего тела, что лежало у амбара. Остальные для допроса не годились, огнестрельное оружие это страшная сила.

— Глазова работники? — лениво спросил я раненого.

Это был старый, уже седеющий воин, побывавший не в одной схватке. Многочисленные шрамы, отличное оружие, его как раз относили к куче трофеев, выдавали в нем не последнего человека в отряде, работающем под разбойников.

Воин понимал, что отходит и жить ему оставалось немного. Грустно усмехнувшись, он сказал:

— Жаль, что вот так... — закашлявшись кровью, он продолжил: — Русич с русичем. Сами себя...

— Твой хозяин выбрал неправильную месть. В принципе я его понимаю, сам бы мстил, но не такими же способами?! Ладно, побил

Красновских. За что дружину сдал? Людишек его гнобит? Моральный урод твой боярин, по-другому и не скажешь.

В это время на поляну по узкой дороге выехали телеги, за которыми сбегал Михайлов.

— Какой бы он ни был, но мы ему клялись в верности... кха-кха... Он возьмет свое...

— Что он хочет сделать? — сухо спросил я воина, но тот, дернувшись, застыл. Готов.

— Успел что сказать? — спросил подошедший Михайлов.

— Успел... Снимайте и с этого кольчугу, — крикнул я двум стрелкам, они выносили из сторожки какие-то узлы: — Сказал только, что тот что-то готовит, но что — не успел, сдох раньше. Ты проверил, точно никто не ушел?

— Точно. У них в двух километрах табун пасется, там было трое. Сейчас за табуном присматривает Прохор. Надо людей туда отправить, чтобы лошадей перегнать.

— Хорошая новость, значит, покупка лошадей отменяется за ненадобностью. Сейчас десяток стрелков отряжу, пусть гонят трофеи, а остальные пока тут работают. Много добра взяли, надо еще телеги.

— Тут деревенька рядом, послать человека?

— Человека пошли, а сам возьми пять стрелков, посади их на лошадей и в Алексеевку. Нужно брать соглядатаев.

— Всех?

— Всех.

— Хорошо.

Михайлов, забрав тринадцать стрелков, ушел в лес к табуну. Один мальчишка-отрок убежал в деревню за телегами, направление ему показали, а остальные продолжали сбор трофеев и таскание тел разбойников в одну кучу.

— Что скажешь? — спросил я, подходя к Сеницыну, он с интересом рассматривал одну из пищалей. Их, кстати, было не семь, а десять, еще три обнаружались среди убитых пушечной картечью.

— Пищали, причем этого мастера я знаю, — покачав в руках оружие, ответил старший канонир: — Хорошее оружие делает, долго служит.

— Как до него добраться?

— Верст сорок. Он в Новгороде живет, — спокойно ответил Сеницын, укладывая пищаль к остальным. Там уже лежали пояса с чехлами, где находился боезапас.

— Хорошее начинание. Думаю, договоримся с ним о вооружении

дружины и переделке под кремневые замки.

— Он уже стар, если только кому из семьи передал свои знания, — с сомнением проговорил канонир, задумчиво рассматривая увеличивающуюся кучу трупов убитых татей.

— Узнаем... Вершков, сколько там?

— Семьдесят шесть татей, боярин, — закончив считать, ответил десятник.

— Прибарахлились, — задумчиво проговорил я, глядя на целую кучу амуниции. — Ладно, ждем наших людей, когда они табун приведут и телеги, потом возвращаемся в усадьбу.

— Хорошо, боярин.

В усадьбу мы вернулись ближе к вечеру, все-таки слишком много трофеев, пришлось помучиться, пока все описали и погрузили на телеги. Крестьяне стали очень бледными, когда увидели эту кучу окровавленных голых тел. Даже их проняло.

Некоторое оружие и кольчуги прошли предварительную чистку. Нормально чистить, конечно, будем в усадьбе, но пока было время, десяток стрелков занялись этим грязным делом, пока кровь не высохла.

Оставив караван из двадцати телег на дороге, до окончания пути осталось пару километров, я дал коню шенкеля и галопом рванул к усадьбе.

Влетел на территорию усадьбы, ворота все-таки починили. Так что воинам пришлось открывать их, благо меня опознали издалека.

Бросив поводья подскочившему незнакомому пареньку, что-то на подворье было удивительно много народу, я отмахнулся от приветствия подскочившего десятника и спросил у него:

— Михайлов вернулся?

— Да, привез кого-то на телеге. Кого — непонятно, под материей, но шевелилось. Сейчас они в подвале дома.

— Хорошо, я туда.

— Боярин... а как там? — осторожно спросил воин.

«Михайлов, похоже, ничего не рассказывал, сразу пленниками занялся. Хм».

— Мы победили, потеряли только одного, голову срубили. Татей всех побили. Скоро караван подойдет. Начинайте подготавливаться к приему трофеев.

— Ясно, боярин, сделаем, — кивнул десятник. Он немного опечалился, терять своих не хотелось, но и радовался тоже, победа была за нами.

Пройдя мимо открывшего было рот Митрофана Авдеевича, он как раз вышел на крыльцо дома, бросил ему:

— Потом.

Подошел к двери, ведущей в подвал, которую охранял часовой, и начал спускаться вниз.

В импровизированной пыточной кроме Михайлова был еще и Ветров. На веревках видело безвольное тело какого-то страдальца.

— Что у вас? — спросил я, добавив: — Докладывайте.

Ветров немного подвинулся, давая мне место присесть на лавке.

— Боярин Глазов хочет купить эти земли, уже была договоренность с боярыней.

— Почему еще не купил?

— Дорого, хочет цену сбить своими татями. Мол, озоруют, посевы жгут, крестьян убивают.

— М-да. Понятно, рейдерская акция. Что-то мне этот Глазов все больше и больше не нравится. Методики не местные.

— Пекарь говорит, что тот как-то обмолвился, что он декутат.

— Как?! — подскочил я.

Подскочив к бессознательному человеку, я нажал ему на пару точек за ушами. Застонав, тот открыл глаза. Судя по красным капиллярам в белке глаз, у него было внутреннее кровоизлияние мозга. Долго не протянет.

— Как Глазов называл себя?! — не спросил, прорычал я, тряся его за грудки.

— Он сказал, что раньше был депутатом... верхней рады... Кажется, так. Я за дверью стоял... расслышал его разговор с посадником.

Отпустив пленного, я плюхнулся задом на земляной пол и тихо простонал:

— Только хохла мне тут не хватало!

— Он тоже? — через несколько секунд задал осторожный вопрос Ветров, при этом покосившись на Михайлова.

— Похоже... Так, десятник. Ты уже себе бойцов для десятка отобрал?

— Не было времени, там Прохор посматривает, я рассчитывал позже подойти, — спокойно ответил Михайлов.

— Можешь начинать. Свободен.

Главный разведчик дружины встал и спокойно вышел, оставив нас одних.

— Это корчмарь или пекарь? — спросил я, кивнув на снова впавшего в беспамятство пленника, при этом лихорадочно осмысливая полученную информацию.

— Корчмарь... Кто боярин Глазов, ты понял?

— Депутат Верховной Рады, если я правильно понял.

— Это плохо?

— Это враг. Причем враг опасный, у нас только один выход, уничтожить его и окружающих его людей.

— Посадник?

— Поспрашиваем, кому еще он о себе рассказал, и отправляем следом.

— А если не скажет?

— В этой Раде нет мужчин, только слизняки, державшиеся за свое место и гадившие всем и вся. Пальцем ткни, заплачет и в штаны наложит, только бы его не трогали... — Я коротко описал правительство Украины, и это произвело впечатление: — Сами хохлы от нас мало чем отличаются, нормальные люди, адекватные. Был бы там простой обыватель, проблем бы не было, они с головой дружат, но это...

— Дурни, — вот и все, что смог сказать Ветров.

— М-да, да ладно, по ходу дела разберемся. Сейчас нужно подготовиться, через три дня идем в Новгород.

— Все?

— Большая часть ветеранов и человек двадцать новичков. Идем на ушкуях, остальные пусть проходят обучение в усадьбе.

— Хорошо, я распоряджусь.

— Не торопимся, идем спокойно, но нужно заранее отправить в город своих людей, чтобы присмотрелись там.

— А Михайлова?

— Могут опознать, он же местный, рисковать не нужно. Пусть отберет пару человек из стрелков, переоденем их в обычную одежду и отправим на телеге. Пока мы собираемся, они прибудут в город и соберут первичную информацию. Дальше посмотрим.

— Придем в город тихо?

— Э нет, — я хитро улыбнулся. — Стучимся громко в дверь, пусть Глазов подергается.

— Значит, приходим, сообщаем о себе и идем в дом Красновских, так?

— Так. Слух о нашем возвращении из плена быстро разнесется по городу... Жаль, вызвать теперь я его не смогу... Убью, а сведения не получу.

— А если близкого человека взять, тот может многое знать?

— Многое, да не все. Ладно, пошли, у нас еще много дел. В общем, ты понял, выходим послезавтра после полудня. Как раз после ночевки с утреча и будем в городе.

— Хорошо, боярин.

— Что со вторым пленным?

— Заколосся, когда брали, не успели руку перехватить.

— Да? Жаль, допросить его было бы интересно.

Мы вышли из подвала и, приказав вынести тело и закопать. То, что тот еще был жив, мне было глубоко фиолетово, мы с полусотником, теперь уже сотником, направились к казармам. Там размещались новички и старожилы.

Дружины я решил сформировать простым и доступным способом. У меня было три десятка стрелков, теперь стало десять десятков, сотня воинов. Разбавил десятки по три, а то и четыре ветерана, это даст новичкам быстрее усвоить основной материал, жаль только, что огнестрельного оружия пока на всех нет, всего сорок семь единиц, пистолеты я не считаю. В такой же последовательности были сформированы и пушечные расчеты и лучники. Лазутчики отдельно.

Масса новичков, которые уже начинали ходить строем с палками вместо ружей на плечах, под крики ветеранов, были пестры в своих одеждах. Поглядев за тренировками, я только покачал головой.

— Десятников уже отобрали?

— Да, опытные и хорошие воины, вот только среди отроков-пушкарей было мало командиров. Трудно было выбрать, кого поставить старшим.

— Опыт приходит со временем. Ничего, научатся.

— Научатся, — как эхо повторил сотник.

— Когда поедем за продовольствием, нужно закупить большое количество материи. Для пошива униформы и обуви. А то сброд какой-то, а не воинство.

— Сделаем. Шить такую же, как и у нас?

— Да, чтобы была однотипной. У ушкуйников синяя, у воинов зеленая.

— А лампасы?

— Что, понравились? Красиво смотрятся?

— Красиво, — согласно кивнул Ветров.

— Пусть тоже будут.

— Обоз идет! — послышался крик наблюдателя на стене.

— Обоз завтра во сколько планирует выйти? — спросил я, не обратив внимания на крик.

— Как рассветет.

— В пять, значит? Я тоже иду. В обозе с трофеями есть броня и оружие, определи, кому из новичков что достанется. Так же есть табун из полусотни коней, точнее шестьдесят пять, если мне память не изменяет.

Сформируй конную полусотню. Три десятка идут с обозом к соседям, остальные пусть патрулируют земли Красновских.

— Понял, все исполню, боярин.

— Хорошо. Если что, я у себя.

Контролировать своих офицеров мне смысла не было. Во-первых, они знали, что делать. Во-вторых, мне не хотелось, чтобы они подумали, что я им не доверяю, да и не хотелось мне быть в каждой дырке затычкой. В-третьих, пусть учатся управлять большим количеством народа.

Пока новоиспеченная дружина принимала обоз и табун лошадей, я вместе с Митрофаном сидел в трапезной и изучал нарисованную на берестяном свитке карту земель Красновских. Больше всего меня интересовал путь до ближайшего городка, что принадлежал соседу. Не ошибусь, если скажу, что мы его проплывали, когда шли на Новгород, по моему, он находился километрах в восьми от протоки, ведущей к усадьбе. Причем стоял на этом берегу, переплыть будет не нужно, уже хорошо.

Когда я заканчивал, зашел Михайлов.

— Люди отобраны, будешь смотреть, боярин?

— Буду, — решил я.

Три паренька и один взрослый, вот и все мои лазутчики, отправляемые в Новгород. Они входили в десяток, которым теперь командовал Михайлов.

— Инструкции получили?

— Инструкции мы не получали, — отрицательно покачал головой мужчина, было видно, что все четверо новички, не ветераны. — Но что нужно, нам все обсказали, и денег дали. Все сделаем, боярин, не сумлевайся.

— Ясно, — вздохнул я, выбор Михайлова меня не радовал, крестьяне сиволапые, но, похоже, эти были лучшими. А заметив лукавую искорку в глазах старшего, понял, что и это хоть что-то. Надеюсь, справятся.

Опросив их и убедившись, что инструкции они получили вполне полные, даже подробные, отпустил их. Сев в телегу, все четверо лазутчиков выехали с подворья.

— Почему решили отпустить их ночью? — спросил я Михайлова.

— Будет больше времени на изучение города, тем более один из мальчишек там вырос, два года назад переехал в село к тетке. Думаю, у них будет время на сбор сведений, — спокойно ответил он.

— Хорошо. Кстати, пекарь еще что сказал? Есть тут еще люди Глазова?

— Он об этом не знает, но о корчмаре знал, да и про татей тоже. Думаю, больше тут никого нет, если только кто из крестьян им помогал.

— Да, — согласился я. — И выхода на главного у него нет.

В это время разгруженный обоз увели за хозяйственные пристройки, телеги с возницами, которые мы «заняли» в одной из деревень, отправились туда же. Я решил, что чем больше пойдут телег с нами завтра в город, тем лучше.

Большая часть дружины возилась у трофеев, их уносили к колодцу и казармам чистить и приводить в порядок перед распределением.

Весь вечер мы распределяли вооружение и броню. Подбирали по размерам и под руку. В стрелковых десятках было примерно по пять ружей или пищалей. Ветераны, как стрелки, так и пушкари, начали активно обучать новичков. Было много таких, кто боялся не то что стрелять, а взять в руки — «ужас как страшно эта палка грохочет», но, думаю, со временем это все пройдет. Мои ветераны раньше тоже боялись выстрелов, даже стреляли с закрытыми глазами. А сейчас ухмылялись да посмеивались в отросшие усы над «сиволапыми крестьянами».

В общем, мы успели до ночи сбить сотню по десяткам, будущие бойцы запомнили своих командиров, получили оружие и часть брони, примерно сорок процентов было отправлено к сельскому кузнецу на ремонт. После картечи некоторые кольчуги оказались попорчены.

Проведя последний смотр, перед самой темнотой, я отпустил «войско» отдыхать.

— М-да, «войско», — со вздохом пробормотал я.

— Полгода и они станут хорошими воинами, — пожал плечами Корнилов, идущий рядом. Он был со мной полностью согласен.

— Значит, так, немного переиграем. В каждом десятке должно быть по два ветерана, это десятник и его зам, вот они и будут отвечать за обучение. Из остальных ветеранов сформировать два отдельных десятка, они будут моей личной гвардией, их-то я и буду использовать в Новгороде. Авдей, займись, ты ими и станешь командовать, старшим десятником теперь будешь. Выбирай тех, на кого можно положиться.

— Сделаю, — серьезно кивнул Корнилов. — Когда начинать?

— Да прямо сейчас и займись, пока они не успели притереться друг к другу. Десятки по десять человек.

— Хорошо, боярин, — развернувшись, теперь уже старший десятник зашагал к казармам.

— Что у вас по обозу? — спросил я остальных офицеров.

— Воины для охраны подготовлены, это третий десяток, пятый и шестой. За каждым воином закреплен конь и оружие. Они уже

тренировались на поле перед усадьбой. Плохо, конечно, но в седлах держатся. Только воины показали себя с хорошей стороны. Но сам знаешь, их пока мало.

— Хорошо. Артиллерия?

— Много пушек брать смысла нет, поэтому решили ограничиться одной...

«Ничего себе?! Как речь-то правильно поставил», — мысленно хмыкнул я. Моя привычка говорить не всегда понятные слова уже вошла в поговорку. Я сразу предупредил воинов. Если что непонятно, спрашивайте, вот мои офицеры и спрашивали, осмысливая мои пояснения. За полтора месяца совместного плавания их словарный запас успел изрядно обогатиться, вот как сейчас например. Митрофан Авдеевич, когда слушал наши разговоры, жмурился и тряс головой, пытаюсь понять, о чем мы говорим.

— ...решили послать с обозом не один расчет, а два. Пусть притрутся друг к другу. Свободные расчеты я решил отправить на ушкуи, пусть будут там. К тому же и потренируются. Дозволяешь ли, боярин?

— Дозволяю, для тренировки пусть сделают пять-шесть выстрелов, только учебным материалом, а не свинцом.

— Речной гальки много насобирали, хватит, — уверенно кивнул Сеницын.

— Кстати, сколько у нас пороха осталось?

— После последних покупок в Твери четыре больших бочонка для пушек, два для ружей. Еще три початых, среднего размера.

— Ясно, значит, так, все початые и по одному бочонку для пушек и ружей используйте для тренировок.

— Не много ли, боярин? — усомнился главный канонир.

— Мне не нужны расчеты, плохо знающие свое оружие и боящиеся выстрелов. Нужно убрать этот недостаток, а кроме как активной стрельбой этого не добиться. Работайте.

— Хорошо.

— Кто идет старшим в обозе?

— Всадниками командовать буду я лично, а артиллеристами десятник Збруев, — ответил Ветров.

В это время мы подошли к крыльцу дома и остановились на ступеньках, не спеша войти внутрь. Мои офицеры получили по комнате и тоже ночевали, как нормальные люди.

— Збруев? Не рано ли?

— Это будет ему полезным уроком и опытом командования, — в этот

раз ответил Синицын.

— Ну, вам виднее. Ладно, работайте, а я спать. А то что-то день тяжелым был. В общем, утро вечера мудренее. Спокойной ночи, воины.

— Спокойной ночи, боярин, — хором ответили мои офицеры.

— Эге-гей! — послышался крик за лесным поворотом и донесся перестук копыт.

Передовой десяток приготовился к бою, держа наготове ружья, были они не у всех, всего у половины, но и это страшное дело. Метелка будет еще та.

В это же время из-за поворота вынесся молодой парень, из передового дозора. Остановившись у головного десятка, он остановил коня, заставив того гарцевать, и, о чем-то переговорив с Ветровым, после разрешающего кивка унесся обратно. Сотник же поспешил ко мне.

— Дозор докладывает, что лес закончился, до города осталось едва три версты. Почти дошли, боярин, еще час и будем на месте.

Я посмотрел на стоявшее в зените светило, с утра выехали, и только ближе к одиннадцати добрались до города. Далеко же этот город находится от усадьбы, а ведь еще возвращаться.

— Обедать сейчас не будем. Придем в город, там и закупимся готовым. Продолжать движение, как только выйдем на открытую местность, нужно будет прибавить скорость.

— Хорошо, боярин.

Через час, миновав дома, окружающие крепостную стену, мы выехали к воротам.

Тут мне пришлось выдвигаться ближе, чтобы пообщаться с охраной, все-таки мой обоз.

— По какому делу прибыл в детинец, боярин? — спросил седоусый воин, старший стражник. Кто я такой, ему уже сообщили мои воины.

— Закупить материалы, оружие и ткань. Тратить буду много.

— Надолго?

— До вечера должны управиться... Скажи, воин, как тебя зовут?

— Афанасий, боярин, — ответил стражник, заметив, как у меня между пальцев заиграла серебристым цветом монетка.

— Мне нужно кое-что знать для себя. Например, где можно накормить всех моих людей разом, есть ли на базаре в продаже огнестрельное оружие и порох.

— Поснедать можно у Семена-корчмаря, шельма еще та, но у него всегда есть что поставить на стол, да и повар хорош. Жалоб на него

никогда не было. У Семена останавливаются купеческие караваны, так что он всегда готов их встретить. Насчет огнестрельного оружия, то да, есть, пищали, ружья. Про порох не знаю.

— Держи, заслужил. Выпьешь за наше здоровье, — дал я ему монету.

— Благодарствуй, боярин, — поклонился воин.

По его указке мы сразу за воротами свернули налево и через сто метров подъехали скорее к постоялому двору, чем к корчме. Из конюшни сразу же выбежало пяток слуг, принимая коней. Из-за двери самого большого дома на крыльцо вышел дородный мужчина, который, осмотрев нас острым, оценивающим взглядом, особенно воинов, расплылся в улыбке и, мгновенно вычленив, кто тут командир, рванул ко мне, подобрастно улыбаясь.

— Добрый день, боярин, я рад вас видеть у себя в корчме, — залебезил он, чувствуя запах денег.

«Интересно, он наугад сказал мое звание или просто предположил?» — мысленно хмыкнул я, разглядывая пройдоху общепита.

— Ты Семеном-пройдохой будешь? — скрывая улыбку, спросил я.

— Брешут, как есть брешут, — перекрестился корчмарь.

— То есть ты не Семен? — теперь улыбку я скрыть не мог.

— Семен, боярин, но самый честный человек в городе.

— Посмотрим, когда расплачиваться будем. Значит, так! — гаркнул я. — Накормить всех моих людей. Выполнять!

— Сей момент будет сделано, проходите в трапезную, как раз полдень, никого нет.

Зал был большой и, по прикидкам, мог вместить до шестидесяти человек, в принципе мы вмещались, еще парочка мест осталось свободными. Не соврал стражник, похоже, действительно у него купцы останавливаются. Размеры зала подтверждают. Пяток половых засуетились между столов.

Мы с Ветровым устроились за отдельным небольшим столиком, остальные мои воины и возницы за соседними длинными столами. Разница была только в том, что у нас были табуреты, а у остальных лавки, а так то же самое, ну кроме того, что мой стол обслуживал персональный официант. Или как их здесь называли, половой.

Через пять минут столы ломились от холодных закусок, пока разогревалось горячее.

— Часового во дворе оставили? — спросил я Ветрова. Из старших офицеров тут был только он, Корнилов проводит обучение сотни, Синицын пушкарей, а Немцов из полученных парней готовит команды для ушкуев.

— Двоих новичков. Пусть учатся службу нести.

— Хорошо. После обеда впятером пойдём на рынок... — Я отрезал от зажаренного на углях поросенка кусок мяса и, макнув его в подливу, отправил в рот. — М-м-м, вкуснятина. Так вот, прикинем, что нам надо, потом уже посылаем за телегами и начинаем закупать. Полные телеги отправляем к воротам и формируем там обоз, чтобы сразу отправиться обратно.

— Да, на закупку тогда понадобится меньше времени. Может даже, до темноты успеем вернуться в усадьбу, — согласился Ветров, он сражался с жареным осетром, и тот ему явно проигрывал.

В это время, наконец, принесли горячее. Мне уху, Ветрову пироги, он их хомячил за милую душу. Большой любитель, везде, где мы останавливались в городах или селах, закупал с запасом.

Кстати, уха это не рыбный суп, как я думал, когда мне предложили в первый раз. Нет, оказалось, ухой в местное время называлась вся жидкая пища, супы короче. Сейчас передо мной исходила паром тарелка щей. Настоящих, настоянных в печи. Да еще присыпанные свежей зеленью и еще с ложкой деревенской сметаны. Ум-м-м, вкуснотища.

Кстати, тут оказалось не ели щи сразу, а настаивали ее в печи пару, а лучше три дня, получались они с умопомрачительной кислинкой, за которую я так и полюбил эти щи, когда попал на Русь. Отсутствие картошки, конечно, было непривычно, но я пока терпел. Пнуть, что ли, Христофора, чтобы быстрее открыл Америку, или, может, самому за картошкой сплавать?

Щи, что выставил на стол Семен, были сделаны мастером, я уже стал немного гурманом, поэтому по запаху определял, вкусны щи, то есть уха, или нет.

Отодвинув тарелку, я посмотрел в сторону кухни с сомнением. Нет, второй такой тазик я не осилю.

Ветрова немного забавляла моя манера есть уху вприкуску не с хлебом, а тут он был хорош, еще горячий, а с пирогами. А что? И тут хлеб и там, только по-разному приготовлено, да одно с начинкой.

— Сейчас сбитень допью и пойдём, — ответил я на молчаливый вопрос сотника.

Ветров и некоторая часть его людей уже успели пообедать. Поэтому кто тяжело отваливался от стола, кто выходил во двор, оголодавшие крестьяне не только ели, но и собирали недоеденное в узелки, некоторые воины сами отдавали, детишек покормить. Я вообще не понимаю, как это

крестьяне не могут себя прокормить?! Лес, поля — и здрасте, голод. Хня какая-то.

Со вздохом поставив пустую кружку на стол, я поймал ожидающий взгляд корчмаря, стоявшего за импровизированной стойкой, и повелительно махнул рукой, подзывая к себе. Пора расплачиваться.

— Сколько? — спросил я, как только он подскочил ко мне.

— Так, сорок семь пирогов с капустой...

— Сколько?

— ...четыре поросенка на вертеле...

— Сколько?!

— ...ухи четыре ведра... — не обращая внимания, как я завожусь, и на хихиканье Ветрова, продолжал перечислять корчмарь. Привык дела все с купцами иметь. Те пока двадцать раз не пересчитают, не заплатят.

— Да сколько, твою мать?!

— Рубль серебром, — закрыв глаза от своей смелой наглости, разом ляпнул корчмарь.

— Ну наконец-то, — вздохнул я и, отдав ему небольшой серебряный слиток, встал и добавил: — Мои люди до вечера у тебя побудут, потом уйдут. На вот тут тебе еще. Перед тем как отправится обоз, отдашь старшему сорок пирогов на дорогу. Ясно?

— Сделаю, боярин, — поклонился корчмарь.

— Все, иди.

Кивнув Ветрову на выход, я направился во двор. Уже отобранные воины ждали нас.

Чтобы не мучиться, да и городок небольшой, больше крепость, чем город, мы отправились пешком на местный базар, благо он работал дотемна.

Базар находился не так далеко, от ворот к корчме мы повернули налево, а базар находился направо от ворот, поэтому, пройдя их и приветливо кивнув тем же стражникам, мы прошествовали до базара.

Был он не так чтобы большой, десяток лавок да штук пять торговых рядов под навесами. В каждом ряду от шести до десяти продавцов со своими товарами.

— Найдите мне говоруна, — велел я своим людям.

Ходили они со мной не в первый раз, ну двое новичков в первый, поэтому знали, что нужно делать. Почти сразу по знаку Ветрова один воин отошел в сторону, пока мы обозревали базар и, найдя грязного мальчишку, который про все тут знал, подвел к нам.

— Боярин, это Семен, он обещал нам помочь, — сказал стрелок.

Осмотрев худого мальчишку лет одиннадцати, которого даже не ветром качало, сам от голода чуть не падал, я согласно кивнул.

— Купи ему что-нибудь поесть, а то вон какой худющий, — велел я воину, потом, слегка наклонившись, спросил: — Ты кто?

— Семен, мельника сын.

— Как здесь оказался?

— Да нас тати спалили. Я один спасся, батя меня в окно выкинул, я в лес и утек... а они в доме так и остались, — в несколько приемов, глотая слезы, ответил мальчишка.

— Красновские земли?

— Д-да, — кинул он, вытирая грязным рукавом лицо.

— Понятно. Жаль, раньше я не успел... Я боярин Красновский, вернулся из крымского плена... А татей больше нет. Я их вчера побил своей дружиной, семьдесят разбойников, ни один не ушел.

— Правда? — недоверчиво переспросил пацаненок.

— Воин, который тебя привел, там был. Даже рану получил. Спроси у него, если хочешь.

— Я тоже там был... — сказал один из воинов.

— И я, — добавил второй. Новички промолчали, их в том бою не было.

В это время вернулся тот воин, что привел мальчишку, Олег Зимин, если не ошибаюсь, и протянул ребенку лепешку с начинкой. Небольшую. Курсы фельдшеров я провел хорошие. Знает, что такое переедание после долгого голода. Схватив лепешку, тот впился в нее зубами, жадно заглатывая куски.

— Пошли, покажешь нам тут все, расскажешь, что и где есть, — взял Семена за плечо. — Ты один остался? Ко мне пойдешь в услужение?

— Пойду, боярин, — серьезно кивнул Семен, дожевав последний кусок и жадно посмотрев в сторону торговца, что продавал на ходу еду.

— Сейчас тебе нельзя, потерпи.

— Хорошо, боярин. Спрашивай, все, что знаю, скажу. Я тут всю весну подрабатывал у разных лавочников.

Мне все больше нравился этот не по годам серьезный мальчишка.

— Зачем? — тихо спросил Ветров.

— Каждому надо дать надежду. Пусть будет моим ординарцем... э-э-э, оруженосцем. Пройдет курс молодого бойца и будет помощником, — ответил я, когда мальчишка убежал куда-то между рядов. Меня первым делом заинтересовало, продаются ли тут пищали и ружья. Оказалось, что даже пушки были в продаже, только их никто не берет. Боятся. Вот Семен и убежал узнать, открыта эта лавка или нет. Она стояла обособленно,

другие торговцы не любили, когда рядом с ними что-то взрывалось или грохотало, поэтому и «попросили» владельца перенести лавку в сторону.

Мальчишка вернулся быстро. Судя по довольному лицу, лавочник был на месте, это-то и подтвердилось звонким мальчишеским голосом.

— Идем, — велел я своим, и мы зашагали вслед за гордым Семеном, шествовавшим впереди.

В ста метрах от базара, в небольшом переулке, между высокими заборами, действительно находилась довольно большая лавка. Судя по тому, как большая ее часть находилась на территории одного из подворьев, хозяин или договорился арендовать у хозяев землю, или сам был хозяином. Думаю, второе вернее, кто будет терпеть рядом бесовское оружие?

Хозяином лавки обычно были или худенький старичок с козлиной бородкой, или дородный купец с окладистой бородой, я уже к этому привык. А тут пышущий здоровьем парень лет двадцати пяти, ближе к тридцати, с испанской бородкой, в ярко-красной выходной рубаше и синих штанах. Он как-то не походил на торговца, может, сменщик?

— Добрый день, боярин, — поклонился он, когда я с Ветровым вошел в лавку. Видимо, Семен еще успел и предупредить обо мне. — Рад видеть тебя в лавке моего отца, Георгия Землицкого. Я Арсений Землицкий. Слежу тут за всем, пока отец в Новгороде. Там у нас еще одна лавка.

— Вот что, Арсений. Мне нужно знать, есть ли у тебя пушки, ружья, пищали, свинец, ну и порох, конечно.

— Пушки у нас есть, — не совсем уверенно обернувшись на занавеску, которая закрывала часть лавки. — Но не наши, батя их у византийских немцев купил.

— Показывай, — велел я ему, после чего, обернувшись, велел одному из воинов, он стоял в дверном проеме: — Возвращайся в корчму, приведи сюда пушкарей и шесть свободных телег. Еще пять воинов для охраны. В корчму они уже не вернуться, так что пусть все свое забирают сразу. Остальные пусть ожидают.

— Сделаю, боярин, — кивнул воин, слегка склонив голову, он вышел из лавки и скрылся среди редких прохожих. Тут в переулке было не особо большое столпотворение.

— Ну что? Начнем? — спросил я, хлопнув в ладони и потеряв их друг о друга.

— Начнем с тюфяков, именно они вас интересуют больше всего, как я понял, боярин?

— Именно, — согласился я.

— Тогда пройдем сюда, тут у нас отдельное помещение, — пригласил

за занавеску продавец.

Арсению пришлось отодвинуть занавеску, в этой части лавки не было открытых оконных проемов, поэтому царила темень. Не обращая внимания, как Арсений зажигает лучины, удары по кремню и чертыханье было слышно отчетливо, я рассматривал шесть длинноствольных бронзовых пушек. Это были однотипные вертлюжные картечницы, которые так любил Синицын. У нас было три похожих, даже в обозе была одна. Эти тоже были вертлюги, но калибр, как мне показалось, был чуть на полсантиметра, но больше.

Услышав за спиной удовлетворительное хмыканье Ветрова, он их тоже успел опознать, я присел у крайней пушки и неторопливо осмотрел.

По виду новье, но чтобы осмотреть ствол каждой, нужно их вынести на улицу, там светло, не то что в лавке в полутемени.

— Подорваться не боитесь с открытым огнем? — спросил я, кивнул на лучины и чадящий факел.

— Тут пороха почти и нет, пару мешочков вот на тех полках, — спокойно ответил подошедший Арсений.

— Понятно. Это все пушки или еще есть?

— Да куда тебе еще, боярин?! — изумился продавец.

Я молча смотрел на него, не отвечая. Поежившись, Арсений ответил:

— Есть еще три, но они больше. Было четыре, но одну купил один князь, когда проплывал мимо.

— Показывай.

Три большие пушки оказались стандартными шестифунтовыми пушками, я даже клеймо нашел такое же, как и на наших. Сразу видно, что вышли они из одного заводика, на картечницах были такие же клейма.

— Это все?

— В Новгороде у бати в лавке есть еще. Но сколько, я не знаю, — честно ответил парень.

Как он нам пояснил, они были местные, и весь товар у них хранился именно тут, а в Новгороде только небольшая партия по одному или два экземпляра.

— Ядра есть к большим пушкам?

— Штук сорок всего, чугунные.

— Порох?

— Шесть больших бочек, но не тут, а в землянке. Для ружей тоже надо?.. Да есть четыре средних бочонка.

— Сколько за все?

— Э-э-э... — задумался он.

Тут было понятно, почему он затупил. Покупают-то обычно по одному экземпляру, да и то не сразу. Раз пять придут, в руках повертят. Пару раз на пробу стрельнут, и только потом, скривив лицо за ненужные траты, купят-таки пистоль али немецкое ружьишко. Русские пищали, развешанные на стене, малого кого интересовали, мол, тяжелые. А то, что они самые надежные и лучшие по качеству, из местных мало кто знал.

— За большие тюфяки два рубля золотом. К ним еще огненный припас два фунта и все ядра, — зачесав затылок, видимо, для стимуляции мозговой активности, наконец, разродился продавец. — За малые тюфяки три рубля серебром, и огненный запас в пять фунтов.

— А свинец?

— А зачем он? Ты же еще пищали не купил, а из пушек каменной дробью стреляют, — искренне удивился Арсений.

— М-да, дикари, — покачал я головой.

В это время снаружи послышался стук копыт, треск колес по остаткам брусчатки, веселые возгласы моих сопровождающих и только что прибывших.

— Наши прибыли, боярин, — зачем-то известил меня Ветров.

— Слышу. Давай сюда артиллеристов, пусть осматривают и принимают пушки. Если они в хорошем состоянии, то берем все.

— Хорошо.

Ветров вышел и окликнул пушкарей. Через полминуты они гурьбой втиснулись в лавку.

Арсений молча, большими глазами разглядывал, как шестеро мальчишек после приказа боярина подхватывают тюфяки по одному и выносят на улицу. Там они уверенно осматривают их, суют руки в жерло больших пушек, как это только что делал боярин, и перекликаются непонятными фразами. Присмотревшись, лавочник понял, что только двое, в синей униформе и с красными, в ладонь шириной, полосками на штанах, действительно осматривают уверенно и со знанием дела, а четверо остальных, одетых как крестьяне, у них даже оружия не было, кроме боевых ножей, только повторяют за теми двумя.

Эти двое настолько привлекли его внимание, что он стал пристально их изучать. Они были в синей однотипной одежде, как и у воинов боярина, больше похожей на форму. При саблях и пистолях, у одного, что на вид постарше, была еще кольчуга, шлемы были у обоих.

В данный момент они осматривали одну из малых пушек и перебрасывались загадочными фразами:

— Тут запальное в норме. Не прогорело, хотя пострелять им пришлось, — сказал тот, что в кольчуге.

— Внутри не разношено, но царапины есть. Камнями они стреляли, что ли?! Варвары. Придется изрядно поработать банником, пока не уберешь, — добавил второй, изучая жерло, рука не лезла, так он пальцами, насколько мог сунуть, изучал.

Потом они катали ядра и пробовали каждое сунуть в жерло пушки. Из сорока семи наличных ядер восемь были забракованы, два вообще не залезли.

— Калибр не тот, — услышал еще одну загадочную фразу лавочник от одного из мальчишек.

Артиллеристы мои быстро, но тщательно осмотрели пушки, выявили ряд мелких и незначительных дефектов, которые вскорости можно убрать. Но Арсению об этом, естественно, не сказали, сбив цену процентов на двадцать, думаю, он все равно не прогадал. Шестифунтовые были без лафетов, даже самодельных, поэтому их погрузили по одной на телеги, картечницы по две. Закончив загружать пушки и припас, мы вернулись в лавку, где начали изучать ружья, новгородские пищали и пистолы.

— Пистолей только восемнадцать, их довольно неплохо берут. Ружей двадцать шесть, семь для конников, девятнадцать морские, с корабля все оружие.

— Пищалей сколько? — изучал я кавалерийское оружие, оно было другое, не то, что мы купили на Руси. Все оружие тоже было фитильным.

— Сорок две, брали на реализацию, да вот не особо берут, недавно дружинники новгородского боярина Глазова купили двадцать штук, но обычно берут по одной, иногда по две. Для потехи больше.

— Понятно. Тогда осматриваем и берем все.

— Все?! — изумился Арсений, но тут же быстро пришел в себя. Все так все.

Теперь уже стрелки со знанием дела вертели ружья, пищали и пистолы, откладывая в сторону хорошие образцы. Из всего вооружения они уверенно отложили только два ружья, с расстрелянными вдрызг стволами

и разболтанными прикладами. Еще шесть были в среднем состоянии, но для стрельбы еще годились. Остальные во вполне приличном состоянии, даже маслицем смазанные для сохранности.

Как только ружья были складированы на телегах рядом с пушками и укрыты полотнищами материи, я расплатился за них и отправил телеги под охраной к воротам. На одной телеге везли около ста килограммов свинца, там же были пулелейки и мешки для пуль и пороха. Амуницию мы тоже выгребли всю.

Потом договорились с Арсением, он как раз закрывал опустевшую лавку, о закупке пороха. После чего отправил его с одним из бойцов к корчме за подводами, дальше они уже разберутся сами. Воину я дал денег на покупку, ожидать они нас будут там же у ворот.

Семен, который ожидал нас снаружи, крутился у отроков-пушкарей, а когда те уехали, у одного из воинов расспрашивал, как мы татей побили, он сразу же подскочил ко мне, как только мы вышли.

— Куда еще, боярин? — спросил он меня, с интересом глядя, как Арсений, закрыв лавку, куда-то удаляется с одним из моих воинов.

— Нужно закупить продовольствия. Много. Еще скотины, коровы, козы, куры.

— Хм, — мальчишка задумался. — Тут торгуют зерном и скотиной два купца, к кому вести?

— К обоим, — вздохнул я.

— Тогда нам туда, к лавкам.

Мы быстрым шагом направились к базару, невольно осматривая торговые ряды.

Тут мое внимание привлек прилавок, за которым стоял рыжеволосый торговец лет сорока, с худой, какой-то нескладной фигурой, в теплом, весеннем зипуне. Это летом-то?

Заинтересовал меня не он, а его товар, выложенный на прилавке. Он торговал тюками с материей. Разной.

— Сколько у тебя таких? — спросил я, ткнув пальцем в зеленый тюк.

— Восемь, барин, — поклонился торговец.

— Две телеги сюда. С охраной, — негромко скомандовал я Ветрову.

Пока тот ставил задачу воину, я осмотрел выставленный товар. После чего купил все восемь тюков с зеленой материей, цвет немного не совпадал с униформой, что носили мои воины, но совсем немного. Потом четыре тюка с синей и один с красной материей. Еще шестнадцать тюков с белой мягкой материей для исподнего. Когда я расплачивался, подъехали телеги, поэтому мы, загрузив их купленным товаром, отправили к воротам.

После покупки мы направились дальше. Все лавочники и лоточники раскланивались, когда я проходил мимо. Все уже знали, что на базаре находится боярин, который, почти не торгуясь, скупает большие партии товара, поэтому торговцы всем видом привлекали к себе внимание, не забывая ткнуть в бок своих зазывал, чтобы те перекрикивали чужих.

Пройдя к большим лавкам, мы подошли к той, у которой на деревянном настиле лежали мешки с разными крупами, зерном и мукой.

Это была лавка купца Христосова. Самого купца не было, за него торговал приказчик.

— Боярину что-то нужно? — подобрастно кланяясь, спросил приказчик.

Семен, который стоял рядом, осторожными шажками спрятался за мою спину. В глазах приказчика что-то мелькнуло непонятное, когда он увидел мальчишку, но ничего не сказал, только поклонился еще ниже, когда я нахмурился.

— Мне нужно сорок пудов зерна и круп. Сорок дойных коров, восемь бычков. Около пятидесяти коз и до ста куриц. Ты можешь меня этим обеспечить? — спросил я приказчика.

— Да, боярин. Всенепременно. Большая часть товара лежит в амбаре хозяина, но я сейчас же пошлю людей, чтобы они привезли все недостающее. Стадо находится за городом, у деревни Гришино, козы и куры там же, на подворье хозяина. Их пригнать к южным воротам или восточным?

— К этим, — ткнул я пальцем в видневшиеся ворота.

— Будет сделано, боярин.

— Хорошо, тогда начинай... И еще, есть тут возможность нанять транспорт, перевезти часть груза?

— Конечно, боярин. Охочих подзаработать людишек всегда хватало. Бросить клич, боярин?

— Да.

— Сколько нужно телег, боярин?

— Штук двадцать пять — тридцать хватит.

— Будут, боярин. Сей момент будут.

Пока приказчик сутился, я отправил человека за оставшимися телегами и охраной. Закупаемся и уходим, а то время уже часа три, если по солнцу судить.

— Кто у нас спец по продовольствию? — спросил я Ветрова.

— Митрофан Авдеевич отправил с нами своего человека. Игорь, кажется, он оставался в корчме, — ответил тот.

— Хорошо, найди его, пусть осматривает каждый мешок. Корову, козу и курицу. Чтобы ни гнилого, ни больного не было. Ясно?

— Сделаем, скоро обоз подъедет и начнем.

Но обоз не успел, рядом с торговыми рядами образовалась пробка из телег. Первыми подоспели те, кто хотел подзаработать на перевозках, были и амбалы-грузчики. Ветров, ругнувшись под нос, с одним из своих воинов пошел наводить порядок, чтобы пропустить обоз. Грузим сперва его, потом уже и пришлых.

— Боярин, меня сотник послал, — подергал меня за рукав какой-то тщедушный мужичок в обносках.

— Игорь?

— То я.

— Нужно проверить весь груз. Сможешь?

Игорь с сомнением посмотрел на множество мешков, потом попросил помощников. Выделив ему двух амбалов из пришлых, чтобы те развязывали мешки и таскали их, отошел в сторону, наблюдать, как работает профессионал.

К моему удивлению, часть муки он забраковал, обнаружив там жучки. Приказчик немного поспорил, но потом махнул рукой, эти мешки отнесли в сторону. Понимал, что цену на них хорошую не дадут. Если будут в настроении, то вообще за такой товар не то что морду набить, но и скормить его весь продавцу могут. Бывали прецеденты.

В течение двух часов большая часть телег была загружена и отправлена к воротам, сейчас грузили пришлых, прямо с подъезжающих телег купца. Лавку мы уже подчистили.

— Семь пустых телег осталось, — кивнул на ожидающих возниц Ветров.

— Да, оставлять их не надо, — согласился я, ища взглядом куда-то пропавшего Семена.

Обнаружился мальчишка рядом с Игорем, они о чем-то оживленно болтали, видимо, будучи знакомы. Наверняка этот Игорь знал мельника, соответственно и его сына.

— Семен! — окликнул я мальчишку, отчего тот сорвался с места и побежал ко мне.

— Слушаю, боярин.

— Веди во вторую лавку, эту мы уже подчистили.

— Хорошо, она в соседнем ряду.

Мы направились в соседние торговые ряды, пока не вышли к похожему лабазу, с мешками. Было видно, что эта лавка уступает по размерам той,

где мы были. Видимо, Семен поэтому и повел нас сперва к Христосову.

Тут тоже был приказчик, но, как я понял, из родственников купца. После осмотра Игорем мешков с крупами и зерном я расплатился, и мы вместе с телегами направились к выходу.

— Наверное, у местных купцов давно не было таких хороших дней, у двоих скупили товара почти полностью, еще у двоих большую часть, — хмыкнул Ветров, заметив, как нас провожают взглядами местные жители.

— Наварились, я думаю, на нас изрядно, только на оружии сам-два, рассчитывали, конечно, на сам-три, но тут парни пушкари молодцы, нашли несколько мелких дефектов, раздув их до гигантских, — ответил я.

— Сейчас сразу выдвигаемся?

— Да, нужно поторопиться, хотелось бы до темноты дойти до усадьбы.

За воротами стоял наш обоз, который охраняли воины. Народу было достаточно, мы изрядно привлекли внимание, могли и стянуть что, если зазеваешься. Воришек, что бы ни говорили на Руси, хватало.

Положив руку на плечо Семена, он шел рядом как привязанный, и показал на телегу, где устраивался Игорь. Этим жестом я показал мальчишке, что не забыл о нем.

— Все в сборе? — спросил я десятника, что занимался охраной обоза.

— Да. Там только приказчики купца подходили, что стадо пригнали и телеги с курами. Я к стаду послал шестерых воинов, чтобы присмотрели. Они нас на дороге ждут.

— Хорошо. Тогда выдвигаемся.

Нам с сотником подвели коней, мне моего гнедого, а сотнику одного из боевых коней татей. Вскочив в седла, мы возглавили обоз из девяноста двух телег. Десяток воинов охранял сзади. Десяток шел спереди. Остальные создавали боковое охранение. Через полчаса, когда мы отделились от города на километр, встретились со стадом.

Тут нам пришлось задержаться чуть ли не на час, пока не проверили животину, не уплатили и организовались для дальнейшего движения.

Большую часть коз банально привязали к телегам сзади, по одной или две. Мешки с курами на мешки с зерном, а стадо погнали сзади. Как сказал Игорь, вполне здоровые буренки и бычки. Думаю, Митрофан Авдеевич будет рад, проблема с продовольствием для дружины на ближайший полугод решена, а то уже и так голодающих крестьян приходится обирать. Правда, платя за продовольствие.

Кстати, семеро из возниц, что были из Алексеевки, в складчину купили шесть мешков с мукой, те, что с жучками. Эти возницы успели подзаработать на вырубке кустов, так что деньги у них были.

Шли мы весело. Даже с песнями. Пироги, которые нам оставил корчмарь, за время пути исчезли в наших бездонных желудках. Мне достался кусок со сладкой репой в виде начинки.

Честно говоря, я, избалованный картошкой, был довольно в сложных отношениях с этим овощем. Здесь он был повсеместно, его ДАЖЕ ИСПОЛЬЗОВАЛИ В ЩАХ! Репу я не любил, и это еще было слабо сказано, поэтому, откусив пару раз, сморщился и отдал Семену, этот как пылесос все ел без каких-либо последствий.

К вечеру, за час до того как стемнело, мы въехали в распахнутые ворота имения. Дальше уже командовал Митрофан Авдеевич. Коровники в усадьбе уже были готовы, отремонтированы, так что коров сразу погнали туда, пока воины разгружали телеги в амбары и хлебные закрома. В коровнике уместилось всего тридцать коров, остальных я велел отдать самым бедным семьям, у которых много детей, на прокорм безвозмездно. Митрофан Авдеевич благодарно кивнул, он знал, кому их распределить.

Как и коров, коз мы тоже взяли не всех, штук двадцать, остальные также на распределение, только несколько потрепанные в мешках куры все уместились в курятнике. Когда амбары забили мешками, выяснилось, что нужно разгрузить еще четыре телеги. Те, что с оружием, уже освободились, там суетились Ветров, Корнилов и Сеницын, прикидывая, кто из сотни получит оружие. Я, еще когда ехал, составил план кому что. Из сотни ружья в полной мере получают с первого по седьмой десяток, у остальных пока по три-четыре ствола. Все кавалерийские ружья, как старое, так и вновь закупленное возвращаются на ушкуи, они уже считались судовым оружием. Пистолеты для пушкарей, опыт подсказал, что они им нужны. По пушкам, две картечницы из шести идут на ушкуи, остальные используются для обороны усадьбы. Из трех шестифунтовых одна в трюм «Беды», как НЗ, остальные остаются в усадьбе. Сеницын успел не только принять оружие и боеприпасы, но и распределить расчеты, закрепив за каждым определенное орудие.

Тюки с материей отправились в дом, скоро все швеи Алексеевки и ближайших деревень сядут за иголку и будут шить униформу моим бойцам, зарабатывая себе этим на хлеб.

Пришлые возницы, получив плату, не оставаясь в усадьбе, сразу сформировав обоз, вышли со двора и отправились обратно. Как мне сообщили дозорные, они дошли до леса и встали там на ночевку, образовав из тридцати двух телег неправильный круг. Опытные, все сделали для обороны. Наши же крестьяне заночевали в усадьбе.

Так этот нелегкий день наконец закончился. Перед тем как идти спать,

я пристроил Семена под командование Синицына, у него основной контингент расчетов чуть старше мальчишки, так что обучит как надо, опыт уже наработали. Его уже даже поставили на довольствие и включили в один из расчетов. Ничего, освоится.

— Ну что там? — спросил я Немцова. «Беда» уткнувшись в заросли ивы, стояла на выходе из протоки, малое судно за нами. Густо растущие тут ивы не давали со стороны реки рассмотреть наши суда, включая мачты. Такое впечатление, будто их тут специально посадили. Хотя кто знает, может, и специально.

— Две ладьи на Ильмень идут, к Новгороду, стало быть, — передал он мне слова наблюдателя.

— Тогда ждем, когда пройдут, выходим и следуем за ними.

— Хорошо, боярин.

Как только ладьи скрылись за поворотом реки, мы вышли из протоки и последовали за ними. Через два часа, когда мы почти догнали купеческие ладьи, нам в борт ударила высокая волна, нас вынесло течением на Ильмень-озеро.

— Красиво тут, — пробормотал я, отходя от борта.

Берега действительно были живописные, красивая девственная природа, только цвет воды был немного желтоватый, а так красота.

— Долго нам еще? — спросил я Федора, он стоял у кормового весла и в трубу наблюдал за одной из ладей, шли мы почти параллельно, практически обогнав их.

— Сорок верст, потом спускаемся по Волхову, он из озера вытекает, и в пяти верстах будет Новгород.

— От усадьбы было ближе, — вздохнул я.

— Нам возвращаться пришлось, так что крюк получился.

— Да это и так понятно... Что ты там на ладьях интересного нашел, больно уж пристально рассматриваешь?

— Вторая идет. Та, что побольше, видишь?

— Ну, если это та, которая с парусом в красную полосу, то вижу. Ладья как ладья, не новгородская, постройка не та, — осмотрев ладью в подзорную трубу, я опустил ее и с недоумением посмотрел на Немцова. За время пути нам попадалось множество судов, Немцов, зная мою любознательность и интерес ко всему новому, описывал каждую. Так что я, если не эксперт, то знающий точно.

— Это моя бывшая ладья. Ремонт провели, надстройки, парус поменяли, палубу перешили, но точно она. Вон на мачте видишь черное

пятно, Рядом с верхушкой?

— Ага, вижу.

— Это нас Перун молнией поразил. Больше таких меток ни у кого не было. Еще доска одна по борту светлее, это мы меняли, попали под скользящий удар топляка.

— Понятно. Хозяина не видать?

— Нет, я там никого не узнаю.

— В Новгороде сможешь пообщаться, я даже воинов десяток выделю, сейчас к ним подходить опасно. Вон две лодки с рыбаками на виду. Да и на берегу что-то дымит.

— Хорошо, боярин, спасибо.

— Угу.

— Боярин! — подскочил ко мне Семен с кормы. Он, как и все, был в воинской справе, даже сабля на боку одиннадцатилетнего мальчишки смотрелась вполне органично. Новенькая, еще, можно сказать, не обмявшаяся униформа, точно такая, как и у воинов, боевой пояс с ножами и самой легкой саблей, которую мы смогли найти среди крымских трофеев. Железо, конечно, дрянное, но тут скорее нужно для статуса и тренировок по обращению с оружием. Еще у паренька был пистолет за поясом, вместе с мешочками с боеприпасами. Пользоваться он им умел, отстрелялся раз двадцать по мишени. Даже попадать умудрился, один раз в край чучела, другой раз в курицу, клюющую что-то в сорока метрах за мишенью.

За четыре последних дня большая часть новеньких обзавелись униформой, это сразу сказалось на дисциплине, все-таки начинаешь чувствовать себя одним организмом, воинами, дружиной. Мальчишки-пушкари делали заметные успехи, они уже не вздрагивали от каждого выстрела и споро перезаряжались. Среди них даже появились свои снайперы, двое из них могли попадать учебным деревянным снарядом, обмотанным веревками, со ста тридцати метров в метровую мишень. Я тогда удивился, подумал — просто удача. Но нет, они продемонстрировали боевыми снарядами, что это не удача. В общем, оба эти расчета, где теперь были наводчиками пареньки, шли на ушкуях. Потренироваться на качающемся судне они не могли, это, конечно, не на земле, но пока такой возможности не было. Слишком много глаз появилось на воде и на берегу.

В общем, за четыре дня мы успели подготовиться к дальнейшему плаванью, сбить новые экипажи, подобрать воинов для плавания. Со мной было три десятка стрелков, два десятка ветеранов и третий с новичками в новенькой форме. У всех оружие и защита в полном порядке.

Оставив усадьбу на Ветрове, кто-то же должен был там командовать, со

мною старшим шел Корнилов, я дал ему несколько инструкций и изрядно денег на учебу и проживание. Ничего, думаю, через пару месяцев у меня будет большое количество стрелков и пушкарей. Сабельников из них, конечно, не сделаешь, тут годы нужны, да нам это в принципе и не нужно.

— Чего тебе? — беззаботно спросил я его, продолжая рассматривать ладью.

Сбив шапку, которая имела тот же цвет, что и униформа, на затылок, Семен шмыгнул носом и сказал:

— Споймали чего-то.

— Да? — заинтересовался я.

По словам опытных членов экипажа, на ходу мы поймать ничего не могли. Можно где-нибудь в тиши посидеть с удочкой, но никак не на движущемся судне.

Удочку я нашел в подсобке усадьбы. Свернул не туда, дверь открыл не ту, и вот стоит она, родная. Я в детстве был большой любитель порыбачить, даже как-то собирал книги по рыболовству, но после армии все это отошло на второй план. Во второй жизни тоже как-то не задавалось, ловил в основном мелочь, а хотелось лосося, там, или какую морскую.

Леска у удочки была из плетеного конского волоса, крючок, должен сказать, не маленький, на щуку, а то и сома, вообще медный. Но что есть, то есть. Навозных червей мне накопили холопы, вон в деревянном ведре лежат, а снасть я десять минут назад закинул в воды озера, и сейчас Семен, которого приставил следить за снастью, сообщил, что мы что-то поймали.

Длина лески была всего метров пять, а для заброса нужно было больше, поэтому еще в усадьбе Митрофан Авдеевич лично нарастил мне еще метров десять, запасы у него были, оказалось, он сам любитель посидеть в тенечке с удочкой.

Подбежав к корме, где рулевой с интересом наблюдал, как натянувшаяся леска ходит туда-сюда, согласно броскам рыбы, я стал искать перчатки.

— Точно что-то есть, — обрадовался я и, надев кожаные перчатки, ухватился за леску. Удилища не было, я просто так забрасывал, привязав конец к швартову.

Рыба давалась тяжело, бросками пытаюсь оторваться. Минуту она пыталась вырваться, пока не ослабела, дальше уже было просто, подтянув ее прямо к корме, одним рывком выдернул из воды и забросил на палубу.

— Ого, тяжелая, — пытаюсь подхватить скользкую рыбку, воскликнул Семен.

— Килограмм есть, — согласился я, пытаюсь опознать рыбину. То, что родственник лососевых, это точно, немного похожа на чира, но это можно было судить только по нижнему положению рта и большей голове с менее горбатым рылом.

— А что это за рыба? — спросил Семен, все-таки ухватив рыбу.

— Кажется, сиг, но я не уверен. Только по книгам такую видел. Хм.

Второй ушкой близко приблизился, их тоже заинтересовала моя рыбалка и, удивительное дело, пойманная на ходу рыба. Скучно протекало плавание, а тут хоть что-то интересное. Потренироваться, что ли, их заставить?

— Давай на камбуз, пусть почистят, — велел я.

Да, пока была стоянка на озере, Федор после моего приказа достал из трюма плиту и организовал камбуз. Маленький, конечно, пришлось уменьшить матросский кубрик, но зато можно было готовить на ходу. Мы уже попробовали это сделать, когда шли по протоке, так что небольшая перестройка ушка себя оправдала. Получилось неплохо. Теперь один из членов команды стал коком, помощников ему подбирал капитан. Используя метод дежурства или исполнения наказания, если кто-то накосячил.

В это время ветер сменил направление, и нас стало сносить к ладьям и берегу.

— Гребцы на место, — крикнул Федор, после чего стал задавать темп. Со второго ушка доносилось то же самое.

Ладно, хоть половину озера успели пересечь с попутным ветром. Сейчас он нам бил в левую скулу, от чего нос судна зарывался в поднимающуюся волну. Трое членов команды, спустив парус, сейчас закрепляли его к брису.

Ветер с силой трепал рубаху, кольчугу я не одевал, будучи в одной рубахе и синих штанах с лампасами. Стало прохладнее, наконец испепеляющая жара исчезла, и стало свежее.

Гребцы мощно работали веслами, гребя почти против ветра. Наши двадцать гребцов, на десяти веслах, дали больший ход, чем двенадцать гребцов на втором ушке. Их шесть весел не давали такой скорости. Хотя посадка судна была меньше. Понемногу он отставал, поэтому Федор приказал снизить темп, чтобы идти вместе.

— Вижу устье Волхова, — известил я всех, опуская подзорную трубу. По моим прикидкам, мы должны подойти к устью, когда стемнеет, это было опасно, поэтому пора было найти укромное место для ночевки. Попутные ладьи уже давно прижались к берегу, ожидая, когда стихнет

ветер. Мы же следовали дальше, решив рискнуть.

Со второго ушка донеслось, что они видят оборудованное место для стоянок. У них судно было легче, поэтому и сносило их быстрее, они были ближе к берегу, идя у нас с подветренной стороны.

Я бы не сказал, что мы пристали к берегу, скорее нас к нему прибило ветром, волна на озере становилась все больше и больше, ветер крепчал. Кажется, мы успели вовремя уйти за небольшой мысок, он хоть немного, но защищал нас от ставшего шквальным ветра. Где-то вдали загрохотало, и сверкнули несколько молний. Черные тучи закрыли небо, потемнело и похолодало.

— Погода быстро портится, как бы бури не было! — стараясь перекричать свист ветра в снастях, крикнул я Федору. Он наблюдал, как воины, попрыгавшие с веревками в воду, подтягивают наши суда к берегу и привязывают к стволам качающихся деревьев.

— Да! Думаю, что это надолго, дня на два, не меньше, боярин! — прокричал он в ответ.

Слова Немцова оказались пророческими, мы простояли в этой бухточке почти два дня, даже под крупный град попали, но погода и озеро успокоились только к утру следующего, третьего дня.

Эту непогоду мы перенесли без особых потерь, камбуз на ушкуе снабжал нас горячей пищей, оставалось только ожидать и смотреть за судами. Стоявшие рядом деревья шквальным ветром гнуло, как пруты, один раз раздался выстрел, похожий на пушечный. Но оказалось, что это сломалось одно из деревьев, повезло, что хоть оно и упало в нашу сторону, но не достало. Хотя макушка и хлестнула по носу.

С подветренной стороны нас защищал высокий берег, и деревья, что росли на нем, так что, как я уже говорил, непогоду мы выдержали вполне пристойно.

— Высокая еще волна, — сказал я Федору, мы стояли на берегу, что нас защитил, хотя дерн с него сдуло почти до глины. Экипажи под охраной воинов приводили суда в порядок, и если с малым ушкуем было все в норме, то «Беда» села на мель. Когда вода немного успокоилась, она легла на один бок, всем видом показывая, что сдвинуть ее с места потребуются немалых усилий. По круто наклоненной палубе теперь не походишь.

— Стихнет к полудню, — рассеянно ответил он, продолжая за чем-то наблюдать на озере. — Тут другое...

Я немного отвлекся, пытаюсь поймать распоясавшуюся Ласку, носившуюся вокруг нас, звонко и весело лаявшую.

— Что там? — спросил я, наблюдая за Лаской. Щенок отбежал от нас,

перепрыгнул через пласт вывернутого дерна и, кубарем скатившись по песчаному откосу, побежал к ближайшему ушкую, где возились с одной из пушек мальчишки. Уж они-то и приласкают, может, что и вкусненькое дадут. По выпрашиванию вкусного Ласка была впереди планеты всей, разбаловали ее отроки.

— Кажется, разбитая ладья, но может, меня глаза подводят.

— Дай-ка, — взял протянутую подзорную трубу и, настроив ее, присмотрелся.

— Действительно, что-то похожее. Вот огрызок мачты с остатками паруса... кажется, там даже люди есть. Точно, вон один за остатки борта держится.

Ладья была разбита, мне кажется, от нее осталось только часть корпуса, который держался на воде только за счет плавучести материала, так как еще высокие волны свободно перекатывались через импровизированный плот.

— Нужно помочь им. Может, на малом ушкуе?

— Не торопись, — недовольно дернул я плечом. — Остатки паруса-то на нем в красную полоску. Тебе это ни о чем не говорит?

— Романовская ладья, — усмехнулся кормчий.

— Будем спасать?

— Подождут. Как снимем большой ушкой с глинистой отмели, мимо пойдем, тогда, может, и будем спасать... христиан.

Федор, как и его люди, не забыл, как купец, с которым они работали несколько лет, просто бросил их в крымском плену, посчитав, что новую команду нанять дешевле, чем выкупить старую.

— Тогда можем отходить, сняли с мели ушкой, — кивнул я на закачавшееся на волне судно. Двое ушкуйников как раз нырнули в трюм, узнать насчет течи.

— Тогда идем, сам же говорил, что нужно быть в городе к обеду.

— Ну да.

Мы спустились на галечный пляж, засыпанный мусором, и поспешили к судам, играя на ходу с вернувшейся Лаской.

Как только команды убрали снасти, с помощью которых они сняли с мели судно, мы приняли на борт воинов и отошли от берега, выходя на озеро.

Ветер был встречный, поэтому я велел малому ушкую ждать нас у устья Волхова, а сам направился к останкам ладьи. Засидевшиеся за три дня воины споро гребли против ветра.

Через полчаса мы сблизились с обломками. За них намертво вцепились

три человека, двое не шевелились, но один, что покрупнее, поднял голову и как-то безвольно покачал рукой, как будто вложив в это все силы.

Обвязавшись веревками, двое ушкуйников прыгнули в воду. Цепляясь за обломки, они добрались до потерпевших кораблекрушение и, с трудом отцепляя их руки от деревяшек, еще и отвязывали тела. Они, оказывается, еще и привязаны были, потом стали помогали поднять бедолаг на борт.

Один был мертв, двое на грани жизни и смерти. Первым их осмотрел Немцов, но купца Романова, их бывшего благодетеля, не обнаружили. Да и по одежде было видно, что это простые работяги. Поэтому я на глазах у всех наложил на них руки. В смысле лечил.

Раздались удивленные возгласы, не все из новичков знали об этом моем умении.

— Давайте их в кубрик, накормить и отогреть, — поднявшись с колен, велел я, осмотревшись, тут же гаркнул: — Вы тут что, представление увидели?! А ну марш по местам. Курс на устье Волхова.

Через полчаса ветер был попутный, поэтому мы подняли парус, подошли к устью вытекающей из озера реки и вместе с ожидавшим нас малым ушкуем стали спускаться по течению.

Буквально через час впереди показался город, расположившийся по обоим берегам реки. Их соединял большой деревянный мост, в середине имевший широкие просветы между сваями и высотой. Но для судов этого все равно было мало. Думаю, придется снять мачты, чтобы пройти дальше под мостом.

Но нам мост пока был не нужен. Не дойдя до него с полкилометра, мы повернули к причалам.

— Это Софийская сторона, а та Торговая, боярин, — показывал мне Федор. Мы шли к Софийской стороне. Именно тут находился дом Красновских, куда мне и было нужно.

— Буря, как я смотрю, и у них изрядно погуляла, вон две ладьи на берег выбросило, и там, кажется, полузатонувший насад у торговых причалов. Склады порушенные.

— Нам повезло, что место стоянки защитило нас от ветра и волн, а не то было бы то же самое.

— Да уж, повезло... Смотри. Это что за чудо там за причальным складом стоит?

— Аглицкий фрегат то, боярин. Я такие уже видел.

— Англичане, значит, — задумчиво протянул я, пристально разглядывая часть корпуса, что был виден за складами. Фрегат стоял приткнувшись к берегу, и там явно проводились какие-то работы. Судя по

массе, был он трехсоттонником. Если судить, что «Беда» едва доходила до двухсот, то довольно большое судно. Встряхнувшись, я спросил: — Ты вниз спускался, к этим, потерпевшим. Узнал что?

— Романов жив. Они на берегу расположились, среди деревьев, трое на ладье были, присматривали. Тут ветром ее начало раскачивать, Романов еще двоих послал, дальше тросы лопнули, и их унесло на ту сторону берега, где разбило о берег. Потом их снесло в сторону, кто успел привязаться, остался на обломках, остальных смыло.

— Не Ильмень, а океан какой-то. Что ж в Ладоге тогда творится? — покачал я головой.

— Там волны больше.

— Да знаю, как-то на яхте сам побывал в шторме, едва спасся. Судно на остров выбросило, пираты, перестрелка. Много что было.

— Многое с тобой случилось, боярин.

— Это у Америки было.

— Это где это? Новые земли? Не слышал про такие.

— Не только услышишь, но и увидишь. На хрен этого Колумба, картошечки хочется. Придется самому плыть.

— Чего, боярин?

— Я говорю, теперь в учебниках географии будет фамилия первооткрывателя не Колумб, а... — Я на несколько секунд задумался, как обозваться. Красновским или своей, Александров?

— Все равно непонятно молвишь, боярин... Эй, поберегись! — крикнул он двум ребяташкам, что рыбачили с пристани, к которой мы подходили.

— Потом расскажу, — отмахнулся я, наблюдая за швартовкой обоих судов. Рано еще свои планы раскрывать.

От построек бежал служащий, за платой. Самое забавное, что пристань эта принадлежала Красновским. Сейчас и узнаем, что тут и как.

Как только служащий приблизился, его торопливая походка переросла в неторопливо-важную. Остановившись у борта «Беды», он обратился к кормчему. На меня он не обратил внимания, в тренировочном костюме я не смотрелся. Нужно было бы, конечно, переодеться в выходную одежду, но пока не к спеху.

— Добрый день, — первым поздоровался он. — Пристань принадлежит боярам Красновским... — Мы с усмешками наблюдали за ним. Он это видел и немного неуверенно продолжил: — Плата за стоянку стандартная, четыре медяка за день с каждого судна.

— Ну это еще по-божески, — сказал я, облокотившись о борт. — В Твери с нас брали десять медяков. Правда и боярин там не чета твоему,

целый казначей князя.

Воины и команда за моей спиной уже откровенно ухмылялись. Было слышно едва сдерживаемое хихиканье.

— Боярин Красновский один из уважаемых людей города... — начал он пафосно.

— Был... Умер он в плену, — мне как-то сразу расхотелось развлекаться. — Пошли в мою каюту, поговорить надо.

Служащий немного постоял, чуть помедлил в нерешительности и по сброшенному на настил пирса трапу поднялся на палубу.

— Корнилов, Михайлов! Со мной, — крикнул я своих подчиненных.

Вчетвером мы прошли в мою каюту. Предложив им присесть за стол, я достал из шкафа пропыленную бутылку коньяка и нашел серебряные кубки. Рубинового цвета жидкость в кубках напоминала кровь, но запах давала вполне приличный и приятный.

— Давайте помянем Кузьму Михайловича, достойный был человек, — негромко сказал я.

Мы молча выпили. Я небольшими глотками, остальные одним.

Было видно, что человек Красновских опознал Михаила, на Корнилова он тоже поглядывал с сомнением. А вот Кирилла сразу признал. Оказалось, они жили через два дома, соседи.

— Представься и рассказывай, что у вас тут творится, — велел я ему, когда они с Михайловым обменялись новостями.

Лазутчики, что я отправил в город, уже должны были скоро подойти, поэтому нужно торопиться. Мы немного опоздали, на три дня, но думаю, они выставили наблюдателя. Это тоже было обговорено.

— Так Бориска я. Прокофьев, с Торговой стороны. В услужении у бояр Красновских уже почитай осемнадцать годков...

«Сорок лет мужику, а „Бориска я“, никакого самоуважения», — грустно подумал я, слушая рассказ Бориски.

А рассказ был все грустнее и грустнее. Фактически Красновские лишились всех своих статей дохода, вон даже плату за стоянку подняли на одну медяшку. В хозяйские земли нет доступа, тати лютуют, боярин Глазов воинов не дает, говорит, по пустякам отвлекать их не будет. Доказательств нет. Ладья пропала с двумя Красновскими, родственники Кузьмы Михайловича.

— ...деньги тают, скоро по миру пойдут. Сам слышал, когда деньги приносил. Хозяйка так говорила.

— А ярыга?

— Какой ярыга? Нет у нас никаких ярыг.

— Хм, понятно... Дом у них все тот же? В боярской слободе?

— Тот... пока тот.

— Это хорошо. Тогда мы туда.

— Боярин, Кирилл сказал, что ты приемный сын Кузьмы Михайловича? — осторожно спросил Бориска.

— Так и есть. Я знаю, кто все это устроил и погубил Красновских и разорил, так что не волнуйся, тать получит свое. Можешь идти, сообщи боярыне, что я скоро буду.

— Спасибо, боярин, век тебе молиться буду, — кланяясь, Бориска задом отошел к двери, открыл ее и исчез.

Оба десятника смотрели на меня.

— Что смотришь? — спросил я Михайлова. — Мухой лети и устрой слежку за этим Бориской.

— Ты думаешь?.. — недоговорил Кирилл.

— Я не думаю. Я уверен. Если Глазов не идиот, а он повода так считать не давал, то такое место без пригляда он оставить просто не мог. Сейчас этот Бориска побежит докладывать о нас, нужно узнать куда. Где у них явка.

— Я его лет пятнадцать знаю, не мог он.

— Люди меняются Кирилл. Поверь мне, он по-прежнему холоп Красновских, но еще работает на Глазова. Завербовать не такое трудное дело, как тебе кажется, так что иди. Организуй слежку.

— Хорошо, боярин. — Десятник поклонился и вышел.

— Узнай, появились ли лазутчики. Если они тут, пускай заходят, — приказал я ему вслед.

Все четверо действительно находились на палубе, только почему-то для конспирации привезли на телеге не вяленую рыбу, как договаривались, а свежую.

Пока тройка разведчиков для вида носили мешки с рыбой, четыре мешка они перетаскивали полчаса, артисты, мы со старшим сидели в каюте.

В принципе он подтвердил все, что сказал Бориска, кроме того, все на базаре говорят, что Красновским была предъявлена долговая бумага со всеми необходимыми атрибутами. По этой бумаге выходило, что боярин Красновский Кузьма Михайлович взял в долг у другого боярина Вершинина в долг двести рублей серебром. Если в течение двух недель выплата не произойдет, все поместья, земли и дома переходят этому Вершинину. Сто процентов, это человек Глазова. Горожане недоумевали, по слухам, у этого Вершинина все состояние составляет не больше

пятидесяти рублей, и почему он ранее не пришел за долгом. Подстава? Давная подстава.

— Рейдерский захват. Как я это понимаю, — задумчиво улыбнулся я своим мыслям. Ход был не особо неожиданным, беспокоило только наличие татей на землях Красновских. К чему они там были нужны?

После опроса я отпустил лазутчиков, они, оставив рыбу, уехали в город. Планы у меня на них еще были, поэтому пока они должны были следить за домом Глазова.

— Ну что? — Минут через десять после того как лазутчики ушли, после стука в каюту вошел Михайлов. Лицо его было хмурым.

— Ты был прав, прежде чем идти к боярыне, он зашел в дом на этой же улице. Отрок осторожно поспрашивал у прохожих, кто там живет, оказалось, боярин Вершинин.

— Картина начинает складываться. Хм, пока все сходится... — задумчиво протянул я, переведя взгляд на Михайлова, сказал: — Ты пока приведи себя в порядок, через час к боярыне пойдем. Корнилову тоже передай.

— Почему не сейчас?

— Надо дать им время подготовиться. Женщины не терпят спешки. Пока свободен, — отпустил я главного лазутчика, вернувшись к бумагам, на которых набросал схему плана на сегодняшний день и ночь. Еще раз бросив взгляд на план, не забыл ли чего, по привычке подписался снизу и убрал бумаги в стол, заперев ящик на ключ.

Пока было время, я поиграл с Лаской, не выпуская ее из каюты, потом поменял ошейник на другой, с набитыми серебряными чешуйками, и стал готовиться к парадному выходу, отбирая лучший кафтан, штаны и сапоги. Оружие я тоже не забыл, брал, что побогаче с виду. Тут судят по внешнему виду, это как у нас на кроссовере в дорогом костюме, тут что-то подобное.

Напомнив дежурному о наемном экипаже, пешком мне идти неуместно, нужно играть на публику, я быстро переоделся, накинув красивую с зеркалами кольчугу, застегнул пояс с саблями, сунул пистолеты за пояс. Осмотрев себя в настенное надраенное медное зеркало, провел руками по складкам, прихватил со стола небольшой баул, больше похожий на сидор, и, взяв Ласку на поводок, вышел на палубу.

— Что у вас? — спросил я у Корнилова. Он тоже переоделся в купленную в Твери рубаху и новую униформу, пошитую мастерицами в Алексеевке.

— Наемный возок ждет, боярин, — слегка поклонился Авдей.

— Сколько воинов возьмешь?

— Десяток ветеранов, больше не надо. Старшего назначил?

— Да, десятника Еремихина.

— Хорошо, тогда отправляемся. — Пока мы беседовали, щенок покрутился у моих ног, спеленав ноги ремешком. Освободившись, я последовал за десятниками.

С нами пошел первый десяток под командованием Реброва, одного из сабельников в моей сотне. Сабельник он был средний, но для повальной на Руси любви к мечам уже редкость. Мы провели несколько спаррингов, для тренировки. Вполне неплохой воин, но десятником стал не из-за этого, а за грамотное командование, и дружбу с головой.

Возница не рискнул заезжать на настил пристани, было заметно, что он требует ремонта, поэтому мы пешком дошли до четырехместного возка.

Корнилов и Михайлов сели со мной, остальные, выстроившись в колонну по двое, долго же мы отработывали печатный шаг, и последовали за неторопливо катившимся возком. Ласка недовольно возилась под ногами, пытаюсь выбраться наружу.

Медленное передвижение давало мне возможность разглядеть город. В принципе я побывал во множестве городов, но этот поразил меня разнообразием в архитектуре построек. Тут даже был иностранный квартал со своими добротными, зачастую каменными домами. Высокие заборы, окружающие дома, в боярской слободе деревянные тротуары, как будто бояре пешком ходят.

Красивые маковки церквей, в общем, симпатичный город, правда, слегка потрепанный непогодой, как раз несколько мужиков с топорами рубили и пилили упавшее дерево, росшее на пересечении нескольких улиц. Парк не парк, но что-то похожее тут было. Когда возок остановился, пропуская другой, я приподнялся и обернулся. Без всякого сомнения, тут живут культурные люди, знающие, что такое красота. В парке были лавочки, с которых открывался великолепный вид на реку, порт и Торговую сторону. Думаю, тут часто вечером сидят парочки.

Непривычно молчавший всю дорогу возница остановил возок у высокого расписного забора. В двух шагах были закрытые ворота для транспорта и небольшая калитка для пешех.

— Дом Красновских, боярин, — известил нас возница.

Михайлов ловко спрыгнул на слегка пыльные доски тротуара — дворник совсем распустился — и застучал кулаком по воротам.

Мы с Корниловым покинули возок следом. Взмахом руки я велел, чтобы возок отъехал, дав места подошедшим воинам, и подошел к воротам, где Михайлов с кем-то переговаривался.

— Прошу, боярин, — сказал Кирилл.

За воротами стоял благообразный старичок за семьдесят, с роскошной белоснежной бородой и блестящей лысиной на непокрытой голове. Было видно, что борода была предметом его гордости и обожания. Мне кажется, она даже была напомажена какими-то маслами, слишком блестела.

Сам двор был огромен, судя по жилым и хозяйственным пристройкам, тут могла свободно разместиться сотня воинов. Судя по запустению и легкому мусору, с холопами у боярыни проблемы, некому убираться. Про дом можно сказать — терем о двух этажах. Расписной, и о! Даже со стеклами в двух местах, богато живут, я уже успел узнать цену на стекло.

Что мне не понравилось сразу, никто меня на крыльце не встречал, это была явная пощечина от хозяев. Типа мы тебя не ждали, так что проваливай, незваный гость.

Вслед за мной зашли десятники и воины. Корнилов и Михайлов, как и я, нахмурились, они тоже уловили жирный намек боярыни.

— Пройдем за мной... боярин, — с заметной заминкой и едва уловимой издевкой сказал старик и величаво направился к дому.

Тряхнув головой, унимая бешенство, я выдохнул сквозь зубы и, отдав поводок со щенком Реброву, последовал за стариком, приказав воинам:

— Ждать у ворот. Быть готовым ко всему.

— Хорошо, боярин, — десятнику тоже не понравилась ситуация, поэтому он стал негромко командовать, готовя воинов к бою. Кто его знает, может, уже нет тут никаких Красновских, а людишки Глазова нас ждут.

Мы поднялись по ступенькам на крыльцо, старик открыл дверь и первым прошел во внутреннее помещение. Пройдя коридор, обошли большую русскую беленую печку и вошли в большое светлое помещение. Именно оно привлекло мое внимание снаружи своим остеклением, поэтому тут и было достаточно светло.

По виду эта была трапезная. Сдвинутый к стене стол, стулья, лавка у окна. На трех стоявших у угла стульях сидели три женщины, изучающе разглядывающие нас. Посередине сидела уже взрослая женщина, чуть за тридцать, это была явно Марфа Васильевна. Жена Кузьмы Михайловича. Презрительно кривя губы, она брезгливо осматривала меня. При виде входящих следом моих спутников она удивленно вскинула брови. Справа от нее сидела девушка моих биологических лет на вид, довольно симпатичная. Думаю, не ошибусь, если предположу, что это племянница Кузьмы Михайловича, Анна Рюриковна. У нее были красивые фиалковые глаза, она тоже недобро смотрела на меня. Слева от жены Михалыча

сидела старушка, думаю, это и была мать Кузьмы Михайловича, Ольга Капитоновна, хозяйка дома.

— Добрый день, боярыня, — поклонился я ей. — Я Артур, приемный сын Кузьмы Михайловича. Перед смертью он...

— Не верю! — почему-то вместо Ольги Капитоновны резко сказала Марфа, не обратив внимания, что хозяйка положила ей на руку свою ладонь, успокаивая: — Думаешь, я не поняла, кто ты? Мне все сказали! На земли наши заришься, тать?! Пошел вон! — взвизгнула она и неожиданно плюнула в меня.

«Хм, странная ситуация. Говорить должна хозяйка дома Ольга Капитоновна, а общается со мной Марфа-краса. Решила не мараться и подставить невестку? Вполне может быть, вон вид у обеих уставший, видно, достало всё. А что? Хорошая идея, если что я не я и речь не моя. Умная мама у Михалыча, как бы она мне всю игру не поломала».

Расстояние было небольшим, всего пару метров, поэтому психованная бабенка попала. Тяжело осмотрев ее, я стер слезы с груди, скинул с плеча сидор и развязал горловину.

— Кузьма Михайлович взял меня в сыновья без права наследования, не нужны мне ваши земли. Перед смертью я обещал ему, что позабочусь о ЕГО семье. Я свое обещание выполнил, земли Красновских под Алексеевкой освобождены моими воинами от татей, их там без малого семьдесят человек было. Сейчас часть моих воинов в усадьбе, скоро они ее покинут. Главный тать, тот, кто предал дружину боярина, пока еще жив, но это ненадолго. Я хотел помочь и семье Михалыча, но... что-то уже не хочется. Он не говорил, что его жена С-СУКА!.. Этого вам хватит, — достав из сидора тяжелый мешочек, я бросил его на пол под ноги ошарашенной боярыне. От удара плохо завязанная горловина кожаного мешочка отвязалась и по полу покатались маленькие желтые кружочки.

— А-а-а, — схватив себя за горло, прохрипела жена Михалыча.

— Это ваши бывшие боевые холопы. Они поклялись мне в верности, когда я освободил их из плена. Вам нужны воины, поэтому я освобождаю их от присяги, — после чего повернулся к хмуро стоявшим Корнилову и Михайлову, им тоже была неприятна эта сцена: — Дальше решайте сами.

Развернувшись, я повесил сидор на плечо, там еще оставалось два похожих кошеля, и направился к выходу.

«Уф-ф, вроде получилось. Сработал Бориска», — свободнее вздохнул я. Вешать себе на шею Красновских я не собирался, помог и ладно, теперь у меня есть законный повод послать их подальше.

— Подожди... — окликнула меня жена Михалыча.

Обернувшись, я смерил взглядом ее с ног до головы и произнес только одну фразу:

— Да пошла ты! — От моих слов лицо ее покрылось красными пятнами.

Когда я шел по коридору, то услышал, как Михайлов извиняющимся голосом пояснил:

— Он не умеет прощать, боярыня, многих живота лишил...

Почти сразу же подал голос Корнилов:

— Извини, боярыня, но я служу только достойным людям.

Догнал он меня на крыльце.

— А ты молодец. Не ожидал, — искоса посмотрев на него, усмехнулся я.

— С тобой, боярин, интересно.

— Будешь со мной, станешь великим человеком, которого внесут в историю, — пообещал я. Без шуток, я действительно так считал.

— Ну, раз обещаешь...

— Сам знаешь мою историю, я решил посетить Америку, вернее открыть ее и организовать там поселение. Хотя какую Америку?! Плюнуть и растереть. Я решил открыть РОССИЮ. Ты как? Получишь городок и десяток деревень. Я решил сделать вас с Ветровым и Сеницыным боярами.

— Я с тобой... князь, — чуть помедлив при последнем слове, но уверенно сказал Корнилов.

Мы спустились с крыльца, ожидание не оправдалось, Михайлов так и не появился, и направились к воротам.

— Он сделал свой выбор, — со вздохом произнес Авдей.

— В принципе я его понимаю, из-за отсутствия у боярыни воинов его ждет немалый карьерный рост.

Мы вышли со двора Красновских и неторопливо направились вниз по улице к реке, общаясь на ходу. Ласка, несколько раз попытавшись вырвать поводок из рук, смирилась и вышагивала рядом.

Десятник своих обязанностей не забывал, поэтому четверка воинов шла впереди, с ружьями в руках и грозно смотрящих по сторонам, шестерка сзади. Шли в охранении как по вражескому городу, в принципе в данный момент он именно таким для нас и был.

— Кузница, — прервав Авдея, я показал на открытые ворота какого-то подворья.

— Здесь живет златокузнец Капитон Олегович, я его хорошо знаю. Заказывал драгоценности для жены.

— Черт, извини, совсем голова закружилась. Держи, вот тут несколько золотых монет, иди, проведай родных. Возьми двух воинов, без охраны не ходи. Жду тебя завтра к полудню на «Беде», нужно будет кое-что решить, — велел я ему.

Насчет родных десятника я уже думал, но решил отпустить его после общения с боярыней, но сам разговор выбил меня из колеи, поэтому этот момент я пропустил. Хорошо, что Авдей тонко намекнул мне об этом.

Корнилов с двумя воинами торопливо зашагал куда-то в сторону реки, кажется, его подворье ниже боярской слободы, а мы с десятником вошли во двор златокузнеца, оставив воинов на улице. Мало ли что, вдруг не так поймут.

От обособленной постройки, видимо мастерской, к нам неторопливо шагал кряжистый мужик лет сорока пяти с нечесаной кудрявой бородой.

В штанах, в кожаном переднике на голом мускулистом теле он напоминал какого-то маньяка из штатовского фильма.

— Господам что-то нужно? — прогудел он. Позади него в мастерской продолжала работать кувалдочка, видимо, помощник или помощники продолжали работать.

— Боярину, — поправил его десятник.

Мужик кивнул, принимая информацию к сведению.

— Есть тонкая работа, — я достал из-за пояса свой пистолет и требовательно протянул руку к Реброву. Получив его пистоль, я показал фитильное оружие и кремневое. Мужик оказался кузнецом, владельцем мастерской Капитоном Олеговичем, поэтому сразу ухватил суть. Покрутив оба пистолета и пощелкав курками, он согласно кивнул.

— Когда тебе переделать пистоль, боярин?

Мы с десятником синхронно усмехнулись.

— Не только этот, еще почти пятьдесят ружей и пистолетов. Еще на пушку нужно будет сделать замки и прицельные устройства. Я покажу какие. Теперь заказы больше не берешь, я нанимаю тебя на ближайшее время, пока все не сделаешь.

— Хм, у меня еще есть несколько заказов, я не успел их закончить.

— Закончишь потом. Я выплачу неустойку, работать начни прямо сейчас, у меня за воротами стоит десяток воинов, начни с них.

— Хорошо, боярин.

— Для безопасности на время работ твое подворье постоянно будут охранять четверо воинов. Так нужно. Пока это все, кроме... Не подскажешь, где живет мастер, делающий пищали?

— Вроде этот, боярин, — неуверенно произнес десятник. Мы находились в кузнечной слободе, дым и стук молотов слышался отовсюду.

— Уточни у прохожих, — велел ему.

Нас сопровождало трое воинов. Двое ушло с Корниловым, четверо осталось у получившего предоплату кузнеца, четверо, включая десятника, продолжали находиться со мной.

— Точно этот, — сказал вернувшийся десятник.

— Стучи.

На стук дверь калитки открыл паренек лет семнадцати. Осмотрев нас, особенно меня, он молча распахнул калитку и поклонился. Клиенты пришли, не стоит их держать на улице. Воины тоже зашли, но остались у калитки, мы же направились за молчуном.

Лавки у мастера не было. Весь его товар уходил оптом купцам, торгующим оружием, поэтому-то мы и пришли сразу к нему домой, как это делали оптовые покупатели.

Пройдя мимо жилого дома, мы спустились по деревянным плахам лестницы вниз по склону, двор тут был с сильным уклоном, и вышли к трем постройкам. Две из них были явными кузницами, там продолжались работы, и мастерскими, третья самая большая, видимо склад.

Народу тут не сказать, что много было, но десяток крутилось. В основном молодняк, но было и трое взрослых. Один могучего телосложения, стоявший в проеме двери кузницы и вытирающий руки сероатой тряпкой. Второй старик, за восемьдесят. У него тряслись руки и голова, он сидел на скамеечке и грелся на солнце. Третьим был парень лет двадцати пяти, он с двумя паренками переносил во второе строение какой-то ящик. Старик и был тем знаменитым мастером, передавшим все свои знания старшему сыну, это он стоял в кожаной одежде в проеме двери.

— Добрый день, барин, — слегка склонился в дань уважения кузнец, тот, что стоял в дверном проеме.

— Боярин, — поправил его десятник, похоже, он так и будет сообщать это каждому встречному, хотя в принципе так и должно быть. Про сословную субординацию тут помнили.

— И тебе не хворать, кузнец. Ты ли делаешь пищали? — протянул я руку, здороваясь. Осторожно пожав ее, кузнец сделал шаг в сторону,

приглашая меня к разговору.

— Хотите купить?

— Есть такое желание, — кивнул я.

— Могу продать, но свободного товара у меня не так много. Десять тебя устроит?

— Сколько? — недовольно я нахмурился.

— Если много, то пяток можете взять.

— Да я про другое, сколько у тебя всего в наличии?

— М-м-м, где-то около ста пятидесяти. Даны заказали двести штук.

Вот, выполняю их заказ.

— Даны обойдутся, я забираю все, — решительно рубанул я.

— Но...

— Сколько они готовы заплатить за товар?

— Не могу сказать, боярин.

— Плачу двойную цену, — бросил я.

— Куда прикажете доставить? — мгновенно сориентировался кузнец, видимо прикинув, что успеет закончить заказ иностранцев до назначенного срока.

— Два ушкуя боярина Красновского. Сейчас они стоят у пристани Красновских, но к обеду их перегонят в другое место. Сейчас обговорим покупку, я внесу часть денег, потом и обговорим, куда везти пищали. Хорошо?

— Хорошо, боярин, — прогудел кузнец. Лицо его было довольным.

Когда мы вышли с подворья и направились вниз по склону, к реке, десятник спросил:

— Боярин, а почему ты ему сразу не сказал делать оружие кремневым?

— Чтобы новинка не ушла в сторону. Не нужно нам пока этого. Златокузнец делиться своей работой не будет, мы об этом с ним договорились, так что арендуем склад, куда перевозим пищали. А уже оттуда малыми партиями к златокузнецу на переделку.

— Сто пятьдесят пищалей, да еще наши. Почти двести сорок получается. Это сколько он их будет делать, боярин?

— За два месяца управится, если обещание выполнит. Да и мы за это время успеем приготовиться.

— К чему приготовиться? — заинтересовался десятник.

— Думаю, через два месяца и узнаешь. Ты, кстати, женат?

— До плена не успел, а сейчас даже не знаю.

— Тогда совет, ищите себе жен, через два месяца чтобы у каждого была

женщина.

Я заставил десятника задуматься, что же это все значит.

Мы дошли до порта и, обойдя торговые склады, дошли до нашей пристани.

У борта «Беды» мялся тот старичок, что встречал нас в доме Красновских. На борт его не пустили, да и присматривали хорошенько, незаметно держа на прицеле. Я сразу сообщил Сеницыну, что у нас тут друзей нет.

Заметив нас, старик, несмотря на свой возраст, подскочил на месте и, шлепая босыми ногами, побежал к нам. Шустрый старикан, несмотря на возраст.

— Боярин! Не погуби, дай слово молвить. Боярыня приглашает тебя на семейный ужин.

— Пшел прочь, — я даже не остановился, обойдя стоявшего старика, направился к ушкуям.

— Боярин! — отчаянно взвыл старик.

— Гоните его, — приказал я сопровождающим меня воинам, что те сделали с удовольствием. «Приятную» встречу в доме Красновских они помнили прекрасно.

— Тебе сказали, смерд, пшел прочь, — замахнулся прикладом один из воинов.

— Стой! — скомандовал я, достав из кошелька восемь медных монет, подошел к старику и вложил их ему в руку. — Это плата за стоянку судов. Не хочу быть должным.

Посчитав дело сделанным, я развернулся и направился к судну. Вскочив на борт, нашел глазами вышедшего из каюты Немцова и велел отчаливать и искать другую пристань, с более гостеприимными хозяевами.

Ушкуи мы перегнали ближе к мосту, к другой пристани, принадлежавшей купцу первой гильдии Черемухину. Заплатив за стоянку в течение недели, мы стали готовиться к ночи. Закупка пищалей назначена на завтра, как и съём склада и поиск временного жилища. Лучше всего снять пустующий дом, как посоветовал Федор, но это пока не горит. Сегодня ночью я собирался навестить Глазова.

Когда мы пришвартовались к другой пристани. Я как раз вышел на палубу, переодевшись в простую повседневную одежду, застегивая на ходу деревянную пуговицу рукава, спросил у Федора:

— Есть какие подвижки в нашем деле?

— Поинтересовался. Продаются два речных насада, переделанных под морские суда для перевозки вещей и скотины. Принадлежат они купцу

Шереметеву. Он потерял четыре из шести, когда ходил к нурманам. Говорят, разорился, мол, все в это дело вложил.

— Ты их смотрел?

— Не успел, думал, завтра посмотрю. Это срочно?

— Да в принципе нет. Не забудь, что нам на них еще нужны команды. Еще что есть, или только эти насады?

— Только речные, еще три продают. Но сам понимаешь, на открытой волне они долго не проплавают.

— Понимаю, — вздохнул я. — Ладно, ищи дальше. Хотя... сходи еще к англичанам, я так понял, у них частный борт. Узнай, продадут они его или нет. И этого купца Шереметева пригласи ко мне завтра часикам к шести вечера на «Беду». Нужно будет поговорить.

— Сделаем... князь.

«Ну вот, Корнилов успел всех офицеров оповестить. Молодец, что еще скажешь. Ладно, пока не до этого, если англичане откажутся продавать, как бы не пришлось заниматься каперством, чтобы набрать корабли. Мне ведь не меньше десяти зараз нужно, чтобы одним махом перевезти переселенцев. Мастеровых, крестьян с их скарбом и скотиной. М-да, задачка».

После ужина я прогулялся по городу, изучив со стороны дом Глазова да пообщавшись с лазутчиками. Вернувшись на ушкуй, лег спать, чтобы выспаться перед операцией, вахтенный должен был меня разбудить в два часа ночи.

Едва слышно скрипнула дверь нужника, выпуская из него здорового косматого мужика, который, полусонно потирая поясницу, закрыл дверь и поплелся в сторону привратницкой.

Когда он проходил мимо дровяного сарая, я взметнулся из-за угла и нанизал его на саблю. Аккуратно перехватив оседающее тело, затащил за сарай, где кучей лежали четыре собачьих туши. В соседнем дворе яростно загавкала собака, учуявшая наконец запах крови.

«И надо было этому уроду именно в три ночи посрать сходить», — мысленно ругался я, прикрывая тело найденной тут же рогожей.

Огромный дом Глазова был передо мной. Охрана нейтрализована, пришлось повозиться с собаками, ну этих я просто усыпил, кинув мясо с добавлением сильного снотворного. Вечером когда гулял, заглянул в лавку иностранного аптекаря. Честно говоря, когда увидел выложенное на прилавке, волосы на затылке зашевелились. Какой только наркоты там не было. Аптекарь спас себе жизнь, честно говоря, не подозревая об этом,

когда подобрал мне снотворное. Там и купил, а лавку надо будет спалить вместе с ее хозяином.

В это время мужик под рогожей зашевелился. Оказалось, пока я волок его под мышки, успел вылечить.

«Иногда эта способность меня бесит», — проворчал я, всаживая длинный боевой нож в грудь мужика-зомби. Секунду подумав, отделил еще и голову, вдруг сволочь опять оживет.

В общем, свободно бегающих собак я усыпил с помощью снотворного в мясе, а охрану, шестерых здоровых лбов, в небольшой воинской избушке прирезал во сне. Никакого сочувствия я к ним не испытывал, и так понятно, что приблизил к себе Глазов только верных людей. Перед тем как прикончить последнего, я его порасспрашивал, так что знал, как добраться до спальни Глазова.

Подойдя к двери с задней стороны дома, которой обычно пользовались слуги, я стилетом отодвинул щеколду и проник внутрь, не забыв закрыть и запереть за собой дверь.

Дом спал, поэтому я старался тихо ступать и не скрипеть половицами. Не сказать, что это мне всегда удавалось, но на второй этаж я поднялся свободно, пока не обнаружили.

«Так, третья дверь справа от лестницы. Эта, что ли?»

Дверь была заперта изнутри, надо же, как боярин беспокоится о своей безопасности. М-да.

Возможности вскрыть не было, слишком близко подходила дверь, не давая возможности просунуть клинок. Пришлось воспользоваться запасным планом. Выйдя обратно во двор, я присмотрелся к дому, примерное расположение окон спальни я знал. И, о подарок, одно было открыто.

По венцам сруба поднявшись до окна, одним движением скользнул внутрь, мягко упав на руки, спустив ноги с подоконника, я замер и, прислушавшись, осмотрелся.

Судя по храпу, хозяин дома спал в большой кровати с немалым количеством подушек. Приблизившись, я заметил рядом маленькую девичью фигурку. Она могла мне помешать, поэтому я нанес удар кулаком по виску, отправив девку в глубокий сон без сновидений.

Луна не давала в полной мере осмотреть моего недруга, поэтому, найдя подсвечник с тремя оплавленными наполовину свечами, я почиркал кресалом и зажег их с помощью трута.

От ударов камня по кремню хозяин проснулся и тут же дернулся к стоявшей рядом тумбочке... или комоду. Слишком высок он был для

тумбочек.

— Это ищешь? — негромко спросил я, показывая пистолет с самодельным кремневым замком.

— Ты кто? — пытался проморгаться он и разглядеть меня. Приподнявшись на руках, он сел, облокотившись о подушки.

— Как сказал один штатовский киногерой — я враг твой. Как говорится на Руси, кто с мечом к нам придет, тот по оралу и получит. Что, урод, думал, ты тут один попаданец?

Дернувшийся после моих слов Глазов изумленно прищурился, вглядываясь в мое лицо, освещаемое свечами, и неуверенно спросил:

— Артур? Александров?!

Примечания

1

Слова Т. Сашко.

2

Ю. Цейтлин.

3

В. Пеленягре.